

А. В. ВЕЛИКАР



КНИГА ЛЕТА

Недостаточно надеть корону, чтобы стать королем фей, и недостаточно вернуть власть над своей душой, чтобы стать свободной. Корона — терновый венец, на шипы которой нужно насадить бунтовщиков, готовых разорвать Королевство на части, а искренняя привязанность и горячая любовь сильнее любых цепей приковывает свободолюбивое сердце. Настойчивый шепот богов, знамения грядущего и неожиданные тайны прошлого — все сплелось в тугой узел, разрубить который способен лишь загадочный меч с рукоятью из лунного камня. Что делать, если надежды нет, если вы такие разные и родом из разных миров? Только сражаться друг за друга, вырывая победу из окровавленных рук судьбы!

Продолжение «Книги Зимы»

Глава 1. Королевский выкуп

Проснувшись, Кьяра увидела, что Эридан лежит, задумчиво глядя в потолок. Он с нежностью посмотрел на девушку и сказал:

— Доброе утро. Как спалось? У меня был поразительно долгий транс [1]. Видел прошлую жизнь.

Она легла на бок, положив руку под голову:

— Доброе. Наконец-то ушли кошмары. Расскажешь?

— Тебе снились кошмары? — переспросил Эридан. — В последнее время я тоже видел в трансe много плохого...

— Арум считает, что это, возможно, влияние Аурил или скверны. Ему тоже снились...

Чародейка поежилась, вспоминая свои недавние сны.

— Возможно. Аурил так просто нас не оставит, не спустит оскорбление, нанесенное ей, — задумчиво ответил эладрин [2], но затем лицо его просияло. — В этот раз были очень теплые воспоминания. Меня звали Ангиатом. У меня была незаконнорожденная дочь, которую я очень любил. Я так и не вспомнил, как ее звали... Как-то очень красиво. Милая маленькая девочка с русыми волосами. Иногда так странно осознавать, что ты уже жил и совершал все те же ошибки, а рядом с тобой могут быть родные и близкие из прошлой жизни.

Сощурившись, тифлингесса [3] насмешливо ответила:

— Интересно все у вас, эльфов, устроено. Не как у нормальных людей.

— Эй! — возмущенно воскликнул Эридан. — И это мне говорит женщина с хвостом?

Сильная ладонь схватила её хвост, в глазах эльфа зажегся игривый огонек.

— Не завидуйте, Ваше Величество, — ответила она, не пытаясь высвободиться. — Я — само совершенство.

Его ладонь скользнула по ее бедру и вверх, по талии, остановившись на груди.

— Хм, необходимо экспертное исследование для определения степени твоего совершенства, — насмешливо произнес он.

Оскорблено фыркнув, тифлингесса уперлась в него руками и ногами, пытаясь спихнуть с кровати. В ответ Эридан ловко схватил за руку, заломив ее за спину.

— Кто-то тут доигрался, — подтрунивал он. — Что будешь делать?

Взметнувшись, гибкий хвост ударил по обнаженной спине эльфа, тот охнул от неожиданности:

— Ты ещё и бьешь меня! Это вероломное объявление войны.

Он укусил ее за кончик уха, и та возмущенно зашипела, пытаясь вырваться из захвата.

— Будешь просить у короля прощения за неслыханную дерзость? — произнес Эридан нарочито напыщенным и высокомерным тоном. — Или придется прибегнуть к пыткам?

Лицо у него было абсолютно серьезным, но в глазах под сведенными бровями плясали озорные светлячки. Кьяра гордо вздернула подбородок с видом: “Вот еще!”.

— Ты избрала путь страданий! — воскликнул эладрин, положив девушку на свои колени. — Путь страданий и позора! — прибавил он, звонко шлепнув ее по филейной части.

Удар был ощутимым, но чародейка только засмеялась в ответ:

— Ничего-то вы ни понимаете в пытках!

— Кто сказал, что пытки будут жестокими? — усмехнулся он. — Так, больше позор —

Кьяра, победительница Тиамат [4], отшлепана эльфом.

Он зарядил еще один звонкий удар, на что девушка зарычала в притворной злобе:

— Этого оскорбления я тебе никогда не прощу.

— Какую же ты мне приготовила месть?

Извернувшись, тифлингесса вцепилась клыками в его ногу. Эльф охнул:

— Надеюсь, ты не ядовитая!

— Обязательно ядовитая!

Перевернув ее на спину, он низко наклонился, отчего длинные пряди упали на обнаженную грудь и шею девушки.

— Тогда мне конец, — тихо произнес Эридан. — Твоя страшная месть меня догнала.

Кьяра приподнялась, обхватив его за шею, и они соприкоснулись губами. Игривый огонек в зрачках эльфа стал теплее, а в серебристых глазах тифлингессы отразилось красное сияние. Сев к нему на колени, Кьяра провела ладонями вдоль жилистого торса, пересчитывая кончиками когтей ребра под мышцами и кожей. Эридан в ответ приобнял ее, поглаживая вдоль спины, между крыльев и ниже, задерживаясь на мягкой округлости ягодиц. Теплые ласковые прикосновения вызывали отклик в сонном теле тифлингессы. Почувствовав его желание, она отдалась почти без боя, только слегка укусила, разгоряченная ласками, когда стало совсем хорошо.

Они долго нежились в постели, наслаждаясь друг другом, и только ближе к обеду, наконец, покинули спальню.

— Я спущусь чуть позже, — сказал Эридан, одеваясь. — Есть пара дел, которые нужно закончить...

Кьяра улыбнулась в ответ. Одевшись по-простому, она спустилась вниз и распорядилась насчет завтрака, плавно перетекающего в обед. Настроение было отличным, еда — очень вкусной, а слуги, хлопотавшие над сервировкой, знали общий язык. К концу завтрака к столу подошла Фистиль. Одета в нежно-голубое платье, эльфийка выглядела свежей и безукоризненно изящной, несмотря на вчерашний кутеж. Помятая и растрепанная тифлингесса на секунду почувствовала себя неловко на ее фоне. Фистиль присела в изящном реверансе:

— К сожалению, я не смогла найти господина Эридана, поэтому не могли бы вы передать, что сегодня вечером ожидаются высокопоставленные гости из трёх уважаемых летних домов для обсуждения нашего выкупа. Я думаю, ему будет интересно узнать, что в составе делегации от дома Терим будет достопочтимый лорд Элах.

Сказав это, она сделала еще один полный достоинства реверанс и удалилась. Эридан так и не спустился, поэтому тифлингесса решила заняться своими делами. Первым делом сдала ворох грязной одежды слугам, чтобы выстирали, починили, где это необходимо.

— Мы можем сделать новая одешта, — произнес эльф с апельсиново-оранжевыми волосами.

У него был забавный акцент, как, впрочем, у всех местных, что разговаривали на общем. Похоже, что хорошо владели языком только гвардейцы и Эридан.

— Спасибо, не откажусь, — улыбнулась она.

Служанки сняли мерки для будущих нарядов. Потратив на это час, девушка спустилась пообщаться с волком. По пути она встретила дежуривших гвардейцев: Корлиана и Ятара.

Немного пообщавшись с волком и удостоверившись, что ему сытно и комфортно в новом загоне, она отправилась к башне Зариллона, находу стравивая с себя кусочки льда и

талый снег, который принес зверь на своих лапах.

Кьяра и представить себе не могла, что этот худосочный эльф может выглядеть еще бледней и болезненней. Кажется, ему категорически запрещено пить.

— Да? Чем могу помочь? — страдальчески произнес он пересохшими губами, вывалившись из дверного проема.

— У меня есть личная просьба, — сказала тифлингесса, оглядев страдальца. — Думаю тебе известно заклинание Уход в иной мир [5]. Не мог бы ты изготовить компонент, настроенный на это место? Думаю, для такого талантливого волшебника, как ты, это не составит труда.

Он ненадолго задумался, прикрыв глаза.

— Да, мне это вполне по силам, — произнес эльф. — Как скоро вам надо? Есть какие-то пожелания к форме?

Кьяра дружелюбно улыбнулась:

— Форма не важна. Это не срочно, но затягивать не хотелось бы. Есть дела, а проверить смогу только имея возможность вернуться. Спасибо, Зариллон.

Посочувствовав его состоянию, девушка решила больше не причинять волшебнику неудобств. Пусть потихоньку приходит в себя. За разговорами о магических компонентах она вспомнила о серебряном сундучке, лежащем в комнате. Часть магических предметов она отложила до лучших времен. Пожалуй, настало время хорошенько рассмотреть все подарки белобрысого.

Проходя через тронный зал, девушка увидела Эридана, раздающего указания каким-то солдатам. Одетый в черный камзол и короткий красный плащ на одном плече, он на голову, а то и на пару, возвышался над ними.

— Долго стоишь? — спросил он, когда солдаты разошлись. — Меня поглотили дела.

— Достаточно, — ответила Кьяра, оглядев его с ног до головы. — На тебя люблюсь. Тебе идут черный и красный, — она помолчала секунду и добавила. — Мимо пробегала Фистиль и просила передать, что вечером придут делегации с целью выкупа. А от дома Терим будет какой-то Элах, если я правильно запомнила...

— Выгляжу как генерал армии абсолютного зла, — усмехнулся он. — Как раз то, что нужно, после того, что услышал от тебя.

Его лицо оставалось спокойным, но Кьяра разглядела в глазах тревогу.

— Плохие новости? Старые друзья?

— Нет, не друзья, — вздохнул эльф. — Это очень влиятельный, если не самый влиятельный летний дом, а лорд Элах — его глава, — помолчав немного, добавил. — Скажу начистоту: не ожидаю от этой встречи ничего хорошего. Дом Терим все эти годы был так силен из-за особого покровительства Титании. Это дом жрецов, колдунов и паладинов Королевы Лета. Представь теперь, что они должны испытывать ко мне. Я уничтожил их дом, лишил их могущества... А еще у меня в заложниках дочь Элаха.

— Ого! Все интересней, — воскликнула девушка, глаза азартно блеснули. — А кто из трёх? Если хочешь, могу составить компанию.

— Фистиль. Эти господа не снизойдут до общего языка, даже если и знают, так что ты не поймешь ни слова. Если считаешь меня высокомерным, то тебе они определенно не понравятся. Тем более там будет не только дом Терим, но и два других. Эти тоже весьма влиятельны, — он поморщился, словно от приступа боли. — Политика никогда не была моей сильной стороной.

Теперь он не скрывал беспокойства, словно тень проступившего на лице. Кьяра положила руку ему на плечо и сжала, слегка впившись ногтями в плотную ткань камзола. Она хотела сказать что-то успокаивающее, но никак не находила нужных слов. Накрыв ее ладонь своей, он улыбнулся:

— Я справлюсь.

Его лицо действительно приобрело обычное спокойное выражение, и тревога в глазах куда-то пропала.

— Мне нужно отлучиться, — добавил он после небольшой паузы. — Я послал рабочих чинить стену и ворота, нам еще потребуются эти укрепления. Хочу проследить за ходом работы. Буду только вечером, к приходу этих господ. Поэтому надеюсь, что ты последишь за дворцом в мое отсутствие. Я уже дал слугам необходимые распоряжения.

— Нет, — сказала она, помотав головой, потом невесело усмехнулась. — За мной самой стоит присматривать. Элледин или Арум справятся лучше.

— Почему? Потому что ты заблудишься на пути к бассейну?

В его словах скользнула беззлобная усмешка.

— Конечно, именно поэтому, — улыбнулась в ответ Кьяра.

Она действительно плохо ориентировалась во дворце, плюс ко всему ничего не знала об окружающем мире и населяющих его эльфах.

— Элледин едет со мной... Что ж, может и правда Арум, — задумчиво произнес эльф, а затем спросил, глядя прямо в глаза девушке. — А ты чем займешься?

— Буду скучать и ждать тебя, или чем там обычно занимаются наложницы? — шутливо ответила Кьяра. — Но если Зариллон сделает то, что нужно...

— Ты уйдешь?

— Ненадолго.

В его взгляде промелькнула растерянность.

— Разумеется, — ответил он.

Эридан остановил проходившего мимо слугу, дал ему несколько распоряжений на эльфийском. Спустя некоторое время пришел Арум. Эльф объяснил, что от него требуется, а драконид растеряно молчал в ответ.

— Мне пора, — сказал Эридан, окончив краткий инструктаж. — У меня мало времени. Постарайтесь не уничтожить дворец.

Когда он вышел из тронного зала, Кьяра посмотрела на Арума:

— Ладно я, но про тебя он так зря.

— Может он имел в виду, что ты будешь уничтожать, а я наблюдать? — пошутил драконид. — А еще с этой задачей вполне справятся его же гвардейцы, если дать им вина и огня. Думаю, если он вернется и обнаружит нас упившимися в дотлевающем замке, то окончательно потеряет в нас веру.

— Этого мы не можем допустить, — с шутливой серьезностью ответила девушка, а затем задумалась.

Она вспомнила вопрос, который давно хотела задать, но никак не решалась.

— Скажи, как почитатели Темпуса относятся к воскрешению? Не возрождению на поле боя, а полноценному истинному воскрешению.

Арум глубоко задумался.

— Истинное воскрешение — явление, встречающееся редко, — наконец ответил он. — Говорят, что после смерти доблестные воины находят место в войске Темпуса, и вряд ли они

захотели бы покинуть службу, к которой стремились всю жизнь. Другое дело достоин ли был воин такой участи.

— Если душа не хочет, заклинание не сработает. Хотела узнать твоё мнение, стоит ли пытаться?

Он пристально посмотрел в глаза тифлингессы и увидел там искреннюю заинтересованность.

— Спасибо за заботу, — произнес драконид, — хотел бы я снова увидеть брата, поговорить с ним. Он делал все возможное и невозможное для меня, но он не вернется. Янтарь вырастил меня и поставил на ноги, дал цель. Он сражался на великой войне и сделал здесь все, что должен был.

— Великой войне? — переспросила тифлингесса.

— На этой. Только это не война Аурил против Страны Фей. Это война Темпуса против чего-то или за что-то. Мне потребовалось время, чтобы понять это.

— А мы — лишь орудия, — усмехнулась девушка.

— Да, мы орудия, — кивнул Арум. — Некоторые орудия ломаются, а некоторые берегут сильнее прочих, но кто я, чтобы оспаривать волю бога? Всего лишь смертный, которому иногда приоткрываются маленькие откровения.

Они разошлись по своим делам. Арум — заниматься подготовкой комнат к приезду гостей, Кьяра — разбирать подаренные артефакты. После разговора у тифлингессы остались смешанные чувства. Значит, только одно истинное воскрешение... А захочет ли вернуться Эрта?

С этими мыслями она вернулась в комнату. Перебрала предметы в сундучке, откладывая те, что вряд ли понадобятся. Положила в свою сумку четыре зелья: лечащее, два зелья, способные исцелить от болезней, ядов и вернуть бодрость организму и одно зелье, которое плюс ко всему способно избавить от паралича и слепоты. Рассмотрев амулеты, она с удивлением опознала в одном из них игральные кости Тиморы. Два маленьких костяных кубика левитировали в прозрачной сфере, висящей на цепочке. Согласно известным Кьяре историям такая вещь способна была исцелять своего владельца. После долгого разглядывания она узнала и второй амулет, способный скрыть носителя от магического поиска. Перчатки так и не поддались девушке, поэтому она решила надеть их, чтобы узнать свойства. Митенки стали невидимыми на ладонях, и Кьяра почувствовала, что пальцы стали гибче и ловчее. Маленький черный камушек с руной, без сомнения, был камнем послания, и у Эридана, судя по всему, был парный предмет.

Еще раз осмотрев все предметы, она решила, что оба амулета лучше отдать Эридану. Ему периодически приходилось рисковать здоровьем, а если кто-то всерьез решит устроить на него покушение, то возможность скрыться от магического поиска была бы не лишней.

Разобравшись с артефактами, Кьяра спустилась к подъемнику. С карниза было прекрасно видно простирающийся во все стороны лес, редкий у самого подножия дворца, и густой там, куда не дотягивалась его тень. Неподалеку блестело озеро, вдали струилась река, уходящая за горизонт. Зима Аурил остановилась у каменных стен, оставив нетронутым вечное лето у подножия гигантских деревьев.

Рядом с подъемником девушка встретила часть гвардии, все при парадных золотых костюмах. Корлиан задумчиво наслаждался хорошей погодой, Лаемар и Меллот о чем-то общались вполголоса, а Ятар, Лафус и Арадлив явно страдали от похмелья.

— Здравствуйте, ребята, — поприветствовала их она.

Арадрилв еле слышно поприветствовал в ответ, а Лаемар весело блеснул темно-фиолетовыми глазами:

— Добрый день. А я думал, ты с господином пошла на баррикады. Как тебе замок?

— Красивый, хотя и запутанный, — пожалала плечами девушка. — Эйлевар мне, пожалуй, понравился больше, представляю его во всем великолепии. Начинаю понимать, почему вы любите этот мир. Он местами красив, когда тебя кто-нибудь не пытается съесть.

Она поежилась, вспомнив древесного дракона.

— Все-таки это дворец на дереве, — хмыкнул Меллот, — так что неудивительно, что он запутанный. Мы с ребятами тоже плутаем. Никогда раньше не приходилось здесь бывать. Знаешь, ведь это резиденция Титании, сюда не пускали таких простолюдинов как мы...

— Да, Эйлевар, конечно, уступал размерами и мощью многим летним цитаделям, — задумчиво подхватил Ятар, — но какие там были красивые сады... Эйлевары поколениями возвращали их. Так жаль, что сейчас все это погибло...

Корлиан кивнул, оторвавшись от созерцания:

— Да, возвращать сады у них в крови. Помните крипту? Там росли растения из материального плана. Не помню, как их там...

— Жасмин, — напомнил Ятар.

— Точно! — воскликнул брюнэт. — Такой был запах...

С некоторой мечтательностью они еще немного пообсуждали, какие еще красивые цветы росли в Эйлеваре. Слушая их, девушка улыбалась.

— Рада, что не я одна плутаю, — вставила она. — Я переживала, что безнадежна. Ещё в таких замках скучно, а у вас весело.

— Весело, потому что мы сами веселые, — сказал Арадрилв, и его болезненное лицо оживилось улыбкой. — Эладрины вообще жизнерадостны. Конечно, мы бываем и грустными, когда сменим сезон [б] на зиму, но я и не помню, когда кто-то из нас был зимой, да, ребята?

Эльфы загалдели, обсуждая смену сезонов, а Кьяра задумчиво проронила:

— Может к вам в гвардию попроситься?

— В гвардию? — удивленно переспросил Ятар. — В каком смысле? Ты ведь оруженосец господина, зачем тебе в гвардию?

— Ну да, точно, — улыбнулась тифлингесса, а про себя подумала, что уже не понимает, на каких правах здесь находится.

— Сегодня вечером придут какие-то важные господа, — вспомнил Корлиан, — нам сказали быть при параде и вести себя прилично. К сожалению, "прилично" — такое относительное понятие.

— Да, Аруму стоит научиться формулировать требования конкретнее, — лукаво заметил Лафус.

Эльфы, даже те, что страдали от похмелья, весело засмеялись. Кьяра решила мягко приструнить разгильдяев.

— Да, гости ожидаются важные, — произнесла она. — Поэтому без шуточек и паясничания. Вы — гвардия лорда, одолевшего Титанию и Оберона, и вы ему в этом помогли. Помните об этом!

Эладрины смолкли.

— Да, ты права — серьезным тоном сказал Лаемар. — Мы прошли такой долгий и опасный путь и должны выглядеть соответствующе.

Внезапно посерьезнев, эльфы переглянулись между собой, лукавый блеск в глазах сменился решимостью. Кьяра удивилась, что их так легко удалось призвать к порядку. Иногда она забывала, что, несмотря на разгильдяйство, каждый из них был верным солдатом, готовым выполнить любой приказ командира. Удивительный сплав фееричной несерьезности с собачьей верностью.

“Пожалуй, мне тоже нужно привести себя в порядок”, - подумала Кьяра. Распрощавшись с ребятами, она вернулась комнату. После ужина переплела косу, переделалась в черное бархатное платье, украшенное скромной серебряной вышивкой. Длинная похожая на плащ пелерина отлично скрывала сложенные за спиной крылья, а юбка — хвост. Разглядывая себя в зеркале, подумала, что, похоже, у них с Эриданом одинаковые любимые цвета — черный и красный. Одежда, сшитая на заказ, сидела удивительно хорошо. Обычно девушка покупала готовую, а порой не гнушалась украсть или снять с трупа.

От мысли ее отвлек стук в дверь.

— Да? Зайдите.

Дверь открылась, зашел Арум, со смущением на лице:

— Искал тебя, подумал, что может ты в комнате... Прибывает первый гость. Несколько раньше срока, и... Не могла бы ты немного помочь?

— А Эридана ещё нет, так? — кивнула тифлингесса. — Чем помочь?

— Да, его нет... — подтвердил драконид. — Мы ожидали гостей несколько позже. Поможешь встретить? Я понимаю, ты растеряна... Я и сам не знаю эльфийского, но Зариллон сказал, что уладит это.

— Куда мы без Зариллона, — улыбнулась девушка. — Пошли, постараемся всё не испортить.

Кьяра отметила оживление на гостевом уровне. Слуги бегали, суетились, готовили комнаты для гостей. Иногда испуганно косились на дракониду и тифлингессу. Большинство из них никогда не видело подобных созданий, но в глазах был не только страх неизвестного. Они боялись Эридана, и не знали, чего ожидать от его слуг.

Вспомнив о лорде, Кьяра достала камень послания. Сосредоточившись, отправила сообщение: “Эридан, первый гость прибыл. Поторопись, если можешь”. Спустя несколько секунд она получила ответ: “Проклятие на их головы. Я верю, вы меня не подведете”.

В тронном зале уже поджидал Зариллон, не такой болезненный, как утром, но все еще бледный.

— Я вас заколдую, — сказал волшебник. — Вы сможете говорить по-эльфийски. Действует, к сожалению, всего час, но у меня много сил, я могу и переколдовать.

Кьяра кивнула, попутно осматривая тронный зал. Слуги разбили его на три сегмента, разделенные проходами. Почти у самого подножия трона поставили кресла для глав домов, а дальше — скамьи для рядовых членов. По бокам от дубового трона Эридана — еще два поменьше, для тифлингессы и дракониды.

Заметив смущение Арума, Кьяра попыталась подбодрить его:

— Мы что-нибудь придумаем. Вряд ли общаться с ними сложнее, чем с дьяволами.

Ей и самой было очень тревожно, но она старалась взять себя в руки.

— Чертовы эльфы! — проронил жрец.

— Но-но-но! — воскликнул Зариллон. — Постарайтесь расслабиться. Они словно гонимые, чувствуют страх и трепет, а вы все-таки победившая сторона. С чего бы вам трепетать?

Наложив заклинание, волшебник отступил в тень. Кьяра села по левую руку от кресла Эридана, Арум — по правую, и после этого двери в тронный зал распахнулись, впуская яркую процессию во главе с изысканно одетым герольдом. По бокам вышагивали рыцари в уже знакомых Кьяре деревянных доспехах, украшенных золотым орнаментом. Герольд остановился и произнес хорошо поставленным голосом:

— Мирного солнца над головой всем, кто собрался под этим сводом. Поприветствуйте же достопочтимого Тоавеля Вилтена, Мастера Деревьев, Пастыря Роцц великого дома Трабрар!

Он отступил в сторону, рыцари отхлынули, и вперед вышел эльф с ярко-фиолетовыми волосами, заплетенными в длинный высокий хвост. Он был одет в мантию из зеленых листьев разных форм и размеров. В руке был посох, украшением для которого служили живые бабочки, которые вспархивали от каждого движения, суетливо летали вокруг эльфа и вновь садились на деревянное навершие. Лицо остроухого было сдержанным, но в красных глазах пылало нескрываемое раздражение.

— Приветствуем вас, о Тоавель Вилтен из дома Трабрар, — произнес Арум, его голос, похожий на звон огромного колокола, уверенно звенел на весь тронный зал. — Прошу, располагайтесь, пользуйтесь гостеприимством нашей обители. Вероятно, вы устали, проделав столь долгий путь.

Сделав поклон в сторону Арума, Тоавель ответил:

— Да, я проделал долгий путь. Он не был бы столь длинным и утомительным, не прегради мне дорогу огромная ледяная пустыня. И проделав столь долгий путь, я ожидал увидеть зачинщика событий, а не пешек без имен и титулов.

“Бездна тебя пожри”, - подумала Кьяра, но вслух вежливо сказала, с улыбкой, обнажающей клыки:

— О да, где же наши манеры. Позвольте представиться, леди Кьяра Дракхорн, героиня Сражения у Колодца драконов, запершая Тиамат в Преисподней. Приветствую вас, Тоавель Вилтен из дома Трабрар и приглашаю воспользоваться гостеприимством этого замка. Его Величество Эридан Аманес Эйлевар немного занят и обязательно примет вас в назначенный час.

Тоавель внимательно посмотрел на нее, словно оценивая, и ответил:

— Мне не знакомы события, о которых вы говорите, леди, как и не знакомо имя благородного дома, к которому вы принадлежите. Вероятно, вы гости из далеких земель. Эридан Аманес Эйлевар, определенно, владеет сейчас этим замком и он, несомненно, благородного происхождения, но это не делает его Летним Королем, леди.

Тифлингесса почувствовала, что ступила на зыбкую почву. Не желая накалить обстановку, она решила немного прогнуться перед гостем, но без излишнего заискивания.

— Вы правы, мы гости из далёких земель, — произнесла она дружелюбным голосом. — Прошу простить, если допущу некоторую неточность в вашем этикете и обычаях. Предлагаю отложить эти вопросы до возвращения лорда Эйлевара. А пока вы можете отдохнуть с дороги...

— Нет никаких неточностей! — прогремел голос Эридана.

Он быстро пересек зал, стирая дорожную пыль с лица и одежды. Металлические набойки на сапогах чеканили каждый шаг.

— Господин Тоавель, — произнес он, поднявшись на постамент, — вы несколько забыли историю. Королева Титания некогда получила титул на правах сильнейшей архифеи.

Я бросил ей вызов и, убив, тем самым получил титул по Праву Сильного, — он остановился у кресла, бегом оглядев Арума и Кьяру. — Однако, если хотите оспорить мое право, я предпочел бы не откладывать это в долгий ящик.

Ладонь альбиноса легла на платиновый эфес, и на лице Тоавеля мелькнул испуг, который тот поспешил скрыть.

— Кто я, чтобы оспаривать это право... Ваше Величество, — произнес гость после небольшой заминки. — Не за тем я проделал столь долгий путь. Прошу простить мою дерзость, долгая дорога утомила разум.

— В таком случае, воспользуйтесь гостеприимством, — произнес белобрысый, присаживаясь в кресло. — Отдыхайте. Переговоры могут затянуться.

Повинуясь его жесту, из теней выступили слуги с подносами, на которых были закуски и вино. Они обошли Тоавеля и его свиту. Держа непроницаемую маску, Кьяра порадовалась, что Эридан все-таки успел. Она могла бы наговорить гадостей, нарушить парочку правил поведения или еще каким-нибудь образом подвести эльфа. Пошла ведь на поводу у хмыря в листьях и назвала белобрысого лордом, а не королем, и кто знает, куда бы еще завел этот разговор...

Эйлевар царственно восседал на троне, на его лице чародейка прочитала усталость и какой-то дискомфорт, который тот пытался всячески скрыть.

Через некоторое время тронный зал вновь огласился гулом множества шагов. Вошла следующая делегация. Рыцари этого дома предпочитали металлические доспехи. Пестро одетый герольд провозгласил:

— Прошу приветствовать, лорд Элах Элхах Терим, бессменный лидер дома Терим, Воля Титании. Его брат, Ханис Зиит Терим, Осененный Дланью, и племянник, Сехтен Эрдр Терим, Меч Лесной Владычицы.

Рыцари и лакеи расступились, пропуская вперед три фигуры. “Проклятые эльфы”, — подумала чародейка, — “вечно среди них не понять, кто отец, а кто сын”. Однако логика подсказывала, что идущий на шаг впереди мужчина и был главой дома. Элах был невысок ростом, с длинными гладко блестящими волосами насыщенного орехового цвета и лукавыми зелеными глазами, в которых плясал смеющийся огонек. Под сюрко с эмблемой из вышитых золотых листьев сверкала кольчуга. Двое других были очень похожи друг на друга. Один с длинными синими волосами и в черной мантии с той же эмблемой, другой с короткой стрижкой, в потертом латном доспехе. Лицо латника было обезображено шрамами, пересекающими подбородок, скулу и щеку, из-за чего оно выглядело ассиметричным. Он был заметно выше и крепче двух длинноволосых господ.

Все трое сделали глубокий поклон. Тифлингесса не смогла прочесть эмоции на их лицах, они были масками безупречного спокойствия.

— Приветствую вас, уважаемые господа, — подал голос Эридан, — для меня честь принять сегодня самое уважаемое семейство Летних Земель. Располагайтесь. Полагаю, вам не в первой бывать под этими сводами, так что чувствовать себя как дома вам проще некоторых.

— Вы правы, Ваше Величество, — ответил Элах, — этот замок мне словно дом родной матери.

Он улыбнулся, и в его глазах сверкнул недобрый огонек. Семейство Терим расселось по своим местам, не прекращая пожирать глазами Эйлевара. Чародейка почувствовала, что еще больше не любит эльфов.

Прибыла третья делегация, и Кьяра удивилась отсутствию помпезности. Никакой толпы, никаких герольдов в ярких табардах. Вперед вышла женщина с угловатой фигурой подростка, коротко стриженными рыжими волосами, в дорожном костюме мужского кроя и с мандолиной на толстом ремне. Следом за ней ступала прекрасная девушка с длинными черно-серебристыми волосами, в богатом синем платье, украшенном драгоценными камнями, сверкающими при каждом шаге. Рыжая сделал изящный поклон:

— Добрый вечер! Разрешите представиться: Халирр Саик Амавель, глава дома Амавел и моя дочь, Кисан Вилит Амавель, к вашим услугам, Ваше Величество.

Кьяра почувствовала, что дом Амавель ей нравится больше предыдущих. Оглядев девицу в синем, она также с грустью подумала, что если Эридан решит проблему с Мэб, будет не протолкнуться от желающих породниться с ним. Это был только вопрос времени.

Эридан поприветствовал леди Халирр и сказал, после того, как дом Амавель занял свои места:

— К сожалению, нас свели не самые приятные события. Знаю, зачем вы здесь. Я завладел этим замком и титулом. В ваших глазах я жестокий узурпатор, и что ж... Так оно и есть. В этих стенах будущее ваших домов, и я готов выслушать предложения.

Халирр и Тоавель выжидательно посмотрели на Элаха.

— Ваше Величество, — начал он, — хоть вы и жестокий узурпатор, я верю в разум. Верю, что с вами можно договориться, как и с любым другим мудрым правителем. Прошу отпустить мою дочь, а взамен предлагаю немислимые богатства.

— Я и без того богат, лорд Элах, — скучающе ответил Эйлевар, — мне не нужны ни золото, ни драгоценные камни. Что еще вы можете мне предложить?

— Я ожидал подобного ответа.

Лорд Терим хлопнул в ладоши, и в тронный зал занесли нечто крупное и тяжелое. Белобрысый приподнялся в кресле, чтобы разглядеть предмет. Это был очень старый каменный саркофаг. Его поставили перед Элахом.

— Это могущественный предмет, — объяснил тот, — он способен исцелять и воскрешать из мертвых, сохранять молодость, регенерировать конечности. Многие поколения он принадлежал дому Терим, теперь я предлагаю его вам. Внутри него вы найдете предметы невероятной силы.

Тифлингесса не смогла скрыть удивления. Девушка много знала о магических вещах, о многих легендарных только слышала, но артефакт такой мощи с такими свойствами — настоящее чудо. Интерес в глазах Эйлевара сменился равнодушием.

— Дары действительно любопытны, лорд Элах... — произнес он, — но я ожидаю чего-то большего.

На мгновение лорд Терим потерял самообладание, явно не ожидая, что его дар отринут.

— Вы не понимаете, лорд Элах? — спросил белобрысый, подавшись вперед. — Я хочу вашей лояльности. Хочу, чтобы вы служили мне, как служили Титании.

Тот ответил угрюмым молчанием.

— Не могу дать такой клятвы, это абсолютно невозможно, — произнес он наконец.

— Не говорите так, лорд Элах, — белобрысый сделал неопределенный жест рукой. — Вы устали с дороги, и надо хорошо обдумать этот шаг, я это понимаю. Оставайтесь нашими дорогими гостями. Мы вернемся к этому разговору завтра, лорд Элах.

К зеленоглазому вернулось самообладание. Он улыбнулся, сделал почтительный поклон, но взгляд его прожигал не хуже каленого железа. Дом Терим вместе со свитой

удалился в сторону гостевого уровня. Саркофаг вынесли из зала.

Следующей встала леди Халирр:

— Ваше Величество... Я вижу, вы утомлены делами, и не буду утомлять еще больше. За дочь я тоже предлагаю щедрые дары.

Она достала какой-то сверток, притороченный к спине. Эридан мгновенно схватился за рукоять, Арум сжал подлокотник кресла. Увидев всеобщее напряжение, Халирр очень медленно развернула сверток, приговаривая:

— Эти предметы — венец нашей сокровищницы, но для меня нет сокровища ценнее Саевил.

Из материи показались богато украшенные ножны с мечом, на яблоке которого красовался переливающийся граненый аметист.

— В нашем роду никто не мог владеть им, — проговорила леди Амавель, с поклоном преподнося оружие. — Быть может, вы станете его владельцем по праву.

Эридан вынул меч из ножен, полюбовался, как блики играют на превосходном клинке.

— Это великолепный меч, — произнес он, после нескольких пробных взмахов, и Халирр преклонила колени.

— К этому клинку я прилагаю и свою верность, — произнесла она. — Дом Амавель носит имя в честь этого меча. Теперь, когда он ваш, вы владеете и моим домом.

Глаза белобрысого довольно блеснули.

— Леди Халирр, я принимаю этот дар, — сказал он. — Ваша дочь в целости и сохранности. Скоро вы увидите с ней, а сейчас прошу, располагайтесь в гостевых покоях. Мы обсудим все детали после того, как отдохнем.

Леди Халирр и ее дочь удалились в сопровождении местных слуг. Тоавель поднялся с места.

— Ваша милость... — начал он. — Сегодня видел, как вы отвергли предмет невероятной мощи и приняли в дар слова. Я растерян. Предлагаю дар другого рода. Не слова или предметы. Вы знаете, чем знаменит наш дом. Мы готовы снабдить вас нашими доспехами и поделиться секретами их изготовления. Да, я принес в дар знания. Прошу, освободите леди Майяр.

В подкреплении слов фиолетовый отвесил низкий поклон.

— Предложение заманчиво, господин Тоавель, и все же я больше люблю слова, — ответил белобрысый.

Фиолетовый поднял взгляд, в нем промелькнула растерянность.

— Господин... Ваше Величество... — осторожно сказал он. — К сожалению, я всего лишь посланник и не имею власти говорить о присяге моего дома.

— Интересно! — Эридан подался вперед. — У меня в заложниках леди Майяр, а ваш дом отправляет неуполномоченного представителя? Как это понимать?

Его слова звучали спокойно, но грозно.

— Не гневайтесь, Ваше Величество, — поспешил сказать Тоавель. — Весь дом сейчас пытается спасти леса от вашей зимы. Все силы брошены на сдерживание этой магии, все умы сосредоточены над решением этой проблемы.

“А сколько было гонора и разговоров насчет пешек без имен и титулов”, - подумала Кьяра.

— Что ж, это верно, — ответил Эйлевар, расслабленно откинувшись в кресле. — Я принес зиму, смерть и разрушение, а дом Трабрар всегда охранял жизнь и баланс сил.

Принимаю ваш дар, но передайте главе дома: если я сам решу вопрос с зимой, жду ее лично. Нам будет что обсудить. А теперь скажу вам то же, что и другим гостям — располагайтесь и отдыхайте. Пользуйтесь плодами этого места. Завтра мы обсудим сотрудничество.

Тоавель откланялся и покинул тронный зал вместе со свитой. Когда двери за ним захлопнулись, Эридан облегченно вздохнул и, подозвав слугу, распорядился:

— Накройте на стол и дайте кувшин воды!

[1] Транс — состояние, заменяющие эльфам Торила сон. Представляет собой четырехчасовую медитацию, у более молодых эльфов — на событиях прошедшего дня, у эльфов постарше — на воспоминаниях о прошлых воплощениях

[2] Эладрин — коренные эльфы Страны Фей

[3] Тифлинг, тифлингесса — потомок человека и дьявола

[4] Тиамат — богиня злых драконов

[5] Уход в иной мир — заклинание, с помощью которого можно перемещаться на другие планы существования

[6] Смена сезона — отличительная особенность эладринов. Уроженцы Страны Фей могут становиться веселой весной, яростным летом, благодушно осенью или грустной зимой в зависимости от своего настроения. Некоторые хранят верность одному сезону всю жизнь, иные меняют сезон каждый день, потворствуя хаосу своей натуры. Каждому сезону соответствует свой цвет ореола

Глава 2. История Эридана

Слуги засуетились, выполняя приказ господина. Пока организовывали стол, принесли кувшин. Эридан, отказавшись от кубка, опрокинул его в себя и расслабленно улыбнулся.

— Вы молодцы, — сказал он наконец. — Если бы знал, что они придут раньше, я бы не уехал в такую даль. А они, видимо, решили прощупать меня, застать врасплох.

— Возможно, — кивнула тифлингесса. — На будущее, лучше берите меня с собой, я бы и вернуть смогла быстрее. Без Зариллона мы бы не справились.

— Учту, — ответил Эридан, посмотрев ей в глаза.

— Больше никогда так не делайте! — возмутился драконид. — Я чуть Темпусу душу не отдал. Одно дело поле боя, другое дело — это гнездо пауков!

— Отлично понимаю тебя, Арум, — вдохнул эльф. — Мне самому проще на поле боя. Брат, вот кто был в этом силен.

Отряхнув с себя дорожную пыль перчаткой, он раздраженно прикрикнул:

— Если я сейчас не съем хоть что-нибудь, то начну убивать!

Слуги ускорились. Зариллон и Арум, откланявшись, ушли по своим делам.

— Как ты? — спросил Эридан. — Не сильно растерялась?

— Растерялась, — призналась девушка. — Хорошо, что первыми прибыли не Трабрар, а не Терим.

— Терим... — вздохнул белобрысый. — Будут очень сложные переговоры.

— Завтра второй раунд. Мне присутствовать?

Эйлевар усмехнулся:

— Да, и Аруму придется. Не знаю, за кого они вас приняли, но образ придется доигрывать до конца. Есть хочешь? — вдруг спросил он.

— Я поела, но могу составить компанию, если хочешь, — ответила Кьяра.

— Хочу, — улыбнулся он. — У тебя снова красивое платье. Выглядишь в нем так серьезно.

Улыбнувшись, чародейка села за стол, лениво попробовала принесенный десерт. Эльф же бодро принялся за еду.

— Я не ел с утра, — объяснил он, прожевав очередной кусок. — Все некогда было. В итоге в голове были только мысли о еде и утолении жажды.

— Тем более стоит всегда брать меня с собой. В моей волшебной сумке всегда найдется что-нибудь съестное.

Она вспомнила о предметах, которые отложила для него:

— Я сейчас вернусь...

Девушка пошла в комнату, а Эйлевар кинул ей вслед:

— Как я могу брать тебя с собой, если ты сама можешь идти куда хочешь?

Забрав сумку из комнаты, она вернулась и фыркнула эльфу:

— Со скуки в гвардию попрошусь. Глупый ты иногда.

— Я тебя в гвардию не пушу. Или ты хочешь спать бок о бок с Задаром, я не понял?

Эльф сощурил глаза, и лицо моментально стало подозрительным.

— Но я вольна делать, что хочу? — ухмыляясь, мурлыкнула Кьяра.

— Ты, конечно, вольна, но этого уж точно не позволю, — жестко ответил он.

“Неужели ревность?” — подумала Кьяра, а вслух спросила:

— Кстати, где мне сегодня стоит ночевать?

— Не на гостевом уровне. Там сейчас они, а я им не доверяю.

— Хорошо, — согласилась девушка, тепло улыбнувшись, а затем достала из сумки два амулета.

— Этот — от обнаружения и поиска, правда он требует настройки, — объяснила она, показав подвеску с желтым глазом. — У тебя много врагов и некоторые — могущественные маги. Этот — кости Тиморы, с очень интересным свойством, в бою они способны исцелять. Для бойца это полезней, чем для чародея.

— Наверное, ты права, — задумчиво произнес эльф, разглядывая предметы. — Я постоянно забываю, что уже не могу ни исцелить себя, ни защитить. Черт, я могу заболеть впервые за долгое время.

Кьяра накрыла его ладонь своей, словно желая успокоить:

— Ты выбрал этот путь. Могущество имеет цену, а ты не хочешь ее платить. Твое право, но знай, мы с тобой: и гвардия, и Арум, пока велит Темпус, и я.

— Не в этом дело, — тихо проговорил Эридан. — Когда-то я бы все отдал, чтобы служить Темпусу, но эти времена прошли. Теперь это не мой путь. Не знаю, зачем я нужен ему. Может я для него орудие, как для Аурил. Пускай, но богам клятв давать больше не буду. Рад, что вы со мной, без вас не ушел бы далеко.

— Кстати об этом. Когда Зариллон изготовит то, что мне нужно, хочу вернуться на Фаерун. Попробую воскресить Эрту, — начала чародейка. — Деньги у меня есть, найдется парочка знакомых жрецов. Только не знаю, сколько это займет времени, и в какой момент лучше делать.

— Это очень могущественная магия, на которую способны немногие, — взволнованно произнес эльф. — Из тех, кто на это способен, я знаю только Алькиру.

По его телу прошла волна мурашек, когда он вспомнил ледяные глаза жрицы. У Аурил в его видениях был такой же взгляд, пронзающий насквозь, а лицо при этом она выбирала одно и то же, не оставляющее равнодушным. Маленур. Кто мог знать, что глаза настоящей Маленур будут такими же холодными?

— Но она может не захотеть вернуться, — произнесла Кьяра. — Либо если душа несвободна, как недавно было со мной.

“Она не захочет”, - подумал Эридан. — “Не захочет, потому что я убил ее собственными руками, глядя в глаза. Пусть даже это было продиктовано необходимостью и желанием прекратить страдания, мертвым до этого нет дела. Меня пыталась убить любимая женщина, мне ли не знать, какое предательство при этом ощущаешь”.

— Надеюсь, она захочет вернуться... — произнес он вслух. — Хотя бы для того, чтобы снова дать мне подзатыльник.

Слова его прозвучали с теплой грустью.

— Я бы хотела, чтобы мы вместе отправились, — немного помолчав, сказала Кьяра, — но, боюсь, ты будешь слишком занят.

— Я бы пошел с тобой, — откликнулся Эридан, — но ты видишь, что происходит? Не могу пока покинуть это место. Мэб... Она скоро прибудет. Ей потребуется время, чтобы обойти горы морем и зайти в устье реки, но это полбеды. Мне отчаянно нужно сделать так, чтобы у нее обнаружилось здесь как можно меньше союзников. Надо придумать, как заставить дом Терим присягнуть мне, иначе знаю, что они сделают...

— Что?

— Они так привыкли к власти, что предпочтут присягнуть Мэб как могучей архифее. Тогда все они снова обретут силу, а я — еще больше врагов.

— Значит, надо заставить их не присягать ей до тех пор, пока ты не одолеешь ее, — кивнула девушка. — Если одолеешь, пойдут, как за сильным.

— Меня не интересует, что будет после того, как я убью Мэб, — признался Эридан. — Мне нужна ее душа, чтобы расплатиться с долгом, что будет дальше, я даже не задумывался.

— Думала, ты намерен остаться здесь править, — удивилась Кьяра.

— Я играю эту роль, чтобы собрать силы и убить Мэб...

“Хорошо, что остальные этого не знают”, - подумала тифлингесса. — “Ни гвардия, ни враги”. Ей показалось, что эльфы будут разочарованы, если Эридан, разобравшись со всеми долгами, уйдет, куда глаза глядят.

— Я умею только убивать и разрушать, — попытался объяснить свое решение эладрин, — я солдат, а не монарх, а все, что создаю, в итоге разрушаю.

— Я такая же, — улыбнулась тифлингесса. — Наверно, поэтому мы и сошлись.

Она оглядела опустошенный Эриданом стол. А ему полезно голодать, аппетит внезапно появляется.

— Не знаю, как Ваше Величество, — сказала она, — а я предпочту выспаться.

— Ты устала от моей компании? Я тебя притомил? — ответил эльф с наигранным возмущением.

— Нет. Я думала, ты уже поел. Или вы, эльфы, все делаете долго, кроме сна?

— Ну, знаешь ли! — воскликнул он, возмущившись уже по-настоящему.

Он подумал, что девушка пойдет на этаж наложников, но та устремилась в сторону его покоев.

— А вы разве не идёте? — обернувшись, сказала она.

— Ты...? — он бросил салфетку, которой вытирал руки, и поспешил следом. — Иногда мне трудно тебя понять.

— В женщине должна быть загадка, а ты ещё многого обо мне не знаешь. Хотя не скрою, больше, чем прочие.

— Ты тоже многого обо мне не знаешь, — хмыкнул Эридан. — Я... не часто говорю о прошлом. Истории других мне нравятся больше.

— Может, захотите как-нибудь рассказать. Не буду торопить. Да, жизнь у тебя была временами очень невесёлая, но тогда бы ты не был тем, кто есть, и мы бы точно не пересеклись.

В голосе ее прозвучал фатализм, и это подстегнуло эльфа на откровенность.

— Что ты, большую часть жизни я был ею доволен, — усмехнулся он. — Был наследником земель, любимцем армии и у меня был счастливый брак. Но ты права, жизнь интересно умеет вывернуть все наизнанку, и ты уже не знаешь, судьба это или просто странное и необычное стечение обстоятельств.

— Про брак я уже поняла, но что пошло не так? — спросила Кьяра.

Они остановились посреди сада, у фонтана.

— Я всегда слишком серьезно относился к войне Благого и Неблагого Двора, — сказал Эридан, погладив крупный зеленый лист ползучего растения, что оплело каменную кладку. — Наверное, потому, что острее переживал потери в этой войне, а для других это было что-то вроде спортивного состязания.

Он вспомнил видение, посетившее в день покушения. Полуистлевшее лицо учителя

фехтования, господина Лоссерила, неизменно строгого, но справедливого. Он был настоящим солдатом, и его забрала очередная вспышка этой бесконечной войны. Смахнуло, словно приливной волной, и никто не обратил внимания, кроме двух мальчишек.

— Мое серьезное отношение привело к поиску эффективного стиля ведения войны, — продолжил эльф. — Я нашел все, что мне нужно, в Темпусе. Помню как сейчас, шел четырнадцатый год моего брака. Я впервые на Материальном плане и вижу его храм...

Он замолчал, вспоминая, как солнце проходило сквозь цветные витражи, кожа вибрировала от звона колокола. Марширующие, тренирующиеся жрецы и запах хвойного масла, воскуряемого пред алтарем.

— Все пошло под откос, — произнес он, отпустив лист. — Только я не замечал, в упор не видел, как начал вызывать у других страх.

— Чем? — удивилась Кьяра. — Темпус — не злое божество.

Он повернулся к ней лицом, посмотрел прямо в глаза:

— Нет более прихотливых и хаотичных эльфов, чем эладрины. Я принес порядок и дисциплину. Они испугались, что узурпирую власть, ведь я был так любим армией. А, впрочем, кто знает, что пришло им в голову. Я и правда всегда был немного другого склада ума.

Кивнув заинтересованно, тифлингесса подтолкнула его говорить дальше.

— Потом жена скоростижно умерла, — продолжил Эридан, вновь отведя взгляд. — Лекари сказали, что от болезни. Я надолго впал в уныние. Я обожал ее. Мне казалось, что нет существа добрее и чище. Уж кто мог гасить мой гнев одним лишь словом.

Он смутно помнил этот период, только ужасную пустоту вместо эмоций.

— Но что-то смущало меня, и я попросил Элледина провести расследование. Скоро вскрылось, что умерла она не своей смертью, а меня просто обманули, — он ненадолго замолчал. — Дальше плохо помню что случилось. Очнулся над трупом лживого лекаря, прямо посреди очередного праздника отца. У него каждый день был чертов праздник. Второго лекаря тоже убил бы, но меня скрутили.

Он медленно двинулся в сторону лестницы, Кьяра последовала за ним.

— Меня публично судили, — рассказывал он находу. — Признали безумным и опасным. Все поддакивали: "Разве могут здоровому эладрину прийти в голову подобные мысли?". Дошли до того, что вменили мне убийство жены. Я был так зол, что чуть снова не сорвался с цепи. Вот уж был несчастливый день моей жизни.

Кьяра посмотрела на него с интересом, задумчивостью и непониманием.

— Семья свидетельствовала против меня, — продолжил Эридан, поднимаясь по лестнице. — Мы плохо ладили и не понимали друг друга. Младший брат годился в наследники гораздо больше, думали они. А я... всю жизнь был солдатом. Они это ненавидели.

“Потому что я всегда хотел быть как Лоссерил”, - подумал Эридан. — “Учитель фехтования был мне отцом больше, чем родной отец”.

— В общем, тогда все рухнуло окончательно. Я был признан невменяемым. Долго сидел в тюрьме. Чуть действительно не тронулся там. Год за годом. Четыре стены и цепи. Обозлился на весь мир. Мечтал убить всех, уничтожить это место...

Он замер на мгновение и тихо проговорил:

— А может все-таки и тронулся, кто знает.

Они остановились в коридоре королевских покоев. Эйлевар грустно улыбнулся:

— Но знаешь, судьба иронична. Я любил женщину, а она меня, видимо, нет. Она умерла, и меня из-за этого посадили в тюрьму. Она меня отравить хотела, а сама неосторожно выпила яд. До сих пор не знаю, что это было. Странная прихоть богов или просто странная случайность?

Он помотал головой:

— В общем, я не люблю свою историю. Она больше похожа на злую шутку.

— А отравить она пыталась по приказу Титании? — спросила чародейка. — Как ты выбрался из заточения? Что было дальше? — она осеклась, почувствовав, что вопросы ее бестактны, и поспешила поправиться, — Если не хочешь, не рассказывай.

— Она была фрейлиной Титании, — спокойно продолжил эльф. — Я много думал, и в итоге пришел к мысли, что мне ее специально навязали, чтобы контролировала, но когда я стал выходить из под контроля, ей сказали меня убить. Я надеялся, что, может, ее вынудили, и она сама этого не хотела. Но что я увидел при нашей встрече? Абсолютно никакого раскаянья. Я действительно глупый и слепой.

В последних его словах сквозила горечь.

— Любые чувства ослепляют, — нежно произнесла девушка, прикоснувшись к его руке. — Не стыдно быть глупым.

Он ответил на ее прикосновение, слегка сжав пальцы:

— Знаешь, это было хорошим уроком, что доверие может убить, что праведник может быть ужасным чудовищем. Все-таки большую часть жизни я жил в своем мире, тесном и уютном. Глупый я потому, что наступаю все на одни и те же шаткие доски. А когда пытаюсь не наступить, почему все становится еще хуже. Однажды из-за этого я стал причиной гибели целого отряда. Боялся довериться. Боялся отпустить контроль. Вечно злился. Невовремя вспылывал. Все умерли. Так что даже не знаю, что хуже — что я глупый или, что я пытаюсь быть умным и делаю только больше глупостей?

Они дошли до спальни. Портьеры, теперь абсолютно черные, плотно закрывали окна и создавали сумрачную атмосферу.

— Ах, ладно, — махнул рукой белобрысый, — меня прорвало. Это скучно. У меня довольно приземленная история. Зато быстро тебя усыпит.

— А вот и нет, — возразила девушка. — Не усыпит. Скажешь тоже, приземленная. Ага, самая обычная. Родился, женился, умер.

Он вдруг рассмеялся:

— Умер!

Тифлингесса удивленно выгнула бровь.

— Полагаю, я проклят, — попытался объяснить он. — Все эладрины объединяются со Страной Фей после смерти для следующего цикла реинкарнации. Мне этот путь закрыт.

— Может оно и к лучшему, — пожала плечами девушка. — Если ты с этим миром в такой вражде.

Скинув платье, Кьяра подумала, что неплохо было бы искупаться перед сном. Наведавшись в гардероб Титании, она позаимствовала там что-то, напоминающее короткий халатик, и отправилась к бассейну. Искупавшись, высушилась с помощью магического пламени, накинула халат. Она застала Эридана в кабинете. Тот уже снял камзол и аккуратно повесил на спинку стула, но сейчас задумчиво смотрел в одну точку, словно поддавшись глубокой мысли. Девушка обняла его со спины и тихо сказала:

— Тебе тоже нужно отдохнуть. Разбередили прошлое?

— Да. Слишком много всего поднял со дна, — ответил он. — Какие-то мысли уже давно похоронил. Откровенные разговоры — не мой конек. Ты права. Завтра надо быть в форме.

Он направился в спальню, на ходу снимая рубашку.

— Последнее время вы такой покладистый, что аж скучно стало, — фыркнула тифлингесса, следуя за ним.

Внезапно она подскочила к нему со спины, взъерошила волосы и отпрыгнула с озорным блеском в глазах.

— Покладистый? Это уже оскорбление! — воскликнул Эйлевар, сделав рывок в ее сторону.

Она ловко отпрыгнула, и некоторое время они развлекались внезапной игрой в салочки, пока эльф, наконец, не поймал нахалку. Та зашипела, пытаясь вывернуться из его объятий, но хватка Эридана была крепкой. Укусив ее за плечо, произнес:

— Вот покусая тебя, станешь эльфом. Хвост отвалится, нечем будет психовать.

Девушка скорчила презрительную мордочку:

— Я же этого не переживу. Без хвоста, без крыльев, да ещё и эльфом!

— Ах ты! — он задохнулся от возмущения. — Посажу на цепь, будешь знать.

— Нет, — фыркнула она.

— Что "нет"? Сомневаешься? Цепи у меня и правда нет, но Дриман оставил сувенирчик.

Он потянулся рукой куда-то в сторону, и через несколько секунд девушка почувствовала прикосновение холодного металла к запястьям. Раздался щелчок, и руки эльфа отпустили девушку. Та злобно посмотрела на него, дернув хвостом.

— Что? Мне нравится, — самодовольно произнес белобрысый. — Красивые золотые оковы. Пойдут к твоим платьям.

Кьяра по-деловому ощупала наручники пальцами. Вскрывать замки было ей не в новинку, в этом она была мастер. Она не смогла нащупать ни скважину, ни механизм, открывающий наручники, только гладкий металл.

— Это необычные оковы, — объяснил эльф. — Моя маленькая месть. Незачем так презрительно говорить об эльфах.

Промурыжив ее еще немного, он все-таки снял оковы. Никакого ключа в его руках девушка не заметила.

— Учти, они у меня под рукой. Будешь злить — мигом станешь шелковая, — пригрозил он.

Эридан сел на кровать, стягивая сапоги, как вдруг камень на его пальце начал искриться, словно маленькая красная звезда. Всполошившись, эльф кинулся к рубашке:

— Сегодня, видимо, ты спишь одна!

Забежав в кабинет за камзолем и подхватив перевязь у изголовья, он исчез с хлопком, дымом и ароматом Преисподней. До утра он так и не вернулся.

Глава 3. Оскорбление

Всю ночь Кьяру беспокоили сновидения. К утру воспоминания о них покинули голову, оставив лишь ощущение липкой тревоги. Возможно, виной всему были переживания за Эридана. Его не было всю ночь. Все ли с ним хорошо?

Одевшись, девушка какое-то время посидела в спальне. Поняв, что ждать бесполезно, спустилась в тронный зал, поймав по пути слугу.

— Завтрак, пожалуйста, — распорядилась она.

Следовало найти Арума, предупредить о том, что его присутствие будет сегодня необходимо, однако девушка не знала, где находится лазарет. Бездна поглотила этот запутанный дворец!

Кьяра вспомнила о камне послания. Интересно, сможет ли он отправить сообщение между планами? Хоть артефакт был простым и распространенным, тифлингесса плохо знала его свойства. Махнув на все рукой, сосредоточилась и отправила сообщение: “Эридан, ты где? Тебе нужна помощь?”. Через несколько секунд она получила ответ: “Я внизу, у подъемника. Скоро буду”.

Через десять минут он действительно поднялся в тронный. Снятый камзол закинут на плечо, рукав левой рубашки закатан до локтя. На руке сочился кровью поперечный порез.

— Что случилось? — обеспокоено спросила Кьяра.

— Маммон интересовался успехами, — устало произнес эльф, держа руку таким образом, чтобы кровь не натекла на закатанный рукав рубашки. — Обсуждения затянулись. Мне выдали кошмара [1], проинструктировав, как вести с ним, но эта тварь отказалась от предложенного мяса, предпочла мою кровь.

— Ооо! Ничего себе подарочек! — воскликнула девушка. — Твоя коллекция злобных тварей пополнилась.

— Это не подарок! Это проклятье! — раздраженно ответил эладрин.

Он приложил пальцы к порезу, но через несколько секунд одернул, словно обжегся.

— Опять забыл, что не могу исцелять... — растерянно пробормотал он.

— Как насчёт завтрака? — предложила тифлингесса. — Должны скоро подать. Я приглашу Арума. Полечит тебя.

— Оставь, царапина, — ответил он. — Не хочу беспокоить Арума из-за пореза. А вот Зариллона надо побеспокоить. Я не успел отдохнуть. Но это подождёт.

От него сильно пахло серой, каменной крошкой, гарью и болотом. Кьяра не стала спорить. Порез, хоть и сильно кровоточил, был несерьезным.

Слуги принесли столик, кресла, и завтрак не заставил себя долго ждать.

— Для нее пока нет отдельного стойла, — сказал Эридан, пытаясь перевязать порез платком. — Пришлось пристроить к волкам. Такими запуганными я их никогда не видел.

Девушка подумала, что стоит поговорить с этим кошмаром. Не дай Тимора причинит вред ее волку! Она прекрасно знала, как бороться с исчадиями, и кошмар ей был не соперник.

Платок все никак не хотел поддаваться, и Эридан кинул его на стол. Подозвал слугу и сказал ему что-то по-эльфийски. Кажется, прозвучало имя Зариллона. Слуга быстро удалился.

— Дай я перевяжу, — сказала Кьяра.

Она ловко обмотала порез тканью и закрепила узелком.

— Спасибо, — поблагодарил он и приступил к завтраку.

В середине трапезы появился Зариллон. Он принес колбу пульсирующей красной жидкости. Эйлевар опрокинул ее в себя, скривившись лицом, словно от кислого.

— Благодарю, — произнес он, вернув магу пустую стекляшку.

Однако волшебник не спешил уходить. Повернувшись к тифлингессе, он сказал:

— Я сделал предмет, который вы просили.

Зариллон протянул ей изящный ключ, выполненный из сине-розового кристалла. Кажется, из этого материала был трон Титании.

— Форма показалась мне приемлемой, — объяснил маг. — Он достаточно легкий, при желании его можно повесить на шнурок или цепочку.

— Зариллон, ты как всегда на высоте! — восхитилась девушка. — Удачная форма, очень изящная вещица.

Некромант с улыбкой откланялся, а чародейка продолжила рассматривать волшебный ингредиент.

— Что это? — полюбопытствовал Эридан.

— Это компонент для возвращения сюда, — объяснила Кьяра. — Так что в любой момент могу уйти и вернуться, когда пожелаю. Сейчас, при удачном стечении обстоятельств я могу открыть проход туда-обратно за один день.

Он молча кивнул и, выждав небольшую паузу, спросил:

— Когда собираешься отбыть?

— Тебя что-то тревожит в том, что я уйду?

— Это может быть небезопасно, — ответил эльф.

Тифлингесса пристально посмотрела на Эридана, стараясь понять, что у него на уме. Кажется, он действительно переживал о ее безопасности, но что-то еще беспокоило его. Что-то неуловимо проскользнуло на расслабленном и спокойном лице.

— Можно отложить этот вопрос до того момента, как разберемся с Мэб, — сказала она, продолжая внимательно изучать выражение его лица. — Ты что-то недоговариваешь.

Эридан сразу встрепенулся от ее слов.

— Нет, — улыбнулся он. — Просто эгоистично не хочу, чтобы ты уходила, однако хочу, чтобы ты разобралась со своими делами, увиделась с родными и друзьями. Насладилась, наконец, возможностями. Мэб нужно проделать очень долгий путь, а я буду занят очень скучными делами. Ты сама меня проклянешь.

— Скажешь тоже, родные и друзья, — фыркнула чародейка. — Их очень мало. Вот как прокляну, тогда и сбегу. В любом случае, ещё сегодняшний приём.

Она лукаво улыбнулась, пытаясь еще раз прочесть выражение его лица, но это было все равно, что пытаться сложить картину из солнечных зайчиков на поверхности бурного потока: что-то быстро и мимолетно промелькнуло, глаз не успел понять.

— Прием без тебя не обойдется, конечно, — улыбнулся он. — Буду смотреть на тебя и вспоминать, какой же я злодей.

Эридан рассмеялся, вызвав у девушки недоумение.

— Разве? — спросила она. — И в чём ты злодей?

— А разве нет? Теми, кого я убил, можно наполнить озеро Сембер. Теми, кто умер из-за меня... Даже не знаю. Можно насыпать остров не меньше...

— Это понятно, — сказала Кьяра, — только каким образом лицемерие меня об этом

напоминает?

Его молчание еще больше насторожило, поэтому она сказала:

— А знаешь что, я передумала. Это подождёт. Буду вам тут надоедать.

— Видишь? — улыбнулся он. — Я злодей. Из-за меня ты будешь умирать со скуки.

Немного помолчав, он добавил:

— Стоит придумать тебе работу. Согревание моей постели не в счёт. Это не работа. Это призвание.

Кьяра поперхнулась от возмущения:

— Вы нахал! Я ведь могу и перестать.

— Это угроза вселенского масштаба, — сверкнул он смеющимися глазами. — Где-то на горе Селестия [2] от ужаса заплакали дэвы [3], ты слышишь? О великолепная Кьяра, изгнавшая Тиамат, усмири свой гнев, иначе миру настанет конец.

Кьяра сощурила глаза. Эта шутка показалась ей несмешной. К тому же, весьма оскорбительной.

— Или это будет твоя работа? Серьезно? — добавил он, и это заставило девушку подскочить из-за стола, словно ее ужалила мантикора.

— Если ты считаешь, что это все, на что я способна, — с холодной злостью проговорила она, — тогда мне действительно стоит уйти. Хватило подтруниваний от гвардии, но они бестолочи, им простительно!

— Нет! Стой, стой! — воскликнул эльф, подскочив следом за ней. — Шутка была неудачной и глупой. Я так не думаю, слышишь? Ты очень многое сделала для меня, и я это очень ценю.

Однако сказанных слов было не вернуть. Кьяра плотно сжала губы и задрожала от обиды. “Вот как он ко мне относится?” — промелькнуло у нее в голове. “Постельная грелка, просто девка для утех”. От этого на душе стало отвратительно, и она отвернулась.

— Прости. Я сожалею, что обидел тебя, — произнес Эридан, пытаясь обнять ее за плечи. — Что мне сделать, чтобы ты не злилась?

— Я не злюсь, — холодно ответила тифлингесса.

Несколько секунд побыв в его объятиях, она отстранилась и произнесла ровным голосом:

— Вам надо переодеться к приёму, а мне предупредить Зариллона, что он нам понадобится.

Эльф окинул ее растерянным взглядом, не желая отпускать:

— Что мне сделать, чтобы искупить вину?

— Не трогай меня какое-то время, — холодно ответила Кьяра и пошла прочь из тронного зала.

В голове был кавардак из мыслей и эмоций. Она и сама не знала, куда несут ноги, но точно куда-то прочь от него. Кьяра думала, что давно уже повзрослела и стала черствой, циничной, и вот на тебе. Даже между плотными ороговевшими чешуйками были мягкие незащитные места. Очень обидно. Ей важно было уважение, оценка сил и способностей, и это было ее слабым местом. От слов Эридана она словно вновь почувствовала себя смешанной с грязью, жалкой, ничтожной и слабой, какой была когда-то.

Очнувшись она на карнизе, недалеко от подъемника. Ноги сами привели ее сюда. Она немного полюбовалась на лес в мягких розовых красках, а затем заметила Ятара и Элледина, идущих вдоль парапета.

— Доброе утро, — сказал золотистый. — Какими судьбами?

— Хочу посмотреть на новую лошадку, которая запугала волков, — ответила Кьяра. —

А еще скажи, где лазарет.

— Лестница на лазарет идёт через гостевой уровень, справа, — объяснил Элледин, затем вздрогнул, как от холода. — Она на конюшне. Ей сейчас строят отдельное место. Ну и страшная же тварь. Может тебе не стоит к ней ходить?

— Пусть только дернется в мою сторону, у меня как раз настроение хорошее, — хищно улыбнулась девушка.

Он оглядел ее пристальным взглядом:

— Вижу ты с утра совсем не в духе? Что-то случилось?

Смягчившись от его слов, она улыбнулась чуть добрее:

— Все в порядке, но спасибо, что поинтересовался.

Девушка двинулась в сторону конюшни, где сейчас расположились волки. Издали она увидела, что звери столпились возле входа. Они лежали на полу, робко прижавшись друг к другу. Кьяра быстро нашла глазами Скага, тот был таким же напуганным, как и другие.

— А я к тебе пришла, — ласково произнесла тифлингесса. — Ты как? Вас тварь запугала?

Волк виновато заскулил, девушка потрепала его по загривку:

— Тихо-тихо, не бойся. Не дам тебя обидеть.

Отстранившись от зверя, она зашла внутрь. Пахло животными, мясом, снегом, но сейчас к обычному запаху волчьего загона примешался аромат серы и горечь дыма. Где-то на другом конце послышался стук копыт и громкое лошадиное дыхание. Осторожно приблизившись, Кьяра увидела в последнем стойле, запертом на толстую цепь и испещренном символами магии, большого черного зверя, похожего на коня. Под смоляной шкурой перекачивались мышцы, вместо гривы — танцующие языки пламени. Красные глаза сверкали двумя раскаленными углями, из трепещущих ноздрей валили огонь и дым. Тварь оскалилась бритвенно-острыми зубами, издав крик, похожий одновременно на ржание, скрежет металла и вой. Заслышав этот звук, волки испуганно завизжали, а кошмар лягнул стойло объятыми пламенем копытами. Магические символы резко полыхнули.

— Ты, конечно, страшная кобылка, — сказала ей Кьяра на inferнальном, — только я тебя не боюсь. Тронешь хоть кого-нибудь без приказа Эридана, я тебя уничтожу. Огня ты не боишься, но у меня есть чем тебя приласкать.

Исчадие снова лягнуло стойло и с яростью набросилось на толстую цепь, скрежеща по ней зубами. От зверя веяло жаром, как от печки. Сказав все, что хотела, Кьяра развернулась к выходу, где ее встретил Скаг. Обнюхав хозяйку с ног до головы, он, видимо, постановил, что с ней все в порядке. Тифлингесса заметила Ятара и Элледина неподалеку от конюшни. Видимо, они тоже переживали за девушку. Как мило.

— Ничего так лошадка, — сказала она, почесывая волка, — но Змей мне нравился больше.

— С этой лошадкой хлебнем фунт лиха, — проворчал Элледин. — Мало того, что волки боятся, так она и сама неуправляемая. Змей и Эридан были одним целым в бою, хотя тот был тоже редкостной тварью. Эта же скотина меня беспокоит.

— Я думаю, он что-нибудь придумает, — ответила чародейка, — но если вырвется, зовите. А вам терпения. И волкам тоже, пугливым нашим.

Невесело кивнув, золотистый вернулся к дозору, а девушка направилась на гостевой

уровень.

[1] Кошмар — дьявольский скакун

[2] Селестия — план позитивной энергии, родной мир небожителей, добрых мифических и сверхъестественных созданий

[3] Дэв — разновидность ангела

Глава 4. Право Сильного

В коридоре гостевого уровня Кьяра встретила с двумя представителями дома Терим: синевласого и парня со шрамами на лице. Эльфы принялись говорить что-то на своем языке. Тифлингесса ответила, покачав головой:

— Я не говорю по-эльфийски.

Помедлив несколько секунд, шрамоносец произнес на общем, коверкая слова сильным акцентом:

— Кокта перековоры быть?

“Р” в его исполнении звучало звонко и раскатисто.

— Я уточню у лорда Эйлевара и сообщу вам незамедлительно, — ответила Кьяра, стараясь совместить дружелюбие и чувство собственного достоинства.

Эльф раздраженно цыкнул, смерив девушку злобным взглядом. Не обратив на это никакого внимания, она направилась в сторону лазарета.

Она поднялась на пролет выше гостевого уровня и очутилась в просторном помещении, напоминающем тронный зал. Куполообразный потолок, много света, льющегося из огромных окон, только все было заставлено койками, полотняными ширмами и предметами из меди. В этот час здесь было безлюдно.

— Арум? — позвала девушка.

— Доброе утро, Кьяра, — отозвался драконид.

Он возился за столом, сворачивая пропитанное лечебными травами полотно.

— Эридан вчера забыл упомянуть, что мы должны присутствовать сегодня, — произнесла она, подойдя к нему поближе. — Понимаю, что тебе не хочется. Кстати, а можешь дать мне несколько рулонов для перевязки. Мало ли что.

Жрец поднял на нее взгляд, полный мольбы:

— Кьяра, да я же просто предмет мебели, зачем я там?

— Я тоже, Арум, — тифлингесса положила руку ему на плечо. — Мы нужны для солидности. У него нет пока вассалов, сыграем эту роль. Если что пойдет не так, можем понадобиться и как бойцы, я такого не исключаю.

— Твоя правда, — ответил Арум. — Да и драконорожденные, что ни говори, выглядят внушительно.

Взяв в руки камень, тифлингесса сосредоточилась, отправляя сообщение: “Эридан, дом Терим интересуется, когда переговоры. Обещала скоро дать ответ. Арум рядом”. Спустя несколько секунд он отозвался: “Я готов принять их. Можешь так им и передать”.

— Арум, иди пока в тронный зал, — сказала она, отложив камень. — А я сообщу гостям.

Кивнув, он передал ей рулон полотна для перевязок, а сам устремился в сторону выхода. Кьяра двинулась следом, думая о том, чем закончатся эти переговоры. От дома Терим не стоило ожидать ничего хорошего.

В коридоре она столкнулась уже с тремя представителями этого дома, во главе с лордом Элахом. Поклонившись, произнесла:

— Достопочтимые лорды Элах, Ханис и Сехтен из дома Терим. Лорд Эйлевар готов принять вас в тронном зале.

Судя по выражениям лиц, из всех троих что-то понял только парень со шрамами. Он

разгорячено кивнул, а в глазах полыхнул недобрый огонек, заставивший Кьяру немного напрячься. Он сказал несколько слов двум другим эльфам, а тифлингесса, не дожидаясь их реакции, пошла в сторону тронного зала. Она понятия не имела, насколько правильно поступает согласно местному этикету. Плевать, никто не удосужился ее научить, и это не ее проблемы.

В тронном зале все было уже подготовлено. Арум восседал в кресле. К девушке подошел Зариллон.

— Как я не люблю спешку! — посетовал он, накладывая заклинание.

Когда девушка заняла свое место, из галереи, ведущей в сад, вышел Эридан. Волосы у него влажно поблескивали, не успев полностью обсохнуть. Лицо — непроницаемая каменная маска, взгляд холодный и надменный.

Троица из Терим выступила вперед, и белобрысый произнес, вальяжно растягивая гласные:

— Приветствую вас, уважаемые господа из дома Терим. Надеюсь, отдых прошел хорошо, и вы тщательно обдумали решение.

Сделав легкий поклон, Элах ответил:

— Ваше Величество, уверяю, нам потребовалось не так много времени, чтобы сформулировать наше решение.

— Я внимательно слушаю, — белобрысый сделал легкий жест рукой, словно позволяя главе дома Терим говорить.

— Я скажу то же, что и вчера. Я не готов присягнуть, и весь мой род со мной солидарен.

Эридан нахмурился, между сведенными бровями залегла глубокая складка.

— Лорд Элах, — произнес он голосом, холодным, словно снежные шапки на вершинах Хребта Мира, — я пытаюсь решить вопрос мирным и цивилизованным путем, но ваше упрямство наводит на мысли, что это бесполезно. Я предлагаю мир. Проявите здравомыслие.

— Нет ничего плохого в том, чтобы умереть за веру, — улыбнулся зеленоглазый.

— Это коллегиальное решение всего вашего дома? Умереть за вашу веру? — спросил Эйлевар с ноткой легкого удивления.

Элах ответил насмешливым взглядом, в котором не было ни капли страха. Вперед вышел эльф со шрамами на лице и воскликнул:

— Дядя! Позвольте решить эту проблему.

Кьяра непроизвольно впиалась в подлокотники кресла. Чего-то такого она и ожидала, но все-таки надеялась, что обойдется.

Синевласый попытался остановить вышедшего вперед, но тот лишь скинул руку со своего плеча.

— Я оспариваю право этого эльфа на титул, — воскликнул шрамоносец, бросив на пол свой плащ. — Я делаю это во всеуслышание, а свидетельствуют мне уважаемые господа вокруг, боги и силы природы.

На лице синевласого отобразился неподдельный ужас, но Элах лишь кивнул головой:

— Мой племянник бросил вызов, Ваше Величество.

Эридан вышел вперед.

— Я принимаю вызов, Сехтен Эрдре из дома Терим, — произнес он все тем же холодным голосом. — И пусть победителю достанется все.

“Надеюсь, он надел игральные кости”, - подумала девушка. Она не успела разглядеть, висят ли они у него на шее. С их магической силой было бы чуть спокойней. Кьяра почти не

сомневалась, что Эридан — хороший боец, однако он значительно ослаб, перестав быть паладином, и многие силы, на которые он опирался, будучи рыцарем Аурил, покинули его. Эльф периодически забывал, что больше не владел исцелением. Что если в пылу битвы он забудет, что больше не паладин? Да и этот Сехтен выглядел крепким и сильным. Почти такой же высокий, как и Эридан, широкоплечий, развитые мышцы гуляли под серо-голубым котарди. Кьяра прикоснулась к монетке, висящей на запястье. “Пусть Эридану повезет”, — подумала она.

Белобрысый приказал слугам убрать кресла и расчистить тронный зал, скинул короткий плащ с плеча.

— Предпочтете надеть доспехи? Или?.. — начал было говорить он, но Сехтен молча сделал жест, и лакеи дома Терим внесли клеймор с богато украшенной рукоятью.

Посмотрев на солидный двуручник, Эйлевар только хмыкнул. Слуги внесли щит, и белобрысый надел его на руку. Вынув рукоять, активировал лезвие плавным поворотом кисти. Золотое сияние озарило его фигуру. Сехтен сделал несколько пробных махов огромным мечом. Все присутствующие, отпрянув к стенам, хранили мертвое молчание, и сталь свистела хищно и свирепо.

Кьяра напряженно следила за толпой у стен. Если кто-то из них вздумает колдовать, она незамедлительно убьет мерзавца. Когти все еще впились в дерево, но тело готово было в любой момент взвиться словно пружина.

Сехтен сделал рывок, такой стремительный, что сталь смазалась в бликующее пятно. Как быстро движется! Эридан выставил щит, но слишком поздно. Острие чиркнуло по левому плечу, скрипнуло по щиту, задев умбон, и полоснуло по правой ноге. К счастью, только ужалило кожу, вспоров плотную ткань одежды. Быстро отпрянув, шрамолиций сменил стойку.

Помедлив секунду, белобрысый атаковал Сехтена в ответ. Открывшись на мгновение, подманил противника поближе, но в последний момент подставил щит, поймав на него мощный удар. Сияющее лезвие прожгло котарди на груди Терим. Отпрянув, Сехтен контратаковал, страшный двуручник прошел так близко, что срезал прядь белых волос. Взбешенный от боли рыцарь Титании продолжил нападать. Сталь сверкнула смазанным движением, но полные ярости удары прошли мимо, обдав потоками воздуха. Воспользовавшись разгоряченностью противника, Эридан хладнокровно поразил его в плечо и лопатку. Лезвие вспыхнуло, громко зашипела кровь, спекаясь от жара. Отстранившись, Сехтен ушел в глухую оборону.

Следя за гостями у стен, Кьяра лихорадочно думала, что делать, если Эридан проиграет. Сбежать, бросив остальных? Пожалуй, иного выхода не будет. Возможно, она успеет взять с собой Арума и Зариллона, а как же гвардия? Они не сдадутся, не сложат оружие, погибнут вместе с ним. “Бездна”, — думала она, — “раньше я не страдала такими дилеммами. Эридан, пожалуйста, выиграй этот бой”. Девушка мысленно взмолилась Тиморе, чтобы та одарила эльфа своей улыбкой.

Сехтен топнул ногой, и слуги, что находились ближе к нему, закричали, разбегаясь в разные стороны. Эридан лишь хмыкнул, не сдвинувшись с места. Шрамолиций нахмурился, явно ожидая другой реакции. Он прыгнул с места, с невероятной ловкостью и силой. Движение стали превратилось в парящую стальную змею. Яркий блик ослепил Эридана, кровь брызнула на пол, белобрысый поспешил отойти. Темное пятно, набухая, стремительно разрасталось на бедре. Поморщившись от боли, Эйлевар впился в противника внимательным

взглядом, в котором читалась предельная концентрация и осторожность. Этот чудовищный меч с легкостью мог поделить его надвое, и все, что его защищало — тонкий слой дерева с металлом да ловкость собственного тела.

Атаковав противника, Эйлевар позволил Сехтену сделать глубокий выпад. Ударил щитом по шрамированному лицу, разбив нос и губу. Машинально схватившись за нос, младший Терим ненадолго открылся, и белобрысый нацелился колющим в сердце. Лезвие должно было глубоко нырнуть, прожигая смертельную рану в груди, но Сехтен в последнее мгновение ушел от удара. Какой же ловкий! Лезвие, шипя, чиркнуло между ребер. Закричав от боли, Терим сделал несколько быстрых шагов назад и снова топнул ногой.

Вуу! — воздушная волна от этого толчка заставила Эридана отпрянуть с неприкрытым ужасом в глазах, а Сехтен, словно подпитавшись из невидимого источника, с новыми силами ринулся в атаку. Его меч быстро затанцевал в воздухе, словно смертельно опасная коса, заставляя белобрысого судорожно отступать все дальше и дальше. Ярко сияющее острие оставило на теле Эридана кровоточащие полосы. Очередной размашистый удар пришелся на щит, сбив альбиноса с ног, он машинально ушел в кувырок, ускользнув от чудовищного меча, который чуть не пригвоздил его к полу. Клинок глубоко вошел в дерево. Вскочив на ноги, белобрысый воспользовался секундой промедления, и пока Сехтен вынимал клинок, нанес сильный удар в грудь. Сехтен пошатнулся, но устоял, опираясь на клеймор. На груди темноржавыми пятнами запеклись глубокие раны. Утомленные болью и сражением, противники выжидали, изучая друг друга.

Опершись на гарду, Сехтен посмотрел на кровавые следы, оставленные Эриданом, затем на побелевшее лицо противника. Мгновение, и двуручник описал дугу, целясь в голову, но в последний момент сменил направление. Эридан подставил щит, но клинок ударил в левое предплечье, глубоко рассекая мышцы. Закричав от боли, белобрысый качнулся и упал на одно колено, почти выпустив щит. Почуввав скорую расправу, Сехтен забыл о страшных ранах на груди. Победитель архифей стоял на коленях, истекая кровью, грудь и голова открыты для завершающего приема. Страшный двуручник взметнулся в ударе палача, в основание шеи, и дальше в грудную клетку, насколько хватит сил. В момент замаха Эридан поднялся с колена. Сехтен удивленно замер, глядя на рукоять, торчащую из его груди. Пальцы расслабились, отпуская двуручник. Зал огласился звоном упавшего меча, а мгновение спустя — отчаянным криком Ханиса, когда голова его сына слетела с плеч.

Тело с глухим звуком осело на пол, а следом — щит Эридана, ставший вдруг невообразимо тяжелым. Под звуки причитаний Ханиса, победитель сделал взмах мечом:

— Кто еще желает оспорить мое право?

Самообладание покинуло Элаха. На лице отразились растерянность и страх.

— Никто?

Эридан подошел к своему креслу и остановился. Гордая осанка, несмотря на боль от многочисленных ран, глаза светятся недобрым красным огнем.

— Приведите сюда Фистиль! — громко приказал эльф, поднявшись на возвышение.

От природы выше Элаха, благодаря нескольким ступеням, ведущим к площадке трона, Эридан еще сильнее возвысился над ним, и, подавив внушительностью своего образа, превратив главу дома Терим в жалкую фигурку.

— Лорд Элах, — прозвучало в мертвой тишине, — я уважаю вашу веру и готовность умереть за нее. Вы не учли одного. Вы умрете, и не останется никого, кто бы смог продолжить ваше дело или перенять веру. Она сгинет вместе с вами, но прежде я хочу, чтобы

вы посмотрели, на что обрекаете свой дом.

Слуги привели Фистиль. По сравнению с Эриданом она казалось маленькой куколкой в изящном платье, с изысканной прической, в которой сверкали бриллианты. В светло-серых глазах мелькнула растерянность, но лицо сохраняло спокойное достоинство.

— Подойди ко мне, — приказал белобрысый.

Поколебавшись мгновение, эльфийка подошла ближе. Эйлевар внезапно схватил ее за хрупкую шею. Фистиль вскрикнула и вцепилась в руку, словно пытаясь разжать стальной захват пальцев. Кровь отхлынула от лица Элаха.

— Грязь и уродство сражений... — произнес Эридан, глядя на испуганное личико. — Боль от последствий заклинаний и отрубленных конечностей. Медленная и мучительная смерть... Я буду милостив, Элах. Не обреку вашу прелестную дочь на такие страдания. Ее смерть будет быстрой и безболезненной. Почти.

Элах попытался что-то сказать, но Эридан перебил его гневным криком:

— Это именно то, чего вы хотите? Этого вы добиваетесь?!

Одной рукой он подтащил девушку ближе к отцу. Она слабо трепыхалась в его хватке, бриллиантовые шпильки из прически разлетелись по полу, а глаза покраснели от слез. Эльф поднес к ней лезвие. Почувствовав жар клинка, она закричала:

— Нет! Нет!

Запахло паленым волосом, и Фистиль зарыдала, словно маленькая девочка:

— Нет! Папа!

Услышав пронзительный крик, Элах качнулся вперед:

— Нет! Я сделаю все, что скажете!

Он упал на одно колено и склонил голову так низко, что волосы коснулись пола. Эридан перевел на него красный от злобы взгляд. Сжав зубы, отвел клинок от лица девушки, его рука подрагивала от злости. Он сделал шаг в сторону Элаха, волоча девушку за собой:

— Так вы все-таки не готовы, чтобы весь ваш род погиб за веру, а?

Глава дома Терим как будто еще сильнее вжался в пол.

— Я предлагал мир, но вы предпочли пролить кровь! — прорычал Эйлевар, затем, сделав глубокий вдох, продолжил уже спокойнее, но в голосе все равно звучали стальные нотки злости. — Вы вероломны, Элах. Ваша дочь останется заложницей, как гарант вашей верности

Тот поднял лицо, испуганно посмотрел на белобрысого, затем на заплаканную дочь.

— Господин... — произнес зеленоглазый. — Чем мне доказать...

— Я скажу это один раз, Элах, — перебил Эридан. — Если предашь меня, ты получишь свою дочь. Я буду высылать ее по частям. Уверю, она будет жива до самого конца.

Элах посмотрел на него, и слова застряли у него в горле.

— Можете быть свободны, лорды, — распорядился победитель. — Заберите тело родича и уходите. Жду вас через три дня для обсуждения всех тонкостей. А сейчас... вы меня утомили.

Элах поднялся на ноги, бросил последний взгляд на Фистиль и поплелся в сторону выхода. Заносчивый лорд сейчас выглядел понурым и съезжившимся. Лакеи подхватили труп и голову Сехтена. Когда двери тронного зала закрылись за домом Терим, Эридан разжал руку, и девушка буквально выпала из нее, словно тряпичная кукла.

— Уведите, — распорядился эльф, и слуги отвели обессиленную леди на этаж наложников.

Кьяру трясло от разыгравшейся перед глазами сцены, то ли от волнения, то ли от страха перед Эриданом. Она понимала, что, возможно, это был единственный способ утихомирить взбунтовавшийся дом. Арум выглядел ошарашенным. Вряд ли он понимал подоплеку происходящего.

Когда девушку увели, Эридан осел на ступеньку. Жрец быстро обошел его со спины и произнес, осматривая левое плечо, где зияла самая приметная рана:

— Надо обработать.

Эльф резко обернулся в его сторону, прожигая драконида красным от ярости взглядом. Тот отпрянул от неожиданности. Эльф моргнул, и глаза вновь стали голубыми:

— После. Я не чувствую ран.

— Это пока, — пробормотал Арум. — Скоро возбуждение от боя пройдет.

Кьяра присела на ступеньку рядом с ним, положив руку на его правое плечо. Эльф выглядел опустошенным и пассивно позволил дракониду снять с него камзол и рубашку. Осмотрев нанесенные раны, жрец цыкнул:

— Нехило он вас. Еще чуть-чуть и отрубил бы руку... Я не взял посох, так что потерпите.

Арум зашептал, накладывая лечашие заклинания. Кровь остановилась, несколько неглубоких царапин исчезло без следа, а края глубокой раны на плече немного стянулись. Идеально гладкую кожу там, где когда-то были выжжены буквы, снова украсила отметина раны.

— Я боялась, что тебя убьют, — тихо сказала тифлингесса, немного отодвинувшись от эльфа, чтобы лекарю было удобней делать свою работу.

— Он мог. Очень силен, — так же тихо ответил Эридан, смотря в одну точку.

— Но не убил, — фыркнул Арум, дочитав формулу очередного заклинания. — Вы хорошо держались.

— Будь он хладнокровнее, раскатал бы меня по всему тронному залу, — признался белобрысый. — Даже было жаль убивать. Мне было бы чему его научить.

— Арум, твой посох в лазарете? — спросила девушка. — Я схожу за ним.

— Он в моей комнате, так что дай пока комплект, сделаю перевязку.

Чародейка передала ему рулон полотна, и драколюд начал по-деловому перематывать оставшиеся раны.

— Можно было бы и пощадить, — пробурчал он в процессе.

— По обычаю победитель получает все, — отозвался эладрин. — В том числе и жизнь. Он даже в какой-то момент напугал меня...

Эридан устало покачал головой.

Арум хлопнул его по целому плечу:

— Рад, что ты можешь испытывать страх. Может, будешь целее.

Почти весь рулон ушел на торс и рану на руке. Арум цыкнул сквозь острые зубы:

— На бедро не хватает. Пойдемте в лазарет.

Тот махнул рукой:

— У меня по плану встреча с Халирр, в лазарете я ее проводить не буду.

Натянув обратно окровавленную и разорванную одежду, прибавил:

— Потом подойду. Видишь, я ведь не умираю?

Он встал, давая понять, что разговоры окончены:

— Вы свободны.

Кьяра молча направилась в сторону гостевого уровня. Тяжелый бархат платья скрыл раздраженные движения хвоста. “Как же он бесит”, - подумала она.

Последнее, что услышала девушка, скрываясь за дверями на лестницу — эльф приказал слугам убрать тронный зал и принести стол для переговоров.

Глава 5. Видения и сон

— Если не придет к вечеру, сам его приволоку, — пробормотал Арум на драконьем. — Надоело.

Он шел следом за Кьярой, поэтому она отлично слышала этот крик души.

— Понимаю, — усмехнулась она. — Покажи, комнату, в которой живёшь, чтобы я знала. Не буду беспокоить, если только ты сам не захочешь пообщаться.

— Ты меня не беспокоишь, — вздохнул жрец, поравнявшись с девушкой. — Меня вообще никто не беспокоит в последнее время. Даже скучно. Надеялся запереть в лазарете Эридана и хоть как-то себя развеселить

Драконид провел ее по коридору гостевого этажа, в сторону лестницы на уровень лазарета, остановился у крайней двери:

— Эта моя комната. Заходи, если станет грустно или скучно...

Посмотрев на жреца, девушка подумала, что ему стоит рассказать о видениях, которые посетили ее во время слепоты.

— Я вспомнила одну вещь, которую хотела тебе рассказать, — начала она.

Недолго думая, он открыл дверь и пригласил тифлингессу в комнату. Внутри было так же аскетично, как и в комнате Кьяры, разве что окна были большими и пропускали много света, а вместо зеркала или шкафа стояла большая жаровня, в которой все еще тлели благовония, распространявшие аромат елового леса. Сев на стул, девушка рассказала Аруму о видениях, особенно заострив внимание на том, что еще не сбылось: на черной птице.

— Разные видения посылал мне Темпус, — произнес драконид, дослушав ее. — Некоторые я смог расшифровать. Другие нет. Я видел черную птицу с мечом Эридана в когтях. Это было еще до всего этого, на Фаеруне. А после, уже здесь, увидел, что меч в когтях птицы взрывается и рассыпается множеством искр.

— А птица случайно не ворон? — поинтересовалась девушка.

— Похоже, но не уверен.

— Обычно я задаю тебе личные вопросы, и ты честно на них отвечаешь, хотя видно, что тебе не всегда приятно, — с улыбкой сказала она. — Давай, я раздобуду нам поесть и отплачу той же монетой...

Они заказали еды у слуг, и во время трапезы Кьяра поведала о своем приказе.

— Видят боги, как местами было тяжело, — подытожила она рассказ. — Пытаться бороться с его упрямством, чтобы он сам себя не урубил. Я тоже его боялась. Спасибо Эрте... — она прервалась на пару глотков вина.

— Это многое объясняет, — ответил Арум. — Вы не выглядели как хозяин и слуга, но при этом ты всегда была рядом. Я думал, что вас связывает общая история, как с Эртой. Да, я действительно его боялся. До сих пор кажется, что временами он словно одержимый злым духом. Ты так и привязана к нему?

— Уже нет, он выкупил мою душу. Вы были свидетелями той сцены в тронном зале, когда Дриман и маги ушли, а жриц смели. Королева получила то, чего хотела. Эридан сыграл свою роль, можно сказать, был ее мечом.

— Высшие силы играют нами, словно в шахматы, — покачал головой драконид. — Аурил, Королева Воронов, Темпус... кто знает, кто еще вкидывает в эту игру свои кости. А я никогда не любил игры...

— Да, так и есть, — задумчиво сказала тифлингесса. — Эридану меньше всего повезло с игроком. Ты веришь в Темпуса и предан ему, Королева Воронов, хоть и умеет добиваться своей цели и манипулировать пешками, не страдает излишней жестокостью, в отличие от Аурил. Та же искренне наслаждалась, мучая его. Да, скорее всего, есть ещё игроки, которых мы не знаем, но это неважно. Возвращаясь к твоему видению, мне кажется, оно уже сбылось, но я не специалист по трактовке видений.

Она вновь приложила к бокалу.

— Я знаю. Видел ее. Видел, что она делала, — пробормотал драколюд, делая судорожный глоток вина. — Мне жаль, что Эридан потерял силы, но рад, что он больше не служит ей. Однако, добрее он не стал. Мне казалось, он убьет эту девочку... Возможно, это видение и сбылось, но есть другие, — он прервал речь усталым вздохом. — Победа над Мэб может тяжело нам даваться.

— Когда он в ярости, то себя почти не контролирует, — подтвердила Кьяра. — Я думала, что он меня убьёт пару раз. Начало нашего знакомства было очень "весёлым".

Она вспомнила тот день. Прошло не так много времени, но по ощущениям — несколько лет.

— Он был жесток к тебе? Ну и низость... — с отвращением сказал жрец. — Вот так считаешь кого-то храбрым, сильным, если не добрым, то в какой-то степени великодушным... а потом узнаешь что-нибудь такое, и светлый образ рушится.

— Не будь так поспешен в выводах, — усмехнулась девушка. — Я тоже совсем не образец благочестия, и местами перегибала палку. Эридан может быть и великодушным, и жестоким. Наверное, как многие люди. Ему надо было сломать Элаха, раздавить его, боюсь, благородством тут не удалось бы отделаться. Он очень боялся, что Терим присягнет Мэб. Только ему не говори, что рассказала. Рассердится.

— Я все еще слишком верю в идеалы, — сказал Арум. — Поэтому мне порой трудно признать, что мир и люди могут быть далеки от дихотомии добра и зла. Янтарь был мудрее в этом плане...

Вспомнив о брате, он вновь погрузился в мысли, и Кьяра поспешила сменить тему.

— Расскажешь, что видел о Мэб? — спросила она.

Подумав немного, драколюд ответил:

— Мои видения не всегда бывают информативными. Видел черного единорога, фигуры, окруженные смертью и холодом. Она придет не одна. Она очень сильна. В каком-то смысле это сестра Аурил. Чтобы победить Мэб, нужно стать воплощением огня.

— А Эридану ты рассказывал про это видение?

— Рассказывал ему. Знаешь, что он сказал? "Я не разбираюсь в метафорах".

Он так удачно передразнил манеру речи Эридана, что тифлингесса не сдержала улыбки.

— Что-нибудь придумаем, — поспешила успокоить она. — Твоя вера в идеалы по-своему прекрасна, надеюсь, я все не испортила, рассказав лишнего.

Тон ее голоса был шутливый, и драконид быстро подхватил его:

— Я переживу этот кризис веры.

Грусть на лице Арума сменилась улыбкой, и тифлингесса порадовалась, что смогла развеять его мрачные думы.

— Что ж, пожалуй, пойду к себе, спасибо за компанию за обедом, — сказала она.

— Спасибо за твою откровенность, — отозвался драколюд. — Ты всегда можешь поговорить со мной, если возникнет такая необходимость.

Кивнув, девушка вышла из комнаты дракониды. События сегодняшнего утра успели утомить ее, поэтому она решила немного вздремнуть после обеда. В Бездну Эридана. Она там переживала за него этим утром, а он не сказал ей ни одного ласкового слова. Какой дурак.

Кьяра заперлась в комнате и бухнулась на кровать. Немного повалявшись, наконец заснула. Во сне ее окружал непроглядный мрак, полный жутких отдаленных шепотов. Кто-то крепко схватил за руки и ноги, сверкнула сталь, тифлингесса закричала от боли. Изящные крылья упали на землю, подрагивая в конвульсиях. Она захлебнулась криком, и ее швырнули в яму, полную острых стеклянных зубцов. Иглы воткнулись в руки, ноги и туловище, ломались, крошились, забиваясь острыми песчинками в открытые раны. Все тело покрылось яркими вспышками боли, отдающимися белым заревом в глазах. Кьяра могла только ползти, скользкая от собственной крови. Рука наткнулась на что-то. Приглядевшись, тифлингесса увидела Элледина. Его глаза были широко распахнуты, а шея застыла под неестественным углом, как и руки, изломанные в нескольких местах. Рядом бесформенными грудями лежали тела Арадрина и Каленгила. Все гвардейцы лежали на острых зубцах, и все мертвые. На мгновение позабыв от боли, Кьяра отползла от них и наткнулась на большое тело с вытянутой челюстью. Арум! Только вся прекрасная золотая шкура была начисто снята с тела, обнажая мышцы, липкие от застывающей крови. Рядом лежал Эридан. Расслабленное лицо без маски ужаса или мук, прикрытые словно во сне глаза, и если бы не мертвенная бледность, Кьяра решила бы, что он в трансе или без сознания. Дыра в его груди, ощерившаяся осколками ребер, блестела красной влагой. Сердце вынули... Все умерли, и только чародейка осталась жить, изувеченная, в яме, полнойtrupов.

Она проснулась в полнейшем смятении. Рано обрадовалась, что кошмары больше не беспокоят. Что это? Прodelки Страны Фей? Предупреждение? Последствия пережитого стресса? Немного успокоившись, девушка вновь опустила голову на подушку, но тут ладонь наткнулась на что-то острое. Поранив палец, девушка отдернула руку, потянув за собой край одеяла. На простыне, уже слегка окрашенной кровью из ранки, лежал осколок стеклянного зубца.

Кьяра испугалась. Она помнила, что как раз такие сине-серые толстые иглы снились ей в кошмаре. Осколок трона, выпавший из сумки? Девушка пошарила в ней и достала один из прихваченных обломков. Нет, определенно кристаллы, из которых состоял дракон, были сине-розового цвета. Чародейка прощупала его с помощью магии. Какая странная аура! Такой она не встречала ни на Фаеруне, ни в Нижних Мирах, ни здесь, в Стране Фей. Откуда он взялся? Его подкинули в постель, и, прикоснувшись к нему, девушка увидела этот чудовищный кошмар, или же этот странный предмет пришел прямиком из сновидения? Разве такое возможно?

Кьяра спустилась к подъемнику. Хотелось немного подышать свежим воздухом, отвлечься от ужасов, увиденных во сне. Деловая суeta гвардейцев, их доносящиеся издалека разговоры немного успокоили ее. Общаться с ними не хотелось, но их жизнелюбие определенно разряжало атмосферу.

Прогуливаясь вдоль парапета, чародейка еще немного полюбовалась небом и простирающимся во все стороны лесом. Уже возвращаясь к лестнице, она заметила, как эльфы столпились вокруг конюшни. Раздался громкий металлический лязг, волки трусливо разбежались, а эльфы расступились, освобождая проход. Из конюшни вышел Эридан, осторожно выводя кошмара. Тот мотал головой, раздувал ноздри и всячески показывал

недовольство, но эльф крепко держал ее под уздцы. При попытке оседлать, исчадие взъярилось, огненные копыта высекли яркие искры, и эльф отшатнулся, избежав удара. Кобыла попятилась от белобрысого, но тот схватил ее за голову, как некогда хватал Змея. Они посмотрели друг на друга злыми красными глазами, никто из них не хотел уступать. Однако Эйлевар сделал несколько шагов назад. Подняв кверху ладонь, достал кинжал и провел алую линию так, что кровь шустро заструилась на пол. Исчадие раздуло ноздри, из которых повалили дым и пламя, и медленно двинулось в сторону эльфа, словно под гипнозом. Продолжая пятиться, белобрысый отвел ее подальше от конюшни, затем остановился, позволив приблизиться вплотную. Кобыла ткнулась носом в ладонь и начала слизывать кровь длинным, словно у ящерицы, языком. Клыки вонзились в руку, Эридан скривился от боли, красная струйка потекла на пол бодрее, собираясь в маленькую лужицу. Отняв ладонь, эльф позволил скакуну переключиться на эту лужу на полу, и пока тот был занят, перекинул поводья, легко вскочив на его спину.

— Эридан, ты уверен? — тихо спросил Элледин, разглядывая эту картину.

— Если что, ты мой преемник, — усмехнулся тот в ответ.

Натянув поводья, он дал кошмару шенкеля. Зарычав, тварь моментально скакнула вперед, прямо через парапет карниза, а затем эльфы увидели удивительное зрелище: бегущего по небу адского коня.

Волки продолжали крутиться вокруг конюшни, но внутрь не заходили, запах исчадия отпугивал их. Кьяра поспешила успокоить Скага:

— Не бойся, она с виду страшная. Если будет нападать — дерись.

Однако волк испуганно прижимал уши и ластился к хозяйке, оставляя на черном бархате приметную белую шерсть. Девушка вздохнула. Звери есть звери, и некоторые инстинкты в них сильнее прочих.

Элледин подошел к самому краю платформы, обеспокоено вглядываясь в небо. С этого расстояния Кьяра уже не слышала, о чем они говорили гвардейцы, однако они периодически смеялись, показывая пальцем куда-то вверх.

Наконец кошмар вернулся на карниз. Спешившись, Эридан поманил лошадь раненой рукой, оба скрылись в конюшне. Через несколько минут эльф вышел, перематывая кисть платком.

— Кажется, я нашел к ней подход, но это будет стоить мне здоровья, — со смехом объяснил он Элледину.

— Ужас, — фыркнул тот, — может, все-таки убьем ее?

Похлопав друга по плечу, Эридан направился в сторону лестницы. Кьяра пошла следом, и, догнав на ступеньках, спросила как можно более небрежным тоном:

— А это нормально, что предметы из снов попадают в реальный мир?

Он обернулся, и выражение лица на мгновение стало очень удивленным:

— Нет, никогда не слышал о таком.

Девушка заглянула прямо в глаза, стараясь прочесть мысли и эмоции. Неужели он игнорирует ее?

— Теперь ты на меня злишься? — спокойно спросила она.

— Нет, — ответил он. — Я не понимаю тебя.

Кьяра прочла в глазах растерянность.

— Значит, у меня создалось такое впечатление, — произнесла тифлингесса, взяв его за здоровую руку.

— Ты сказала оставить тебя в покое, — пробормотал он.

“Кажется, он действительно просто выполнял мою просьбу”, — подумала Кьяра. Это ее немного успокоило. На какое-то мгновение она подумала, что он потерял к ней интерес и отстранился.

— Да, на некоторое время, — кивнула девушка. — Меня сильно обидели твои слова. Ты извинился, но не всегда можно по щелчку вернуться в нормальное состояние. Видимо, я действительно очень ранимая....

— Ты не ранима, — вдруг возразил он, — это я не слежу за словами. А после испугался твоей реакции.

— А я сильно боялась, что тебя убьют, а потом сцена с Фистиль. Я не осуждаю...

— Я снова напугал тебя, да?

Она кивнула. Его ярость была спонтанна словно удар молнии и столь же разрушительна.

— Мне даже было жаль Фистиль и Ханиса, — призналась чародейка, — но тебе надо было сломить Элаха. К тому же ты предлагал мирное решение.

Они поднялись в тронный зал, пустынный и тихий.

— Меня спасло хладнокровие в бою, — произнес Эридан, — но после убийства Сехтена мной овладела ярость. Элах бросил своего племянника в жернова и не поморщился. Он и планировал, что племянник, несомненно, невероятно могучий воин, убьет меня. Я... если бы он помедлил, я убил бы его дочь.

Он опустил голову. В глазах не было вины, только задумчивость.

— Знаю, — сказала тифлингесса, а затем спросила насмешливо. — Интересно, а если бы ее покушение на твои колени увенчалось успехом, это бы тебя остановило?

Он ненадолго задумался:

— Возможно. Смотря, насколько хорошо было бы это покушение спланировано и осуществлено.

— Какой вы падкий на смазливое личико, интересно и что во мне только нашли?

Тепло улыбнувшись, она обняла его. Несмотря на тон, вздорный и наигранно обиженный, она не чувствовала сейчас ничего плохого.

— Все-то ты про меня знаешь, но не знаешь, что я в тебе нашел? — лукаво ответил он. — Как ты там говорила? Нужно оставить немного загадки?

— Это я вообще-то говорила про женщин, — фыркнула Кьяра, улыбаясь.

Она была довольна, что Эридан повеселел. Эйлевар распорядился накрыть на стол, он еще не обедал. Тифлингесса присоединилась к трапезе. Она была сыта, но десерт выглядел очень аппетитно.

— А Терим уехали или по-прежнему гостят во дворце? Как прошли другие переговоры? — спросила она, слизывая крем с ложки.

— Они уехали, — ответил эльф, оторвавшись от сочного ребрышка. — Если бы остались, снова могли бы придумать глупость. Попытаться выкрасть Фистиль, например. А леди Халирр действительно присягнула мне, ее войска скоро присоединятся к нашим, а пара ее людей будут находиться при мне, — он задумчиво опустил ребрышко на тарелку. — Но меня все это настораживает. Или я ищу везде двойное дно, или... Слишком легко согласилась...

— Согласилась действительно быстро, но, возможно, у них просто нет столько гонора, — хмыкнула девушка. — А ещё есть вариант, что леди Халирр надеется породниться с тобой, и тогда все просто объясняется, — как бы невзначай добавила она, отломив

очередной кусочек от десерта. — Она же сказала, что в их семье этим клинком давно по праву никто не владел.

Эридан очень глубоко задумался.

— Мне бы такое даже в голову не пришло, — пробормотал он. — Может быть. Это рациональный шаг.

Тифлингесса удивленно приподняла брови. Неужели он даже не подумал о подобном варианте?

— Мне казалось, это очевидно, — произнесла она. — Ждите делегаций на поклон с дочками, особенно, когда Терим присягнет и когда сразите Мэб.

— У меня нет будущего. Этот мир ненавидит меня. Так что не знаю, что будет, когда сражу Мэб. Даже если они вдруг перестанут считать меня злодеем, все равно не перестану быть собой. Я хотел уничтожить старый уклад в Стране Фей, деление на Благой и Неблагой дворы. Это я могу. Построить что-то?...

Он покачал головой. “Я могу только немного расчистить площадку под строительство, но для того, чтобы построить нечто новое, мало только желания”, - подумал он и вновь загрустил.

— Могу попробовать успокоить Фистиль, мне это неплохо удастся, — попробовала сменить тему Кьяра.

— Ты и правда добрая, — заулыбался эльф. — Можешь попробовать. Девочка будет долго гостить у нас, и жестоко все время держать ее в страхе.

— Меня уже в добрые записали, — фыркнула Кьяра. — А третий род?

— Дом Трабрар не присягнет, — сказал эльф. — Я уничтожил их угодя, но по этой же причине они и не присягнут Мэб. Та тоже любит зиму, а ещё смерть. Надеюсь заручиться их поддержкой, но для этого мне нужно понять, как развеять это заклятие зимы.

Вновь воспряв духом, он продолжил трапезу. Глядя на него, Кьяра немного замечталась. “Он не хочет править, там может, после победы над Мэб просто сбежим куда-нибудь на Фаерун?” — подумала она. От этих мыслей стало очень тепло.

— О чем ты замечталась? — спросил Эридан, вытирая руки.

— О всяких глупостях, — ответила чародейка, скорчив насмешливую мордочку. — А теперь, Ваше Величество, марш в лазарет.

От ее взгляда не скрылась его очевидная хромота, да и девушка помнила, что Арум сумел исцелить далеко не все раны. Прежде чем шутливо откланяться и уйти в лазарет, Эйлевар объяснил тифлингессе, где держат Фистиль. Кьяра решила зайти к ней чуть позже. Сначала нужно было решить один очень важный вопрос.

Переодевшись, девушка направилась в башню мага. Она занимала целый уровень, смежный с этажом наложников, и представляла собой комплекс помещений: алхимическую лабораторию, зал для магических экспериментов, библиотеку и обсерваторию. Окна здесь были маленькие, почти под самым потолком. Какой-то изысканности в интерьерах Кьяра не обнаружила. Обстановка простая и функциональная. Кьяра нашла Зариллона в лаборатории. От блеска металлических, медных и стеклянных элементов пестрело в глазах. Стену занимал огромный шкаф с множеством маленьких выдвижных ящичков, подписанных на неизвестных девушке языках. Маг сидел за большим столом с увеличительными стеклами на стойках, в руках у него была колба с подтаявшими кусочками льда, а рядом, внутри очерченного магическими формулами круга, находилось сияющее зелье, которое девушка уже где-то раньше видела.

— Зариллон, я опять пришла с загадкой, над которой можно поломать голову.

— Да? — ответил эльф, отвлекаясь от созерцания льдинок, взгляд у него поблескивал нездоровым интересом.

— Сегодня приснился кошмар. Меня кинули на стеклянные пики, но самое странное, что когда проснулась, то поранила руку об этот осколок.

Она достала стеклянный зубец и протянула волшебнику.

— Похоже на обсидиан, но необычный. Были сегодня и сильные эмоции, и страх, и общение с кошмаром. Может как-то связано, — продолжила девушка.

Взяв осколок, Зариллон внимательно осмотрел его под увеличительными стеклами на стойке.

— Действительно, похоже на обсидиан, но это не он, — произнес, наконец, он и начал чертить мелом формулу на доске, лежащей на столе. — Первый такой случай?

— Да, — подтвердила Кьяра. — Кошмары были, но они не овеществлялись.

Начертив формулу, эльф положил осколок в центр круга. Линии вспыхнули ярким белосеребристым светом, заставив волшебника отпрянуть. Вместо круга и символов на доске остались глубокие выжженные следы, все еще источающие струйки дыма.

— Это материя плана фей, но изначально магия другого плана, — удивленно произнес эльф. — Судя по цвету, я бы сделал ставку на Лимбо или Астральный. Это... как бы так сказать... сила мысли, облаченная в материальную форму.

— Но как это возможно? И почему? — удивилась тифлингесса.

— Вопрос, на который мне трудно ответить, — откликнулся Зариллон, с интересом разглядывая осколок. — Может, это влияние существа, события или предмета. Будь аккуратна. Может быть очень опасно.

— Спасибо за предупреждение, — кивнула Кьяра.

Она почти вышла из лаборатории, но в дверях остановилась.

— А ты знаешь заклинание Исполнение желаний? — спросила она.

— О, я не так силен... Далеко не так силен. Оно тебе необходимо?

— Я знаю, что его можно использовать для воскрешения, — объяснила девушка.

— Да, — подтвердил Зариллон. — Для многих целей. Есть разные существа и артефакты способные на это. Смотрела в сокровищнице? Слышал, там много всего. Эридан взялся было обследовать, но быстро сдался. Это вообще не его. А я занят здесь с несколькими задачами и не знаю, когда освобожусь.

— Спасибо за идею, — улыбнулась Кьяра и вышла из лаборатории.

“Надо бы наведаться в эту сокровищницу”, - подумала она. — “ Кто знает, какие интересные магические предметы могут там найтись?”

Пройдясь по уровню наложников, девушка нашла описанную Эриданом комнату. Она ожидала увидеть охрану, но вокруг двери было необычайно пусто, только кожей ощущался еле заметный холодок. Кьяра прибегнула к магии и увидела множество прозрачных фигур, которые хаотично летали вокруг двери. Очевидно, духи или привидения. Девушка считала таких существ крайне неприятными.

— Пропустите, — громко произнесла она, — лорд Эйлевар в курсе.

Медленно приблизилась к двери. Не заперто. Дверь отворилась без малейшего скрипа. Духи никак не отреагировали на действия тифлингессы, просто продолжали равнодушно прожигать ее взглядом.

— Леди Фистиль? — тихо позвала девушка.

В комнате царил тишина. Это помещение было гораздо больше комнаты Кьяры, и украшено причудливыми коврами и красочными драпировками по стенам. На полу были раскиданы осколки посуды, смятые платья и рассыпавшийся жемчуг, а гобелены с некоторых стен были неаккуратно сорваны. Что-то еще Кьяра увидеть не сумела, комната и правда была велика.

Вскоре она все-таки обнаружила Фистиль. Эльфийка лежала в керамической ванной, завернувшись в портьеру, словно в кокон. Судя по всему, на ней было только нижнее платье. Плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. Тихо сев рядом с ванной, Кьяра ласково погладила девушку по голове. Та встрепенулась от прикосновения и мгновение спустя закричала севшим голосом:

— Нет! Нет!

— Я не причиню тебе вреда, — попыталась успокоить ее чародейка, но страх в глазах эльфийки был слишком силен.

— Я сделаю все, что вы хотите, только не убивайте, — дрожащими губами прошептала Фистиль.

— Я просто посижу с тобой, — сказала тифлингесса, убирая руку, чтобы больше не пугать девушку прикосновениями.

— Пришла убить меня?

— Нет.

— А он... Он убьет меня, да?

Кьяра вздохнула:

— Нет, если лорд Элах будет вести себя правильно.

— Думала, отец просто выкупит меня, — всхлипнула Фистиль, — но теперь я, наверное, заперта здесь навечно.

Из ее глаз полились горестные слезы, и Кьяра вновь попыталась обнять, убаюкать в своих руках. На этот раз эльфийка не сопротивлялась и, обмякнув, запричитала:

— Мне так страшно. Так боюсь, что меня убьют. Боюсь его. Истории правдивы. Ты демон?

— Нет, — мягко улыбнулась Кьяра.

— Ты украдешь мою душу, а он ее сожрёт, — пробормотала эльфийка. — Я раньше не верила историям. И выглядит он... Ну... Смеётся, улыбается. Не похоже на того, кому вырвали сердце. Теперь я боюсь, что истории правдивы...

Она еще сильнее закуталась в портьеру, словно это могло бы ее защитить.

— Не верь тому, что слышишь, — произнесла тифлингесса. — У него есть сердце, но оно очень жестокое и холодное. Не бойся. Пока лорд Элах благоразумен, тебе ничто не угрожает.

Ей хотелось успокоить девчонку, но одновременно с этим чародейка понимала, что образ Эридана нужно сохранить в полной мере. Угроза, которую он излучал, должна выглядеть натурально.

— Отец любит меня, — отозвалась девушка. — Он сделает все возможное.

Кьяра почувствовала, что Фистиль перестала дрожать и дышать, словно загнанное животное. Кажется, у нее вышло успокоить эту леди.

— Хочешь, я приду завтра? — спросила тифлингесса.

— Да, — чуть помедлив, отозвалась Фистиль.

Кивнув и улыбнувшись, Кьяра покинула комнату и затворила за собой дверь. “Зачем я за

это взялась?” — подумала девушка. — “Неужели Эридан прав, и я действительно добрая?”

Глава 6. Леди советник

Поднявшись в королевские покои, тифлингесса нашла Эридана в кабинете. Она обняла его со спины, отвлекая от чтения книги. Отложив чтиво в сторону, он спросил:

— Ну как, ты успешный утешитель?

— Не очень, — призналась Кьяра, — ты слишком сильно ее запугал. Зато понаслушалась разного, и про вырванное сердце, и что я пришла вырвать ее душу, чтобы ты сожрал.

— Да, они уже придумали про меня басню, — невесело усмехнулся эльф. — Мол, Королева Зимы вырвала мне сердце и вставила кусок льда, поэтому я такой злой. А кто-то на полном серьезе распустил слух, что я отпрыск Мэб. Много... интересно узнал о себе, но про душу — что-то новенькое.

— Про душу это из-за меня. Она, кажется, решила, что я демон.

— В самом деле, с чего она взяла, что ты демон? Может ты дьявол? — пошутил эльф.

— Очень смешно, — фыркнула девушка. — Если они никогда не видели тифлингов, да ещё и таких особенных как я, то, думаешь, они отличат демона от дьявола? На самом деле я дракон, только маленький.

— Я и сам не отличу демона от дьявола, — признался белобрысый. — Знал я одного дракона. Она хорошо умела прятать свою сущность. А ты вот ничего не прячешь.

— Значит, она была старая, а я ещё молодая. Металлические только взрослыми могут становиться людьми. Представляю, какие будут о тебе далее ходить рассказы. У Эйлевара на службе демоны и драконы!

Лукаво посмотрев на него, она сказала:

— Надо проверить, удобные ли у тебя колени, а потом сравнить с другими.

Он приобнял ее за талию, прижимая к себе:

— Мои колени вскружили уже не одно девичье сердце, так что и сравнивать нечего. Они... несравненны, — ответил он. — Драконы есть, целых два. Дьяволы тоже имеются. Скоро мной будут пугать детишек, как ночными каргами. Не то, чтобы я против, но на страхе без любви далеко не уйдешь.

— А вы от скромности не умрете, — засмеялась Кьяра, примстившись у него на коленях. — То есть все-таки дракон? Признали наконец-то.

Обхватив его шею, она прильнула к губам эльфа игривым поцелуем. Оторвавшись от нее, Эридан шепнул на ухо:

— А есть ли смысл отрицать?

Скинув с себя плащ и сумку, Кьяра погладила эльфа по лицу и почувствовала его губы на своей шее. Он положил ее ладонь на свою грудь, и девушка почувствовала мягкое биение под тонкой тканью и горячей кожей.

— Да знаю я, что у тебя есть сердце, — шутливо сказала тифлингесса, проведя ладонью вдоль длинного шрама и слегка прикусывая пульсирующую жилку на шее.

— Это чтобы развеять всяческие сомнения, — прошептал он, расшнуровывая корсаж, однако ему не хватило терпения и ловкости, поэтому шнурок лопнул от резкого движения. — Не быть мне вором, завязки плохо мне даются...

Девушка засмеялась:

— Это точно...

Ее пальцы быстро пробежались по шнуровке, ослабляя узлы. Корсаж, откинутый в сторону, звякнул металлическими колечками. Эридан снял с нее рубашку и окинул поблескивающим взглядом. Провел ладонью вдоль талии, обхватил грудь и поцеловал каждый холмик, щекоча выбившимися из прически волосами. Язык оставил на коже влажно поблескивающий след. Слегка отстранившись, он стянул рубашку. Новая засечка на левом плече — единственное напоминание о смертельной битве.

Встав с его колен, тифлингесса освободилась от штанов. Ткань скользнула на пол, и эладрин произнес, улыбаясь:

— Какой вид...

Улыбнувшись в ответ, она вновь приблизилась к нему, ласково погладила по шраму на левом плече, выпуклому и длинному, а затем впилась в него когтями. Другая ладонь ласкала мышцы на груди, скребла когтями. Определенно, ему нравилось это ощущение: острые болезненные иглы по коже, мягкая ласкающая боль, разгоняющая кровь по венам, заставляющая сердце биться чаще и тело — пылать. Звякнув пряжкой, Эридан вытянул пояс с перевязью, а затем спустил штаны и скинул сапоги. Взяв за руку, притянул ее к себе, чувственно поцеловал. Пальцы скользнули по спине, словно тоже желая располосовать. Твердые подушечки скребли по чешуйкам и участкам нежной кожи. Ореол играл бликами на ее когтях, словно она высекала искры из эльфийского тела. Его шея, руки, грудь покрылись розовыми полосами от хищных прикосновений тифлингессы, а пальцы скользнули по внутренней части бедра, до нежной горячей кожи. Притянув Кьяру к себе, усадил на колени и вошел, наслаждаясь приятной мягкой тяжестью.

Девушка перехватила инициативу, двигаясь плавно и гибко, словно покачиваясь на небольших волнах. Они слились воедино и словно перетекали друг в друга: текучая темно-серая ртуть из острых кристаллов киновари, и обратно.

Слегка замедлив движение, Кьяра наклонилась вперед и прошептала на ухо:

— Ты сейчас такой расслабленный и беззащитный...

Когти слегка сжались на его горле. Еще немного и впились бы в кожу, оставляя кровавые отметины. У Эридана слегка перехватило дыхание от ощущений, но он быстро прошептал в заостренное ухо любовницы:

— Не такой уж я и беззащитный. Могу в любой момент схватить тебя за милую шейку. Пока руки свободны, вполне могу защититься.

Услышав это, Кьяра тихо зарычала, и эльф поднялся с кресла, держа ее на руках.

— Тебя это злит?

— Нет, напротив, заводит.

— Отлично.

Сделав несколько шагов, он прижал ее к стене, припечатывая собственным телом. Теперь двигался Эридан, и это были уже не легкие волны, мягко покачивающие тело, а быстрое и бурное течение, обволакивающее, лишающее сопротивления. Кьяра громко задышала, впиваясь в него когтями, словно боясь задохнуться или захлебнуться. Он и правда сейчас мог сделать с ней все что угодно, и эта мысль заставляла ее возбужденно трепетать.

— Ты такая дикая, — шепнул эльф, и девушка впилась в его плечо.

Зашипев от боли, он схватил ее за шею. Большой палец очертил линию вдоль подбородка, припухшей от поцелуев нижней губы и острых клыков. Ему было достаточно одной руки, чтобы удерживать тифлингессу навесу. Кьяра задышала еще чаще, ее захлестывали быстрые волны его движений. Он и сам поплыл мыслями, растворился в

упругом влажном жаре. Бурное течение рухнуло мощным водопадом, заставив их обоих дрожать, а затем все стихло, превратившись в плавные линии тела, расслабленные вздохи и нежные прикосновения.

— Ты меня так заводишь, — прошептал Эридан, обжигая дыханием ее ухо.

— Я заметила, — лукаво улыбнулась Кьяра. — видимо это и нашел, мои коготки и зубки.

Она вновь поцеловала его, но мягко. Сейчас ей было очень хорошо.

— Да, у эльфийских леди таких не бывает, — улыбнулся он, все еще держа ее навесу. —

И как я жил раньше? Ужас.

— Какой кошмар, правда?

Она показала ему язык. Эльф фыркнул:

— Могла бы и сама сказать, какой я распрекрасный.

Тон у него был шутливый. Он сильнее прижал ее мягкое расслабленное тело и понес в сторону спальни. Уложив на кровать, лег рядом с ней, положил голову на подушку. Кьяра взяла его за руку, провела пальцами по ладони и приложила к губам.

— Мне нравятся твои руки, — сказала она. — Они грубые от тренировок, иссеченные шрамами и в тоже время могут быть удивительно нежными и заботливыми. Ты жилистый и очень сильный, а твое тело само рассказывает историю, — отпустив руку, она погладила по лицу, слегка коснувшись тонких губ. — Помню, как меня согрела твоя улыбка и первые теплые слова, сказанные мне.

Ненадолго замолчав, она добавила:

— Мне нравятся твои ярость и сила. Они пугают и заводят, без них это был бы не ты, а какой-то другой человек.

Пристально посмотрев, эльф притянул ее к себе и заключил в объятия.

— Какие нежные слова, я не ожидал, — произнес он, мягко глядя по голове, — но мне не приходится сомневаться в твоей честности. Ты честна со мной, даже если это может разозлить или ранить. Ты сильная духом, смелая... Живая и настоящая. Так что тут дело не только в твоих клыках и когтях, хотя я от них, несомненно, таю и превращаюсь в тупицу. Не в твоём гибком и соблазнительном теле и звериных повадках. Просто ты...

Он смолк, поскольку слова закончились. В голове было так много мыслей, но одновременно с этим такая пустота. “Как жаль, что нужные слова ускользают от меня”, — подумал Эридан. Ему хотелось бы передать те оттенки эмоций, которые вызвали в нем ее слова, но смог только снова обнять и погладить по голове, нежно баюкая в своих объятиях.

— Всё-таки я и правда ценю тебя, и ты пробуждаешь во мне желание оберегать и заботиться, — произнес он наконец.

— Днём я на минутку размечталась, — мурлыкнула Кьяра. — Раз этот мир тебя не принимает, можно уйти отсюда, забрать тех, кто хочет, купить маленькое королевство...

Тон у нее был шутливый и сонный, каждое последующее слово она произносила все тише и расслабленней.

— Хорошая идея, — ответил он, поцеловав в висок. — Всегда хотел королевство, где меня не хотят убить.

Улыбнувшись, девушка растворилась в его объятиях. Кажется, когда-то ей снился сон, где кто-то баюкал ее. Ей этого так не хватало.

Утром ее разбудил приятный аромат чего-то сладкого и пряного чая с ягодами. Открыв

глаза, увидела полностью одетого Эридана. Заметив ее пробуждение, тот сказал:

— Было лень спускаться, и я попросил принести завтрак. Еле удержался, чтобы не растрясти тебя. Когда ты спишь, с тобой можно делать что угодно, ты в курсе? Как под заклятьем...

Гибко потянувшись, Кьяра приподнялась на кровати. Она увидела небольшой столик рядом с постелью. Сладостный аромат испускали свежие гренки и креманки с чем-то, поблескивающим застывшей карамелью.

— Обычно мышка мой сон караулила, зато в бою редко кому удастся меня опередить, — произнесла она, кутаясь в одеяло. — Теперь все слуги будут шептаться, что король спит с демоном.

— А тебе не все ли равно, что говорят слуги? — ответил эльф, взяв одну из креманок. — Моя репутация и так далека от идеала. Не можешь что-то исправить — расслабься и возглавь.

Зачерпнув ложечкой, отправил в рот и зажмурился от удовольствия:

— Я не люблю сладкое, но этот крем...

— Сладкое ты любишь, но притворяешься, что нет. Это тоже часть сурового образа?

Услышав это, Эридан закашлялся. Не каждый день кто-то осмеливался усомниться в его суровости.

— Эй, ты в порядке? — спросила девушка, похлопывая его по спине. — Слуги-то ладно, а вот остальные. Мне определенно нужна официальная должность при дворе. На оруженосца я точно не тяну. Например, советник.

Она с аппетитом принялась за еду. Роль этакой честной куртизанки, королевской фаворитки или наложницы ей претила. Нужна была настоящая работа и настоящий статус.

— Я думал над этим, — задумчиво ответил Эридан. — Вас с Арумом видели рядом с мной три уважаемых рода, так что логично назначить вас на государственные должности. Другое дело, какие? Если хочешь быть советником, тебе вечно придется быть на важных переговорах и мероприятиях. Я мог бы дать тебе роль потише. Мастер над монетой, глава отдела разведки и шпионажа...

Он смолк, обдумывая разные варианты. Он уже долго размышлял над этим, еще до злополучной шутки. У Кьяры было множество талантов, но один весомый недостаток: она абсолютно ничего не смыслила в политике Страны Фей и хитросплетениях взаимоотношений при эльфийском дворе. Стоит ли впутывать ее в этот гадюшник?

— Лучше советник, — отозвалась тифлингесса. — Все портит незнание языка, а дергать Зариллона каждый раз не хочется...

Она припомнила недавний разговор с магом и упоминание некой сокровищницы.

— Кстати, — сказала она, — он сказал, что здесь есть сокровищница, в которой куча артефактов, и усомнился, что ты осмотрел ее полностью. А если я ее осмотрю? Вдруг найду ещё что-то полезное.

— Что ж, тогда поздравляю с назначением на должность, леди советник, — с шутилой торжественностью произнес эльф, облизнув ложку. — Только носить изящный наряд и сопровождать меня — полбеда. Язык тебе действительно нужен. Ты вроде бы хотела выучить. Быстро его не осилишь, так что все равно без помощи Зариллона не обойтись. Насчёт сокровищницы. Я действительно пытался осмотреть ее, но к тому моменту магия уже покинула меня. Все, что нашел, отдал тебе, Аруму и Зариллону.

Отложив креманку, хлопнул себя по колену:

— Значит, решено. Даю тебе два ответственных задания: выучить язык и осмотреть сокровищницу.

— Как прикажете, Ваше Величество, — кивнула тифлингесса, запихивая в рот очередную гренку.

Закончив завтрак, они разошлись каждый по своим делам. Эридан сказал, что ему нужно пообщаться с новыми гвардейцами, предоставленными леди Амавель, и сделать еще несколько важных дел. Посетовал, что возможно сегодня задержится. Кьяра и сама была озадачена на целый день. Первым делом она хотела навестить Фистиль.

Комнату эльфийки охраняли несменные призрачные стражники. Постучавшись, тифлингесса отворила дверь:

— Фистиль, доброе утро...

— Доброе утро, госпожа Кьяра, — послышалось из комнаты.

Кьяра обнаружила эльфийку сидящей на маленьком диванчике. На ней было платье из серебряной парчи, а волосы были заплетены в причудливую прическу, скрепленную бриллиантовыми шпильками. Лицо свежее, словно и не было этих вчерашних слез. Сделав глоток из изящной фарфоровой чашечки, она спросила:

— Чаю?

— Я рада, что ты повеселела, — ответила тифлингесса, присев рядом с ней. — Да, с удовольствием выпью с тобой чаю.

— Я решила смириться с судьбой и принять ее с достоинством, — произнесла эльфийка, наливая чай в чашку тифлингессы. — Кроме того, я всё-таки ценный заложник. Так просто мне не причиняет вреда, наверное. Все же странно, что ты решила успокоить меня.

— Почему странно? — поинтересовалась Кьяра, сделав первый глоток.

Чай был не такой, какой предпочитал пить Эридан. Травянистый, с маленькими бутонами цветов.

— Какое тебе дело? Я никто тебе.

— Да. Это так, мы с тобой еле знакомы, — подтвердила тифлингесса. — Считай, что это была моя прихоть.

Эридан все объяснял прихотью, и чародейка решила последовать его примеру.

— Прихоть — обычное явление, — вздохнула Фистиль. — Все случается по прихоти.

Кьяра не ожидала, что отмазка так хорошо сработает. Она пригляделась к кукольному личику, желая увидеть там тени скрываемых мыслей. Эльфийка была практически непроницаемой. Было заметно, что она что-то задумала. В этой маленькой головке могли плестись изощренные планы.

— Не ожидала, что изнеженное жизнью создание окажется таким сильным, — сказала тифлингесса.

Фистиль изящно поставила чашку на столик:

— При дворе нужно уметь быстро мыслить и приспособливаться. Здесь все не так просто, как кажется.

— Догадываюсь. Для меня это обстановка новая, я многого не знаю. Ни этикета, ни языка, ни танцев. Хотя, этому, наверное, учатся с самого детства.

— Да, — подтвердила эльфийка. — Если мужчины по большей части вольны выбирать судьбу, хоть на них и возлагают ответственность, то для женщины путь один. Во всяком случае, в таком уважаемом доме, как мой. Есть дома, более свободные в этом плане.

— И каков этот путь, если не секрет?

— Стать женой или наложницей влиятельного лорда, — ответила Фистиль. — Принести дому больше влияния и прибыли через выгодный союз. Все банально. Этому тоже готовят с детства.

Она сказала это без какого-либо энтузиазма, и Кьяра равнодушно пожала плечами в ответ:

— Скучно. А ты сама никогда не хотела чего-нибудь другого?

— Хотела, — кивнула эльфийка. — Меня привлекали точные науки, и я люблю книги, но, когда дело касается будущего дома, личное отходит на второй план.

— Ваш род самый влиятельный. Тебе все равно не давали заниматься тем, что интересуется, — пробормотала чародейка, размышляя вслух.

Она прекрасно понимала, что во множестве культур роль женщины была настолько незначительной, что они воспринимались живым имуществом, но от Страны Фей она подобного не ожидала. Хотя это многое объясняло.

— Я иногда задумывалась о том, что жизнь могла сложиться иначе, — пожала плечами Фистиль. — Моя душа могла бы реинкарнировать в семье простолюдина или феи. Лучше всего — быть архифеей. Вот кто действительно могущественный и свободный.

В ее спокойном и даже равнодушном тоне скользнула детская мечтательность, будто она и правда желал переродиться в архифею и вырваться из этого порочного круга.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала Кьяра, отложив чашку. — Рада, что ты повеселела и моя компания тебе больше не нужна.

— Удачи.

В тоне эльфийки не было теплоты. Формальная вежливость, но тифлингесса и не рассчитывала на большее. Пожалуй, этой леди больше не требовалась поддержка.

Следующим делом было найти учителя по эльфийскому языку среди гвардейцев. Первым на ум пришел Элледин. Он терпелив и спокоен, наверняка, и учитель из него выйдет хороший. С этими мыслями Кьяра спустилась к подъемнику. Здесь уже всю кипела деловая суета. Меллот, Ятар и Лаемар дежурили. Девушка подумала, что если выстроить их в линию, то получится целая палитра от самого темного, Лаемара, с его темно-розово-фиолетвыми волосами, до Ятара. Неподалеку Арадрив и Суман сцепились в потасовке, а Задар с печальным видом любовался пейзажами.

— Задар, ты чего такой грустный? — спросила она, подойдя поближе, однако красноволосый ответил грустным молчанием.

— У него любовная кручина, — объяснил Ятар.

В этот момент Суман повалил Арадрива на лопатки, крича что-то по-эльфийски, а тот только засмеялся в ответ.

— Любовная что? — переспросила Кьяра. — А Элледин где, не подскажешь?

— Это когда тебе даёт женщина, и ты сразу становишься ее личным подкаблучником, — ответил Ятар, а затем стал цветом напоминать собственные волосы, когда понял, что сказал это женщине.

Засмеявшись, тифлингесса хлопнула его по плечу:

— А страдать то от этого зачем? Женщина же даёт, надо наслаждаться.

— А Элледина сегодня во дворце нет, — сказал Лаемар. — Он на стене.

— Жаль. А то у меня к вам ответственное поручение.

— Какое? — любопытствовал Лаемар.

— Научить меня эльфийскому языку как можно быстрее. Естественно, те, кому дежурить, от этого освобождены.

— Тогда тебе к Задару, Арадриву и Суману, — сказал Меллот. — Ещё тут где-то Каленгил бродил, он тоже бездельничает.

Кивнув, девушка подошла к Задару:

— Пойдем, займу тебя полезным делом и отвлеку от мрачных дум.

Тот кивнул в ответ:

— Я не знаток в обучении, но, думаю, тебе понадобится бумага и чернила. Эльфийское письмо — это тебе не общий.

Красный сделал жест, чтобы Кьяра следовала за ним в казармы. Усадив за стол, дал бумагу, чернила и перо, показал алфавит и объяснил принцип эльфийского письма. Он был спокойным и терпеливым рассказчиком, поэтому у тифлингессы не составило труда понять тему.

— Нужно попрактиковаться с письмом, — сказал он, наконец. — На завтра тебе нужно исписать от сих, — он отсчитал несколько листов, — до сих. Алфавит чтобы от зубов отскакивал. В идеале нужна детская книжка. С ней было бы проще, да где ее достать?

Он о чем-то задумался.

— Буду учиться на том, что есть, — улыбнулась в ответ Кьяра. — Спасибо, Задар.

Еще несколько часов красноволосый учил ее, как по-эльфийски называются разные предметы, пока окончательно не утомился.

Решив, что для первого раза довольно, тифлингесса еще раз поблагодарила Задара и отправилась проведать Скага. Волки, наконец, вновь отвоевали конюшню, бегали и играли, как внутри, так и снаружи. Рядом с загоном было по-зимнему свежо, от шерсти Скага веяло снегом. Ее питомец отлично себя чувствовал и, кажется, обзавелся подружкой.

Пообщавшись и погладив его, она поднялась к себе. Распорядилась насчет обеда и писчих принадлежностей. Порасспрашивала у слуг, как называются по-эльфийски разные предметы обихода. После обеда потренировалась в письме, выполняя задание Задара. Это оказалось совсем несложно. Девушка быстро усваивала новое, она надеялась, что сможет без особых хлопот выучить язык.

Закончив занятия с письмом, она положила исписанные листы в сумке и достала камень послания. “Эридан, тебе удобно говорить?” — сосредоточившись, отправила она. “Да. Я только освободился. Спускаюсь от башни Зариллона. Что-то случилось?”. “Сейчас подойду в тронный зал” — ответила она.

— Чем занималась? — спросил Эридан, когда они встретились.

— Усердно училась, — сказала девушка. — Бедный Задар страдает, но именно он все объяснял сегодня.

— Его печали понятны любому, — усмехнулся эльф. — Я рад, что ты начала изучать язык. Можешь уже что-нибудь сказать?

— Сказать пока нет, — покачала она головой. — Только одну фразу и несколько слов. Слуги от меня будут вешаться.

— Пусть вешаются. Я найду новых, — ответил эладрин с невозмутимым выражением лица.

— Это фигура речи — объяснила Кьяра. — Можешь разжаловать меня. Я не уточнила где сокровищница.

Она состроила виноватую мордочку. Фыркнув, он потрепал ее по голове:

— А я все ждал, когда ты спросишь? Пошли, покажу.

Он провел ее в свои покои, мимо гардеробной Титании, и Кьяра увидела лестницу на другой этаж.

— Да, тут есть ещё один уровень, — подтвердил ее мысли Эридан.

Визуально этот уровень был меньше прочих. Огромная терраса прямо на верхушке дерева. Эльф повел ее дальше, до массивных золоченых дверей. Когда он открыл их, свет от множества магических ламп отразился на барханах из золота. На мгновение тифлингесса ослепла от блеска драгоценных камней и металлов. В монетах утопали скульптуры, сундуки и детали доспехов. Эридан прошел вперед, споткнулся о какой-то сундук и чудом удержал равновесие.

— Здесь ужасный бардак, — посетовал он, ступая по осыпающимся монетам. — Будь у меня время и пара десятков свободных рук, я бы рассортировал монеты, камни, предметы. Провел учёт. Ужасно не люблю, когда все так валяется.

Груды золота отразились в широко распахнутых глазах девушки, и в них зажегся алчный огонек:

— Да, это богаче, чем ложе для Тиамат. Может и наведем порядок, но вряд ли это первоочередная задача... А что будет дальше, ты и сам же не знаешь.

— Просто люблю порядок.

— Как много золота, — еще раз сказала Кьяра. — Хотя мне больше нравятся серебро и мифрил. Мне в любом случае на опознание к Зариллону вещи таскать, потому что такой магией я не владею... Кстати, расскажешь, чем ты загрузил Зариллона?

— Буду знать, — ответил эльф, аккуратно спускаясь с золотого пригорка. — Ограничься пока магическими предметами. А когда убьем Мэб, можешь хоть все подчистую забрать. Он ищет способ обратить магическую зиму. Ещё я вернул ему одно зелье для дальнейшего изучения. Он так и не смог определить тогда его эффекты, только уровень мощности.

Увидев, что девушка уже полностью увлеклась рассматриванием содержимого сокровищницы, эльф решил оставить ее в покое и заняться собственными делами. Одного беглого взгляда тифлингессе хватило, чтобы понять, что работы здесь не на день и не на два. Сначала она осмотрела эти золотые груды с помощью магии. Блеск металла озарился разноцветными аурами магических предметов. Какие-то лежали на поверхности, а какие-то покоились глубоко под слоями из монет и слитков. Сундук, о который споткнулся белобрысый, сильнее показался из-под золотой насыпи. Вскрыв его отмычками, девушка обнаружила внутри несколько бутылочек с зельями, кольца, жезл и кнут. Предметы определенно обладали магией. Сложив их в сумку, долго бродила по сокровищнице, сортируя дорогие драгоценные камни, предметы роскоши и украшения, складывая их в разные сундуки. Попутно она нашла еще несколько магических предметов, лежащих на поверхности. Какая-то бархатная маска, кружка, украшенная медью и костью, и две волшебные палочки. У одной на конце был прикреплен серебряно-аметистовый паук, а вторая представляла сплавленные между собой звенья цепи. Присев на один из сундуков, она еще раз оглядела находку. У жезла была золотая рукоять и украшения в виде покрытых рунами башенок с обоих концов. Кьяра догадывалась, что это, но решила удостовериться у Зариллона. Одно кольцо из красного золота было крашено изумрудными листочками, а второе, золотой перстень с крупным прозрачно-голубым камнем, в котором искрилась магия.

Собрав все магические предметы, она принесла их в башню Зариллона. Тот уже ждал ее,

предупрежденный заранее. Разложив предметы на столе, он провел ритуал опознания магии.

— Никому здесь не нужен этот предмет, кроме меня, — хмыкнул эльф, осмотрев кружку. — Какое бы крепкое вино в нее ни налили, выпитое не будет кружить голову... Если никто не возражает, я, пожалуй, заберу ее себе.

Он оглядел бархатную маску:

— Позволяет менять обличье тому, кто ее надевает. Это всего лишь иллюзия, знающий человек может раскусить этот обман. Однако вещь все равно весьма интересная... Это вероятно шутка, — засмеялся он, коснувшись кнута, — но этот предмет лечит ударами. Кто-то здорово повеселился, создавая его.

Он поднял обе палочки, хорошо осмотрел со всех сторон, и сказал:

— Вот эта, с пауком, вызывает паутину, а с цепью — способна поработить разум человека. К сожалению, сказать больше ничего не могу, эти предметы требуют настройки [1], и все возможности будут известны только после нее.

Он осмотрел другие предметы, разложенные на столе:

— Кольцо способно исцелять раны и даже отращать новые органы и конечности. Очень полезно... — он замер, разглядывая жезл. — Интересно. Такие вещи редко встречаются. Это жезл поглощения. Специфический предмет!

— Я давно искала эту вещь, — восхищенно воскликнула Кьяра. — Слышала про неё. Очень хорошая штука для боевого чародея.

Это и правда был желанный для нее предмет. Жезл был способен поглощать чужие заклинания и преобразовать в магическую энергию для владельца. К сожалению, со временем он изнашивался и приходил в негодность, но даже половина его силы была бы Кьяре очень полезна, особенно на носу грядущей битвы.

Оглядев запечатанную колбу с темно-зеленой жидкостью внутри, эльф сказал:

— Не знаю, что это. Какое-то местное, специфическое зелье. Нужно будет провести пару экспериментов.

Пока она восхищалась жезлом, Зариллон поблескивающим взглядом осматривал перстень с голубым камнем:

— Кольцо призыва джинна! Никогда не видел! Фантастика!

— Неплохой улов, — кивнула чародейка. — Скажи, пожалуйста, а что ты знаешь о джиннах?

— О, я могу прочесть целую лекцию о гениях [2], — воскликнул маг, — и о джиннах в частности, но ты уснешь. Тебя интересует что-то конкретное?

— Верю, что ты много о них знаешь, — улыбнулась девушка. — Меня интересует, может ли он воскресить? Может ли помочь избавиться от магической зимы?

— Вопреки расхожим мнениям, джинны не обладают такими силами, — объяснил маг. — Говорят, их огненные братья, ифриты, в редких случаях способны на заклинание исполнение желания. Только они очень любят извращать эти самые желания. А джинны — это властелины ветров, хорошие бойцы и крайне верные слуги, если с ними хорошо обращаться. Джинн может обладать знаниями, недоступными простому смертному.

— Спасибо, Зариллон, — кивнула тифлингесса. — Хочешь оставить себе? Я думаю, Эридан не будет против.

Глаза эльфа, и без того большие и блестящие, заискрились восторгом:

— Правда можно? Было бы здорово. Знания джинна могут быть обширны.

— Знаю, что волшебники гонятся за знаниями, — ответила чародейка. — Но это и

здорово. Я незаменима в бою, Арум в лазарете, а ты здесь, решаешь разные головоломки.

Она пошла к выходу, но Зариллон, спохватившись, крикнул:

— погоди!

Она приостановилась, и волшебник продолжил:

— Я тщательней изучил этот минерал из твоего сна. Он точно из Лимбо. В этом нет никаких сомнений. Я все ещё не понимаю, как он попал в наш мир.

— Не представляю, как мои кошмары могут быть связаны с Лимбо, — пробормотала она.

— Я знаю, что Лимбо — дом многих существ и некоторых богов, хоть это и океан хаоса. Сильные духом и разумом могут создавать в этом кипящем хаосе невероятные вещи. Может кто-то проверяет тебя на прочность или что-то пытается сказать.

— Не знаю. Я даже боюсь строить предположения. Раньше списывала все на влияние Аурил, но сейчас...

Взявшись за дверной косяк, девушка тихо произнесла:

— Не хотела бы я, чтобы это сбылось...

— Кто-то сулит смерть нам. Я и сам не хочу, чтобы твои сны сбылись, — серьезно ответил Зариллон.

Направившись в покои Эридана, она глубоко задумалась. Кто мог испытывать ее? Или это предупреждение о смерти?

Проходя по тронному залу, она столкнулась с белобрысым.

— Привет, — улыбнулся он. — Выглядишь уставшей.

— И расстроенной, — вздохнула девушка.

Пока они шли в покои, она рассказала ему про кошмар и о том, что поведал Зариллон.

— Он уверен, что это не просто кошмар? — удивленно спросил эльф.

Тифлингесса мрачно кивнула. Она не была любительницей загадок.

— Это странно, — произнес эльф, — но я тоже видел необычные вещи. Это было после смерти Эрты и Янтаря. Счел это последствиями моего переохладения. Эльфы не видят снов как другие, это случается редко...

— И Аруму снились кошмары, — подтвердила Кьяра. — А что видел ты?

— Я видел тебя, — сказал Эридан, посмотрев на нее, и взгляд изменился, стал немного отсутствующим. — Твои крылья сияли как два бритвенных лезвия. Видел Арума, и его шкура была ослепительна. Мне было страшно, потому что кто-то невидимый держал меня и кромсал мою грудь ножом. А потом из груди достали меч, весь мокрый от крови. Жуткое и завораживающее зрелище. Я посчитал это странным бредовым миражом.

— Шкура Арума действительно стала ослепительной, — пробормотала Кьяра, а потом очень грустно добавила. — Надеюсь, этот сон не сбудется.

Он прочел в ее глазах грусть и тревогу, улыбнулся успокаивающе и сказал, слегка сжав ее руку:

— Не бойся, не сбудется. Это или очередная метафора, которую я не понимаю, или то, что можно предотвратить.

Эридан не был уверен в своих словах, но ему хотелось развеять ее беспокойство. Ей хватало и собственных кошмаров, незачем переживать из-за него. Однако он удивился параллелям в этих сновидениях. У него из груди вынули меч, а во сне Кьяры из его груди достали сердце. Какие-то знаки? В чтении метафор он был не силен.

Однако тифлингесса немного успокоилась и, кажется, повеселела. Эльф обрадовался,

что смог немного сгладить ее печаль.

Распорядились об ужине. За трапезой чародейка подробно рассказала, какие предметы нашла. Протянула эльфу кольцо регенерации.

— Тебе будет полезно, — объяснила она. — Залечит раны, подспорье для бойца. Только на него нужно настроиться.

— Спасибо, — поблагодарил он, надев кольцо на левую руку. — Ты молодец, очень плодотворно поработала. Как тебе быть занятой леди?

— Понравилось быть при деле, — произнесла Кьяра. — Приятное разнообразие.

Эридан улыбнулся:

— Тогда привыкай, теперь будешь часто при деле.

— Арума уже обрадовали назначением?

— Его пока не трогаю, — задумчиво ответил эльф. — Он наш главный лекарь и будет не рад, если придется подолгу пропадать из лазарета.

— Помощники бы ему не помешали, — заметила девушка. — Раньше были жрицы и лекари помладше. Как раз есть время подготовить.

— Скажешь Аруму, чтобы подготовил? — попросил эльф. — Он хороший учитель. Нам сейчас необходим штат медиков. Война с Мэб на носу, будет много раненных. Нужен работающий лазарет. Еще его необходимо укомплектовать зельями, мазями, оборудованием. Арум не справится один. Насчет зелий — еще одно задание для Зариллона.

Он со вздохом откинулся в кресле:

— А работы не становится меньше...

Дальше они ели в молчании, каждый погружен в собственные мысли. Эридан утонул в думах о грядущих делах, Кьяра просто смертельно устала за день.

— Не знаю как вы, Ваше Величество, а я устала, — сказала она, отложив столовые приборы.

— Верю, — ответил эльф. — Иди отдыхать. Завтра новый полный забот день.

— А ты?

— Я тоже устал, — признался он, — но хочу подковать кошмарку, а без меня не получится. Она съест кузнеца.

Кивнув, тифлингесса направилась в его покои. Несмотря на усталость, лечь без него не хотелось, поэтому она скоротала время ожидания, расслабившись в бассейне, а затем, усевшись за стол в кабинете, повторила все, что изучила сегодня. Такой внимательно и усердной ее и застал Эридан, когда вернулся примерно через час, пахнувший гарью и серой и со свежим кровоточащим порезом на руке.

— Похвальное усердие, — сказал он через несколько минут, вытираясь длинным полотенцем для купания.

Кьяра отложила письменные принадлежности и скорчила мордочку:

— Ты плохо на меня влияешь. Надо устроить бунт.

— Бунт против короля сурово карается, — произнес он нарочито строгим тоном.

— Насколько сурово?

— Тебе устроить экскурсию в темницу? Наручники, если что, у меня есть.

— Спасибо, я уже бывала в темницах.

Вспомнив о наручниках, она фыркнула и дернула хвостом. Противный холодный металл и невозможность колдовать определенно ее напрягали.

— Кто-то недоволен. Не дают бунт устроить. Изверги! — засмеялся Эридан, глядя на

нее. — Ну что не так? Тоже дать своей крови, чтобы утешить? — он наклонил голову вперед и принялся сушить волосы.

— Вот ещё. Мне, конечно, доводилось разное есть с голодухи, но кровь эльфов, — тифлингесса презрительно скривилась.

Глядя на его согнутую спину, девушка подошла поближе, провела по ней руками, остановившись на плечах. Она помнила, какие напряженные у него мышцы. Словно дерево.

— Что это ты задумала? — пробормотал он, приподняв голову.

— Расслабляющий массаж, — ответила Кьяра, не отрываясь от процесса. — Бунт, если и случится, то внезапный и незапланированный. А пока получайте удовольствие.

— Я лягу, тебе так будет удобней, — сказал эльф, укладываясь на кровать. — Не церемонься со мной, я не хрупкий, — с улыбкой добавил он.

— Знаю...

Она долго гладила и разминала мышцы, пока не почувствовала, что они разогрелись, расслабились и стали податливыми под подушечками пальцев. В конце концов, Эридан превратился в растекшееся от удовольствия тело, довольно сопящее в подушку.

— Спокойной ночи, Ваше Величество. Бунт откладывается на завтра.

Кьяра легла рядом с ним, накрывшись одеялом, а эльф ленивым движением руки подгрёб ее поближе к себе, промычав что-то неразборчивое.

[1] Настройка — некоторые магические артефакты требуют ментальной связи со своим владельцем. Добиться ее можно путем длительной медитации на предмете

[2] Гении — обитатели стихийных планов: джинны, ифриты, дао и марида

Глава 7. Воплощение огня

Утром Эридан бесцеремонно разбудил Кьяру, встряхнув за плечо.

— Что? Пора вставать? — лениво сказала она, прервавшись на зевок.

— Да, — произнес он. — Слуги принесли твою новую одежду. Это надо видеть.

Кивнув, девушка вылезла из-под одеяла.

— Они хотели оставить ее в твоей комнате, но потом поняли, что шкаф столько не вместит...

Глаза у нее округлились от удивления. Шкаф там весьма объемный, к тому же есть сундук.

Проводив ее до гардеробной, Эйлевар встал со скрещенными на груди руками.

— Честно говоря, я немного в ужасе, — произнес он. — Зато твой гардероб теперь может соперничать с лавкой портного.

Удивленно моргая, тифлингесса осмотрела гардеробную Титании. Тонна рубашек, целый ряд платьев, накидки, плащи, шубы, корсажи, халаты, мантии, куртки, костюмы для верховой езды, что-то, что мало напоминало одежду из-за своей прозрачности и короткости. Пожалуй, столько ей не надеть за всю жизнь. Неужели дворцовые слуги успели сшить столько всего за несколько дней?

— Мой гардероб выселили в кабинет, — вздохнул эльф.

— Могу переселиться в другую комнату, — съязвила девушка, показав язык.

— Это единственная комната с гардеробной такого размера, в остальных же тебе придется плавать в океане собственных тряпок, — съязвил он в ответ. — Тряпичная рыбка.

Эридан показал ей язык, Кьяра оскорблено фыркнула. Они еще немного попрепирались в свое удовольствие, пока Эридан не лишился терпения и не пошел распорядиться насчет завтрака. Девушка еще раз оглядела гардероб. Оделась так, как и предпочитала обычно: рубашка, черный корсаж, украшенный серебряными нитями. Поверх всего — тонкая черная мантия, скрывающая силуэт. В такой одежде ей было комфортно. Закончив туалет, она присоединилась к эльфу за завтраком. Немного обсудили планы на сегодня, кратко пробежались по повестке дня, и эльф убежал по своим делам.

Первым делом Кьяра решила забежать к Аруму, отдать ему волшебный кнут, передать распоряжение Эридана и задать несколько вопросов. Он все еще был в своей комнате, когда девушка решила навестить его.

— Доброе утро. Ты снова с самого утра в работе? — спросил он, открыв дверь.

— Да, — Кьяра сделал вид, что недовольна, но не выдержала и улыбнулась. — У меня есть для тебя артефакт, — она протянула кнут. — Зариллон сказал, что он лечит, а не наносит урон.

— Очень смешно, — ответил жрец. — Спасибо, мне такое не надо. Ты только представь, как это будет выглядеть! Ужас! — он выставил вперед лапы в жесте панического отрицания. — Слышал о секте флагелляторов Илматера. Не хочу, чтобы меня считали одним из этих!

Тифлингесса скорчила мордочку. Арум оказался еще более стеснительным юношей, чем она предполагала. Сама она не чуралась любых подручных средств, лишь бы были эффективными.

— Тогда просто вопрос. Скажи, а ты не проверял, у тебя не появилось дыхание и

сопротивление к огню?

Он ненадолго задумался:

— Нет, не проверял, даже не пришло в голову.

— Тогда проведем эксперимент...

Кьяра выстрелила огненным снарядом в жаровню, оживляя потухшие угли. Ее тело тотчас окуталось коконом пламени.

— А теперь попробуй ударить меня, — сказала она, стараясь не задеть легко воспламеняемые предметы. — Урон будет маленький. Как ожог.

— Не хочу я тебя бить, — пробормотал Арум, но немного помявшись, все-таки ткнул в девушку пальцем.

Пламя мигнуло, на мгновение став тусклей. Тифлингесса погасила его и приступила к осмотру лапы драконида. Однако на чешуе, блестящей полированным золотом, не было ни следа.

— Могу я выстрелить в тебя снарядом? — спросила она.

— Давай попробуем, — взволнованно ответил драконид.

Он отошел на несколько шагов, чтобы девушка могла точнее прицелиться. Вспышка огня, всполох чешуи и тишина. Чародейка изумленно наблюдала, как огненный снаряд буквально исчез, соприкоснувшись с чешуей жреца. Волна янтарного сияния пробежала по шкуре, напоминая переливы плетения на сложных защитных полях.

— Если ты ещё и дышать сможешь, как дракон, точно станешь воплощением огня! — восхищенно воскликнула чародейка.

Арум задумчиво хмыкнул, потер переносицу, обошел девушку, чтобы выйти из комнаты в коридор. Кьяра вышла следом и успела заметить, как сумерки коридора озарились ярким оранжевым заревом. На мгновение воздух наполнился жаром, и драконид ликующе закричал.

— Одну загадку мы решили, — улыбнулась тифлингесса, похлопав его по плечу. — Эридан попросил озадачить тебя полноценным госпиталем. Подобрать и обучить медиков.

— Меньшего поручения я и не ожидал, — произнес Арум с горящими глазами, — но все сделаю, пусть не сомневается.

Кьяру порадовал огонь энтузиазма в его глазах. Одно дело сделано, пора было двигаться дальше. Спустившись вниз, к платформе, она с удивлением обнаружила, что эльфы безалаберно оставили свой пост и резвятся с волками, словно маленькие дети. Это слегка омрачило радостное настроение. Эридан перестал пристально следить за ними, и они совсем распоясались!

У волчьего загона она столкнулась нос к носу с Элледином:

— Кьяра? — удивился он. — Рад видеть тебя, — увидев ее мрачное лицо, спросил. — Что-то случилось?

— Да, — взъярилась она. — Разгильдяйство и безответственность. Почему те, кто на дежурстве, не на посту? Ладно остальные, а ты то?

Эльф хотел что-то сказать, но только виновато кивнул головой, не найдя нужных слов. Наконец, он произнес:

— Мы все, наконец, дома, и не как презренные изгои, но ты права. Мы слишком расслабились после победы над Титанией...

— Я не скажу Эридану, — процедила тифлингесса, — но если ещё раз увижу, не буду жаловаться, просто атакую, чтобы видели последствия!

Его виноватое лицо смягчило тифлингессу:

— Вы дома, но врагов от этого меньше не стало. Эридан вам доверяет.

— Мы будем бдительней, — заверил золотистый, и в его глазах было решительное желание соответствовать собственным словам.

“Он сдержит слово”, - подумала девушка. — “А не сдержит, так приласкаю их огненным шаром”.

Элледин прикрикнул на резвящихся эльфов, приказав вернуться к патрулированию, и те очень быстро стали серьезными. Девушка еще понаблюдала за игрой волков и заметила, что звери тоже обленились, много ели и спали, даже играли, еле перекатывая набитое мясом пузо. “Гонять вас надо”, - подумала Кьяра. — “Совсем же разожретесь”.

— Поздравляю с появлением подружки, — сказала она, потрепав волка по голове. — Но ты же меня не бросишь?

Волк подставил ей мягкие живот и горло, показывая тем самым безоговорочную верность, однако волчица тотчас придавила его мохнатым телом, не давая больше шевелиться. Будь он псом, наверное, раболепно завертел бы хвостом, мол: “Не серчай, хозяйка, я люблю тебя, но ты, увы, не волк”. Еще немного поговорив с питомцем, она двинулась в казармы, искать того, кто сможет провести урок эльфийского. Четверо гвардейцев играли в какую-то неизвестную ей игру. Устроившись на полу, они сидели вокруг низкого столика с причудливым колпаком посередине и кидали бусинки разных цветов в лунки по бокам, старясь сохранить совершенно непроницаемое выражение лица. Ятар и Каленгил продувались в пух и прах. Понаблюдав за их игрой и дождавшись ее окончания, Кьяра по-эльфийски поздоровалась с Задаром.

— О, ты научилась здороваться, — улыбнулся красный. — Это хорошо. Покажи, как ты прописала буквы...

Тщательно и скрупулезно проверив ее работу, он просиял лицом и похвалил тифлингессу за усердие. В этот раз он предложил ей поучить цифры и счет, и в Кьяре тотчас проснулась деловая жилка. Она попросила рассказать о местных ценах, соотношениях валют, стоимости золота или серебра. Задар, как мог, попытался объяснить, как устроена финансовая система Страны Фей. На удивление чародейки, в ходу были деревянная валюта стоимостью выше, чем золото! Немного подумав, гвардеец объяснил:

— Это железное дерево. Способно хранить магию, из него делают зачарованные доспехи и его сложно выращивать, поэтому оно очень ценится.

Чародейка вспомнила деревянные латы и мечи у некоторых рыцарей и поняла, о чем он говорит. Задар еще немного рассказал ей о системе исчисления, монетах, немного о местной торговле, переводя фразы на эльфийский. Наконец, окончательно устав объяснять, откинулся на стуле:

— Не теряй эти свитки. Новые знания имеют свойства вылетать из головы со скоростью квиклинга [1]... Учился я как-то у алхимика, помню сейчас только, как сделать порошок чихания и удушья — потому что варил его для шалостей.

— Кстати, Задар, — спросила девушка, спрятав в сумку исписанную бумагу, — а в отряде никого нет, кто учился бы магии?

Красноволосый ненадолго задумался:

— Хм... точно знаю, что Корлиан, наш книжный червяк, точно чему-то такому обучался и кто-то еще... — он слегка подался вперед и прикрикнул. — Ребят, кто еще магии обучался?

Корлиан, сидевший на своей койке и спокойно читавший книгу, возмущенно воскликнул:

— Я не червяк, ты, сын индюка и красной плесени!...

— Да Суман же, — сказал Ятар, отсчитывающий свой проигрыш Лаемару. — Помнишь, он там что-то с водой делать может.

— Не обижайся на этих оборотов, — улыбнулась Кьяра, подсаживаясь к brunetu. — Расскажи, ты и правда обучался магии? У волшебника?

— Да, — ответил эльф, несколько смутившись вопроса, — но семья не потянула стоимость обучения, к сожалению, так что мои возможности ограничены простыми трюками, вроде этого.

Он протянул раскрытую ладонь, и с нее вспорхнула сверкающая полупрозрачная стрекоза. Взвившись к потолку, она распалась на дождь блестящих песчинок, который мгновенно растворился в воздухе. Он смущенно улыбнулся, и Кьяра подбодрила его теплой улыбкой:

— Помнишь гонку на волках? Я ведь тоже тогда использовала самое простое колдовство.

Она достала из сумки волшебную палочку из спаянных звеньев цепи, протянула ему:

— Ты сможешь не атаковать, а попробовать наложить заклинание. Я точно не знаю, какое, поймешь при настройке. Давай сегодня настроишься, а завтра мы опробуем.

Аккуратно взяв предмет, эльф с интересом осмотрел его. Глаза у него блестели от любопытства.

— Впервые держу в руках артефакт, требующий настройки... — восхищенно сказал он. — Хорошо!

Блеск в его глазах напомнил ей Зариллона. “Наверное, все волшебники, удавшиеся и неудавшиеся, немного сумасшедшие”, - подумала она, выходя из казармы. Недалеко от платформы тифлингесса увидела деловито прохаживающегося Сумана.

— Остальные говорят, что у тебя есть какие-то способности к магии? — спросила у него Кьяра.

Он внимательно посмотрел на нее ярко-бирюзовыми глазами, в которых плясали красные огоньки ореола:

— Небольшие. Врожденные. Развивать их средств не было, а в бою они бесполезны.

— Значит ты чародей, как и я — ответила девушка, доставая из сумки палочку с пауком на кончике. — Когда будет свободное время, попробуй настроиться на эту вещь. Потом расскажешь, как успехи, и мы потренируемся.

Тот решительно кивнул:

— Если это сделает меня сильнее, то я готов.

“Похвальный настрой”, - подумала девушка. Она направилась в сокровищницу, по пути прихватив поднос со сладостями, чтобы немного перекусить, не отрываясь от работы. Погрузившись в ценности и драгоценные камни, она еще раз подивилась, как много здесь всяческого добра. Работы как будто не становилось меньше. Кьяра почувствовала себя муравьем, которому нужно перетаскать целую гору пшена, по одному маленькому зернышку. Эту горькую пилюлю подсластили несколько серебряных украшений божественной красоты, которые незамедлительно решила забрать себе. “Эридан не будет против”, - подумала она.

Спустя несколько часов работы Кьяра наполнила еще один сундук ценностями. Разгребая гору золота, она наткнулась на девятихвостую плеть, от которой исходила

интересная аура. Рассмотрев со всех сторон, решила отнести Зариллону для опознания.

Кьяра застала волшебника чертящим сложную формулу. У него был утомленный и голодный вид, вокруг глаз залегли тени.

— Вечер добрый, тебе бы передохнуть, — побеспокоилась тифлингесса. — Ты не забыл поесть?

— Добрый день, — отозвался эльф. — Спасибо. Я ел. Только не помню, когда...

На лице проступило задумчивое выражение. Наверное, вспоминал, когда в последний раз ел или спал. “Бедняга”, подумала Кьяра.

— Я так и подумала, — улыбнулась она. — Давай разберемся с моим новым уловом, и я организую тебе еду.

— Спасибо, — немного смущенно улыбнулся волшебник. — Такой взрослый, а позаботиться о себе самостоятельно у меня выходит плохо.

Достав из сумки бурдюк с вином, Кьяра налила ему в кружку и сама сделала большой глоток:

— Ты просто очень увлечен изысканиями. Это же просто решается, будут заносить еду и оставлять на пороге комнаты.

Она протянула плеть, и эльф аккуратно осмотрел ее, шепча слова заклинания.

— Ох! — шумно вздохнул он. — Это явно из Нижних Миров. У нее есть сознание. Злое сознание. Бьет по разуму, как и по телу, может опутать противника. Создана, чтобы причинять боль как физическую, так и психическую. Принадлежала, видимо, какому-то мощному исчадию. Ума не приложу, что она делает в сокровищнице?

— Ого! Ничего себе артефактик, — удивленно воскликнула девушка. — Оставлю-ка я ее в сокровищнице, но Эридану расскажу.

Зариллон сделал большой глоток из кружки:

— Не знаю, стоит ли говорить. Я знаю его не слишком хорошо, но кажется, подобные дикие штуки ему нравятся, и он захочет с ней подружиться.

— Если она обладает разумом, то вряд ли, — пожалала плечами Кьяра. — Хотя, он большой мальчик и сам решит. Можем поспорить, — глаза ее лукаво блеснули.

Его глаза блеснули с не меньшим азартом:

— Давай поспорим. На что?

— Не знаю даже, обычно спорили на золото, — удивленно ответила чародейка.

Она не ожидала, что волшебник ответит на вызов.

— Золото — это скучно, — задумчиво сказал эльф. — Если проиграю, то сделаю для тебя личный артефакт. А если ты проиграешь, то будешь батрачить в алхимической лаборатории. Его Величество заказало мне зелья и мази на целый лазарет.

— Давай лучше я принесу какой-нибудь редкий ингредиент с Фаеруна.

— Что ж, тогда по рукам, — улыбнулся он, протягивая ладонь.

— По рукам, — Кьяра пожалала его ладонь. — А ты меня удивил.

— Чем же?

— Азартностью. Буду в следующий раз с тобой осторожней, — чародейка сделала хитрое лицо.

— Если бы я не был бы азартным, меня бы тут не было, да? — усмехнулся волшебник. — Но это секрет, — он тоже сделал хитрое лицо, подыгрывая чародейке. — Кстати, я распознал эффект того зеленого зелья. Оно пробуждает память предков. Не знаю, как точно это может проявиться, но любопытно, не правда ли?

— А если не было никаких предков? — задумчиво спросила тифлингесса, обращаясь скорей к самой себе, нежели к некроманту. — Если ты — искусственно созданное существо?

— Это интересный вопрос, — ответил эльф. — Думаю, за предка сгодится и биологический материал, из которого создали. Кому-то он принадлежал...

Он снова задумался, явно увлеченный заданным девушкой вопросом. Кьяра же решила больше не развивать эту тему. Слишком уж она была для нее личной. Распрощавшись, она сгребла артефакт и зелье, и распорядилась, чтобы слуги приносили ему еду дважды в сутки.

День плавно подошел к концу. Небо не изменилось в цвете, но Кьяра чувствовала, что усталость навалилась, словно мокрый от дождя плащ. Она вернулась в комнату, немного помедитировала над жезлом поглощения и почувствовала, что очень хочет спать. Эридан так и не пришел. Это немного огорчило ее. С другой стороны, вряд ли у него было меньше дел, чем у нее. Засыпая, она мысленно возвращалась к событиям прошедшего дня. Невероятные перемены в облике Арума, будущие магические тренировки с Корлианом и Суманом, странная плеть, обрывки эльфийских слов — все смешалось в сплошной поток мыслей и окончательно усыпило разум.

[1] Квиклинг — крошечная фея, перемещающаяся с удивительной быстротой

Глава 8. Девятихвостая плеть

Кьяре не так уж и часто снились яркие и запоминающиеся сны. Обычно она засыпала без задних ног, словно погружалась в черную пучину беспомыслия. Страна Фей определенно изменила привычный уклад жизни. Ей приснился удивительно четкий и яркий визуальный образ. Богато украшенные ножны, сверкающие крупинками серебра и алмазной пыли. Меч с рукоятью из переливающегося лунного камня покоился в этих ножнах, а рядом — ослепительно яркий золотой щит, словно сотканный из жаркого полуденного солнца. Открыв глаза, она продолжала видеть картинку, пока просачивающийся сквозь шторы свет не растворил видение. Немного полежав, она все-таки решила записать увиденное. Идея записывать необычные сны и вероятные видения посещала ее и раньше, пришло время воплотить задумку. Потратив на это несколько минут, она засобиралась к завтраку. Впереди ждал новый насыщенный день.

На лестнице вниз она встретилась с Эриданом.

— Иду как раз тебя тормозить, — сказал он, — но ты вполне самостоятельно с этим справишься.

— Да, вчера тоже был насыщенный день, — вздохнула девушка, обходя его на лестнице.

— Обычный день занятого знатного господина весьма насыщен, — ухмыльнулся он в ответ. — Ты идешь завтракать? Там все готово, собственно.

Спускаясь вниз, он кратко поведал, чем занимался вчера:

— Долго обсуждали с Зариллоном проблему зимы. Он кое до чего докопался, но это после. Еще планируем построить часовню Темпусу. А как прошел твой день?

— А есть смысл строить часовню? — удивленно спросила Кьяра. — Не факт, что есть ресурсы, а после будет ли иметь значение? Я тебя иногда не понимаю.

Она и правда не понимала. Это казалось ей глупой, нерациональной идеей, совершенно неуместной на этом этапе.

— Ребятам нужно, — объяснил он, открывая двери в тронный зал. — Их бог нужен им. Да и после будет нужен.

Девушка только хмыкнула в ответ. Этого ей было не понять, и своего мнения она не изменила, но решила не спорить. Очевидно, это было бесполезно. Сев за стол, она начала рассказывать:

— Скажем так, разгадала одно из видений Арума про воплощение огня. Ты знаешь, он теперь совершенно невосприимчив к пламени и появилось драконье дыхание. А от кнута он отказался, такой стеснительный. Кстати о кнутах... — она достала из сумки девятихвостку и протянула Эридану. — Интересный артефакт, скорее всего из Нижнего Мира, обладает сознанием, причем злым, причиняет не только физическую, но и психическую боль и может опутывать. Вещь очень мощная.

— Темпус, верно, благословил его новой силой, — начал было эльф, но все его внимание привлек необычный предмет. — Надо же! — он взмахнул плетью в воздухе, восхищенно вслушиваясь в свист хвостов. — Из Нижних Миров? Скольких же ты покалечила, хвостик? — спросил он, словно обращаясь к своей жестокой игрушке.

Камень на его руке вспыхнул красным пламенем, и в глазах появилось выражение удивления.

— Говорит, что покалечила столько, что не хватит жалкой эльфийской жизни, чтобы

назвать это число, — растерянно пробормотал он, разглядывая лоснящуюся черную оплетку.

Кьяра вздохнула. Наверное, Зариллон был прав. Мальчик хоть и взрослый, а игрушка полностью его увлекла, теперь он уже с ней общается. Она подцепила кусочек яблочного пирога и отправила в рот. Немного прожевав, продолжила рассказывать:

— Раздала гвардейцам кое-какие артефакты. Планирую устроить им магическую тренировку и подготовить на случай некоторых финтов противника. Ты вот знал, что Задар учился алхимии, а Корлиан начинал обучение у волшебника?

— Да, я знаю про ребят, — кивнул Эридан. — Обычно в солдаты идут простолюдины, поскольку это опасный, но стабильный заработок. У всех были мечты. Может быть, они исполнятся, когда мы, наконец, устраним все препятствия. Насчет тренировок — хорошо, но я сам хочу взглянуть на них.

Он отломил кусочек, но съесть не успел. Бросил удивленный взгляд на лежащую на столе плеть и произнес:

— Маммону... Нет. Не знаю таких. Что?

— Ну вот, ты общаешься с плетью, а не со мной, — грустно откликнулась тифлингесса.

Эльф скинул плеть со стола:

— Это она со мной общается. Не знаю как. Думал, что как минимум нужна настройка. Кто такая Гласия?

Он перевел взгляд с плети на стол и, наконец, приступил к еде. Кьяра заметила, что лицо у него немного осунулось от усталости.

— Сегодня, кажется, должен прибыть Элах, — напомнила она.

— Да? — растеряно отозвался эльф, потер лицо ладонью. — Я немного устал и теряю концентрацию временами.

— Ты опять не спишь? — фыркнула девушка. — Дети малые, одного покормить, второго спать уложить...

Эридан поднял на нее возмущенный взгляд.

— Мне нужно было за ночь утвердить чертеж, и это не быстро, — раздраженно процедил он.

Чародейка дернула хвостом от раздражения. Этого спесивца может вывести из себя что угодно.

Эридан резко вскинулся, сметая маленький столик. Серебряное блюдо с фруктами по касательной ударилось о голову девушки. Тарелки и чашки упали на пол, разлетевшись дождем осколков.

— Заткнись, джи омур-то а-джак-ай! — закричал эльф, кинувшись к лежащей на полу плети.

Не совсем понимая, что происходит, девушка взлетела под потолок. Лоб болел, но к счастью почти весь удар принял на себя рог. С высоты она удивленно наблюдала, как эладрин попытался выкинуть плеть в окно, но витые хвосты вцепились в руку неожиданно цепкой хваткой. Плеть ожила!

Эридан попытался оторвать ее, но тщетно. Камень на правой руке сверкал кровавым маяком. Тифлингесса взмахнула рукой, чтобы снять этот странный эффект. Белобрысый закричал от боли, потекла кровь. Дьявольские хвосты вгрызлись под кожу, плотоядно разрывая ее и погружаясь все глубже в руку.

— Отпусти его! — на inferнальном крикнула Кьяра, спускаясь на пол, а после сказала уже на общем Эридану. — Быстро идём к Зариллону!

Эльф сделал несколько пошатывающихся шагов в сторону лестницы и упал. По его ошарашенному лицу растеклась неизвестно откуда взявшаяся кровь, очень яркая на бледной коже, а камень пылал как маленькое закатное солнце, хищно и неистово. Кьяра помчалась к лестнице, по пути обращаясь в волка. Медлить нельзя было ни секунды!

В лазарете шел первый урок, Арум объяснял что-то несколькими облаченным в белое эльфам. Кьяра влетела в аудиторию мохнатой бурей. Вернув истинный облик, крикнула:

— Арум, ты срочно нужен, возьми посох!

— Что случилось? — растеряно спросил драконид, нащупывая рукой древко лечащего артефакта.

Объяснять было слишком долго, Кьяра жестом дала понять, что нужно бежать, и устремилась обратно на лестницу.

— Проклятая вещь, она его поглощает! — крикнула она, вбежав в тронный. — Разорви связь,ними проклятие!

Драконид подбежал к лежащему на полу Эридану и слегка приподнял его голову. К ужасу тифлингессы, лицо эльфа превратилось в жуткую влажно поблескивающую маску, кровь сочилась из носа, стекая на подбородок, из уголков глаз, оставляя ярко расчерченные линии на щеках. Жрец вскинул руки, сплетая и направляя божественную силу, и несколько хвостов плети взметнулись вверх, нацеленные в заклинателя. Чародейка отреагировала мгновенно, в проклятый предмет ударил разряд молнии, быстро и точно, не задев ни эльфа, ни дракониду. Дымящиеся щупальца дернулись прочь от Арума, погружаясь в окровавленные раны Эридана. Жрец прекратил шептать, взмахнул рукой, и плеть бессильно скользнула с руки, оставляя на полу красные следы. Кьяра накинула на нее скатерть и отшвырнула прочь, отправив вдогонку огненный снаряд. Пальцы дрожали от пережитого.

Еще несколько секунд, и раны на руке эльфа затянулись без следа. Кьяра опустилась на колени и тихо позвала:

— Эридан...

Залитые кровью глаза были невидяще распахнуты, и на какое-то мгновение она испугалась, что он умер, но его грудь продолжала вздыматься от дыхания, частого и судорожного, словно после бега.

— Он точно нас не видит, — подтвердил ее опасения Арум. — Зрачки расширенные и не реагируют. Скорей всего он и не слышит тебя...

— Я позову Зариллона... — произнесла девушка, продолжая с надеждой смотреть на жреца.

“Арум, скажи, что все хорошо”, - мелькнуло у нее в голове. “Скажи, что это не страшно”.

— Если он оглушен или ослеплен, почему не говорит и не двигается? — принялся рассуждать драконид, осматривая лицо эльфа. — Если он парализован, то почему зрачки как у бессознательного?

Он обернулся к Кьяре и встретил ее беспомощный взгляд.

— Зови Зариллона, — твердо сказал жрец. — Мне сейчас нужны его мозги.

Девушка устремилась в сторону магической башни и уже через несколько минут вернулась с всклокоченным волшебником. Поглядев на Эридана, тот вздохнул:

— Иногда я не люблю быть правым...

Опустившись на колени рядом с Арумом, маг пробормотал несколько магических фраз.

— Не вижу тут ни проклятия, ни заклятия, — сказал волшебник, прервав

бормотание. — Что вообще произошло?

— Он взял и попытался с ней пообщаться, — быстро начала объяснять тифлингесса. — Она ответила. Он скинул плеть на пол, видимо, ей не понравилось. Хотел выкинуть в окно, а она обвила руку и стала проникать под кожу. Я попыталась снять эффект рассеиванием магии. Она его стала истязать.

Зариллон прикоснулся к крови на щеке Эридана, та еще не до конца застыла:

— А кровь почему пошла? Она же в руку вцепилась, а не в лицо.

Он обратился к дракониду:

— Арум, я не знаю. Он ведь здоров? Почему не работает?

— Может в этом и загвоздка... — ответил жрец, потеряв лоб. — Какой урон наносит эта плеть?

— Психический, — отозвалась Кьяра.

Задумчиво посмотрев на Эридана, Арум слегка отстранился от него:

— Она могла сжечь его разум. Я не владею знаниями, что делать в такой ситуации. Зариллон?

— Я тоже не знаю, — ответил некромант, задумчиво теребя перстень на пальце, — но попытаюсь спросить.

Он коснулся бледно-голубого камня, и его фигуру поглотили клубы синего дыма. Глядя на это, тифлингесса корила себя. “Зачем я не послушала мага?” — крутилось у нее в голове.

Рядом с некромантом появился высокий синегокожий мужчина в восточной одежде и скимитаром на поясе. Они завели беседу на неизвестном девушке языке. Кьяра кинула взгляд на почти полностью сгоревшую скатерть. Плеть лежала на полу, словно мертвый паук, скрючив черные хвосты. Огонь ей совсем не повредил. Чародейка поздно вспомнила, что этот предмет родом из Нижних Миров, и владели им исчадия. Скинув с себя мантию, девушка завернула в нее плеть, чтобы не прикасаться руками.

Синегокожий растворился в клубах дыма, и Зариллон сказал:

— Джинн сказал, что душевные болезни — не его специальность... У кого-нибудь еще есть идеи?

— Может сознание поглощено, а не выжжено? — робко спросила девушка. — Если она просто поработила сознание? Было видно, что Эридан борется с ней...

Тифлингесса развернула мантию, показав безвольно повисшую плеть. Рядом с Зариллоном появилась полупрозрачная рука, которая приподняла проклятый предмет.

— Мы с тобой спокойно брали ее в руки, и ничего не было, — задумчиво сказал волшебник, разглядывая оружие. — Ты говоришь, он с ней заговорил? Он на нее настроился?

— Настройки не было...

— Тогда как они могли разговаривать? И как сработало проклятье?

— Он к ней обратился, а ещё засветился вот этот камушек, — она подняла руку эльфа, показывая дар Маммона. — Это подарочек одного из лордов Девяти Преисподней. Может, плеть среагировала на него. Она интересовалась именем.

Некромант посмотрел на камень, бормоча магическую формулу.

— Не понимаю принцип работы этого артефакта, — наконец произнес она, все еще вглядываясь в камень, — но он не надет, а просто растет из руки. Я не заметил этого раньше. Он связан с телом Эридана теснее, чем мне думалось. Возможно, этот предмет немного изменил его, чтобы тот мог использовать силу прыжков, но в свою очередь сделал восприимчивым к артефактам из Нижних Миров.

— Однако это не дает ответов на вопрос, что с его разумом и как все исправить, — всплеснул руками Арум. — Если бы это была физическая болезнь, я бы смог с этим справиться, но освободить порабощенный разум?

— Я слышал о заклинаниях вроде Ментальная тюрьма, — начал рассуждать вслух волшебник. — Подозреваю, что это может быть тот же принцип.

— Я вложила в рассеивание почти всю свою силу, — напомнила Кьяра.

— Я сказал — принцип... Думаю, это может быть и не заклинание вовсе, а свойство предмета...

Девушка окончательно сникла, и, увидев это, волшебник воскликнул:

— Соберитесь! Вы использовали рассеивание магии, и это не сработало. Что еще пробовали? Какие еще защитные или обращающие эффекты заклинания?

— Я снял эту штуку снятием проклятия, — сказал Арум.

— Логично...

Все трое ненадолго замолчали, задумавшись каждый о своем. Кровь на лице Эридана окончательно застыла.

— Слышал я что-то... — наконец сказал Зариллон. — Про ментальные расстройства и тяжелые формы безумия. Вроде их можно обратить высшим восстановлением. Волшебникам оно недоступно, но божественная магия, которой пользуешься ты, Арум, могла бы воплотиться в нем.

— Ни разу не использовал это заклинание, — ответил драконид. — Мне оно незнакомо. Необходима длительная молитва в полдень, чтобы Темпус открыл мне его.

— Значит, до полудня нам нечем ему помочь, — кивнул маг. — Нужно отнести его куда-нибудь, тут собирается толпа.

Кьяра с удивлением оглянулась по сторонам. Она была так поглощена своей тревогой, что не заметила, как в тронном собралась небольшая толпа из глазающих на происходящее слуг. Некоторые не скрывали своего злорадства.

— Зариллон, можешь дать мне знание эльфийского? — прорычала она магу.

Не задавая лишних вопросов, эльф заколдовал тифлингессу, и та выступила в центр зала.

— Вам заняться нечем? — прикрикнула она на эльфийском. — Пришли поглазеть? Когда Его Величество очнется, он с вас три шкуры спустит за безделье, а пока я вас подстегну!

Выглядев в толпе самое злобное лицо, девушка кинула в его сторону огненный снаряд. Шарик пламени с искрами и треском ударился в пол под ногами зеваки, заставив окружающих отпрянуть в разные стороны. Девушка окуталась пламенем, превращаясь в пылающий гневом факел. Слуги увидели перед собой дьявола с огненными крыльями и в ужасе разбежались в стороны, прячась за массивными дверями зала. Когда створки хлопнули за последним из эладринов, Арум сказал:

— Отнесу его в лазарет. Там я могу присмотреть за ним. Как меня злят эти лестницы!

Он аккуратно подхватил альбиноса и понес в сторону лестницы на гостевой уровень. Глядя в его спину, Кьяра пробормотала:

— Только бы Терим не нагрязнули, пока он не очнулся...

“Если очнется”, - мелькнула в голове, но она заставила себя не думать об этом.

— Было бы ужасно, — мрачно покачал головой Зариллон. — Если с домом Терим еще как-то можно решить вопрос, то его недееспособность приведет к нашей гибели.

— Если высшее восстановление не поможет, тогда останутся два варианта, — ответила тифлингесса. — Поторговаться с тем, от кого колечко, и перенестись на Фаерун, за магом с исполнением желаний. Скажи, как работает соотношение времени между этим миром и материальным планом? Его можно рассчитать? Мне в любом случае понадобится хотя бы сутки при самом удачном раскладе.

Волшебник внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Кьяра, рассчитать соотношение времени невозможно. Оно совершенно хаотично. Ты можешь обнаружить, что прошла одна минута за эти сутки, а может пройти и год за один день. Всегда есть вероятность что, покинув Страну Фей, ты забудешь все, что с тобой здесь происходило. Сами уроженцы плана не подвержены изменению памяти.

— Вот почему... — мрачно начала Кьяра, но не договорила.

“Вот почему ты так не хотел, чтобы я уходила”, - подумала она, вспоминая тот разговор и странное увиливающее поведение Эридана.

— Значит, мне нужно будет взять кого-нибудь с собой, из гвардии, — стояла на своем чародейка. — Пока буду надеяться на Арума и его лечение. Надо предупредить Элледина.

Зариллон коротко кивнул в ответ, на лице его были написаны тяжкие думы. Чародейка вновь завернула плеть и спустилась вниз, к платформе. Встретив Каленгила, попросила предупредить, как приедет дом Терим.

— Я их встречу, — объяснила девушка, не вдаваясь в подробности о том, что произошло с Эриданом.

Гвардеец заверил, что она будет предупреждена, и это слегка успокоило чародейку. Чтобы отвлечься, она занялась делами. Распорядилась подготовить комнаты для гостей и тронный зал к их прибытию. Деловая суэта создавала иллюзию, что не произошло ничего из ряда вон выходящего. Слуги делали вид, что ничего не видели, но Кьяре было тошно, и она не могла найти себе места. Запершись в комнате, переоделась в черное платье, привела волосы в порядок. Попыталась отвлечься, записывая сны, видений, а также то, что рассказали Арум и Эридан. Кое-что она уже успела забыть, кое-что не помнила, когда именно видела, какие-то детали смазались, но это занятие немного отвлекло ее. Однако, чем ближе подходило время полудня, тем нервной ей было.

— Улыбающаяся дева, помоги немного, — взмолилась она, сжав монетку между пальцами.

В полдень она подошла к дверям лазарета. Подождав немного, робко вошла, стараясь не издать ни звука. Чародейка увидела лежащего на кушетке Эридана, а рядом Арума, занятого измельчением бриллиантов. “Пожалуйста, пусть сработает”, - мысленно взмолилась Кьяра. Драконида распылил алмазную пыль над телом эльфа, прошептал несколько слов. Крупишки вспыхнули теплым белым светом, окутавшим альбиноса.

Поблестев несколько секунд, свечение погасло, и жрец аккуратно повернул голову эльфа, всматриваясь в лицо. Пару секунд ничего не происходило, но тут Эридан поморщился и заморгал, словно очнувшись ото сна. Шумно вздохнув, Кьяра подошла к его кушетке.

— Что произошло? — медленно проговорил эльф, повернув голову в сторону тифлингессы.

Кьяра поймала его плывущий взгляд и ответила:

— Плеть тебя одолела и выжгла разум.

— Какая плеть?

Чародейка напряглась:

— Кто я, ты помнишь?

Его взгляд, наконец, сфокусировался. Помолчав секунду, он ответил:

— Да, ты Кьяра, я помню тебя.

Девушка мысленно выдохнула. Уже не так плохо.

— Что последнее ты помнишь? — спросила она.

Эридан поморщился, силясь вспомнить:

— Мы о чем-то разговаривали утром. Тренировка. Что-то такое, но смутно, словно меня долго били по голове.

Девушка сжала его руку:

— Отдыхай. Должен прибыть дом Терим на присягу, но мне сообщат, — она улыбнулась жрецу. — Арум, чтобы мы без тебя делали и без Зариллона с его знаниями.

— Я бы сам не догадался, — смущенно признался драконид. — Ни разу не использовал это заклинание и не знал, что у него могут быть такие эффекты. Так что меня можно назвать инструментом.

— Не прибедняйся, — ответила тифлингесса и благодарно погладила его по плечу.

Эридан, все еще сжимая ее ладонь, спросил в недоумении:

— Я ничего не понимаю. Меня опять пытались убить?

— И да, и нет. Я позже тебе подробно расскажу, — ответила она.

Эльф поднялся на койке и спустил ноги вниз, но тут же схватился за голову с выражением боли на лице:

— У меня как будто каша в голове. Все вертится.

Придержав его за плечи, Арум пробормотал:

— Головокружение — это меньшее, чем вы отделались.

— Хочешь вернуться в тронный зал? — спросила девушка, направляясь к выходу из лазарета. — К сожалению, многие слуги видели, что ты был без сознания. Я их шуганула и отправила заниматься делами.

— Да, мне нужно многое сделать, — ответил белобрысый, вставая на ноги.

Выпрямившись во весь рост, он сделал три уверенных шага в сторону Кьяры, и потерял равновесие. Девушка не успела среагировать, и ей осталось беспомощно наблюдать, как тот рухнул на пол словно подкошенный. Арум моментально подлетел к нему и приподнял с пола. Опомнившись, Кьяра помогла ему. Эльф был в порядке, хоть и ударился об пол. Отделался разбитой губой.

— Придется мне ходить, опираясь о стену, — вздохнул белобрысый, вытирая кровь с лица.

— Да, точно, — прорычал жрец, — по периметру лазарета.

— Значит, обед подадут сюда, — кивнула Кьяра. — Я к Зариллону, надо его успокоить.

Выходя из лазарета, чародейка отчетливо слышала, что Эридан и Арум крепко поспорили, но захлопнувшиеся двери оборвали доносящиеся звуки. Она быстро дошла до башни мага, чтобы успокоить некроманта.

— Хорошо, — кивнул он, выслушав девушку. — Все могло закончиться куда печальней.

Возвращаясь через тронный зал, Кьяра с удивлением обнаружила, что Эридан уже тут как тут. Все-таки драколюд не сумел удержать его в лазарете. Сам Арум тоже был здесь, хлопотал насчет обеда.

— Обед? — удивленно переспросил альбинос. — Был же завтрак!

— Ты провалялся без сознания несколько часов, — объяснила тифлингесса.

— Ммм, ты волновалась за меня? — спросил эльф, лукаво улыбнувшись.

— Не ломай комедию, сам все прекрасно знаешь, — пробормотала она себе под нос.

Его вопрос смутил ее, и она поспешила отвлечься на слуг, накрывающих стол. Может быть их роман — и мимолетное стечение обстоятельств, крошечный узелок, который со временем порвется или развяжется, но сейчас она чувствовала готовность рискнуть ради него.

Эридан ответил легкой улыбкой и ничего не сказал. Когда стол накрыли, тифлингесса с аппетитом приступила к еде. Утренние волнения, наконец, начали отпускать. Арум посмотрел, как ест Эйлевар, чтобы удостовериться, что его не тошнит. Увидев обычную привередливость в еде, драколюд фыркнул что-то про то, что Эридану нужна специальная диета для набора массы, и удалился, полный горделивого драконьего достоинства.

— Для эльфа я крупный парень, — возмутился альбинос, но Арум уже скрылся за дверями.

— Да, ты не дохляк, — хмыкнула Кьяра, обгладывая куриную ногу, — но и не крупный, а длинный... Ты ночью не спал? Тебе бы отдохнуть к приходу Терим. Буду с тобой пока на всякий случай.

— Отдыхать я не хочу, спасибо, — поморщившись, ответил он. — Пообедаю и займусь делами. У тебя тоже дела. Много поручений.

— Сегодня поручения откладываются.

Эридан поднял на нее серьезный нахмуренный взгляд и отложил столовые приборы:

— В каком это смысле — откладываются? Это твои обязанности, их нельзя отложить просто так, даже будучи на смертном одре. Если для тебя это непреодолимо, Кьяра, скажи сразу.

Фыркнув, девушка подарила ему возмущенный взгляд. Эльф посмотрел на нее еще некоторое время и вновь отвлекся на еду.

— Я поднимаюсь и делаю то, что должен, даже если разваливаюсь на части, не только потому, что я такой упрямый и вредный, — сказал он уже не таким строгим тоном, как раньше. — Я знаю, что это **нужно** сделать и что это **никто** больше не сделает. Ты это понимаешь? Это называется дисциплина, и это то, чего я пытаюсь добиться от этого проклятого мира.

— От одного пропущенного дня в сокровищнице ничего не случится, — возразила тифлингесса. — А если тебе понадобится помощь?

Он вновь посмотрел на нее, не сказав ни слова, и Кьяра почувствовала, что он не понимает. Ей в свою очередь было сложно понять позицию “Должен что-то сделать — убейся, но сделай”. Хотелось махнуть хвостом и уйти восвояси, но если снова что-нибудь случится? Произошедшего утром ей хватило с лихвой, поэтому она сдержала раздражение и взяла себя в руки.

— Знаешь, если ты развалишься на части и покажешь себя недееспособным перед Терим и прочими, это может плохо кончиться, — сказала она, вставая из-за стола. — Если дашь слабину, нас не пощадят. Не перенапрягайся. До встречи.

Последние слова она сказала с неприкрытой грустью и направилась в сторону сокровищницы. Она знала, что во многом их взгляды принципиально разные, но сейчас чувствовала себя на другом краю пропасти под названием “понимание”.

— Кьяра! — крикнул он вслед. — Не буду перенапрягаться, даю слово.

“Какой же ты непрошибаемый местами”, - подумала чародейка. Она ничего не сказала в

ответ и даже не обернулась. Засев в сокровищнице, без особого энтузиазма разобрала еще немного ценностей, и даже прекрасные платиновые украшения не подняли ей настроение. Из груды золота она выудила магический амулет в виде кольца. Не хотелось отвлекать мага из-за одной волшебной безделушки, но опознать его самостоятельно не вышло. Волшебник, впрочем, нисколько не разозлился, когда девушка отвлекла его от варки зелий, наоборот расстроился, что магических предметов так мало.

— Этот амулет позволяет путешествовать между планами, — сказал он после короткого ритуала.

“Бесполезная для меня вещь”, - подумала Кьяра. Магией порталов она обладала и без всяких амулетов.

Закончив с сокровищницей, она спустилась вниз проверить, как гвардейцы справились со своими волшебными палочками. У Сумана было хитрое и довольное лицо, и после некоторых расспросов выяснилось, что он удачно опробовал свою палочку на Арадриве. Корлиан же был исключительно серьезен и, казалось, ловил каждое сказанное ею слово с намерением овладеть всеми возможностями артефакта. Пожалуй, он был даже слишком серьезным и напряженным, в отличие от Сумана, который словно развлекался, а не тренировался.

Их тренировку прервал Каленгил. Он ворвался в самом разгаре объяснений, чтобы сказать:

— Кьяра, лорд Элах вот-вот прибудет. Ты просила предупредить.

Глава 9. Буря эмоций

— Спасибо, Каленгил, — ответила Кьяра. — Простите, ребята, — обратилась она к Суману и Корлиану, — продолжим в следующий раз.

С помощью камня послания она предупредила Эридана о прибытии Терим, и тот велел ей захватить Арума, для внушительности. Драконид был не рад этой идее, но не стал спорить. На этот раз он взял с собой лечащий посох. Мало ли, вдруг снова будут сражаться. Кто их, эладринов, знает!

— Он делает, что ему в голову взбредет, — ворчал Арум, пока они шли по лестнице от гостевого уровня до тронного зала. — Однажды я все-таки его поколочу. Поколочу и подожгу ему брови.

— Хороший план, — рассмеялась Кьяра, — а я тебе помогу. А потом нас казнят за бунт. — Казнить — не знаю, — с усмешкой возразил драколюд, — но веселая тюремная жизнь будет обеспечена.

Разговаривая на драконьем, они вошли в тронный зал. Все было подготовлено для приема гостей, слуги выжидающе замерли у стен, а белобрысый, облаченный в черно-красное, с мечом и кнутом на поясе, уже нетерпеливо притопывал.

— Вас как за смертью посылать... — раздражено сказал он вошедшим. — Чего это вы улыбаетесь? Терим скоро будут, а на вас еще заклинание накладывать.

Кьяра ответила молчанием. Эльф снова не в духе и готов был залаять от любой мелочи. Зариллон быстро наложил заклинания, и все трое заняли свои места. Через несколько минут двери в тронный зал отворились, впуслав пеструю делегацию во главе с помпезно разодетым герольдом. Чародейка пропустила мимо ушей представление гостей, это было скучно, гораздо интересней было разглядывать самих Терим. Первым вышел Элах. На его одежде больше не было символа с золотыми листьями, но лицо по-прежнему было невозмутимое и слегка насмешливое, словно он и не валялся в ногах у Эридана. Следом шел живой и невредимый Сехтен. Видимо, саркофаг и правда способен воскрешать из мертвых, и даже прирастить голову к туловищу. Шрамолиций перемотал шею длинным синим шарфом. Стыдится шрама или поражения? Ханиса с ними не было. Может, послал к бесам безумную семейку.

Дойдя до ступеней к трону, Элах сделал изысканный поклон:

— Добрый вечер, Ваше Величество. Прибыли, как вы и просили, спустя три дня для того, чтобы принести присягу.

Сехтен тоже отвесил поклон, но лицо оставалось угрюмым. Он избегал смотреть на Эридана.

— Приветствую вас, лорды, — ответил альбинос. В его спокойном голосе звучали властные стальные нотки. — Надеюсь, дорога была не слишком утомительной? Вижу, господин Сехтен, вы снова в строю? Я искренне рад, что не пожелали оставаться среди мертвых.

Младший Терим вскинул голову и, наконец, вперился взглядом в Эйлевара:

— Ваше Величество, как я могу покинуть этот мир, если еще не закончил всех дел?

— Надеюсь, под делами вы подразумеваете совершенствование вашей техники фехтования, а не очередную бесплодную попытку убить меня? — съязвил Эридан, Сехтен вспыхнул и отвел взгляд.

— Думаю, можно покончить с формальностями и приступить к делу, — продолжил альбинос. — Я практичен, ценю время. Почему бы не перейти к присяге?

— Мы обязательно присягнем, Ваше Величество, — ответил Элах струящимся потоком голосом. — Нисколько не сомневаемся в том, что вы достойны быть Летним Королем, но все же имеем скромную просьбу. Мы хотим присягнуть на верность после официальной церемонии коронации.

Эридан шумно втянул воздух, и Кьяра вцепилась в подлокотники кресла. Кажется, сейчас грянет буря.

— Лорд Элах! — воскликнул он, вскочив на ноги. — Что еще придумаете, чтобы не делать того, что от вас требуется? Сколько еще отговорок приплетете? Вы забываете о главном: Фистиль все еще у меня, ее жизнь и здоровье зависят от того, насколько я буду милостив, а сейчас я в бешенстве!

Эльф покачнулся, встав с кресла. Удержал равновесие, но был все еще слаб. “Лишь бы Терим не заметили”, - подумала чародейка.

Кровь отхлынула от лица Элаха, но голос оставался спокойным.

— Ваше Величество, этого велит обычай, — сказал он. — Титания была коронована в присутствии всех домов, присягнувших ей на верность. Для настоящего короля не возникнет проблем повторить путь одной из величайших.

Тифлингесса увидела, что глаза белобрысого приобрели красный цвет. Сейчас бесполезно взывать к разуму, он был соткан из ярости. Рука потянулась к платиновой рукояти, и он сделал шаг в сторону Элаха.

— Ваше Величество!

В напряженной тишине раздался голос Зариллона. Волшебник вышел из тени и встал неподалеку от господина.

— Прошу, выслушайте лорда Элаха, — продолжил маг. — Он вовсе не желает разозлить вас. Новой коронации не было так много лет, что традиции начали забываться. Лорд Элах всего лишь хочет возродить их, дабы ознаменовать начало новой эпохи в Стране Фей: правления эладринов, а не архифей. Ведь так, лорд Элах?

— Именно так, — кивнул зеленоглазый. — Коронация ознаменует новую веху в истории мира и станет началом династии Эйлевар.

От этих слов у Эридана перекошило лицо, но красный огонек в глазах пропал. Убрав руку с рукояти, эльф сделал несколько шаг в сторону трона:

— Я выслушал вас, лорд Элах. Считаю это напрасной тратой времени и средств, но учитывая обстоятельства и то, что пришлось пережить миру в последнее время, вынужден пойти на эту уступку. Разумеется, подобное событие требует подготовки, так что прошу, устраивайтесь во дворце, мои дорогие гости.

Элах сделал очередной глубокий поклон:

— Спасибо, Ваше Величество. Наш дом признателен за оказанную честь. Когда же планируется данное событие?

Сев на место, Эридан бросил взгляд на Арума, но тот притворялся золотой горгульей и, казалось, даже не моргал. Тогда он обернулся в сторону чародейки:

— На этот вопрос ответит мой советник, леди Кьяра.

Тифлингесса поменялась в лице. Она не ожидала такой подлянки. “Я когда-нибудь убью тебя, Эридан”, - мелькнуло у нее в голове. Быстро взяв себя в руки, она спокойно произнесла:

— Сколько времени требуется, чтобы добрались лорды и леди из самых дальних земель? Увы, мне ещё плохо знакома география этого мира.

— Если вы отправите приглашения сегодня, то можете провести церемонию через десять дней, — кивнул зеленоглазый.

Эридан пристально посмотрел на чародейку. “Умница, выкрутилась из сложной ситуации”, - подумал он и, повернувшись к Элаху, сказал:

— Леди Кьяра утвердила дату, мне остается только согласиться с ее мудростью. Вы довольны, лорд Элах? Если у вас еще есть требования, то не стесняйтесь.

Последняя фраза прозвучала с холодной угрозой.

— Нет, Ваше Величество. До коронации я ваш гость, а после — смиренный слуга.

Слабо верилось, что Терим превратились в покорных овец, но таковыми они хотели казаться. Эридан, с трудом подавив вскипевшее вновь раздражение, сказал:

— Прощу, располагайтесь в покоях. Желаете официальный ужин?

— Благодарим покорнейше, но мы устали с дороги. Может быть завтра?

— Хорошо. Если вам что-то понадобится, скажите леди Кьяре, и она распорядится.

На этом Терим откланялись и скрылись за дверями на гостевой уровень. Тифлингесса окинула Эридана недоуменным взглядом. Зачем он это сделал?

Встав с кресла, белобрысый раздраженно обернулся в сторону волшебника:

— Что это было, фомор тебя прокляни?

Зариллон испуганно втянул голову в плечи:

— Не гневайтесь, но вы явно были готовы нанести удар, и никто не думал вас остановить.

— Выглядело так, будто ты не на моей стороне, Зариллон, — прорычал Эридан, сделав шаг в его сторону.

Тифлингесса вскочила с кресла и частично закрыла собой волшебника.

— Да, я тоже хотела тебя остановить! — воскликнула она. — Но не знала, как это сделать.

Взгляд альбиноса успокоился, брови расслабились, разгладив глубокую складку. Теперь это было всего лишь усталое лицо.

— Я вынужден играть этот фарс до конца, — вздохнул он. — Элах просто тянет время, ему плевать на традиции. А, может, надеется, что дома объединятся, чтобы уничтожить меня, или проигнорируют приглашение, и у него будет повод тянуть время бесконечно... Быстрее было убить мерзавца, и другие бы поняли, что даже великий дом может пасть от моей руки, если не выполняет требования.

— Нет, — возразила девушка. — Убил бы ты Элаха, и как бы остальные узнали, как пал этот дом и за что? Да, фарс придется доиграть, заодно есть возможность выбрать линию поведения. Те, кто не явятся на коронацию... Это знак неуважения, и ты будешь вправе решать их судьбу. Если хотел убить, то следовало не останавливаться. Повторно угрозы через Фистиль смотрелись жалко, а не пугающе.

Ореол вокруг Эйлевара вспыхнул, словно факел, и глаза вновь стали красными. Схватившись за лицо, он внезапно крикнул:

— Пошли все вон! Вон!

— Эридан...

Девушка подошла к нему и положила руки на плечи, желая усмирить гнев:

— Мы в одной лодке. Не надо думать, что спорим с тобой из прихоти.

Она попыталась разглядеть в его глазах хоть какой-то отклик, но в них бушевало пламя эмоций. Отстранившись, Эридан проговорил глухим голосом:

— Мне нужно заниматься делами.

В его голове действительно завывала буря. Хотелось раскрошить чей-нибудь череп, рука непроизвольно тянулась к мечу. Непреодолимое желание разрушать толкнуло в сторону королевского уровня и выше, к макушке дерева, где была прекрасная площадка, на которой так замечательно было тренироваться вдали от посторонних глаз.

Проводив взглядом быстро удаляющегося Эридана, Зариллон сказал Кьяре:

— Не стоит трогать его, когда он злой. Это опасно.

— Поверь, я знаю, но у нас нет времени ждать, когда он остынет, — со вздохом ответила девушка, а про себя подумала: “Демоны бы побрали его и мое решение остаться”.

— Спасибо, что встала на мою защиту, — с улыбкой продолжил маг, — но я могу переместиться в башню или за пределы замка, когда запахнет жареным, не стоит так рисковать.

— Я долго тебя подозревала, но сейчас ты — свой... Если он меня тронет, я его раскатаю, — зло прорычала тифлингесса, и немного успокоилась, выплеснув накопившуюся злость. — Скажи, как успехи по магической зиме? — спросила девушка уже более спокойным тоном.

— Редко у кого вызываю доверие, — хмыкнул эльф с горечью, — но меня это обычно не волнует... Нигде не задерживался подолгу. Насчет зимы... Вчера несколько часов ломали голову, и вот что удалось понять. Магия...

Он смолк, подбирая нужные слова, и вновь заговорил:

— Эта магия напрямую связана с Аурил. Через эти зоны она получает энергию из плана фей и становится сильнее, либо перенаправляет ее куда-то еще. Ее кормушка. Как разорвать эту связь, я пока не знаю. В идеале надо допросить тех фей, что колдовали зиму, но они куда-то исчезли.

— Надеюсь, ты что-нибудь придумаешь. Это стало бы хорошим козырем. Ладно, у всех действительно много работы.

Устало улыбнувшись магу, Кьяра поспешила за Эриданом. Чтобы догнать его, пришлось пробежаться, и даже так она перехватила его только у лестницы на уровень сокровищницы.

— Поговори со мной, пожалуйста, — попросила она, пытаясь остановить эльфа, схватив за рукав.

Тот обернулся, и девушка увидела платиновую рукоять, зажатую в ладони. На мгновение она испугалась, что он замахнет мечом. Белобрысый угрюмо буркнул:

— Сейчас не лучшее время. Мне нужно успокоиться.

Чародейка окинула его взглядом. Глаза голубые, но в них было желание убивать. Как смягчить его? Не пришло в голову ничего лучше, чем поцеловать, встав на цыпочки. Нежное соприкосновение губ грубо оборвалось. Эльф встряхнул ее за плечи:

— Что ты делаешь?

Чародейка отступила на пару шагов. Не сработало! В глазах вспыхнули алые угольки. Рукоять мелькнула в воздухе и звонко ударилась о стену, отколов часть барельефа.

— Ну что же, — прорычал Эридан. — О чем хотела поговорить?

— Что делать дальше?

— Ты — мой советник, сама должна знать, — воскликнул он, махнув рукой в гневе. — А можешь ничего не делать, пусть все рухнет в Фейдарк.

Кьяра зарычала от негодования и бессилия, бешено размахивая хвостом. Опять спесивец слетел с катушек.

— Что? — воскликнул он. — Что тебя опять злит? Какой я жалкий, да? Я тоже могу рычать, мне для этого не надо быть драконом!

Эта вспышка гнева стала последней каплей. Девушка ощутила такую опустошающую усталость, что ноги внезапно стали ватными.

— Нет, ты не жалкий, — тихо сказала она, садясь на пол, — ты упертый...

Слишком много эмоций. Страх за Эридана, его резкость, а теперь и гнев совсем выбили из колеи. К горлу подкатил комок.

— Нет уж, ты не отвертись, — произнес эльф, садясь напротив нее. — Назвала меня жалким, а после увязалась следом и полезла целоваться. Это такая извращенная игра?

Тифлингесса подняла голову. Увидев влажную пелену в глазах и мокрые дорожки на щеках, эльф опешил. Слезы плохо вязались с образом девушки, такой сильной и циничной. Дьяволица вдруг стала обычной хрупкой женщиной, и злость мгновенно испарилась.

— Кьяра, что происходит? — зашептал он, поглаживая ее по плечу. — Я сильно накричал? Ты испугалась? Ты устала?

Слезы потекли из глаз еще сильнее, они просто не останавливались. Плечи устало поникли.

— Тише-тише, — успокаивающе зашептал Эридан, приобняв ее. — Все хорошо, я тебя не трону.

Он говорил какие-то бессвязные глупости, баюкая ее, и Кьяра обмякла в объятьях, уткнувшись в грудь. Слезы растворялись в черной ткани кафтана. Минута слабости, но на душе стало легче.

— Я устала, — тихо сказала Кьяра, выплакав слезы. — Навалилось. Не люблю состояние беспомощности, когда не знаю, что делать, а сегодня я его испытала дважды. Сначала, когда тебя атаковала плеть, и было непонятно, восстановишься ты или нет...

Вытерев слезы с лица, она мельком подумала о том, как грустно было бы, останься он навсегда ни живым, ни мертвым.

— А второй раз в тронном зале, — продолжила она уже окрепшим голосом, — когда ты спросил у меня прилюдно совета. Я же не могла не ответить, и я не могла получить от тебя ту информацию, чтобы придумать хоть что-то и вывернуться, — помолчав, добавила чуть тише. — А поцеловала, потому что захотела поцеловать. Никакой игры в этом нет.

Эридан ласково погладил ее по голове:

— Я не помню, что произошло, поэтому не придаю этому значения... Надо было просто оставить тебя в покое и отправить отдыхать. Да, это было жестоко, но хотел увидеть, что ты сделаешь. Я бы поддержал любой вариант, который ты предложила.

— Что же все-таки делать с коронацией и приглашениями? — спросила девушка.

Это был основной вопрос, по которому она и побежала следом прежде, чем все переросло в перепалку. Тотальное непонимание, что делать дальше.

— Это уже моя головная боль, — ответил эльф. — Составлю список, напишу приглашения и к утру отправлю

— Ни на что я все-таки не гожусь, — в сердцах сказала девушка. — Надо было соглашаться на роль наложницы. Я не умею, как ты, не спать несколько дней.

Она пошла в сторону тронного зала. На душе снова стало паршиво от чувства собственной бесполезности.

— Погоди...

Альбинос поймал ее за рукав:

— С чего ты это взяла? Ты делаешь, что в твоих силах, я не прошу невозможного. Это надо сделать за ночь и срочно, нет времени вводить тебя в курс дела, но после я устрою длинную лекцию по всем домам, обещаю...

Его глаза, уже абсолютно спокойные, встретились с ее, и Кьяра кивнула, соглашаясь с его волей. Наверное, он был прав, но на душе все равно скребли кошки. Этот мир был чужим и непонятным. Что она тут делает? Нужна ли она тут? Нужна ли она ему?

— Тогда... хорошего отдыха, — произнес эльф, отпустив ее рукав.

Он полагал, что девушке необходимо отдохнуть, а у самого впереди была бессонная ночь и куча бумажной работы. Он даже не догадывался о том, какие мысли крутились в ее голове.

Девушка спустилась с королевского уровня и сразу направилась в комнату. Упав на кровать, еще немного помучилась мыслями, но скоро их поглотил сон.

Глава 10. Спасение из плена

Кьяра с трудом разлепила глаза. Кто-то настойчиво тарабанил в дверь. Эридан? Может, лорду Элаху что-то срочно потребовалось?

Она приподнялась на постели. Нет, Эридан бы уже крикнул что-нибудь про выломать дверь, да и стучится он так, что дерево скрипит и стонет от ужаса. Девушка выскользнула из-под одеяла. Привычка спать в одежде очень удобна как раз для таких случаев. Правда, рубашка очень сильно измялась

Открыв дверь, Кьяра с удивлением обнаружила за ней Арума, Зариллона и Элледина. Драконида и золотистый выглядели такими же помятыми, как и девушка.

— Прости, что разбудили, Кьяра, — сказал Зариллон. — Пошли. Требуется твое магическое зрение.

Удрученно кивнув, девушка поплелась следом за ними. Судя по ощущениям, было очень рано, а может и вовсе ночь. Тело было вялым и сонным.

Они прошли по тронному залу и вошли в галерею, ведущую к саду. Обогнув фонтан, чародейка замерла, разглядывая внезапную разруху. По саду словно прошлась снежная буря. На ступенях, ведущим к покоям Эридана, лежали куски льда, некоторые деревья сломаны или повалены, на коре толстый слой изморози, несколько трупиков птиц, убитых внезапной зимой. Лед уже начал таять, звонко капая с веток и струясь ручейками по ступенькам.

Проследив ее взгляд, Элледин мрачно сказал:

— Час. Может, два назад.

Кьяра узнала заклинание. Она и раньше видела подобное: дыхание белого дракона, магия шиверпайнских ведьм.

— Пошли, это не все, — сказал Зариллон, кивнув на лестницу.

Они аккуратно, чтобы не подскользнуться на потоках воды, поднялись в королевские покои. Повеяло холодом, как в заброшенной крипте Эйлевара, на барельефах блестел иней, а на полу лежали подтаявшие куски льда.

Зариллон вздохнул:

— Он попросил меня рано утром забрать приглашения для отправки. Я пришел и все это обнаружил.

Сердце девушки сжалось. Что с Эриданом? Где он? Она зашла в спальню и увидела там такой же погром, что и в саду. Повсюду лед, балдахин кровати сорван, как и портьеры, осколки разбитого зеркала. На полу растеклась кровь, слишком много крови для одного человека. У окна лежал обожженный труп бледнокожей карги. Агатовые глаза распахнуты в ужасе, хоть в смерти делая фею похожей на человека.

— Я как будто знаю ее, — тихо произнесла чародейка.

— Это — одна из шиверпайнских фей, — объяснил Зариллон.

“Вот оно что”, - подумала Кьяра. — “Эридан говорил, что Аурил так просто не оставит нанесенное оскорбление. Он оказался прав”.

Чародейка покачала головой:

— Говорила же ему настроиться на амулет от обнаружения и поиска...

— Вряд ли это бы ему помогло во дворце, — тихо ответил маг. — Что ещё ты видишь? Арум, Элледин, вы тоже осмотритесь вокруг.

Оглядев комнату, девушка помотала головой. Спросонья магический взгляд подводил

ее.

Зариллон склонился над крупными кусками льда и задумчиво проговорил:

— Тут точно колдовали ледяную стену.

— А тут — большие следы, — сказал Элледин, указывая на пол вокруг кровати.

Действительно, отчетливо виднелись окровавленные отпечатки больших лап.

“Превращение”, - подумала чародейка. — “И крови как раз натекло, как с большого зверя”.

— Тела Эридана нет, и это обнадеживает, — сказал некромант.

— Где он тогда? — спросил Арум, нахмутив чешуйчатые брови.

— Искренне надеюсь, что он переместился, когда понял, что не победит, — ответил волшебник, но в его голосе не было уверенности.

Кьяра тоже была не уверена, что белобрысый решил бы сбежать. Совсем не в его характере.

— Зариллон, а у тебя есть заклинание поиска существа? — спросила она.

— Нет, — ответил маг, — иначе я бы его уже применил.

Немного побродив вокруг кровати, Элледин сказал:

— Судя по следам, их было трое. Три карги. Одну он успел убить. А дальше непонятно.

Вдруг он вздохнул, горестно покачал головой и поднял с пола какой-то предмет:

— Он бы не бросил меч.

В его руках поблескивала платиновая рукоять солнечного клинка. Кьяра сникла. Эридан пропал, и было совершенно непонятно, где его искать. Она внезапно пожалела, что уже нет этого чертового поводка.

Элледин так и осел на пол с рукоятью в руках.

— Никто ничего не услышал, — всплеснул руками маг, — что странно, тут явно было не тихое побоище.

Арум прервал сосредоточенное молчание.

— Я могу попробовать воскресить эту каргу, и мы могли бы допросить ее, — произнес он.

Лицо командира гвардии из убитого стало решительным.

— Тогда ее нужно отнести в темницу, — сказал он. — Кто ещё знает?

— Только вы, — ответил маг. — Я не знал точно, сбежал Эридан или нет. Не хотел создавать панику. Да и сейчас не хочу.

— Да, панику лучше не поднимать, — согласилась Кьяра.

Арум и Элледин потащили тело карги в темницу. Чародейка заметила что-то поблескивающее под сдернутой портьерой. Кости Тиморы. Они точно были на нем, когда завязалось сражение. Упали с бессознательного тела или ведьмы специально их сняли? Тифлингесса надела их на шею.

Вдруг в ее голове промелькнула мысль: камень послания! Что если ведьмы не отняли его? Быстро достав из сумки свой, она отправила короткое сообщение: “Эридан, ты меня слышишь? Где ты?”. Спустя несколько секунд тревожного ожидания она получила ответ: “Готов поклясться, что в темнице Эйлевара. Кьяра, ведьмы что-то давали тебе? У тебя есть вещи, которых они касались? Не носи, выкинь это! Они...”. Сообщение резко оборвалось. У камня был лимит на количество слов в одном сообщении. Однако девушка была рада узнать, что эльф жив.

— Он в замке Эйлевар, — сказала она, попутно пытаясь вспомнить, каких предметов касались ведьмы. — По крайней мере, он так думает.

“Точно, сердоликовые огненные бусы”, - вспомнила девушка.

— Это невозможно! — воскликнул Элледин. — Отсюда до Эйлевара сколько? Дней пять-шесть?

— Они могли воспользоваться телепортацией, — объяснил Зариллон. — Ничего сложного, если есть предмет, взятый с места назначения в течение ближайших двух месяцев.

Кьяра вспомнила, что в сумке еще остались бутылочки от волшебных зелий из подвала Эйлевара. Привычка хранить всякий хлам снова сыграла на руку.

— У меня есть такой предмет, — улыбнулась она.

Маг внимательно посмотрел на нее:

— Я не владею телепортацией, но среди зелий Эйлеваров было одно специфическое. Ты хочешь переместиться в логово карг?

Кьяра ни на минуту не задумалась, насколько это может быть опасно, подавшись порыву ринуться и спасти Эридана.

— Он хотя бы жив, — пробормотал Арум. — Только что им нужно от него?

Девушка вновь обратилась к камню: “Эридан, что они хотят от тебя”. В ответ она получила: “Не знаю. Чтобы я умер здесь от холода, очевидно. Думал, что уже труп, но очнулся здесь, в оковах измерений. Они ничего не говорят”.

— Что такое оковы измерений? — уточнила она у Зариллона.

— Кандалы, которые невозможно снять. Можно попробовать порвать их раз в тридцать дней. Они запрещают перемещаться магическим образом...

— Телепорт туда, обратно летающим ящером, — ответила Кьяра. — Он может нести четверых, но все равно это дня два или три... — она немного задумалась. — Элледин и Зариллон, вы, видимо, за старших... Арум, ты со мной?

Драконид коротко кивнул, и в голове у нее начал лихорадочно складываться план. Телепортироваться в замок, в тихое и укромное место, взять ведьм неожиданностью, быстро выкрасть Эридана и обратно. Звучало убедительно, но она понимала насколько это рискованно. Тем более эти злополучные Терим могут воспользоваться ситуацией...

— Зариллон, приглашения нужно разослать, отвлечь Элаха, — распорядилась она. — Если станет совсем жарко, сообщите и уходите на материальный план.

Тифлингесса дала ему маску многоликого и амулет планов, но в глазах Элледина увидела упрямство.

— Мало того, что ты не знаешь Эйлевар — они его хорошо знают, — возразил золотистый. — А еще их как минимум десять! — он осекся. — Девять. Это три ковена. К тому же у них доступ к зельям.

— Что ты предлагаешь?

— Я беспокоюсь, что вдвоем вы не справитесь, — ответил золотистый, скрестив руки на груди. — Вам нужны зелья, артефакты, какой-то план и кто-то, кто знает замок. Возьмите кого-то из гвардейцев.

— У меня артефакты есть, у Арума тоже, — ответила Кьяра. — А гвардейцев я и сама хотела взять.

Элледин кивнул, и упрямство в его глазах поугасло:

— Кого?

Кьяра ненадолго задумалась.

— Пусть будут Каленгил и Ятар.

— Нужно надеть доспех и взять оружие, — предупредил Арум, — и я буду готов.

— Захвати лечебные зелья, — напомнила девушка, и драколуд кивнул, скрываясь за дверным проемом.

Зариллон ушел за зельями, Элледин — привести ребят. Тифлингесса ненадолго осталась одна посреди разгромленной спальни. На помятой постели блестели осколки зеркала, многократно отражая ее силуэт. “Плохо, что я не выспалась”, - вздохнула про себя Кьяра. Магические силы не успели восполниться, а ведь каждое заклинание будет на счету... Пришло время использовать жезл поглощения.

Пока остальные были заняты, она оделась в костюм потеплее и плащ на волчьем меху, памятуя о зверском холоде в замке. Вскоре вернулся Элледин вместе с гвардейцами, облаченными в доспехи и теплые плащи. Зариллон принес ящик с зельями Эйлеваров, и эльфы взяли себе несколько бутылочек. Сборы Арума заняли чуть больше времени, но он пришел уже в доспехах, с посохом и жезлом, в поясной сумке позвякивали лечебные зелья. Взглянув на массивную фигуру, девушка немного успокоилась. Со жрецом будет значительно проще, хотя все равно почти смертельно.

Зариллон помог девушке наполнить жезл поглощения магической энергией, а затем сосредоточенно наблюдал за их сборами, и когда тифлингесса была полностью готова, тихо проговорил, покачав головой:

— Десять конусов холода, и конец...

Кьяре показалось, что он сказал это виноватым голосом.

— Времени идти за ледяным дьяволом нет. Тебе будет жалко меня? — съязвила она в ответ, чтобы скрыть нервозность.

Элледин передал ей рукоять меча:

— Он будет рад вернуть оружие.

— Надеюсь, мне не придется покидать это место, — вздохнул маг. — Поберегите себя, — он протянул ей бутылочку с чернильно-черной жидкостью. — Выпей и сможешь переместиться. Последнее: карги образуют ковены по три особи. Обычно они держатся вместе, не дальше тридцати футов друг от друга, чтобы колдовать специфические заклинания, но стоит убить одну из них, и они теряют магическую связь между собой.

Коротко кивнув, девушка одним глотком осушила пузырек. Магическая сила потекла по венам, выплеснулась из тела завихряющимся потоком. Эльфы и драконид встали к ней поближе. Сжав в руках пузырек от зелья, она мысленно представила винный погреб Эйлевара, и в следующее мгновение почувствовала, как ее засасывает куда-то. Девушку качнуло, и она ощутила зимнюю свежесть. Пахло льдом, влажным камнем и деревом. Покрытый снегом пол охладил ступни. Они оказались в подвале, на самом нижнем этаже. На полках с зельями царила разруха, кто-то здесь основательно похозяйничал. Мрак и давящая тишина вокруг.

— Мы в подвале с зельями, — прошептал Каленгил, положив руку на рукоять меча. — Если Эридан действительно в темнице, нужно подняться, пройти по нижней галерее до противоположного конца.

Кьяра выпила зелье памяти предков. На мгновение перед глазами встала черная пелена, но затем зрение необычайно прояснилось и слух стар острым, как у кошки. Пошарив в сумке, она достала бусы и выкинула их от греха подальше.

Они поднялись по лестнице. Вино на стеллажах было нетронутым, но девушке некогда было думать об упущенной возможности. Эльфы аккуратно выглянули сквозь приоткрытые двери. Никого, только завывание ветра. Очень медленно они двинулись за гвардейцами.

Дворец превратился в гулкую замороженную пещеру, и Кьяра вздрагивала на каждом шагу. Ей казалось, что они не крадутся, а маршируют: так сильно звуки отдавались эхом. Белый мрамор пола и стен больше походил на обнажившиеся кости. Замок напоминал труп прекрасной девушки: красивой, изящной, но холодной и неумолимо подверженной тлению.

Они проскользнули вдоль ряда толстых мраморных колонн. По левую руку — покрытое снегом огромное фойе с широченной лестницей на второй этаж, за которой они затаились. Выглянув из-за нее, Арум прошептал:

— Вижу четверых.

Проследив, куда он указывает, Кьяра увидела карг, суетящихся вокруг огромного ледяного обелиска, устремившегося вверх голубоватой иглой. Уродливые, одетые в лохмотья старухи с бледно-голубой кожей составляли из осколков льда причудливые фигуры на полу.

— Если мы их убьем, останется один ковен, — шепнула тифлингесса. — Надо подойти ближе, но тихо.

Они осторожно прокрались вдоль лестницы. Плавный изгиб массивных перил скрывал от Кьяры одну из карг, но три были как на ладони. “Была не была”, - подумала она и выкрикнула заклинание.

Вокруг фей заколебалось полупрозрачное марево, словно в жаркий день. Ведьмы встрепенулись, но движения у них были какие-то вялые, словно воздух стал для них плотнее воды. “Сработало!” — подумала, тифлингесса, отступая под защиту перил. Краем глаза девушка успела заметить, что карги начали колдовать в ответ, но медленно, словно сонные мухи.

Выхватив клинки, Каленгил устремился в сторону ведьм, и карга, которую не задело заклинанием Кьяры, выкрикнула несколько слов. Что-то затрещало, и перед лестницей выросла толстая ледяная стена, отгородив ледяных фей от спасательного отряда. “Бездна”, - подумала девушка, — “Зеленый же там поляжет”. Зачерпнув побольше магической силы, она махнула рукой, преграда развеялась, оставив после себя только легкий порыв морозного ветра. Карга злобно заскрипела. Тифлингесса кинула в фей шарик клокочущего пламени, который взорвался яркой вспышкой, не задев эльфа. Огненная волна разметала противников и превратила обелиск в талое крошево. Эхо взрыва многократно отразилось от стен. Тифлингесса надеялась, что им удастся вызволить Эридана прежде, чем прибудет ведьминское подкрепление.

Ятар подбежал к Каленгилу, страхуя от ледяных лучей, срывающихся с пальцев карги. Арум призвал объятый пламенем меч, и тот, описав яркую дугу, ударил фею, заставив шипеть от боли. Ведьма, наколдовавшая стену, указала на Кьяру пальцев, сплетая вредоносную магию. Девушка вскинула жезл, руны ярко вспыхнули, вбирая нацеленную на нее ворожбу. Карга закричала в бессильной ярости, тифлингесса злорадно улыбнулась, и тут же получила ощутимый удар по плечу. Сверху посыпались крупные куски льда, с треском и грохотом разбиваясь о мраморный пол, но девушка не отвлеклась от замедляющего заклинания.

Каленгил опрокинул в себя зелье, и его клинок вспыхнул зеленым пламенем. Изумрудные блики заиграли на осколках льда, как в причудливом калейдоскопе. Зашипев, лезвие врубилось в тело ведьмы, атаковавшей Кьяру. На пол упала отрубленная рука, карга забилась от боли, и эльфов осыпало кусками льда, заставляя немного отступить. В их сторону полетели желто-зеленые лучи, но мимо, только чиркнули по полу. Вопящую ведьму добил снаряд, метко брошенный Кьярой, тело рухнуло на пол, в лужу черной крови, и три

другие феи начали озираться в панике. Ятар разрубил гортань одной, меч Арума пронзил грудь другой. Третья попыталась сбежать, и Каленгил перебил ей хребет. Трупы упали на пол, и Кьяра облегченно вздохнула. Это еще не конец, однако эффект неожиданности и удачно брошенное заклинание сыграли свою роль.

— Эльфы, ведите, надо успеть, пока остальные не очухались, — скомандовала она.

Арум взмахнул посохом, и гвардейцев окутало исцеляющее сияние. Отряд вновь отступил в тень галереи, уже не особо заботясь о скрытности. Спустившись по широкой лестнице, они оказались в огромной темнице, целом городе камер. Приостановившись, зеленый сказал тифлингессе:

— Мы не знаем, где его могут содержать...

Кьяра задумалась. Темница была действительно огромной, бездумный поиск мог занять много времени. А что если?..

— Давай проверим старую камеру, — предложила она.

Кивнув, Каленгил повел их по длинному коридору, который очень скоро начал разветвляться, превращаясь в мрачный лабиринт из стен и решеток. Гвардеец уверенно шел вперед, и Кьяре оставалось только удивляться, как он ориентируется среди этих совершенно одинаковых стен. Оглядываясь по пути, она осматривала камеры. Сначала они были обычными, какие она видела в других тюрьмах. Решетки, койки, солома на полу, превратившаяся в труху. Однако, чем дальше они заходили, тем мрачнее становились казематы. Камеры становились все меньше и меньше, с окошками, больше похожими на мышьи норы. Решетки превращались в сплошную каменную кладку. Койки постепенно исчезли, уступая место каменным скамьям. Через некоторое время они уперлись в тупик с рядом металлических дверей с маленькими смотровыми окошками. Каленгил приоткрыл одну из них, ведущую в завешанный цепями карцер без намека на окно или кровать. В ней было футов семь, максимум десять, и она была пуста.

— Джи! — воскликнул гвардеец, ударив кулаком в стену. — Эридан, ты меня слышишь?

Откуда-то раздался отдаленный лязг цепей, и Кьяра побежала на звук. Он раздавался из каменного мешка вроде того, рядом с которым они стояли. Дверь была заперта. Тифлингесса открыла смотровое окошко. Эридан! Опутанный цепями с ног до головы, он сидел на полу и раскачивался взад-вперед, издавая металлический звон. Увидев лицо Кьяры, он зашевелил губами, пытаясь что-то сказать, но не вышло ни звука. Лицо посинело от холода.

— Он здесь! — крикнула тифлингесса, и остальные поспешили в ее сторону.

Трясущимися от волнения руками девушка взялась вскрывать замок на двери. Не вышло. Вдох-выдох, надо успокоиться. Кьяра взяла себя в руки. Раздался резкий щелчок, дверь со скрипом распахнулась.

— Арум, полечи его... Ятар, карауль.

Розоволосый встал у входа, а Кьяра скользнула внутрь. Пока Арум исцелял раны и ушибы белобрысого, она осмотрела оковы. Несколько крепких цепей, уходящих в стену, удерживали эльфа за локти, плечи и ноги. На шее — тяжелый металлический ошейник, почти пришиливший голову Эридана к стене, не давая опустить корпус. Тифлингесса быстро справилась с ним, холодный металл оторвался от кожи, оставляя кровавые следы.

— Арум, попробуй порвать цепи. Я одна долго провожусь.

Пока Кьяра взламывала замок, освобождая ноги эльфа, драконид перебил одну из цепей, удерживающих плечи. Лицо альбиноса было болезненным и опустошенным. Может, ему плохо? Девушка повесила ему на шею кости Тиморы, они должны были медленно, но верно

исцелить его. А следом достала платиновую рукоять, вложив прямо в ладони. Эльф вцепился в нее мертвой хваткой.

Цепи плохо поддавались. Сломав несколько отмычек, чародейка вышла из себя. Огненный всполох зашипел, расплавляя металл, эльф поморщился, когда железные капли соприкасались с его кожей.

— Сюда идут! — сдавленно воскликнул Каленгил.

Кьяра быстро оглядела Эридана. Две цепи все еще удерживали локти, а кисти были скованы наручниками. Еще бы чуть-чуть времени.

— Бездна! Тихо. Гил, Ятар, назад в камеру.

Эльфы юркнули в каземат, аккуратно закрыв дверь. В камере стало нестерпимо тесно. Здесь-то и одному Эридану с его длинными ногами было не очень. Кьяра выглянула в смотровое окошко. Из-за угла показались три карги, направляющиеся прямо в их стороны. Тифлингесса стиснула зубы, взмахнула жезлом, используя накопленную в нем энергию. Символы вспыхнули, и феи увязли в загустевшем воздухе, словно кораблики, попавшие в плен мертвой воды. Этого чародейка и добивалась — замедлить их, заставить читать заклинания необычайно долго. Только на это и была надежда.

Пинком распахнув дверь, девушка кинула вдогонку к первому заклинания огненный шар. Стены содрогнулись от мощного взрыва, карги закричали, занявшись пламенем, и коридор окутали дым и запах паленой плоти. Кьяру окружило кольцо огня, яркая вспышка отразилась от покрытых льдом стен.

Раздался треск, пахнуло грозой, по красно-черному чиркнула белая линии молнии. Кьяра почувствовала удар, сильное жжение, и мышцы тела судорожно сократились, причиняя сильную боль. Жезл чуть не выпал из сведенных рук. Стиснув зубы, девушка продолжала замедлять ведьм. Это было важнее.

— Освободите его! — крикнула она за спину, преодолевая боль.

Раздался звон металла. Вперед выбежал Ятар, его мечи разрубили объятую пламенем плоть, крики ведьмы стихли. Коридор озарился солнечным светом. Эридана освободили.

Феи дрогнули. Воздух резко похолодел, словно его принесло с вершин Великого Ледника. Эльфы закричали от боли, да и саму тифлингессу согнуло от этой морозной волны. Собственные магические силы стали иссякать, но нужно было еще немного продержаться. Зачерпнув еще энергии, девушка кинула в одну из фей два шарика, с кислотой и огнем. Корчась от боли, ведьма попыталась отступить. Эридан шагнул из-за спины девушки. Руки его все еще были скованы наручниками, но это не мешало ему орудовать клинком со смертоносной точностью. Зашипела черная кровь, голова одной из фей слетела с плеч, все еще корчась от боли, тело шумно рухнуло у ног эльфа, заставив отступить на шаг. Еще один удар, и последняя ведьма лишилась руки, кисть срезало, словно тело состояло из мягкого воска. Та замахнулась, целясь в голову белобрысого, но метко брошенный огненный всполох прожег в ее теле аккуратную дыру. Фея громко скрипнула и завалилась на пол. Кьяра услышала шепот заклинания за спиной и прикосновение теплого ласкового света, от которого раны начали затягиваться.

— А теперь нужно к выходу, — сказала Кьяра, и все они побежали по коридору, к лестнице наверх.

Миновав галерею, они столкнулись с еще двумя ведьмами, которые сразу же ринулись наутек. “Нельзя отпускать их”, - подумала тифлингесса. Призвав силу жезла, она кинула замедляющее заклинание. Одна из фей резко затормозила, но другая вырвалась из цепкого

магического захвата. Секунда, и она исчезла за сорванной дверью. Ругнувшись про себя, чародейка выстрелила в замедленную двумя шариками огня. Меч Каленгила, все еще объятый ярко-зеленым пламенем, ужалил ведьму в живот, рассекая бледную плоть.

— Снимешь кандалы и останешься жива! — крикнула Кьяра, но ведьма жутко оскалилась, растянув черные губы в кровожадной улыбке.

Девушка готова была поклясться, что узнала в этих уродливых чертах сестру Нуар. Верховная ведьма растопырила пальцы, направив на атакующих потоки холодного воздуха. Взор закрыла пелена взметнувшихся снежинок, ветер жалил не хуже стали и огня. Застонав от боли, Ятар рухнул на пол, потух огонь на клинке Каленгила, Кьяра перестала чувствовать руки, и только Арум даже не шелохнулся, словно золотой голем.

Эридан устремился против холодного потока, рассекая его золотым лезвием. Один косою удар, и Нуар рухнула к его ногам, хрипя в предсмертной агонии. Ветер утих, снежинки осели на пол.

Арум подбежал к розоволосому, проверил его состояние. Сверкнула россыпь алмазов, сгорающих белым пламенем, и эльф открыл глаза. Удостоверившись, что все живы, Кьяра выпила одно из запасенных зелий лечения. Исцеляющая магия теплой волной раскатилась по телу, даря облегчение от боли.

Кровь все еще кипела после сражения, сердце бешено колотилось, девушка огляделась в поисках противника. Огромный холл был полон тишины, блестели крупные обломки обелиска и странная формула на полу, выложенная бриллиантовой пылью и крупными осколками льда. На большом ледяном кубе поблескивал обсидиановый кинжал. Было похоже на часть какого-то ритуала. Кьяра почти не сомневалась, что этот нож должен был вонзиться в сердце Эридана, только вот зачем? Формула не хотела ей поддаваться, поэтому она наспех начертила ее собственной кровью в дневнике, где записывала сны и видения. Может, Зариллон разберется?

Эридан показал жестом, что пора идти. Девушка осторожно двинулась в сторону выхода, следом потянулись эльфы, и Арум замкнул цепочку, внимательно присматривая за тылами. Кьяра заметила, что белобрысый все еще белый и дрожит от холода. Немудрено, из одежды на нем была легкая рубашка, штаны да сапоги. Пальцы, сжимавшие рукоять, посинели от холода. Девушка накинула на него меховой плащ, застегнув на шее, и тот ответил благодарным взглядом.

— Нужна одна живая карга, чтобы сняла кандалы, — сказала она, — и тогда можно телепортироваться обратно. Либо полетим на кетцалькоатле.

— Можно попробовать выследить ее, — предложил Каленгил.

— Нет, — покачала головой тифлингесса. — Мы не знаем, есть ли тут кто-то еще. А если встретим, тогда...

Зеленый кивнул, они тенью выскользнули из дворца, прокрались по внутреннему двору. Ничего не изменилось с тех пор, как девушка впервые увидела его. Все те же разноцветные обломки стекла и трупы лошадей, изящество посреди вечной зимней ночи.

— Это храм, который ты строил Темпусу? — указал Арум в сторону белокаменного здания недалеко от конюшни.

Эридан кивнул, и жрец устремился внутрь.

— Арум, опасно оставаться здесь... — начала было Кьяра, но быстро поняла, что ничто не сможет отговорить темпаранина от молитвы после удачного сражения. — Это займет много времени?

Арум обернулся через плечо:

— Я должен помолиться. Сейчас произошло кое-что, чего я не ожидал. Хочу услышать ответ.

Эридан и гвардейцы пошли следом, и Кьяре оставалось только смириться с волей большинства. Ей не нравилась идея оставаться надолго в месте, где они чуть не полегли костями. На ее памяти случались события, когда подобное поведение приводило к печальным последствиям, например, плену у драконьего культа. Однако их победа в таком неравном бою не казалось простой случайностью. Возможно, Темпус подсобил им, и тогда благодарная молитва была вполне уместна.

Массивные двустворчатые двери издали пронзительный скрип, когда Арум отворил их. Открылось большое, почти пустое помещение с четырьмя толстыми колоннами придерживающими потолок. В противоположной стене было огромное окно, по форме напоминающее клинок, с витражом из разноцветного стекла, красиво сложившегося в панораму сражения, где золотые воины одерживают победу на черными, а белый единорог, несущий на голове закатное солнце, попирал копытами своего черного собрата. Керамика и драгоценные камни разных оттенков желтого, красного и оранжевого изображали мозаичное пламя вокруг витража. Арум подошел к большой жаровне под окном и зажег ее дыханием, а эльфы запалили несколько факелов по стенам. Храм ожил, наполнился теплым красноватым светом, задышал ароматом елового леса, заискрилась мозаика, а витраж словно ожил, его разноцветные блики легли на лица всех присутствующих. Кьяра застыла в дверях. С этого ракурса казалось, что жаровня — это гарда огромного клинка-окна.

Эльфы и драконид опустили на колени, склонили головы в молчаливой молитве. Девушка тоже мысленно обратилась к богу: “О Темпус, меч войны. Нам сегодня способствовал успех в сражении там, где почти не было шанса. Спасибо, что не оставил в бою”.

Прошло несколько минут. Жрец окончил молитву и распрямился, сияя одухотворенным выражением лица. За ним потянулись и эльфы. Кьяра оглядела гвардейцев. Ятар все еще не оправился после возрождения, под его глазами залегли голубые тени.

— Ты знаешь направление до замка Сеннальесс? — спросила она у него. — Я превращу тебя, понесешь нас обратно.

— Согласен, — ответил эльф, — но я не знаю направление.

Слегка улыбнувшись, Каленгил указал рукой:

— Туда.

— Значит, Гил, ты — навигатор.

Несколько пассив, и розововолосый превратился в пернатого ящера, зябко переступающего на снегу. Спасательный отряд забрался на его спину, и огромное существо устремилось в направлении вечного лета.

Глава 11. Путь домой

Крылатый гигант устремился в черное клубящееся небо. Холодный воздух обжигал лица, но через несколько часов полета они покинули зону бесконечной зимы. Постепенно потеплело, Эридан вернул Кьяре теплый плащ. Они оба были необычайно молчаливыми. Тифлингесса сосредоточилась на заклинании, а вот эльф странно притих после спасения, словно поглощенный невеселыми думами. Чародейка опасалась погони, но небо было пустым во все стороны, и тревога постепенно отпустила.

Они снизились сделать небольшой привал. Девушка раздала свертки с дорожной едой, припасенные для подобного случая, и бурдюки. Поев немного, спросила, обращаясь к гвардейцам:

— Если мы будем лететь в таком темпе, сколько понадобится часов? Можно ли как-то снять кандалы? Тогда бы мы просто прыгнули. Зелье ещё действует.

— Часов? — удивленно переспросил Каленгил. — Дней. Дня три, если ничто не помешает.

Эридан дернул руками, цепь, скрепляющая наручные браслеты, громко звякнула, но ни одно из звеньев даже не треснуло. Белобрысый грустно покачал головой.

— Плохо, — буркнула Кьяра, разглядывая блестящий металл наручников. — Видимо, их действительно просто так не снять... А если...

Она кинула огненный снаряд, целясь в браслет. Эридан беззвучно скорчился от боли, кожа на руке обуглилась от ожога.

— Ох, прости меня! — воскликнула тифлингесса.

Она очень надеялась, что это сработает. Снять кандалы и прыгнуть обратно в Сеннальесс было быстрее и безопасней, но как это сделать? А если отрубить ему кисти? Кольцо регенерации помогло бы отрастить новые, но ему будет очень больно. С другой стороны, следующую попытку освободиться Эридан мог повторить только через месяц. Кьяра не решилась озвучить эту идею.

— Может, надо было попытаться поймать ведьму, — вздохнула Кьяра, — но я боялась, что мы не выстоим.

— Чего уж тут... Все боялись, — поспешил успокоить драконид. — А последняя не пожелала сдаться.

— А та, которая в замке, нам ее уже не воскресить...

— Можно попробовать, — улыбнулся драконид, похлопав по жезлу на поясе.

— Голос Эридану с помощью него можно вернуть? — спросила девушка.

— Остался один заряд, — вздохнул Арум, сделав глоток из бурдюка, — и этого не хватит. Голос вернется сам, это обычное явление.

Альбинос потряс кандалами, привлекая к себе внимание, и Арум успокаивающе сказал:

— Понимаю, ты хочешь их снять, но для этого нужна карга. Потерпи.

Эльф раздраженно цыкнул сквозь зубы. Повернувшись к девушке, он вывернул руку таким образом, чтобы она увидела ярко пылающий дар Маммона, затем ткнул пальцем в землю и поднес к губам камень послания, изображая говорение.

— Подожди, ты хочешь позвать Маммона? — нахмурившись, спросила она.

Положив камень в поясную сумку, Эридан устало опустил голову.

— Не понимаю тебя. Мы все устали, — вздохнула Кьяра.

Гвардейцы стояли на страже, Арум проводил инспекцию предметов и бутылочек, взятых с собой, и чародейка вспомнила о зельях, лежащих в сумке.

— А давай попробуем эликсир, — сказала она, доставая пузырек. — Выпей.

Эльф опрокинул зелье, поморщившись, словно съел кусок лимона. Губы зашевелились, слова сложились в шепот:

— Меня вызывают. Не знаю, что будет, если не явлюсь.

Прикоснувшись к пылающему камню, Кьяра заговорила на inferнальном:

— О, лорд преисподней Маммон. Носитель твоего договора не может явиться на зов, но не по своей воле...

Пульсирующий огонь отразился в серебряных глазах, словно гипнотическое биение сердца. Кьяра почувствовала, что не может отвести взгляда от огонька, такого притягательного, такого манящего, такого желанного... Когти впились в руку эльфа, а клыки тифлингессы — в палец, желая отгрызть его вместе с подарком Маммона. Эридан отпихнул ее, клык глубоко вспорол кожу, рот Кьяры наполнился кровью эладрина. Судорожно сглотнув, девушка хищно оскалилась. Какая вкусная кровь, ей нужно больше, ей нужно все без остатка.

Красный пульсирующий туман в голове резко отступил. Кьяра прикоснулась к губам — кровь. Эридан настороженно смотрел на нее, заслонившись раненой рукой. Девушка отступила, виновато потупив взгляд:

— Я... не знаю... что на меня нашло.

— У тебя было лицо... — прошептал Эридан, опустив руки, — словно ты хочешь отгрызть мне палец, руку... что угодно. Не злоба. Алчность.

Плечи тифлингессы поникли. Она не понимала, почему внезапно напала на Эридана, почему на ее лице было написано желание растерзать и поглотить его. Проблем и без того было много.

Словно прочитав её мысли, эльф придвинулся к ней и успокаивающе зашептал:

— Не вешай нос. Ты спасла меня от целого полчища карг. Милостиво позволяю немного покусать.

— Похоже, я стану как кошмарка, — грустно улыбнулась Кьяра.

— Это намек, что тебя тоже надо подковать? — улыбнулся он, и тифлингесса дернула хвостом от раздражения: некоторые его шутки дико бесили.

— Предлагаю ещё хотя бы час-два пройти и поискать место для ночлега, — сказала она, став вновь деловой и собранной. — Вот бы Зариллон додумался связаться с нами.

— Если он владеет такой магией, — заметил Арум.

— Я предупреждала, что мы задержимся на несколько дней, — она помогла белобрысому встать. — Пойдёмте, Ваше Величество, пока замок не захватили или ещё что не случилось.

Каленгил повел их по редколесью, медленно переходящему в заливные луга. Отмахнувшись от стаи стрекоз размером с собаку, они уперлись в огромное пространство, полностью залитое водой. Сиротливо торчащие деревья указывали на то, что недавно здесь тоже была рощица. Делать было нечего, пришлось снова превратить Ятара и пролететь заболоченную местность. Пока летели, девушка тихо поинтересовалась у альбиноса, зачем нужно было выкинуть вещи, к которым прикасались ведьмы.

— Они сказали, что поставили специальную метку, которую могут активировать, уничтожив вещь и носителя... — прошептал он. — Может они и обманули, но говорили

убедительно. Этим они немного выбили меня из колеи.

Вскоре блестящие внизу заливные луга закончились, уступая место надежной почве. Они приземлились среди голых холмов, недалеко от широкой реки. В одной из каменистых насыпей они нашли пригодную для ночлега пещеру. Столь долгое поддержание колдовства истощило силы тифлингессы. Она легла, завернувшись в спальник. Еды из ее запасов хватило на ужин. Дальше нужно было что-то придумывать.

Во сне Кьяра увидела фигуру, укутанную многоцветной магической аурой, женский голос, казалось, звучал одновременно со всех сторон:

— Я вдыхаю жизнь в твою кровь, и ты разгадаешь многие секреты. Я дам тебе силу пробудить меч, и когда настанет время серебряного звона, ты не сможешь сопротивляться ему.

Девушка проснулась от испуганного вскрика. Эридан таращился на нее, сжав в ладонях рукоять меча. Он казался измельчавшим, однако тифлингесса быстро поняла, что это она выросла. Руки превратились в лапы, покрытые серебряной чешуей, голова обзавелась хищной пастью, утыканной острыми зубами. Она превратилась в юного серебряного дракона. Отступив от подмятого эльфа, чародейка усилием воли вернула прежний облик.

— Что это было? — ошарашено спросил белобрысый.

— Кажется у тебя на службе действительно два дракона: золотой и серебряный, — растерянно ответила девушка.

Всполошенные эльфы вложили оружие в ножны, Арум отложил боевой молот.

— Ладно, над этой загадкой подумаем позже, а сейчас пора выдвигаться, — сказала Кьяра. — Давайте пополним бурдюки и в путь.

Жрец отправился к реке, а тифлингесса задумчиво села в стороне. Внезапные перемены напугали ее не меньше окружающих. Было ли это действием зелья или виной всему была загадочная фигура, явившаяся во сне? Немного поломав голову, чародейка пришла к выводу, что эта загадка ей не по зубам. Пусть с ней разбираются умники вроде Зариллона. Вдобавок к превращению в дракона слух и зрение все еще оставались необычайно острыми

— Зато теперь ты можешь быть почти такой же сильной, как я, — сказал Эридан, подсев к ней. — Сильные женщины — это ведь так привлекательно.

— Почти? — фыркнула Кьяра, приподняв бровь, и кровожадно оскалилась, но теплая улыбка испортила устрашающий эффект гримасы. Она вздохнула, — Я бы сказала держаться от меня подальше или сама бы ушла, но боюсь, что это решат за меня.

Она кратко поведала о видении.

— Никуда ты не уйдешь, — попытожил ее рассказ Эридан. — Да, случились странные вещи, но это не повод.

— Вы будете скучать, Ваше Величество? — ехидно спросила девушка.

— Ты серьезно? — вздохнул эльф, его взгляд красноречиво давал оценку умственным способностям тифлингессы.

Она ушла от разговора, лукаво показав язык. Выскользнула из пещеры проверить, вернулся ли Арум. Кьяра боялась услышать в ответ: “Нет, таких, как ты, множество”.

Драконид вернулся, булькая наполненными бурдюками. В руках он тащил рыбину размером с ребенка.

— Арум, ты добыл нам завтрак! — радостно воскликнула тифлингесса, забирая мехи.

Драконид и эльфы развели костер и принялись обсуждать приготовление. Кьяра оставила хлопоты о завтраке на мужчин, сама отправилась исследовать возможности нового

облика. Обернувшись драконом, полетела вдоль реки, осматривая окрестности. Крылья были гораздо сильнее собственных, они несли стремительней ветра. Зависнув над водой, она попыталась воспользоваться простейшим заговором. Магия не слушалась. Долетев до небольшого разлива, она увидела необычайно крупных лебедей, стаяй плавающих вдоль зарослей камыша. Кьяра выдохнула струю ледяного воздуха, и четыре птицы мгновенно превратились в сосульки. Остальные с гомоном встали на крыло. Взяв две замороженные тушки, она вернулась в лагерь.

Эльфы уже выпотрошили рыбу, обмазали глиной и положили запекать. Сладко пахло дикими травами. Увидев дракона, несущего в пасти две птичьих тушки, Каленгил залился смехом:

— Меллоту бы это понравилось!

— Кошечка душит птичек, — усмехнулся Эридан. — Какой очаровательный кровожадный убийца.

Девушка фыркнула, вернув человеческий облик:

— Скорее замораживаю насмерть.

— Когда я был маленький, у меня был леонино [1], который ночью ловил соловьев и таскал в мою постель, — немного помолчав, сказал белобрысый, его глаза затуманились от воспоминаний.

— А у меня был пес, — подхватил Арум, пошевелив угли. — Дурашка. Я так и не научил его ни одной команде.

Каленгил отвлекся от нарезания ароматных трав:

— К нам на ферму, когда я был маленький, повадился в амбар лазить лисун [2]. Отец не мог его прогнать, потому что был не шибко большого ума. Приходилось ставить ему миску, чтобы не душил кур.

Эридан фыркнул, драконид издал хрюкающий смешок.

— У меня был ручной гусь, — сказал Ятар.

— Да ладно? — воскликнул зеленый. — Почему гусь?

— Гуси умные, — пожал плечами гвардеец.

— А у меня всю мою жизнь была Мыша, — сказала Кьяра, подсев к костру. — Сейчас она на материальном плане, — она ехидно посмотрела на альбиноса. — В следующий раз притащу и подложу в постель.

— Не надо, — ответил он. — После того, как слуги обнаружили, что он делает, леонино исчез. Надеюсь, с твоей Мышей все хорошо, и вы воссоединитесь.

— Зверька жалко, — вздохнула девушка. — Я тоже надеюсь, она привыкла выживать, как и я, если только не пройдет много времени. Кто знает, сколько она проживет. И так уже все сроки мышинные пережила.

— Да. Звери никогда ни в чем не виноваты, — задумчиво кивнул Эридан. — Они делают, что хотят. Если они желают принести в постель соловья, ты знаешь, что это проявление заботы, не ищешь никакого подтекста в поведении, никакой фальши. Может, Мышка будет жить столько, сколько и ты? Сколько живут тифлинги?

— На Фаеруне около ста двадцати лет. В Нижних Мирах существенно меньше. Может быть. В ней также кровь дракона и исчадия, как и во мне. Похоже, мы из одной пробирки.

— Надо же, — удивился Каленгил, — А у эльфов в сто двадцать лет только совершеннолетним становишься. Но я уже взрослый, мне сто девяносто пять.

— Если я стала драконом, то, возможно, всех вас переживу, — скривила мордочку

Кьяра.

— Это радует, — усмехнулся белобрысый. — Иначе моргнешь ненароком, а ты уже укроешься пледом и будешь рассказывать правнукам сказки.

— Это выходит я тут самый молодой? — растеряно пробормотал Арум себе под нос.

Слова Эридана глубоко задели ее, но я она лишь спокойно сказала:

— Вот за этот снобизм я и не люблю эльфов.

Закончили завтрак, потушили костер и двинулись в путь. Первым в летающего ящера превратили Каленгила, затем несколько раз в течение дня приземлялись и переколдовывали заклинание. Эридан впал в пассивную задумчивость, и роль лидера приняла на себя Кьяра, не давая всем расслабляться. Она все еще не знала, что с ним такое, но расспрашивать при остальных не хотела.

К концу дня, когда все окончательно выбились из сил, девушка спросила у Каленгила:

— Как думаешь, в таком темпе завтра долетим до замка?

— Может быть, — ответил эльф. — Я не великий знаток географии и могу сказать только примерно.

Кивнув, тифлингесса распорядилась о разбивке лагеря. Арум развел костер, гвардейцы приступили к приготовлению лебедя. Эридан устроил гнездо из мха, травы и листьев. Кьяра слишком утомилась, не стала дожидаться ужина. Завернувшись в плащ, она забылась сном смертельно уставшего человека.

Резкий свист заставил ее подскочить. Привстав, глянула на эльфов. Оба бодрствовали, их взгляд был прикован к холмам неподалеку. Землю окутали облачка плотного тумана, но даже сквозь него девушка разглядела пару светящихся глаз, внимательно наблюдающих за лагерем.

— Что это? — шепнула чародейка.

— Какие-то хищники, — шепнул в ответ Ятар, не сводя глаз с холодных огоньков. — Но не издают ни звука. Ни рычания. Ни шагов.

Чародейка выжидающе замерла, рядом распрямился Эридан, блеснув рукоятью. Огоньки мигнули, медленно подплывая сквозь туман.

Шух! — Кьяра слишком поздно услышала шорох сзади. Спину пронзили иглы боли. Окутанная туманом тень повалила альбиноса, а другая сбила с ног Ятара. Розоволосый издал слабый стон. Хруст, бульканье. По камням потекла эльфийская кровь. Большой бело-серый зверь поднял окровавленную морду. Крупная кошка, с коротким заячьим хвостом и кисточками на ушах. Одним мощным прыжком зверь оказался рядом с Каленгилом. Когтистая лапа распорол сапог, эльф с криком отступил, стараясь поразить зверя клинком. Кошка окуталась белым облаком тумана, меч прошел мимо цели. Другая тварь остервенело рвала руку Эридана, которой он старался защитить голову и шею. Мощные челюсти третьего зверя прокусили плечо тифлингессы. Девушка почти упала в обморок от боли.

Взяв себя в руки, чародейка призвала ветвистый разряд молнии, поразив сразу трех тварей. Раздался громкий вой, кошка отцепилась от плеча, но радоваться было рано. Сквозь туман скользнула четвертая тень, напав на драконида. Арум отбил молотом, и кошка закружила вокруг него, сбивая с толку хаотичными прыжками. Выныривая из густой пелены, она наносила быстрые удары и снова скрывалась в тумане, надеясь измотать такую крупную и неповоротливую жертву. Сверкнула золотистая вспышка, и Эйлевар спихнул с себя распластаный кошачий труп. Рывком поднявшись на ноги, он рубанул мечом зверя, напавшего на Кьяру. Кошка отступила в туман, и в следующее мгновение выскочила из

марева, целясь в спину белобрысого. Эльф охнул, его проволокло по камням, и тяжелая меховая туша пригвоздила альбиноса к земле.

Тяжело дыша, окровавленный Каленгил встал спиной к спине со жрецом. Кошки кружили вокруг них, избегая ударов тяжелого молота, однако клинок гвардейца уколол одну из них в лапу, сделав уже не такой проворной.

Отдышавшись от боли, Кьяра призвала еще один ветвистый разряд. Туман озарился белой вспышкой, кошки забились в конвульсиях, а одна, прижав уши к голове, метнулась через холмы. Чародейка помчалась следом, находку превратившись в дракона. Серебряная тень догнала убегающего зверя в два маха сильных крыльев и поразила струей ледяного дыхания. Кошка подпрыгнула на месте, но продолжила свое отступление. Кьяра хотела повторить залп, но поняла, что еще не накопила заряда. Зависнув в небе, она огляделась в поисках другой угрозы. Вокруг простиралась плотная пелена тумана, и сквозь него девушка разглядела еще двух кошек, улепетывающих в разные стороны при виде парящего дракона. Удостоверившись, что угроза миновала, тифлингесса поспешила обратно.

В лагере пахло озоном, кровью и паленым мехом. Арум поднял Ятара, тот был бледен и залит кровью с ног до головы. На шее красовались новые розовые рубцы от сокрушительного удара. Эридан и Гил выглядели не лучше, тоже все в крови и разорванной одежде.

— Там было ещё две кошки, — сказала Кьяра, вернув человеческий облик. — Если бы они напали все сразу, мы могли не выстоять.

— Парыси охотятся в лесах, — слабым голосом сказал Ятар. — Что они тут делают?

— Я, кажется, понимаю... — вздохнул Эридан. — Зима изменила местность. Уничтожила многие леса. Выгнала их сюда. Помните луга, покрытые водой? Скоро там будут новые топи. Все из-за зимы, перекрывшей часть рек, ведущих к Озеру Снов. Не удивлюсь, если драконы снов тоже начинают мигрировать.

Эльфы мрачно посмотрели друг на друга, белобрысый глухо добавил:

— Моя вина.

— Не место и не время предаваться самобичеванию, Эридан, — строго сказал Арум. — Ты итак какой-то не такой в последнее время. Все, подойдите ко мне поближе.

Сделав несколько пассов, он окутал подступивших сферой золотистого света и передал им банку с лечащей мазью. Когда снадобье закончилось, драконид приступил к заклинаниям. Раны шипели, стягиваясь, и скоро Кьяра почувствовала себя гораздо лучше. Эльфы тоже приободрились.

— Как ты? — спросил драконид у девушки.

— Так, несколько царапин, — махнула рукой она. — Все хорошо, но дико хочу есть.

Эридан усмехнулся:

— Война войной, а Кьяру кормить нужно регулярно.

Улыбнувшись на шутку, девушка с удовольствием принялась за жареного лебедя.

— Это все замечательно, — вздохнул жрец, устало присаживаясь у огня, — но поспать бы еще. У меня к векам будто грузила привязаны.

— Ложитесь отдыхать, — сказал альбинос. — Я покараулю.

Кьяра вспомнила про жезл безопасности, подаренный Эриданом, и хотела было им воспользоваться, но вовремя сообразила, что кандалы препятствуют магическим перемещениям, в том числе и в и в такие карманные мирки.

— Давайте спать, — вздохнула она.

Увидев мелькнувший в ее руках жезл, альбинос немного сник. Он понял, чего хотела

девушка, и почему она передумала. Кьяра заметила, что он погрузился, и словно кошка потерлась головой о его плечо:

— Мы что-нибудь придумаем.

Он прижался к ней лбом, прошептал:

— Спасибо за поддержку.

Игриво боднув его в ответ, она завернулась в плащ, чтобы продолжить прерванный отдых.

— Спи, — шепнул эльф, — сейчас только перину взобью.

Он зарыл засыпающую чародейку в кучу травы и мха, а после заступил на дежурство.

Остаток ночи прошел спокойно. Кошки больше не нападали, а прочих зверей распугал запах крупных хищников. Утро выдалось туманным, сырым и промозглым. Выкопавшись из мокрой от росы травы, Кьяра увидела, что эльфы греются у костра, а жрец все еще спит, завернувшись в плащ. Обсохнув огненным заклинанием, она присоединилась к трапезе. Мясо лебеда было жестким, но она была не особо привередлива. После очередного кусочка тифлингесса заметила, что Эридан рассматривает камень Маммона, который пылал ярче прежнего. Создавалось ощущение, что эльф зажал в руке красную звезду. Подсев к нему, она тихо сказала:

— Будь я на его месте, давно кого-нибудь отправила посмотреть, почему ты не приходишь. Он заинтересован в тебе, но потом может отыгаться.

— Он отправит, — кивнул Эридан, — но таких как я у него как монет в сокровищнице.

— У нас ты точно один такой, — тепло улыбнулась Кьяра и вдруг изменилась в лице, услышав в голове сообщение Зариллона.

“Кьяра, ты меня слышишь? Вы освободили Эридана? Вы в порядке?” — вещал маг. Девушка сделал жест, чтобы все смолкли, и отправила ответ: “Мы в порядке, Эридан с нами. Не смогли снять кандалы, пожалуйста, придумай решение. Летим в замок. Ещё два дня. Что у вас?”. “Лорд Элах подозревает неладное, — посетовал маг. — Я не знаю, сколько еще могу сдерживать его. Я сохранил труп карги. Рад, что Эридан спасен. Поспешите”.

Когда связь оборвалась, чародейка пересказала мысленный диалог.

— Очевидно, все начинает выходить из-под контроля... — сказал Эридан. — Стоит поспешить.

Глаза эльфа блестели деятельным огоньком. Кьяра отметила, что он вернулся к своему обычному состоянию.

— Вы уж простите, Ваше Величество, — сказала она, — что я командовала последние дни, пора возвращать бразды правления. Если нужно, можем пролететь больше десяти часов, но это будет очень тяжело для всех.

— Нельзя выбиваться из сил, — покачал головой эльф. — Ночь показала, что расслабляться не стоит, а паруси — не самое страшное, что можно тут встретить. Собираемся.

Они подобрали вещи, затушили костер и вновь устремились в небо, поочередно превращаясь в крылатого ящера. Погода была отвратительной, моросил дождь, временами переходящий в стену ливня, порывы ветра пробирались в прорехи одежды. Все насквозь промокли и замерзли.

Ближе к вечеру Эридан резко приказал:

— Снижаемся!

Зверь мгновенно подчинился команде и приземлился на лугу близ небольшой роши.

Камень на руке эльфа пульсировал ослепительными вспышками, красная волна сияния прокатывалась по венам, просвечивая сквозь кожу. Зрелище было пугающим и завораживающим одновременно.

Хлоп! — из клубов пахнувшего серой дыма выступил невысокий смуглокожий тифлинг. На его голове красовались аккуратные рожки, сам он был одет в простую серую робу.

— Господин Эридан, — произнес он приятным вкрадчивым голосом, — прекратите игнорировать призыв хозяина. Вы должны понять, что хозяин — личность деловая, ценит время. Любое промедление может отразиться на прибыли.

Выступив вперед, альбинос продемонстрировал скованные руки:

— Добрый день, Писарь. Я не игнорирую призыв, но обстоятельства мешают отозваться на него.

— Да что вы говорите! — воскликнул посланец Маммона, осматривая наручники. — Оковы измерений. Действительно, мешают перемещению, но мы это сейчас исправим...

Прежде чем кто-то из присутствующих успел отреагировать, Писарь взмахнул когтистой лапой и одним движением, словно шутя, отсек левую кисть эльфа. Обрубок повис на цепи наручника, брызнула кровь. Эридан ошарашено замер, глядя на поврежденную конечность. Кьяра напряглась как пружина, но заставила себя сдержаться. “Это единственный путь”, — подумала она.

Наручники почти упали на землю вместе с правой кистью, но тифлинг ловко поймал их. Легко отделив красный камень от помертвевшего пальца, заставил белобрысого проглотить его. Выйдя из ступора, гвардейцы кинулись на посланца преисподней, сверкнув обнажившимися клинками. Тот скучающе вздохнул, сделал почти неуловимый жест рукой и исчез вместе с Эриданом. Эльфы так и застыли с обнаженными мечами, не понимая, что им дальше делать. На земле остались окровавленные наручники и покрытые кровью кисти.

— Надо было раньше так сделать, — буркнула Кьяра под нос. — Могли бы сэкономить время.

Это было болезненно и жестоко, но в тот же миг можно было доставить его в лазарет, пока действовало перемещающее зелье. “Нужно было решиться”, — думала девушка.

— Экономить время? — воскликнул Каленгил. — Это для тебя просто экономия времени, значит?

Его глаза засверкали как у разъяренного кота.

— Успокойся, Каленгил, — ответила Кьяра. — Можешь считать меня чудовищем, иногда мои методы жёсткие. Мы могли телепортироваться обратно, и, скорее всего, руки бы уже восстановились. У него кольцо регенерации, это бы заняло несколько дней.

— Это может занять неделю, а на носу коронация, — ответил Арум, устало потерев переносицу. — Он будет абсолютно незащищен в этот момент. Молчу о том, что у него много текущих обязанностей, которые он не сможет выполнять. Вдобавок, неизвестно как долго его продержат и окажут ли вообще какую-то помощь. Да и болезненность процесса...

Он сел на землю в задумчивой позе. Каленгил зло швырнул клинки на землю. Наклонившись, снял с пальца Эридана фамильное кольцо.

— Сейчас нам остаётся только ждать, — сказала тифлингесса. — Либо он вернётся, либо выйдет на связь. Про текущие обязательства я знаю, Арум. А насчёт защиты... Что ж, она ему в любом случае нужна, иначе мы бы не отправились в спасательную операцию.

Она говорила спокойно, но на душе скребли кошки. Как он там, с таким серьезным ранением, среди исчадий, что не терпят никакой слабости?

Они разбили лагерь, коротая томительные часы ожидания. Прошло немало времени прежде, чем они поняли, что сегодня уже никуда не улетят.

[1] Леонино — зверек, похожий на крылатую кошку

[2] Лисун — маленькая волшебная лисица, обладает магией умиротворять созданий, если те не обладают достаточной мудростью

Глава 12. Сломанный меч

Ожидание томительно тянулось. Эльфы развели костер, чтобы хоть как-то согреться в этой неприятной мороси. Кьяра отдала им тушку лебедя. Каленгил вновь зло сверкнул глазами, даже не сказав ни слова. Сел возле костра, закрыв лицо ладонями. Ятар был спокойней, только глубокая печаль в розовых глазах омрачала его лицо, а движения были машинальными. Тифлингесса справедливо опасалась, что и Арум будет шарахаться от нее, как от прокаженной, но тот был тих и задумчив. Подсев к дракониду, девушка достала дневник снов:

— Пока у нас вынужденная остановка, хочу с тобой поделиться...

Она рассказала ему сон, в котором говорилось про серебряный звон, и видение Эридана про меч, что вырезали из его груди. Жрец внимательно послушал ее.

— Пробудить меч? — наконец произнес он. — Не знаю, что это значит, никогда не слышал ничего подобного. Может, имеется в виду конкретное оружие? Солнечный клинок Эридана? Меч, что дала ему леди Халирр? Не знаю, Кьяра, видения бывает так сложно трактовать. Что бы они ни значили, теперь понятно, что все, связанное с мечом — это про Эридана. Фигуральный это меч или самый настоящий? Это интересно.

— Видимо, да, меч — это про него, а насчет прочего — сама не знаю, — слегка улыбнулась девушка. — Если что-то ещё увижу, расскажу.

Она попыталась еще раз заговорить с Каленгилом, но тот даже не послушал. Девушке стало грустно. Мало того, что неизвестно состояние Эридана, так еще и гвардеец, с которым они так весело и тепло общались когда-то в лазарете, больше, возможно, и не захочет с ней разговаривать. “Ну да ладно”, - подумала девушка, — “не в первый раз и не в последний”.

Часы все тянулись и тянулись. Эльфы ощипали лебедя и занялись готовкой, но Кьяра не стала дожидаться ужина. Завернувшись в плащ, она попыталась прикорнуть в этой повсеместной сырости. Сон все не шел, грустные мысли отвлекали ее. Наконец, она окунулась в спасительное забытие.

Тифлингесса подскочила от громкого хлопка и возгласа одного из эльфов. Приподнявшись, увидела фигуру Писаря, выступившего из полупрозрачного дымка. На руках он нес Эридана, словно тот был легче Кьяры. Альбинос был без сознания.

— Позаботьтесь о нем, — произнес тифлинг, кинув белобрысого на землю.

Хлопок, и гость из Преисподней исчез, оставив только зловещий аромат. От падения эльф очнулся, издав слабый стон. Гвардейцы кинулись к нему, а следом, продрвав глаза ото сна, ринулся драконид. Он распихал солдат, чтобы не мешали, приподнял несчастного, осмотрел раны и зло оскалился, отчего лицо стало особенно хищным:

— Ни о какой обработке, конечно, речи не шло. Просто прижгли, чтобы кровью не истёк.

Слегка приподняв голову эльфа, драконид с удивлением обнаружил свежие пятна крови на его рубашке. Задрав ее наверх, он шумно выдохнул сквозь острые зубы:

— Кьяра, ты понимаешь, что это значит?

Девушка взглянула на спину эльфа и с удивлением обнаружила там кровоточащие засечки на языке ее родины. Аккуратно вырезанные буквы складывались в слова, которые Кьяра озвучила на общем:

— Милость Владыки велика, хоть и не безгранична. Первое предупреждение высечено

на плоти. Второе будет высечено на кости, а третье — на душе.

Ятар и Каленгил что-то яростно завопили по-эльфийски, Арум прикрыл лицо рукой.

— Мне нужно обработать раны, — сказал драконид. — Ты все равно не сможешь помочь. Ложись спать. Постарайся восстановиться.

— Хорошо, — ответила Кьяра. — Пару часов посплю. А потом разбуди меня. Хочу посидеть с ним.

Она вновь забылась тревожным сном. Через некоторое время драконид аккуратно потормошил ее:

— Ты просила разбудить. Я перевязал его. Он вроде спокойный. Я лягу поспать. Если что-то случится, то буди.

— Отдыхай, Арум, — кивнула в ответ девушка.

Жрец устроился возле костра, а Кьяра подошла к белобрысому, сидящему недалеко от огня. На его торсе и руках появились свежие повязки, в мочке левого уха красовалось кольцо регенерации на замысловатой застежке. Покрытое испариной лицо поблескивало при неверном свете пламени и красного ореола, но он действительно был спокоен. Сев рядом, девушка погладила его по голове, по взъерошенным волосам. Прикрыв глаза, тот печально опустил голову.

— Я заколол убийцу, подосланного Арфистами, левой рукой, лёжа на постели, — тихо сказал он, нарушив молчание. — Где же сейчас эти Арфисты? Такой шанс упускают.

— Эридан, не переживай, — ласково ответила чародейка, продолжая гладить по волосам. — Руки восстановятся, а пока у тебя есть мы. Я от тебя больше не отойду, мне хватило прошлого изгнания.

— Хоть что-то хорошее, — слегка улыбнулся эльф.

— А ты сомневался? — улыбнулась Кьяра. — Ятар и Гил теперь считают меня чудовищем.

— Почему?

— Лягнула кое-что не подумав, — вдохнула она, — а моя рациональность корежила и тебя.

— Горько чувствовать себя бессильным, — признался Эридан, и улыбка сошла с его лица. — Да ещё выговорили мне знатно, но я так спокоен. Не знаю почему.

— Понимаю, — кивнула чародейка. — Когда была слепа, тоже чувствовала себя беспомощной, и когда питомец Лемифинви меня чуть не прибил... Что тебе сказали?

Она аккуратно наклонила его так, чтобы голова легла на ее колени. Удобно устроившись, альбинос прикрыл глаза от теплых и нежных поглаживаний по волосам, словно вернувшись в детство. Когда никто из прислуги не видел, мать Элледина иногда гладила его по голове, и в те минуты он испытывал покой и счастье. Родная мать была такой отстраненной и холодной.

— Ничего, о чем стоило бы беспокоиться, — ответил он. — Повырезали на моей спине, но я такое сам с собой проделывал двадцать лет назад. Правда, раскаленной спицей. В общем, это пройденный этап. Не страшно.

Кьяра вспомнила выжженную надпись, которая раньше красовалась на его плече. Клеймо Аурил. Она и не знала, что он сам его нанес.

— Все запутанней и сложнее, — вдохнула девушка. — Свободы ни тебе, ни мне, похоже, не видать, как и спокойной жизни. Тебе назвали сроки?

— Дали два месяца, но я справлюсь. Если моя душа достанется Маммону, невелика

потеря. Я все равно после смерти обречён на непокой.

Эльф задумался обо всем, что за недавнее время произошло вокруг. Он стал центром каких-то странных и пугающих событий, разрастающихся, словно грозовой фронт. Эта буря не пощадит никого.

— Ты можешь уйти, — задумчиво сказал Эридан, — и, может, забыть все это как страшный сон.

Он не хотел, чтобы она уходила, но больше этого он не хотел стать свидетелем ее смерти.

— После вчерашнего не уверена, что могу, — пожалала плечами Кьяра, — но, главное, не хочу. Не вредничай и не упирайся. Странно, рогов у тебя нет, а иногда складывается ощущение, что ты баран.

Слегка щелкнув его по лбу, она улыбнулась, а затем тихо продолжила:

— Помнишь, предложение Арума? Я вот думала об этом. Может, стоит принять? Знаю что ты не хочешь...

— Зачем Темпусу тот, кто не хочет быть верным клятве? — резонно заметил эльф. — Я служу ему каждый раз, как вступаю в битву. Нет, Кьяра, Темпусу нужен Арум как его рыцарь, а я разве что в качестве инструмента. Неужели это то, что мне суждено?

Последнее он сказал с горечью. Служба на Ледяную Деву заронила в нем сомнение: жив ли он? Может ли чувствовать и дышать свободно, или он просто голем из плоти, ведомый чьей-то волей? Произошедшее за последнее время доказало, что его сердце все еще бьется и способно на чувства. Темпус, конечно, не Аурил и вряд ли стал бы пытаться Эридана, но до конца дней пришлось бы служить целям Владыки Битв. У эльфа было смутное чувство, что он снова может попасть в ловушку долга. Он не боялся вести борьбу и давать обещания, чтобы потом держать слово, но этот выбор он хотел делать сам, без указки высших существ, живущих по своей странной логике.

— Ты не можешь уйти, потому что превратилась в дракона? — тихо спросил эльф. — Ты напугала меня немного, но этот облик тоже очень красивый.

— Да, какая-то женщина пробудила во мне дремавшую кровь, — кивнула тифлингесса. — Сказала, что мне многое откроется, и что я должна буду пробудить меч и не смогу противиться серебряному звону. Странно перекликается с твоим видением, — она скорчила мордочку и показала ему язык. — Я в любом облике красивая, только ты не сразу это разглядел. Прав был Каран.

— Каран? — переспросил Эридан. — А что он говорил?

— Каран говорил, что я — очередная злобная тварь для твоей коллекции.

Эйлевар усмехнулся. Как это похоже на красного. Как же не хватало его острого словца.

— Ты напомнила мне о видении, — произнес он. — В видении меч вытащили из моей груди. Никогда не видел меч с таким клинком и такой рукоятью...

— Из лунного камня?

— Ты откуда знаешь? — удивленно переспросил Эридан.

— Я видела этот меч в другом сне. Просто меч и ничего более. Я на минутку.

Аккуратно положив его голову на землю, она направилась к костру за бурдюками и едой. Каленгил и Арум уже спали, а Ятар дежурил, сидя у огня. Наверное, он видел и слышал все, что они говорили друг другу, но старательно делал вид, что смотрит куда-то в небо. Взяв бурдюк и жареного лебедя, Кьяра вернулась:

— Тебе надо поесть, а потом поспать. Восстановление пойдет быстрее. Могу

покормить.

Эльф скривился на слове “покормить”. Вспомнилось унижительное и пугающее ощущение беспомощности, когда он был практически прикован к постели. Однако мгновение спустя он улыбнулся, готовый довериться заботливым рукам девушки. Удивительно, прошло так мало времени, но пережитые события заставили его открыться.

— Да, хочу есть, — сказал Эридан, вновь устроившись на коленях Кьяры. — Покорми меня, блестящий дракон...

— Мне больше нравилось быть кошкой, — фыркнула она, отрывая кусочек мяса. — Не очень-то рада новой способности. Предлагаю держать в тайне, сказать только Элледину.

— Почему ты не рада? — удивился альбинос. — Эта способность не хуже других. Это одна из твоих частей. Ты опасаясь чего-то?

— А другая моя часть попробовала твоей крови, и ей понравилось, — скривилась девушка, подкармливая эльфа кусочками мяса. — Слишком внезапный подарочек, за который придется заплатить непонятную цену. А не говорить, потому что не люблю все раскрывать, секрет может сыграть на руку.

Воспользовавшись тем, что рот Эридана занят, она добавила:

— Я действительно не люблю, когда эльфы говорят о своем возрасте свысока. Мне меньше, чем им, но видеть и хлебнуть пришлось немало. Побольше многих.

Прожевав, Эридан покачал головой:

— Эльфу может быть триста лет, а ума у него будет... Не воспринимай это на свой счёт. Никто из нас не считает себя выше. Эльфы просто по-другому взрослеют. Считается, что эльф становится совершеннолетним, когда он способен обуздать свой внутренний хаос.

“Не очень-то у некоторых получается”, - подумала чародейка, вслух сказала:

— Я вообще-то про твой комментарий о плеле и правнуках.

Она дернула его за волосы. Поморщившись от неожиданности, он улыбнулся:

— Я пошутил. Извини, если моя шутка тебя расстроила. В ней не было злого умысла.

— Да знаю, но все равно... — фыркнула Кьяра, сменив гнев на милость.

Эридана немного разморило от тепла и уютных прикосновений тифлингессы, он прикрыл глаза.

— Тебе бы поспать, — сказала Кьяра, — я побуду с тобой, если хочешь.

— Да, хочу.

Эридан прикорнул у нее на коленях. Девушка караулила сон лагеря, изредка встречаясь взглядом с Ятаром, сидящим по ту сторону костра. Переводя взгляд то на спящего лорда, то на его крылатую избранницу, розоволосый тепло улыбнулся. К утру Кьяра немного подремала, не отходя от Эридана.

Спозаранку, пока эльфы грелись у огня. Арум подошел проверить раны белобрысого. С муками оторвав повязки, он нахмурился:

— Он меня беспокоит. Горячий, испарина... Руки холодные. Боюсь, заражение крови или что-то похожее. Раны долго были необработаны, неизвестно, где он находился. Мы можем лететь, но за ним надо будет приглядывать.

Девушка посмотрела на Эридана. Лицо блестело от испарины, как и вчера, брови сдвинулись, на лбу появилась мучительная складка.

— А эта вещь поможет? — спросила она, доставая из сумки одно из зелий, найденных в сокровищнице.

Осмотрев колбочку, драконид просиял:

— Да! То, что нужно.

Оставив белобрысого на попечение жреца, девушка отправилась за водой и припасами. Ей повезло, неподалеку она нашла небольшой родничок, дикую малину и яблоню. Увидев волчьи следы, решила ограничиться этим уловом и вернуться обратно на крыльях.

К ее возвращению Эридан уже стоял на ногах. От выражения мук и испарины не осталось и следа. Было видно, что ему больно, но не так сильно, как час назад. Улыбнувшись, драконид сказал:

— Мы можем двигаться дальше.

Позавтракав фруктами и ягодами, быстро собрались, затушили костер и отправились в путь по воздуху. Небо немного прояснилось и больше не удручало морозящей пеленой. Аруму приходилось постоянно следить за Эриданом, чтобы тот не свалился со спины ящера. Через несколько часов они ворвались в снежную темноту. Стало очень зябко. Девушка подозревала, что эта та самая снежная пустыня, что тянется до самих крепостных стен Сеннальесса, но была в этом не уверена. Ближе к вечеру, после небольшого привала, на горизонте показались гигантские деревья, и стало понятно, что осталось совсем немного. Последние часы полета она наказала Ятару следить, чтобы её не начало клонить в сон, падение с такой высоты не самое приятное приключение. Пару раз розовому гвардейцу пришлось тормозить девушку. И вот внизу промелькнула каменная стена, ковер зеленого леса, и, наконец, кетцалькоатль подлетел к площадке. Высыпал гарнизон в золотистых мундирах, опасно блеснули взведенные арбалеты, но Эридан крикнул:

— Не стрелять!

Гвардейцы расступились, освобождая место гигантскому существу. Спустившись со спины зверя, Кьяра прервала мучительную концентрацию, которую держала несколько часов подряд. Магические силы почти полностью иссякли, жутко хотелось спать. Гвардейцы обступили прибывших, но их лица смазывались в пестрые сияющие пятна. Элледин подбежал к Аруму, поддерживающему Эридана:

— Как вы? Эридан, что с тобой?

— Все расспросы позже, — отрезал драколюд. — Мы очень устали, а ему, — он кивнул на белобрысого, — нужна помощь.

Он повел Эридана сквозь пеструю толпу, которая расступалась перед ними словно вода перед носом корабля. Обернувшись, Эйлевар приказал:

— Помогите Кьяре!

Перед глазами девушки возникло сине-зеленое пятно, которое спросило знакомым голосом:

— Здравствуй. Ты как? Тебе помочь?

Арадлив. Тифлингесса была рада услышать голос этого несносного шутника. Моргнув, она сфокусировала взгляд, и лицо сине vlasого стало четче.

— Я просто ужасно устала и хочу есть, — вздохнула она и с благодарностью оперлась о подставленное плечо.

— Давай отведу тебя в комнату, там и поешь, — сказал синий, ведя ее к лестнице.

Он проводил ее до гостевого этажа, до самого порога комнаты, по пути распорядившись о еде.

— Отдыхай, — сказал он, оставив девушку на пороге.

— Пусть с Эриданом кто-то постоянно дежурит, — попросила Кьяра. — Из меня сейчас плохой охранник.

Арадзив улыбнулся:

— Элледин распорядился. Ему сполна хватило последних дней. Мы все были как на иголках. Восстанавливайся.

Слуги принесли ужин. Кьяра ела, почти не ощущая вкуса и засыпая на ходу. Она легла, не раздеваясь, и сразу же погрузилась в сон без сновидений.

Глава 13. Ужин со змеями

Сон в теплой постели вернул тифлингессе утраченные силы. Наутро она чувствовала себя бодрой и энергичной. Первым делом девушка направилась в лазарет, проведать Эридана.

Кьяра подросла как раз к концу перевязки.

— Доброе утро, — сказал драконид, затягивая последний узелок.

— Арум сказал, что, несмотря на экзотичный способ ношения, кольцо регенерации работает, — лучезарно улыбнулся эльф. — Он пока не может сказать, когда я восстановлюсь, но для меня было облегчением услышать, что я в принципе смогу вернуть руки.

Тифлингесса окинула его взглядом. Выглядел он здоровым и бодрым, но Бездна, каким же он был взлохмаченным и грязным! Волосы окрасились в цвета травы, крови и земли. Правильно истолковав ее взгляд, белобрысый попросил:

— Помоги мне помыться и сделать что-нибудь с волосами. От меня скоро карги в ужасе разбегаться будут.

— Арум, можно увести пациента? — спросила девушка.

— Можешь с глаз моих убрать! — прорычал драконид, ощерив острые зубы. — Смертельно надоел. Каждый час задает одни и те же вопросы! Приводи его на перевязку дважды в день. Утром, после пробуждения, и вечером, перед сном. Он вне опасности, остается ждать восстановления рук.

Зло раздув ноздри, он склонился к сидящему на кушетке эльфу:

— Повторяю еще раз, для особо тупых — я пока не знаю, сколько времени это займет. Когда мне станет известно, я сообщу. Еще раз услышу этот вопрос, и заткну тебе рот рулоном марли.

— Смотрю, ты осмелел, — фыркнул Эридан. — Стоило только остаться без рук, и наш крошка-дракон уже угрожает мне.

Шумно вдохнув сквозь стиснутые зубы, Арум отступил на шаг:

— Кьяра, уведи его, иначе я ему так вмажу, что потом грех отмаливать устану.

— Пойдёмте, Ваше Величество, — вздохнула девушка, потянув эльфа за собой.

Она повела его в купальню на королевском уровне. Путь через тронный зал стал словно дорога к эшафоту. Толпа глазающих, хоть и старательно отводящих глаза от покалеченного и грязного смертника. Гордо вскинутая голова и надменный взгляд, но прикасаясь к нему, Кьяра чувствовала, как Эридан напряжен. Пытка закончилась в зале с персиковыми стенами, под шум падающей воды. Тифлингесса помогла эльфу снять обрывки одежды и разделась сама.

— Купание расслабляет, — задумчиво сказал Эридан, наблюдая за тем, как ткань скользит по ее коже. — Рано или поздно ты распробуешь этот сорт удовольствия.

Девушка пожала плечами. Она не была уверена в этом, но определенно стала спокойней относиться к воде.

Эльф спустился в бассейн, окунулся и поморщился, когда раны отдались болью:

— Вода теплая...и без рук так непривычно. Постоянно хочется что-то взять, ухватить, прикоснуться, — искоса он бросил взгляд на обнаженную девушку, подошедшую со спины. — Вызывает растерянность.

Он сел на ступени, уходящие в воду, чтобы оставаться погруженным почти до уровня груди, и позволил рукам Кьяры скользить по телу, вспенивая еловое мыло и стирая следы крови, грязи и травы. Следы заточения, без надежды на спасение.

— Потерпи несколько дней, — ответила она, поглощенная этим занятием, — а пока я о тебе позабочусь... Тебе не нравится теплая вода?

Движения были неловкими, раньше ей никогда не приходилось купать кого-либо. Даже приемная дочь была уже достаточно взрослой, чтобы принимать ванну самостоятельно, а тут такой взрослый мужчина... Необычные ощущения.

— Я слишком надеялся на свои руки, — признался Эридан, — и нет, мне нравится теплая вода. Просто холодная делает тело немым к боли, а теплая наоборот, но при этом все равно расслабляет...

Он наклонил голову, подставляя все новые участки тела под заботливые руки, и совсем не замечал неловкости девушки.

Вскоре грязь сошла, и эльф стал таким же белым, как и раньше. Бледно-розовый рассвет на свежем снеге. Быстро вымывшись и высушившись магическим пламенем, она расчесала его волосы и заплела, как умела, в длинную тугую косу. Он не жаловался, когда она прочесывала свалявшиеся колтуны и дергала пряди.

— Теперь бы одеться и поесть, — задумчиво сказала тифлингесса, закрепив кончик косы, та скользнула между его лопатками, исчерченными inferнальными письменами.

— Я опять забыл покормить кошку, — усмехнулся Эридан. — Какой я нерадивый. Зачем кошке одежда?

Зашипев, Кьяра повалила его на пол, и между ними завязалась игривая потасовка.

— Какая ты могучая, Кьяра, — хохотнул эльф, когда девушка подмяла его под себя.

Она помогла ему встать, и вместе они направились в гардеробную, где тифлингесса помогла ему облачиться в благородный синий бархат и золотой плащ.

— Мне повезло, — сказал эльф. — У тебя хватает терпения возиться со мной и даже не убить.

— Ты сейчас просто ангел, по сравнению с прошлым разом, — задумчиво сказала она, закрепляя плащ на его плечах. — Впрочем, многое изменилось с тех пор. Мне кажется, что прошла не пара месяцев, а год как минимум.

— Я отпустил ситуацию и просто позволяю вещам случиться, — ответил Эридан. — Раньше не мог этого позволить и боялся хоть на мгновение стать слабым, упустить контроль... Я понял, что много ошибок совершил, пытаюсь всегда быть сильным. Это моя слабость. Тоже чувствую, словно прошло больше времени. Некоторые события словно ускоряют или замедляют его.

Слуги принесли завтрак. Чародейка приступила к еде, не забывая подкармливать альбиноса. После очередного кусочка он вздохнул:

— Не избежать вопросов о том, что с моими руками, но я ничего не могу придумать.

— Сделай равнодушное лицо и скажи, что небольшой несчастный случай, — пожалала плечами чародейка. — Так, временное неудобство. Никто не потребует подробных объяснений. Не думаю, что Сехтена натравят на тебя в таком состоянии, уж очень это некрасиво, а если что, я ему накостыляю. Однако необходимо, чтобы рядом всегда были либо Арум, либо гвардейцы, либо я.

— Учитывая сколько у тебя и Арума дел, вы не сможете постоянно быть рядом, — заметил эльф. — Возьму парочку гвардейцев. Что ж, я ничего не стыжусь. “Я уверен в себе и

силен, даже несмотря на это досадное недоразумение”, - произнес он надменным тоном, с выражением лица, полным аристократического презрения. Секунда, и лицо стало прежним. — Но я буду признателен, если дашь мне еще вон тот кусочек.

Улыбнувшись, она выполнила его просьбу. После трапезы они разошлись по своим делам. Кьяра заглянула в башню Зариллона, чтобы поведать ему о ритуале, который хотели провести ведьмы

— Хотела рассказать, что произошло. Мы уничтожили два ковена и двух ведьм. Нам везло, как никогда, кто-то из богов явно помогал. Один из ковенов колдовал какой-то ритуал, я попыталась срисовать формулу. Других чернил не было под рукой. Там был обелиск и что-то вроде ледяного алтаря с обсидиановым кинжалом.

— Сложно разобрать, что тут, — хмыкнул он, рассмотрев начерченное на листе. — Формула или была повреждена, или ты не вполне правильно срисовала ее, но это похоже на призыв. Такие кинжалы, как ты описала, используют в ритуальных жертвоприношениях могущественным сущностям. Возьми это, — он протянул ей черную палочку, которой было удобно писать на бумаге. — Я заберу лист. Сверюсь с парой книг и, может, скажу точнее.

Она быстро рассказала ему, как прошло спасение, и как Эридан оказался без рук, а в конце добавила:

— А ещё я стала драконом.

— Это фигурально? — удивился эльф.

— Нет, буквально, — ответила чародейка. — Я бы показала, но боюсь что-нибудь сломать. Я точно не знаю, но предполагаю, что появилась на свет не совсем естественным путем, а в результате магического эксперимента. Во мне смешана кровь исчадия, человека и серебряного дракона. Мне приснился сон, и после этого я...изменилась.

Подробнее рассказав про сон, она внутренне напряглась. Кьяра очень редко рассказывала о своих предположениях касательно собственного происхождения. Ей была памятна реакция Эридана. Он поднял ее на смех, оставив привкус гречи. Она решила быть откровенной с магом, в надежде получить ответы на свои вопросы.

— Мне кажется, это божественное влияние, — тихо добавила она. — Странные сны, перекликающиеся у меня, Арума и Эридана, видения, необычные вещи, происходящие с нами.

— Прости, Кьяра, — сказал Зариллон, дослушав ее до конца, — но у меня пока нет ответов на твои вопросы. Сегодня я проведу время за книгами и попробую сложить кое-какие фрагменты мозаики. К счастью, я люблю загадки и не боюсь отвечать на вопросы, но захочешь ли ты услышать ответ, если я таковой найду?

— Я точно захочу, любая информация — это оружие, — с готовностью ответила тифлингесса. — Ещё раз спасибо. Скучать мы тебе точно не даём.

Лицо эльфа озарилось улыбкой:

— Ничего, я рад. Кажется, это лучшее время в моей жизни.

Заглянув в тронный зал и удостоверившись, что с Эриданом все в порядке, девушка спустилась к гвардии. Ей сразу встретились трое дежуривших: Лафус, Корлиан и Суман. Серебристый без стеснения начал расспрашивать о приключениях, произошедших в Эйлеваре.

— Не отвлекайтесь, ребята, — нарочито строго усмирила она Лафуса. — Спокойного дежурства. Рада, что у вас все было тихо.

— Не очень-то и тихо, — ответил серебристый. — Были инциденты.

— Что за инциденты?

— Шрамолиций ублюдок в шарфике избил несколько слуг, — продолжил Лафус, опершись о парапет. — Я не знаю, почему так вышло, но он очень силен, усмирить его было бы невозможно без лорда Элаха. Вонтар, наш новый товарищ из дома Амавель, подрался с Суманом. Кажется, из-за какой-то юбки. Ох и сцепились, только перья летели.

Услышав это, бирюзовый сделал вид, что увлеченно рассматривает облака. “Вечно он с кем-то дерется!” — подумала Кьяра.

— А Хатаэ... — вздохнул серебристый. — Хатаэ не слушает Элледина и словно специально его провоцирует, но он очень терпеливый. Эридан бы давно ей вмазал.

Женщина в гвардии! Немудрено, что ребят как на иголках. Кьяра не представляла, кто такие Вонтар и Хатаэ. Наверное, скоро появится много новых лиц.

Проведав Скага, она приступила к работе в сокровищнице. Сегодня Эридан выделил ей двух помощников, с ними дело пошло бодрей. В обед слуги позвали Кьяру в тронный зал, где уже был сервирован стол. Она кормила Эридана, ела сама, попутно рассказывая о том, что слышала за утро:

— Заходила к гвардейцам. Они рассказали, что Сехтен вел себя паскудно, поколотил нескольких слуг. Гвардейцы не могли его утихомирить, это сделал лорд Элах. Возможно дело не в наглости, а в банальной скуке. Они в замке, и хозяйева куда-то делись.

— Возможно, — хмыкнул альбинос. — Он весьма импульсивен, этот Сехтен. Будь мои руки целы, я бы нашел ему занятие. Ему нравится соревноваться и рисковать... Я обещал Элаху ужин и сильно задолжал, но я буду выглядеть весьма вызывающе, если во время трапезы меня будет кормить женщина. Хотя... этого они от меня и ждут: варварства и жестокости.

С этой косой и серьгой в ухе он действительно выглядел необычно. Черты лица еще больше заострились, и теперь он смотрелся дико, словно с бледных губ сейчас потечет струйка крови, и он по-волчьи оскалится рядами острых зубов. Это было всего лишь ощущение, но Кьяра не сомневалась, что на людей это могло произвести сильное впечатление.

Услышав про Хатаэ, он нахмурился:

— Она не создана для командной работы, не понимает субординации, и, фоморджак, она женщина, а это дополнительная проблема, когда имеешь дело с чисто мужскими сообществами. Беспокоюсь, что ребята будут на нее отвлекаться, а ей только этого и надо. Может она и Элледина донимает, чтобы вывести из равновесия на потеху своего самолюбия. Может... — он немного запнулся на слове, — может, ты поговоришь с ней? Деликатно, как женщина с женщиной?

— Вот как? А гвардия считает, что ты размажешь ее, словно масло на хлеб. Ты, вроде бы, не стесняешься бить женщин.

Кьяра сказала это с намеком на их первую встречу, и он, на удивление, этот намек уловил.

— Только тех женщин, которые не умеют пользоваться своим природным оружием, — ответил Эридан, пристально глядя на тифлингессу, — и особенно злящих. В общем, исключительно редких дам.

— Лишний раз доказывает, что я уникальна и неповторима, — невозмутимо ответила девушка. — И мне нравится тебя злить.

Он сделал возмущенное лицо, но прежде, чем успел что-либо возразить, Кьяра ловко

заткнула ему рот ложкой с едой.

— Так что, вечером ужин с Элахом? — спросила она.

— Да, — кивнул белобрысый, выплюнув ложку. — Гостей надо веселить. Ты, конечно, присутствуешь, это не обсуждается. Сейчас закончим обед, и я проведу тебе небольшую лекцию по летним домам и местным играм.

— Хорошо. Обещаю не жульничать, — помахала рукой тифлингесса.

Кинув взгляд на свои обрубки, эльф ответил:

— Я тоже обещаю не жульничать. Все будет... как на ладони, — и рассмеялся.

После обеда Эридан провел ее в кабинет, чтобы посвятить в курс дела насчет домов, правящих Страной Фей, и в частности Летними Землями.

— Всего на данный момент существует семнадцать Великих Летних Домов, — начал он. — Дом Эйлевар входит в их число. О доме Терим и том, что он — главный, ты знаешь. Если кратко, то дом Трабрар — друиды. Они выращивают железное дерево и владеют секретами его обработки, а это дорогого стоит. Дом Амавель — барды, поэты и ловкачи, каких поискать. В Стране Фей это очень ценится...

Девушка внимательно выслушала небольшую лекцию про остальные дома и их текущих правителей. Страна Фей представилась ей диким и разобщенным лесом, где каждый дом вел свою политику. Что там говорить, складывалось впечатление, что у каждого озера и куста был владыка. Могучие архифеи — вот кого все слушались, но в остальном между великими домами было мало общего, они были словно россыпь островов в океане природного хаоса. Кьяра начала понимать, чего хотел Эридан. Единства, даже если для этого придется туго затащить удавку на любом своеволии.

Изучение домов далось ей легко, она была уверена, что не запутается ни в именах, ни в названиях. Игры эладринов вызвали у нее гораздо больше вопросов, хотя она любила порой раскинуть картишки или потешиться партией в кости. Зато теперь она поняла, что за странную игру частенько затевали гвардейцы, усаживаясь вокруг низкого столика.

— Зариллон отправил приглашения во все дома, но откликнутся далеко не все, — подытожил Эридан. — Нам остается молиться, чтобы хотя бы половина из них решила признать мою власть. Что ж, на этом все. Этой информации будет вполне достаточно, чтобы не потеряться на коронации. Мне надо подготовиться к ужину, найти себе прекрасную даму на роль служанки-наложницы. Тяжела доля королей.

Тифлингесса выгнула бровь:

— Смотрите, как бы я не начала ревновать ...

— Не надо ревновать, — покачал головой он. — Я же не могу позволить своему советнику прислуживать мне за столом.

— Служанки — ладно, а вот наложницы... — пробормотала Кьяра.

— Это считается абсолютно нормальным для отпрысков благородных домов, — попытался объяснить Эридан. — У моего отца помимо жены был целый гарем. Меня это бесило, честно говоря, как и бесконечные кутежи.

Он вспомнил годы супружеской жизни с Маленур. Сравнительно с большинством эладринов Эридан отличался постоянством в привязанностях, любил в жене все: голос, внешность и, как ему тогда казалось, прекрасное сердце. Это была идиллия, построенная на утопическом желании найти родную душу, и Маленур ловко этим воспользовалась, сыграв именно ту женщину, в которую он мог по уши влюбиться. Порой она закатывала сцены ревности по поводу какой-нибудь, как она ехидно их называла, “телогрейки” во время

длительного похода, но они быстро мирились, и краски идиллии становились еще сочнее. Какая приторная фальшь. Больше он на это не купится.

— У вас может и такие порядки... — еще сильнее насупилась Кьяра.

Эридан слегка улыбнулся:

— Да, я знаю, что на материальном плане все несколько иначе, и мне это всегда больше нравилось.

“Эта мне “телогреек” не спустит”, - подумал Эридан и почему-то даже не огорчился.

Они вновь разошлись по своим делам, каждый со своими мыслями, которые, однако, удивительно перекликались. Оба на свой лад раздумывали о своих привязанностях.

До вечера Кьяра занималась тренировками с Корлианом и Суманом, помогая им отточить магические навыки, да так увлеклась, что чуть не опоздала к ужину. К счастью, вовремя спохватилась, но недостаток времени помешал ей тщательно продумать свой образ. Пробежавшись по гардеробной, она остановилась на платье из красного бархата, декорированном серебристым кольчужным плетением, переливающимся на свету. Украсив волосы рубиновыми шпильками и взяв с собой волшебную сумку, на спустилась в тронный.

В зале уже сервировали стол, подавали вино и закуски, но гостей не было. Тифлингесса увидела Эридана, а рядом с ним — эльфийку с длинными смоляными волосами и синими глазами, ярко-выделяющимися на фарфоровом лице. На ней было откровенное голубое платье, не скрывающее прелестей точеного тела. Видимо, эта девушка и должна была стать руками белобрисого. “Ну конечно”, - мысленно вздохнула чародейка, — “разве бы он выбрал какую-нибудь мышь?”. К ней подошел Зариллон в парадной серебристой мантии. Быстро заколдовав девушку, он сказал:

— Это мероприятие может затянуться. Когда поймешь, что заклинание закончилось, подойди ко мне. Я буду здесь.

Волшебник отступил в тень, и Кьяре стало немного совестно, что она отвлекает его от серьезных изысканий своим банальным незнанием языка. Тифлингесса поравнялась с белобрисым, тот окинул ее заинтересованным взглядом и проронил:

— Красивое платье. Словно кольчуга. Ты готовишься к сражению?

— К сражению я всегда готова, ты же знаешь, — парировала чародейка.

— Гости слегка опаздывают, но что еще ждать от господ? Это я ценю пунктуальность, — вздохнул Эридан, затем наклонился к синеглазой и произнес приказным тоном. — Ты. Всегда рядом. Улыбайся. Двигайся изысканно и ловко. Все, как я и говорил. Поняла?

Эльфийка кивнула, радостно блестя глазами, бьест колыхнулся, норовя выскользнуть из платья. Кьяра сохранила невозмутимое выражение, но мысленно смачно выругалась.

Спустя некоторое время, прилично опоздав к назначенному сроку, на прием явились Элах и Сехтен. Бездна, как же они вырядились. Золото, серебро, драгоценные камни. “А исподнее, наверное, из шерсти единорога”, - язвительно подумала Кьяра, отметив про себя, что по местным меркам Эридан одевался весьма сдержанно. Стиль без вычурности и излишеств, и девушке это нравилось.

Альбинос улыбнулся, приветствуя гостей, а затем произнес, вальяжно растягивая гласные:

— Лорд Элах, лорд Сехтен... Добрый вечер. Прошу, присаживайтесь. Я давно обещал отужинать с вами, но дела поглотили с головой. Все же я стараюсь держать данное слово. Леди Кьяра присоединилась к нашему ужину. А это прелестное создание — Ангвис.

Он бросил взгляд на эльфийку, и та заторопилась отодвинуть стул. Слуги поухаживали за Кьярой и гостями, помогая разместиться за столом, разлили вино по кубкам. Элах поднял первый бокал:

— Ваше Величество, я не сомневаюсь, что вас отвлекло что-то срочное. Дворец полнится разными слухами. Прошу простить мою нескромность, но я привык задавать прямые вопросы. Что у вас с руками?

Эридан улыбнулся, но холодный взгляд не скрывал настроения.

— Ничего, о чем стоило бы переживать, лорд Элах, — ответил он. — Как любят говорить на материальном плане — "до свадьбы заживет".

Элах пригубил из бокала:

— Вы вновь собрались жениться? Давно пора. Вдовец — это звучит грустно.

— Грустнее, когда ты дважды вдовец, а жена при этом одна, — ответил Эйлевар, взглядом дав Ангвис понять, что тоже хочет выпить.

На лице зеленоглазого мелькнуло непонимание, Сехтен хмуро промолчал в кубок. Сказанную Эриданом остроту поняла только Кьяра.

Слуги принесли еду, разложили по тарелкам и застыли неподалеку, готовые мгновенно услужить. Ангвис наклонилась над столом, нарезаая мясо в тарелке белобрысого, и оба из Терим впились глазами в ее декольте. "Так она отвлекающий маневр", - хмыкнула про себя тифлингесса.

— Простите мою умеренность, — сказал Эридан после первого кусочка, — уверен, дома вы привыкли к большей роскоши.

— Что вы, Ваше Величество, я уже привык к вашей... *своеобразности*, — улыбнулся Элах, выделив слово интонацией. — Все-таки мой племянник тоже из военных. У вас есть нечто общее.

— Да, у нас общее желание побеждать, но, увы, не умение, — высокомерно отметил альбинос. — Со временем придет и это.

Шрамолиций раздраженно раздул ноздри, но ничего не ответил на остроту. Пользуясь своим положением, Кьяра могла наблюдать за гостями и отслеживать их реакции. Эридан и Элах завели скучный разговор об урожаях и доходах, погоде и нравах, не упуская возможности изящно ужалить друг друга. "Не ужин, а дуэль", - подумала тифлингесса. Без уколов не остался и Сехтен. Молодой Терим явно злился, но молчал, пряча глаза в кубок или тарелку. Поражение явно сбilo с него спеси, а, возможно, он даже побаивался Эридана.

— Лорд Сехтен, — надменно произнес Эридан, слегка подавшись вперед и вперившись взглядом в молодого Терим, — я слышал, вы вели себя очень несдержанно и зачем-то избili слуг. Поднимать руку на прислугу имею право только я. Надеюсь, это было всего лишь временным помутнением рассудка, поскольку подобной демонстрации агрессии я больше не допущу и буду реагировать весьма жестко.

Кьяра напряглась, готовая к вспышке гнева, но Сехтен проявил явные признаки смущения, и это удивило девушку. Он опустил взгляд, а затем поднял, встретившись глазами с Эриданом:

— Прошу простить мою несдержанность. Во мне много энергии, требующей высвобождения. Вы должны меня понимать.

Кивнув, тот произнес с благосклонностью в голосе:

— Я даже знаю, чем вам помочь, но придется подождать, пока мои временные неудобства закончатся.

Перестав понимать речь за столом, тифлингесса поспешила к Зариллону. Когда она вернулась, то с удивлением обнаружила, что Эридан и Сехтен завели разговор на излюбленную тему: сражения, амуниция, какие-то армейские байки и плоские как лист бумаги шуточки, что в ходу у солдат. Она могла бы поддержать этот разговор, и, скорее всего, удивила б белобрысого, но предпочла просто наблюдать. Было видно, что этот разговор занимает их гораздо больше банальностей про пшеницу и налоги. Элах насторожился, ему явно не понравилось, что недавние противники стали увлеченными собеседниками. Тифлингесса одобрительно улыбнулась, глядя на белобрысого. “Красиво вывел”, - подумала она.

Зеленоглазый поднял бокал, привлекая к себе внимание:

— Ваше Величество, почему бы нам не выпить за то, чтобы срок вашего правления был долгим и полным процветания?

Эридан кинул взгляд на эльфийку, и та подняла его бокал, но Элах не спешил притрагиваться к выпивке.

— Пока эта кошмарная зима не поглотит весь этот мир, — закончил он и осушил кубок.

Эльфийка застыла в ожидании. Зеленоглазый улыбнулся, смакуя вкус напитка:

— Отменно. Вино Золотой Долины. Оно сейчас еще больше поднялось в цене. Веди Золотой Долины больше нет.

Заметив, как Эридан уставился на главу дома Терим, Кьяра поспешила перехватить нить беседы:

— Все течет, все меняется. Кто цепляются за старое, просто обречен на вымирание. В природе, по крайней мере, так.

— Леди, — ответил Элах, обратив, наконец-то, на нее внимание, — природа бывает жестока, бывает прекрасна, но ведь эта зима вызвана не природой. В дерево с птичьими гнездами может ударить молния. Может прийти лесоруб и срубить дерево для своих нужд, но это дерево сгубили ради прихоти и гордыни. А ведь на этом дереве жило множество уважаемых семей. Лесорубу не завести с ними дружбы.

— Птицам без разницы, почему было срублено дерево, они будут искать новое, — заметила девушка, сохраняя невинное выражение лица. — Лесорубу и не нужно заводить дружбу. Вопрос только, кто на самом деле срубил дерево, и чья это была прихоть.

— Это правильный вопрос, — сверкнул глазами Элах. — Чья прихоть погубила этот мир? Разве не ваша?

Он впился в Эридана злобным взглядом, скрывая это за лицемерной улыбкой. Белобрысый подал небрежный знак эльфийке, чтобы та поднесла бокал к его губам, сделал неспешный глоток.

— Вино и правда отменное... — протянул он, — но вы слышали леди Кьяру. Все меняется. Вместо старых домов, окаменевших заживо, появятся новые. На месте леса будет пустыня, а после снова лес или океан. Кто знает. Для такого хаотичного мира, как наш, не слишком ли много в нем замершего во времени? А насчет прихоти... Как часто вы спрашиваете богов про их прихоти? — он язвительно усмехнулся. — Я бы послушал, что они вам ответят.

Голубой лед встретился с зеленой листвой, и зима в глазах Эйлевара одерживала верх.

— Лорд Элах, — продолжил белобрысый, — вы, несомненно, долго правили домом, но рано или поздно старое угасает и уступает место новому. Это болезненный процесс, особенно для старого. Что до зимы... Мир не схлопнется от этого, как бы вам не хотелось.

Если зима не прекратится, она просто станет частью мира, и новые поколения даже не узнают, что когда-то было иначе.

Кьяра украдкой бросила взгляд на Терим. В глазах Сехтена она увидела нескрываемое удивление, а взгляд Элаха словно угас, и теперь он без преувеличения был похож на старика с лицом тридцатилетнего мужчины. “Пришло время строить из себя дурочку”, - подумала она.

— Я, кажется, запуталась в витиеватых метафорах, — сказала Кьяра, наивно хлопая ресницами. — Почему бы нам не сыграть во что-нибудь простое или послушать музыку?

— Да, — улыбнулся альбинос, — мы несколько заблудились в философской беседе. Как вы считаете, господа? Сыграем?

Взгляд Сехтена азартно блеснул, Элах улыбнулся с небольшим холодком и спросил:

— Во что предлагаете играть?

— Давайте начнем с зи, а там посмотрим, — предложил Эйлевар.

Слуги внесли изящный столик, богато расшитые подушки, чтобы удобно сидеть на полу, и разноцветные шарики на подносе. Девушка пыталась вспомнить правила игры. Там не было ничего сложного. Следовало кидать разноцветные шарики в лунки по бокам стола, не меньше одного и не больше четырех за один раз, затем нужно было сказать, куда и сколько шариков кинул, а противники пытаются угадать, врешь ты или нет. Игра, в которой побеждают проницательные лжецы.

Кьяра отметила, что Сехтен и Эридан умеют неплохо лгать и далеко не всегда получалось подловить их. Элах же играл нарочито неуклюже, не желая демонстрировать своих способностей. “Хитрый ублюдок”, - подумала девушка. Первую партию выиграла тифлингесса и поспешила в глуповатой манере прокомментировать свой успех:

— Новичкам везёт!

После этого она удалилась обновить заклинание. Сыграли еще три партии. В первой вновь победила Кьяра, а дальше череда успехов оборвалась, подарив Эридану и Сехтену по одному небольшому триумфу. Наконец, игра наскучила. Слуги подали крепкое вино и фрукты, музыканты заиграли приятную расслабляющую мелодию. Эльфы продолжили беседовать. Точнее, разговор вели Эридан и Сехтен, а Элах больше не пытался провоцировать или затрагивать шаткие темы. Он погрузился в раздумья, словно признав сегодняшнее поражение. Спустя какое-то время зеленоглазый встал:

— Прошу простить, но усталость все-таки дает о себе знать. Это был прекрасный вечер, Ваше Величество. Спокойной ночи. Сехтен?

Его племянник вежливо поклонился, пожелал доброй ночи, и дом Терим покинул тронный зал. Как только двери за ними захлопнулись, Эридан сказал эльфийке:

— Ты свободна. Я пошлю за тобой, если понадобится. Ступай.

Кьяра оглянулась в поисках Зариллона, но того уже и след простыл.

— Бесконечный день, — вздохнул эльф. — Бесконечный ужин. Бесконечная болтовня.

Тифлингесса улыбнулась:

— Ты бы видел, как напрягся Элах, когда ты спелся с Сехтенем.

Они направились в покои, неспешно прогуливаясь по саду.

— У Сехтена большие амбиции, но в рамках своего дома ему тесно, — объяснил Эридан. — Элах не дает племяннику проявить себя. До этого он ловко манипулировал тщеславием Сехтена, но я намекнул парню о других возможностях, и эта мысль нашла в нем отклик. Мне пришлось проявить силу и оказать давление.

— А я задумалась, каково это бесконечно ждать возможности проявить себя, — хмыкнула чародейка. — Это я про Сехтена и других, кто на вторых ролях. Про те дома, которые никогда не имели шанса стать великими.

Эльф хитро улыбнулся:

— Я пригласил не только великие дома...

Кьяра подарила ему одобрителный взгляд, и белобрысый продолжил:

— Я думаю, что немногие великие дома решат присягнуть мне, но дома поменьше поймут выгоду. Я... устал от спеси великих господ, деления на Благой и Неблагой двор, власти карг и архифей. Думаю, и они тоже.

— Новый порядок, — протянула девушка, тепло улыбнувшись. — А может и получится что-то построить...

— Я никудышный строитель, — ответил эльф не терпящим возражений тоном. — Я только немного начну, а остальное продолжат те, кто поумнее.

— И кто, по-твоему, поумнее и готов занять это место?

— Кто-нибудь найдется, — неопределенно сказал Эридан, и Кьяра невольно подумала, что он пытается сопротивляться неизбежному, ведь достойных претендентов попросту нет.

Они дошли до спальни, девушка помогла эльфу раздеться, сделала расслабляющий массаж, и эладрин размяк под её руками. Раны на спине окончательно зарубцевались от магического лечения и больше не причиняли неудобств. Закончив с массажем, Кьяра нырнула под одеяло.

Глава 14. Серебряные крылья

Проснувшись, Кьяра встретила взглядом с Эриданом. Тот улыбнулся:

— Всегда хочется того, что недоступно. Хотел прикоснуться к тебе пальцами, но...

Иронично.

Улыбнувшись в ответ, она нежно потерлась об него лбом:

— Скоро ты сможешь это сделать

Нежиться в постели не было времени, впереди было много неотложных дел. Кьяра помогла эльфу с водными процедурами, а затем облачиться для завтрака. Пока она затягивала завязки, подгоняла пояс и застегивала пуговицы на камзоле, была поглощена мыслями об играх богов и ее роли на этой шахматной доске. Фигурами жертвуют ради глобальных целей, и этот факт тревожил ее сердце. Иной раз ради красивого финала с доски сметают королей и королев, что говорить о простых пешках. Не удержавшись, она поделилась этой мыслью с Эриданом.

— Я бы предпочел, чтобы меня оставили в покое, — вздохнул эльф. — Хочу, наконец, пожить для себя, а не во имя клятвы, долга или еще чего.

— Боюсь, от наших желаний это не зависит, — ответила тифлингесса, закрепляя плаш на его плече. — Да и у тебя есть люди, за которых ты несёшь ответственность, и, видимо, королевство. Да знаю, что ты не хочешь, но...

— Гвардейцы служат мне, но после смерти Мэб они будут свободны от любых обязательств, — покачал головой Эридан. — Пусть исполнят, наконец, свои мечты.

“Да”, - подумал альбинос, — “пора им пожить своей жизнью. Они не могут вечно таскаться за мной. Ни семьи у них, ни земли, ни будущего”.

— Глупый ты... — вздохнула тифлингесса.

Они спустились в тронный для завтрака. Проходя через сад, Эридан невольно задумался, что будет после победы над Мэб. Он навсегда покинет Страну Фей, что отринула его душу, никогда больше не вернется. Уйдет на Фаерун, обналичит свои банковские счета... а дальше все укрыто туманом. Что он будет делать? Станет наемником? Купит замок и будет выращивать виноград? Отправится в далекое путешествие в поисках места под солнцем и смысла жизни? Он внезапно растерялся, поняв, что на Фаеруне ему тоже нет места.

После завтрака, Кьяра спустилась к гвардии. На дежурство заступили Ятар и Вонтар, и девушка, наконец, смогла посмотреть на нового гвардейца из дома Амавель. Невысокий, гибкий, с короткими голубыми волосами, которые сильно контрастировали с теплыми карими глазами. Движения у него были легкими, танцующими, а улыбка навевала мысли о плутах и сердцедадах. Невольно залюбовавшись его ловкостью, девушка все-таки взяла себя в руки и пошла в казармы, в поисках Задара. Красноволосый отдыхал после ночного дежурства, но готов был продолжить занятия, тем более что девушка приправила свою просьбу вполне заслуженной похвалой с маленькой толикой лестии. Ему удавалось так просто и доступно объяснять, что с каждым уроком чародейка узнавала много нового. Да и общаться с ним, когда он перестал строить из себя героя-любownika, стало намного приятней. Но, несмотря на успехи, до свободного общения еще было очень далеко. Темой сегодняшнего урока были прилагательные, и Кьяра узнала забавный факт: оказывается, второе имя Эридана, Аманес, переводится “прекрасное сердце”. “Понятно, почему он бесится”, - подумала тифлингесса. — “Такой злой и страшный, а имя как у принцессы”.

Закончив с эльфийским, она заглянула проведать волка. Зверь потолстел и обленился от спокойной и сытой жизни. Чародейка предложила Задару и Лаемару устроить небольшую гонку на волках. В компании этих двоих она увидела девушку и догадалась, что это и есть Хатаэ. Невысокая, фигуристая, с орехового цвета волосами, заплетенными венцом, и серыми глазами, она не походила ни на сильного бойца, ни заклинателя. “Нужно будет проверить ее”, - подумала чародейка.

Гвардейцы с охотой согласились погонять разжиревших зверей, к ним присоединилась и Хатаэ, хотя в глазах читалось сомнение. Наверное, своего волка она еще не объездила.

Договорились о забеге до небольшого озера в двух милях от замка и обратно. Сразу на старте Скаг вырвался вперед, несмотря на густой лес, замедлявший движение. Бедный Задар не справился с этим препятствием и впился головой в ветку. Триумф Кьяры был недолгим, скоро Лаемар и Хатаэ обогнали ее.

— Скаг, непорядок. Вперёд, пухлячок, — шепнула тифлингесса в мохнатое ухо.

Виновато заскулив, волк сделал рывок и обогнал Лаемара, поравнявшись с Хатаэ. Эльфийка что-то шепнула своей волчице, и та внезапно взбрыкнула, осыпав морду Скага комками земли. Заскулив, тот притормозил, чтобы очистить глаза, а Кьяра с удивлением заметила, что на озере появилась ледяная дорожка, по которой устремился Лаемар, обгоняя девушек. Чародейка взмахнула рукой, развеивая замораживающую магию. Фиолетовый, вскрикнув, ушел под воду вместе с волком. Удостоверившись, и зверь, и эльф всплыли на поверхность, Кьяра продолжила гонку.

Почти у самой финишной прямой Скаг обошел волчицу Хатаэ. Эльфийка заметно расстроилась, ее не устраивало второе место. Спустя какое-то время вернулись мокрый до нитки Лаемар и Задар, с залитым кровью лицом.

— Ах ты, красненький, пошли, я тебя полечу, — мурлыкнула эльфийка, сплетая исцеляющее заклинание.

Гвардеец разомлел от такой заботы, а тифлингесса поинтересовалась у Лаемара о его магических способностях, которые тот раньше не демонстрировал. Тот пожал плечами:

— Многие эльфы знают парочку заговоров, но на этом знания заканчиваются. Я никогда не видел себя в роли заклинателя. Мечи мне понятней.

Кьяра поняла, что в отличие от Сумана или Корлиана, этот парень никогда не стремился к судьбе волшебника или чародея. Что ж, это был его выбор.

Повеселев после победы в гонке, тифлингесса вернулась в сокровищницу. Она провела там весь оставшийся день. Сокровищница начала принимать упорядоченный вид, ценности были описаны и разложены по сундукам. Остались многочисленные монеты, и на их подсчет может уйти много времени. Уставшая, но довольная проделанной работой, Кьяра спустилась в тронный зал, застав там Эридана, ужинающего с помощью Ангвис.

— Присоединяйся, — сказал эльф, взглядом указав на второй стул, и девушка с радостью согласилась.

За ужином она порадовала эльфа своими успехами в сокровищнице и на поприще изучения языка. По взгляду белобрысого она сумела прочитать, что ему тоже есть что рассказать, но он не хочет делить эту информацию с эльфийской служанкой.

После ужина, поднимаясь в покои, он рассказал:

— Мы преуспели в воскрешении феи. Она сейчас в темнице. Информация, которой она поделилась, не порадовала. Как и предполагал Зариллон, области зимы — канал получения Аурил энергии этого плана. Она усиливает себя, но это происходит сейчас и на

материальном плане. Ледники двигаются, зима медленно наступает. Она берет энергию отсюда и расширяет зону своего влияния там. Рано или поздно она высушит этот план и покроет зимой тот. Это будет долго, медленно... но неизбежно.

— Наверное, поэтому боги и вступили в игру, — тихо предположила Кьяра.

— Возможно, — кивнул Эридан, — и, возможно, есть способ это прекратить, но требуются очень редкие ингредиенты, — он усмехнулся невесело. — У тебя случайно не завалилось пара кусочков окаменевшего тела бога и материя чистого хаоса?

“Очень смешно”, - фыркнула про себя девушка, а вслух сказала:

— Вы умные, что-нибудь придумаете.

Они погрузились в густые сумерки спальни.

— Это не все, — вздохнул эльф. — Фрайна рассказала, что ведьмы хотели со мной сделать. Я ничего не понял, но Зариллон объяснил, что они хотели призвать часть силы Аурил в этот мир. Во мне что-то есть, что не позволяет Аурил отстать от меня. Что-то специфическое.

— Твои обаяние и неотразимость? — фыркнула Кьяра.

— Я неотразим, это бесспорно, — самодовольно усмехнулся он. — А теперь раздень меня, что ли. Одежда скрывает большую часть моей неотразимости.

— Как пожелаете, Ваше Величество, — с показной покорностью ответила чародейка, расстегнув фибулу плаща.

— Даже богиня без ума от меня. Разве что ее страсть несколько холодна и убийственна.

— То есть с Аурил ты тоже занимался любовью? — невинно спросила Кьяра, расстегивая пояс поверх его кафтана.

— Давай не будем о травмирующих событиях, — рассмеялся он, а про себя подумал: “Лучше тебе не знать”.

Девушка хмыкнула, переключившись на пуговицы камзола:

— Тогда расскажи про дракона, с которой ты был знаком.

— Ее звали Фанаиндиль, — начал Эридан. — Во всяком случае, так она представилась. “Белая лилия” на старом наречии. Вероятно, это меня и привлекло. Не часто встречаешь на материальном плане эльфа, знающего старое наречие. Я же не знал, что она не эльф.

— Странно, что она решила принять облик остроухого, — заметила Кьяра, стаскивая с него камзол. — Драконы не любят эльфов, не могут простить им Драконью ярость.

Картинка из прошлого мелькнула перед внутренним взором девушки: совет древних металлических драконов ставит условие. Эльфы должны принести извинения за содеянное много сотен лет назад. Пришлось пойти на шантаж, чтобы остроухие выполнили требования драконов, и тогда Кьяра окончательно разочаровалась в эльфах.

— Индиль была своеобразной, — улыбнулся белобрысый. — Она как раз любила эльфов. Что ж, и такое бывает.

Он вспомнил, как однажды драконесса явила истинный облик, и его чуть не снесло волной невообразимой мощи. Тогда его удивило, как что-то столь маленькое и хрупкое становится таким большим, сверкающим и грозным... Они провели вместе три удивительные недели и расстались на дружеской ноте, несмотря на то, что их цели были тогда абсолютно разными. С тех пор прошло два года, но эльф иногда вспоминал ее в трансе. Мирные прощания освобождали сердце и дарили покой.

Полностью раздев Эридана, Кьяра и сама разоблачилась, оставшись только в длинной рубаше. Эльф отстранился, осмотрел ее поблескивающим взглядом и тихо сказал:

— Твои крылья сейчас так сверкают. Словно украшение... Я забыл, о чем говорил.

Чародейка удивилась. Она прекрасно знала, что чешуйки тускло поблескивали на свету, но чтобы сверкать? Замерев у зеркала, девушка расправила крылья. Они очертились серебристым светом, словно идеально заточенные лезвия.

— А твое видение сбывается все больше, — сказала тифлингесса, отступив от зеркала.

— Очень красиво, — ответил эладрин, пожирая девушку взглядом, — но ты и так прекрасна, с серебром или без. Мне больше всего нравится без одежды.

Ей понравились и слова, и влажный взгляд, в котором читалось желание. Так приятно быть красивой среди такого цветника эльфиек. Хочешь — лилии, хочешь — пионы... а ему подавай крапиву. Наклонившись, девушка поцеловала его, нежно прикусив и слегка оттянув нижнюю губу, стараясь не поранить острыми клыками. Когти заскользили по плечам и покрытой шрамами груди. Крапива больно жжется, если неосторожно потревожить, но Кьяре хотелось быть нежной. Губы коснулись ярменной ямки в основании шеи, оставляя влажный след поверх голубоватой вены.

Подавшись корпусом, он коснулся губами темно-серого уха. Ему так хотелось провести пальцами по выпуклым чешуйкам, ребристым рогам, острому гребешку на хвосте, нежной коже груди. От переизбытка этого желания и невозможности его исполнить, потерялся, словно кот, о ее плечо, а затем прильнул, стремясь всей кожей почувствовать тело тифлингессы. Кьяра повернулась к нему спиной, перекинув косу на грудь. Серебряные чешуйки переливались и сверкали, словно свежеотчеканенные монеты.

Девушка почувствовала дыхание на затылке, влажное прикосновение, перемещающееся от спины к шее, жар между лопаток и у основания крыльев. Вздохнула, когда поцелуи перешли в требовательные покусывания. В животе стало горячо, жар просочился ниже, заставляя тело таять.

Распалившись от вздрагиваний и вздохов, Эридан шепнул ей:

— Хочу тебя. Помоги мне чуть-чуть.

По телу девушки пробежала дрожь. Повернувшись лицом, она уронила его и прижала к постели, окончательно растворяясь в примитивных плотских желаниях. Почувствовав, что он уже затвердел от похоти, она нахально шепнула в заостренное ухо:

— Могу подразнить, а потом не дать.

Клыки игриво сомкнулись на мочке белого уха, осторожно, словно боясь поранить, и темно-серая кожа потерлась о бледную, дразня эльфа все нарастающим томлением. Эридан хрипло сказал:

— И будешь самой жестокой женщиной на свете.

Приятно дразнить и мучить его, ощущать над ним власть, чувствовать жажду. Будь у Кьяры другой характер, она, возможно, устроила бы из этого целый ритуал, но ей не хотелось пользоваться его увечьем. Посопротивляться можно, когда у него отрастут пальцы, а сейчас... Тело по-кошачьи изогнулось, она сама двинулась навстречу его пенису, и эльф растворился в ощущениях. Невозможность прикасаться руками сделало тело чувствительней. Словно погружение в горячий источник.

Кьяра начала двигать бедрами, и, легко подняв корпус над кроватью, он впился зубами в ее ярменную вену. На мгновение Эридан потерял себя, отдался инстинктам и стал зверем, у которого из забот — выживание и продолжение рода. Никакой политики и сложных жизненных дилемм, только след жертвы, мощный прыжок, сомкнутые челюсти и последние конвульсии добычи. Жилка билась под языком пойманной птичкой, и девушка хищно

улыбнулась, обнажая клыки. Нет, Кьяра не была жертвой. Она воплощала собой вызов, и это будоражило. Эльф стиснул девушку в объятиях, превращаясь в горячий, пульсирующий капкан. Кьяра затрепетала, словно желая высвободиться, а затем расслабилась, став мягкой и податливой. Сопротивляться бессмысленно, и это покоряло. Движения ускорились, стали более несдержанным, жадными и животными.

Клыкастая улыбка, серебряные глаза, по-змеиному гибкое тело, извивающееся в объятиях... Однажды, далеко на юге Фаеруна, он видел, как зверь пытался убить кобру. Схватив ее зубами и когтями, он ничуть не боялся ядовитых укусов. Почему он об этом подумал?... Очень хорошо. Пропали тревоги, осталось только удовольствие. Утробное, животное, бесхитростное. Даже слова превращались в бессмыслицу, становились шепотом и вздохом, под шорох шелкового покрывала, ритмично ласкающего кожу.

Кьяра впиалась когтями, выводя красные дорожки по белой шее. Вздвогнув, эльф шепнул:

— Потише, или я не сдержусь.

Нахально улыбнувшись, девушка перекинулась на его спину, расчерчивая ее красными линиями. Приоткрыв рот, Эридан, судорожно вжался в непокорную любовницу. Боль и удовольствие заставили почувствовать себя пущенной стрелой. Напряженная тетива, щелкнув, расслабилась, стремительный полет, неминуемый острый финал, заставляющий древко вибрировать внутри горячего тела, а затем — эйфорический покой.

Кьяра перекадилась в сторону, поймав лодыжку эльфа в цепкий извив хвоста. Нежно погладила следы от когтей на плече.

— Мне нравится, что ты хищная, — шепнул Эридан, повернувшись к ней, — это притягательно. Иногда я думаю, что ты убьешь меня. Вместо страха при этом чувствую странное возбуждение.

Подавшись вперед, он поцеловал ее в плечо.

Кьяра наигранно фыркнула:

— А за что тебя убивать? Ты сейчас нежный и ласковый. Иногда наорешь, но это мелочи.

— Это все ты виновата, — ответил альбинос, — живи теперь с этим.

— В чем это конкретно я виновата? — удивленно подняла брови девушка.

— Пробудила во мне нежность, — вздохнул эльф. — Давно уже ее не испытывал.

Возмущенно фыркнув, девушка хлестнула его хвостом, на что он снова схватил ее в капкан их рук.

— Я способен на вероломство, — игриво сказал Эридан, кусая чародейку в плечо. — Попробуй поиздеваться надо мной из этого положения, лапочка.

— Разве ж это вероломство? — Кьяра скривила презрительную мордочку. — Так, детские игры.

Эльфа ослепил блеск чешуи, и его оттолкнуло в сторону, когда девушка обернулась драконом. Кровать скрипнула под тяжесть большого создания, крылья разметали балдахин. Лицо Эридана казалось спокойным, но грудь часто вздымалась, словно после долгого бега. Тифлингессе не понравился произведенный эффект.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросила она, вновь став человеком. — Напугала?

Она подползла к нему, стараясь разглядеть выражение его лица. Эридан улыбнулся:

— У меня от неожиданности сжалось сердце. До сих пор горит.

Поморщившись, он с силой потер грудную клетку. Прильнув к нему, девушка положила

голову на грудь, прислушиваясь к сердцебиению. Мягкий стук совершенно неожиданно завершился тихим звоном, словно внутри у него крутились металлические шестерни, позвякивающие при каждом повороте.

— Похоже, мне нельзя при тебе превращаться, — пробормотала чародейка, вслушиваясь в странные звуки. — Сердце у тебя необычно стучит, как будто звенит.

Рывком сев на кровати, она зарычала:

— Как же это бесит! Пока на мне был поводок, я хотя бы знала, кому принадлежу, а здесь...

Она обернулась к Эридану:

— Также, как и ты. Все было проще, пока ты был мечом Аурил.

На мгновение Эридан задохнулся от сказанных ею слов, но укрылся за стеной холода. Приподнявшись на кровати, он сказал ледяным тоном:

— Если тебе так проще... Правда проще... То сейчас ты принадлежишь мне. А если ты против. Что ж. Твоя душа пригланется многим.

Настала очередь Кьяры не поверить услышанному. Он хочет поработить ее, посадить на цепь? Ей стало жутко от этой мысли. Заглянув в голубые глаза, она заметила там боль. Девушка поняла, что задела его за живое, и этот ледяной отчужденный тон — маска, скрывающая эмоции. Кьяра вновь прижалась к нему, укрыла крылом.

— Хорошо, — покорно сказала она.

Смятение на душе сменилось спокойствием. Кьяра задремала в его объятиях, а Эридан долго лежал, размышляя о произошедшем. Слова девушки заставили вспомнить о службе Аурил. Да, это просто — быть чьим-то мечом, но он не мог забыть взгляд Эрты. Быть мечом — это вечное молчание в руках того, кому ты принадлежишь, и больше он не ступит на эту дорогу.

Глава 15. Коронация

Последующие несколько дней прошли в хлопотах подготовки к коронации.

Девушка продолжала ухаживать за эльфом, пока его пальцы медленно, но верно отрастали.

— К хорошему быстро привыкаешь, да? — ехидно спросила Кьяра во время очередных водных процедур.

— Да, я так привык. Пора завести служанок для таких целей. Негоже благородному советнику заниматься унижающими достоинство занятиями, — столь же ехидно ответил он.

Тифлингесса фыркнула:

— Распугаешь всех служанок запахом серы.

— Наверное, ты права, — согласился белобрысый. — Выбора у них, правда, не будет. А ещё есть суккубы. Пора заставить этих ленивых тварей работать, — добавил он со смехом.

— Бродяжка-воровка из Нижних Миров и вдруг благородный советник, — усмехнулась девушка, смывая пену. — Как забавно.

— Для напыщенных эльфийских господ ты — благородная леди, хоть и выглядишь необычно, — заметил эльф, слегка отклонившись назад. — Они ничего о тебе не знают, а узнай, задохнулись бы от собственной спеси.

— О да, представляю их реакцию, — рассмеялась Кьяра. — Хотя я не только советник, но ещё и наложница, и охранник, и служанка, — немного помолчав, добавила. — А с суккубами поосторожней. Они ведь могут поработить разум.

Она уже окончательно смыла пену и ожидала только, когда он выйдет из бассейна, чтобы вытереть.

— Они с удовольствием отыгрались бы на мне, — согласился эльф. — А ведь я не самый злой хозяин, только Ческе сломал пальчики, и то за дело.

— У вас неповторимая манера вести переговоры, Ваше Величество.

Кьяра решила не дожидаться, когда он вылезет из воды, и промокнула его волосы полотенцем. Эридан прикрыл глаза, слегка откинул голову и задумчиво сказал:

— Наложница, охранник и служанка... Как много обязанностей на твои плечи, и все для меня.

— Вот-вот, а вы не цените! — шутливо возмутилась она, продолжая работу.

— Ценю, — ответил белобрысый без тени шутки в голосе. — Без тебя я был бы голодный, грязный и необласканный, и это если не считать, как хорошо ты ведёшь порученные дела. Ты здорово мне помогаешь.

Такая внезапная похвала немного смутила Кьяру.

— Любая местная дама могла бы выполнить те же обязанности, ты бы и не заметил разницы, — сказала она. — Правда, вряд ли бы они ринулись в логово карг с самоубийственной спасательной операцией. И вряд ли бы всерьёз думали отрубить кисти, чтобы скорей вернуть в замок... — добавила тифлингесса.

Девушка на мгновение замерла с полотенцем на его волосах, ожидая, что он на это скажет.

— Руки... я сам думал об этом, но знал, что ребята будут против. Надо было приказать, но оковы... выбили меня из равновесия, — спокойно ответил Эридан и добавил серьёзным тоном. — Я испугался за тебя. Не ожидал, что ты ринешься так быстро, практически в

одиночку. Ты могла погибнуть.

— Могла, — кивнула Кьяра, — но медлить было нельзя. Я рискнула, поставила все и выиграла.

Эридан одобрительно хмыкнул. Он часто поступал аналогично.

Через пару дней у Эридана окончательно отросли пальцы, и ему больше не нужна была помощь в повседневных процедурах. Он с большой радостью взялся за рукоять меча, столовые приборы, а с еще большим рвением — за любовные ласки. Потеряв руки, эльф осознал, насколько же любит прикосновения. К тому же новые пальцы были покрыты совсем еще юной, не поврежденной тренировками кожей, и ощущения стали еще острее. Конечно, спустя некоторое время пальцы снова загрубеют, но он постарался насладиться подвернувшейся возможностью. Однако забота Кьяры была удивительно приятной. Совместные купания, трапезы и облачения превратились в греющий душу ритуал, наполненный теплыми беседами, и Эридан, несмотря на чувство беспомощности, наслаждался этими моментами.

Расследование его похищения так и не продвинулось, оставалось много неразрешенных загадок. Эльф удивился, узнав, что Зариллон проявлял беспокойство насчет безопасности Кьяры.

— Он без ума от Страны Фей и культуры эладринов, но искренних переживаний я от него никак не ожидал, — задумчиво сказал он, пока девушка заплетала ему косу.

— Возможно, я помогла. Мягкое обращение иногда творит чудеса, — хмыкнула девушка. — Он очень удивился, что я встала на его защиту, когда ты на него нарычал, да и другие мелочи.

“Неплохо было бы поставить на покоях защиту от фей”, - подумала она.

— Какая ты заботливая, — улыбнулся белобрысый. — Но смотри, не переусердствуй, иначе Зариллон может неверно истолковать твоё внимание.

Она сощурилась:

— Мне кажется, или ты ревнуешь?

— Тебе кажется, — фыркнул он. — Я же неотразим.

Она окинула его взглядом. Белый, слишком резкие и острые черты лица. Смазливый уж точно не назовешь. И чем только привлекает?

— Я бы поспорила, — задумчиво сказала Кьяра, — но есть определенная притягательность.

Дела захлестнули их с головой. Девушка продолжила изучать язык и наводить порядок в сокровищнице, в свободное время тренировала Корлиана и Сумана управлять своими силами. Каленгил перестал избегать Кьяру. Злость отпустила его, хотя былая беззаботность общения так и не вернулась. Девушка не навязывалась и не пыталась обелить себя. Все свое время. Чародейка устроила небольшое испытание Хатаэ, та владела весьма разнообразной магией, и, что ценно, могла вылечить союзника в бою. По слухам, она владела заклинанием, воскрешающим из мертвых, но тифлингессе не представился случай проверить. Эльфийка вела себя, словно ангел, и даже пыталась флиртовать с Эриданом. Белобрысый очень жестко отшил нахалку, и от этого у Хатаэ загорелся взгляд.

Частенько девушка мысленно возвращалась к произошедшему в Эйлеваре. Им невероятно повезло, и это было непохоже на обычное совпадение. Кто-то явно помог им. Она вспомнила молитву в полуразрушенной часовне. О чем спрашивал Арум? Наконец, любопытство окончательно ее одолело, и она рискнула спросить жреца.

— У меня появились вопросы, — ответил драконид. — Обнаружил, что холод не причиняет мне вреда. Это стало последней каплей, и я решил спросить Темпуса, что все-таки происходит со мной.

— И тебе был ответ?

— Я видел своего брата, — вздохнул он, — и Янтарь сказал мне ждать, беречь свою веру. Он сказал, что придет время защитить то, что дорого. Когда я услышу серебряный звон, то все пойму, а пока должен исполнять обязанности хранителя веры, проповедника и лекаря.

— Ты хотя бы знаешь, кто тебя направляет, а я вот понятия не имею, — посетовала Кьяра.

Драконид слегка улыбнулся:

— С богами ведь знаешь как... Говорят с тобой, когда им что-то нужно, но когда что-то нужно тебе, будь готов просить. Они не всегда отвечают, но уверенный и сильный зов никогда не оставляют без внимания. Они не всегда дают то, чего хочешь, но чаще всего дают то, что тебе нужно. Подозреваю, что ни ты, ни Эридан не хотите быть мечами и ножнами и будете упрямо сопротивляться. Не виню вас. Я уже давно смирился с тем, что богу от меня что-то необходимо, это стало частью жизни. Другие имеют право на собственный выбор. Быть шахматной фигурой для тех, кто привык все контролировать и решать за себя, невыносимо.

Чародейка решила внять совету и каждую ночь перед сном взывала к неведомой сущности, пробудившей ее кровь. На третий день мольбы она увидела во сне фигуру дракона, который сказал знакомым женским голосом:

— Я — Подательница Благ и Свет Магии. Я пробудила твою кровь, но время еще не пришло. Ты будешь ждать, а пока чти данные дары. Они должны быть использованы с умом. Твоя сила нужна, чтобы взрастить и сберечь меч. Пока это лишь пламя в кузнице и необработанный металл. О цене ты узнаешь, в свое время.

Девушка поспешила рассказать о своем видении. Эйлевар обеспокоился и вновь предложил ей уйти. Кьяра отказалась, желание остаться было сильнее страха неизвестности. Арум, послушав про сон, сказал однозначное: “Необходимо следовать заветам этого существа”. Ожидается от жреца. Зариллон же восхищенно воскликнул:

— О! Это невероятно!

Он долго копался в книгах и, наконец, вынес покрытый пылью фолиант, написанный на незнакомом языке.

— Кажется, я знаю, кто дал тебе силу, — сказал маг, найдя нужную страницу. — Это драконья богиня магии, Кереска. Говорят, ее королевство находится где-то на Лимбо.

Кьяра никогда не слышала о такой богине. Так уж вышло, что из драконьего пантеона она знала только Тиамат и Бахамута.

Помимо этого девушка много думала о ритуале, с помощью которого можно было уничтожить магическую зиму, поглощающую Страну Фей, и особенно о диковинных ингредиентах.

— Окаменевшее тело бога и материя чистого хаоса? — сказал эладрин, когда в очередной раз речь зашла о ритуале — Они необходимы, чтобы разорвать подпитывающую связь Аурил. Есть еще третий ингредиент, но, на удивление, он у нас есть. Спасибо моим предкам. Ума не приложу, где и как они раздобыли божественную эссенцию. История моего рода становится все загадочней.

— А архифея не божество? — спросила чародейка.

— Архифеи подобны богам. Они могут даровать силы, как это делают боги, но умирают как смертные, и тела у них — тела смертных существ.

“Жаль”, - подумала девушка, — “а то ведь много трупов архифей”.

— Зариллон сказал, что окаменевшие тела мертвых богов встречаются на Астральном плане. В редких случаях — на других планах, — продолжил эльф.

В таких местах девушка никогда не бывала. Неужели вновь предстоит опасное путешествие? Отложив мысли об этом, она решила поговорить о чем-то более насущном.

— А что ожидается на коронации? — спросила Кьяра

— Это ритуал, старый, как мать всех карг, — ответил Эридан. — Помимо этого будет грандиозная пьянка. Стоит ожидать, что меня будут пытаться убить, отравить, очаровать, соблазнить, а, может, и все вместе. Мне снова могут бросить вызов и не один раз, и пьянка станет побоищем. Присутствующие дома должны присягнуть мне в магическом круге, и я пожертвую свою кровь. Вы будете мне нужны, особенно, если со мной решат проделать какую-нибудь хитрость, но если мне бросят вызов... Ты сама понимаешь. Вмешиваться нельзя.

Кьяра не стала спорить. Она все равно ничего не смыслила в обычаях этого мира. Однако умолчала, что при необходимости сделает все возможное для его защиты.

Первые гости уже начали прибывать в замок. Кьяра очень удивилась, что во главе многих домов стоят женщины.

— По моей вине главами многих домов в Стране стали вдовы, — шепнул Эридан Кьяре, когда гости удалились в свои покои. — Многие наследники не достигли совершеннолетия, многие просто не оставили наследников мужского пола. Вот вдовы и регентствуют. Это явление уже называли Вдовьим Веком, представляешь?

Вечер перед Коронацией был напряженным. Слуги суетились за работой, печи на кухне вовсю коптили, комнаты для гостей были подготовлены, а дворец был вычищен верху до низу и сиял, словно новенький доспех. На полу в тронном зале выложили большой магический круг составом из алмазной пыли, благовоний, толченых костей и других ингредиентов, неизвестных Кьяре. Кончик хвоста нервно подрагивал. Девушка решилась задать вопрос, который её очень волновал, но который не смела произнести:

— Что будет с нами, если проиграешь в поединке?

— Если проиграю, все мои поданные переходят победителю, — ответил Эридан. — Гвардейцы и Зариллон могут попросить пристанища у дома Амавель, а вам с Арумом лучше сбежать на Фаерун. Не имею права проиграть завтра, — твердо добавил он, и Кьяра запустила когти за ворот его рубашки.

Ей хотелось тепла и уверенности, что завтра все будет хорошо, и решительность эльфа немного расслабляла. Стянув с него рубашку, поманила на кровать. Сегодня она хотела быть нежной и податливой, отпустить контроль, раствориться в прикосновениях и наполниться до краев его уверенностью в победе. Насытившись друг другом, они долго лежали, нежно обнявшись и погружившись в раздумья о завтрашнем дне

Утро началось с обычных водных процедур и облачения. Эльф, всегда придававший большое значение внешнему виду, долго возился с волосами и нарядом, и девушка заметила в его глазах волнение.

— Эридан, сейчас не помешает доля высокомерия, — сказала она. — Ты одолел Оберона, Титанию, Хисрама, куда им до тебя

— Да, — кивнул он, разглядывая себя в зеркало. — Я не просто узурпатор. Я тот, до

кого им еще вечность дозреть.

Тифлингесса слегка улыбнулась. Сейчас самоуверенность была ему к лицу и ничуть не раздражала.

Чародейка остановила свой выбор на простом серебряном платье с глубоким декольте, и незамысловатых серебряных украшениях. Ей незачем было обвешиваться побрякушками, ее крылья сверкали, словно обнаженная сталь, чешуйки переливались яркими лунными бликами на глади ночного озера.

Эридан, застегивая пуговицы черного камзола, невольно засмотрелся на нее.

— Мне нравится твоя сдержанность, — сказал он, улыбнувшись. — В этом больше привлекательности, чем в аляповатом цирке, который соберется сейчас в тронном зале, а неотесанными варварами будем считаться мы. Иронично.

Девушка улыбнулась, польщенная его словами. Эльф потеревил серьгу в ухе и решил оставить. Сегодня он должен выглядеть дерзко и агрессивно, пускай считают его опасным дикарем, вылезшим из глубин Фейдарка.

Они спустились к завтраку. Несмотря на ранее утро, замок уже кипел работой. Тронный зал заставили вереницей столов, пахло свежими накрахмаленными скатертями. На маленьком столике разместился поднос с фруктами, свежей выпечкой и бутылка вина. Эридан опрокинул в себя маленький бокал и принялся за ломтик дыни, но аппетита не было. Девушка заметила:

— Вам нужно нормально поесть. Пока можно сделать это спокойно.

— Тебе тоже, — ответил он. — Церемония начнется в полдень и закончится, либо когда все упьются и перетрахаются, либо когда все поубивают друг друга, — он горестно вздохнул. — Дом, милый дом.

Эльф заставил себя съесть еще немного хлеба и пошел следить за сервировкой столов. Тифлингессу не нужно было уговаривать, она вычистила свою тарелку, пригубив немного вина.

Вскоре пришли Элледин, Суман, Корлиан и Хатаэ, все в парадных золотых камзолах.

— Мы будем следить за порядком и безопасностью по периметру зала, — сказал командир гвардии.

Кьяра была рада, что за коронацией будут следить те, кто может ощущать магию. Она не совсем понимала, как будет проходить мероприятие, и сколько ожидается гостей, но факт, что много, и среди них будут заклинатели, способные причинить большой ущерб.

— Держи магическое чутье наготове, на случай пакостей и очарования, — сказала она Хатаэ, на что эльфийка справедливо заметила:

— Леди, это Благой двор. Будут и мелкие, и крупные очарования, и пакости, и покушения. Смотрите, что пьете и кушаете.

Чародейка напряглась от этих слов и даже немного заскучала по Флегетосу. Там она хотя бы знала, откуда ждать подвоха. На всякий случай вернулась за волшебной сумкой и спрятала в саду. Стало немного спокойней.

Явился Арум, разодетый в котарди из красной парчи. Он выглядел бы величественно, если бы не переминался с ноги на ногу, как стеснительный подросток на своих первых деревенских танцах. Мысленно улыбнувшись, Кьяра поспешила успокоить парня. Удивительно, как в этом мощном теле уживаются мудрец и маленький мальчик. Тот немного успокоился, и чародейка тихо спросила его на драконьем:

— Арум, если Эридану бросят вызов, и он не сможет одолеть противника, он хотел,

чтобы мы с тобой ушли из этого мира, а не надеялись на милость победителя. Что ты думаешь?

Жрец ощерился хищным оскалом:

— Если он не одолеет противника, то я разорву победителя на две половинки. Я никуда не уйду, Кьяра.

— Я в тебе и не сомневалась, — улыбнулась девушка. — Хорошо, что ты с нами. Я тоже останусь, чтобы ни произошло.

— Я думал, ты уйдешь, спасая, кого сможешь, как он того желает, — удивленно ответил драколюд. — А он в курсе о твоём решении?

— Нет, — покачала головой тифлингесса, — он не в курсе, и не говори ему. Остальные присягнут дому Амавель и получают защиту. Это мы с тобой чужие этому миру.

Понимающе кивнув, жрец перевел взгляд на гвардейцев, которые уже начали свое бдение.

— Мне с трудом верится, что Элледин сделает это. Кто угодно, но не он, — задумчиво сказал драконид

Кьяра тоже перевела взгляд на золотоволосого. Он был таким серьезным и собранным, ощущая лежащую на плечах ответственность.

— Если Эридан отдал приказ, то сделает, — ответила она, не сводя взгляда с капитана гвардейцев.

— Нам, к счастью, такого приказа не давали, — хмыкнул Арум.

За пару часов зал преобразился. С потолка свесились развивающиеся на магическом ветру гобелены с изображениями цветов и птиц, которые трепыхались, пели и вспархивали с одной вышитой ветви на другую. Сыпался дождь из призрачных лепестков, ласковый бриз разносил запахи цветущих яблонь. Чем ближе к трону, тем глуше становились цвета гобеленов, пока не перешли в угольную черноту, на которой плясало сине-красное яростное пламя, рассыпая иллюзорные искры. На столах появились маленькие фонтанчики, бьющие вином и сидром, и расползлись цветущие лианы, над которыми порхали бабочки. Такое количество иллюзий свело с ума её магическое чутье, отследить чужое колдовство будет очень сложно. Чародейка страдальчески вздохнула.

У стен расположились полураздетые девицы с мандолинами, ситарами и арфами, и прекрасные танцовщицы в одеяниях из струящихся полупрозрачных тканей и массивных украшений, скрывающих обнаженную грудь. Кьяра ожидала чего-то подобного, на ум сразу пришли калимшанские приемы. Чрезмерность и разврат.

Наконец слуги выставили блюда, посуду и замерли неподалеку от столов, готовые услужить любому капризу господ. Подав Аруму и Кьяре знак, Эридан направился к трону. Зариллон подошел к креслу тифлингессы.

— Я буду рядом весь день, я уже подготовился, — сказал он, махнув волшебной кружкой.

— Осторожно, Зариллон, — усмехнулся белобрысый, — некоторые захотят посмотреть, что ты прячешь под мантией.

Альбинос кивнул в сторону. Обернувшись, маг увидел, как одна из танцовщиц помахала в его сторону, да так активно, что украшения на груди заколыхались, ничего не скрывая. Зариллон потерял дар речи от представшей картины, а Кьяра подумала: “Бедный книжный червь”.

— Такому меня в Академии не готовили, — пробормотал волшебник, накладывая на

тифлингессу и Арума заклинание для понимания эльфийской речи.

— Это обычный прием в Стране Фей, господин маг, — слегка улыбнулся Эридан. — Мой отец называл такие "тихой семейной вечеринкой".

Заиграла музыка, gobелены полыхнули магией, и зал наполнился гостями. От пестрых цветов у Кьяры закружилась голова. Первыми засвидетельствовали свое почтение меньшие дома, польщенные необычным приглашением. Появились Элах и Сехтен, облаченные в ослепительные наряды. Шрамоликий скучающе прихлебывал из кубка, а его дядя лукаво улыбался, и девушку это насторожило. Однако нельзя вскидываться от одной лишь подозрительной улыбки, и Кьяра заставила себя успокоиться.

К ступеням трона подошла леди Хуоро Трабрар. Ее полупрозрачное платье больше походило на струящиеся по телу потоки воды, в волосах и декольте пестрели розовые цветы, источающие сильный аромат. Она сделала реверанс с грацией благородной лани и томно произнесла:

— Добрый день, Ваше Величество.

Эридан сдержанно кивнул, но взгляд невольно зацепился за почти прозрачное платье, а Кьяра напряглась от запаха. Она сразу же вспомнила Лемифинви, и когти с силой впились в подлокотники кресла, но леди Трабрар пловущей походкой устремилась в гущу гостей. Ее дочери, красноволосая Ахруиль и блондинка-Майяр сделали по игривому реверансу. Златовласка стрельнула в альбиноса дерзким взглядом, но тот ответил лишь отстраненным кивком.

К трону подошел невысокий мужчина, и Кьяра заметила, что у белобрысого удивленно вспыхнули глаза. Селани! Девушка вспомнила, как Эридан описывал их: замкнутые, непостижимые, загадочные, живущие борьбой с Фейдарком. “Хотя кто знает”, - говорил белобрысый, — “может, они нашли способ заключить с ним своеобразный союз. В любом случае, до сих пор неизвестно ни откуда у них столько сил и влияния, ни точный состав клана”. И вот сейчас глава самого таинственного великого дома эладринов стоял у подножия трона. Черные как смоль волосы, длинный нос делали Калара Селани похожим на ворона в облике человека. Его нельзя было назвать красавцем, но необычные ярко-изумрудные глаза словно гипнотизировали, так что невозможно было отвести взгляд. В чертах лица было что-то выбивающееся, но девушка не могла понять, что именно. На камзоле трепыхал крылышками крошечный ярко-зеленый дракончик, а за плечом замерла девушка, которую он представил как Намиас. Её бледно-зеленые волосы навевали мысли о какой-то отраве, а такие же яркие глаза явно указывали на близкое родство.

Из толпы выступило семейство Амавель во главе с леди Халирр. Ее дочери, Кисан и Саевил, раздетые в сверкающие платья, походили на ходячие сокровищницы. Чуть позади, прячась за старшими сестрами и матерью, шла девушка лет семнадцати на вид. Белые вьющиеся волосы отливали лавандой и фиалками.

— Это моя младшая дочь, Илавин, — сказала Халирр, подтолкнув девушку вперед. — Простите ее грубость, она всю жизнь просидела взаперти. Ее дар пугал второго мужа.

Девчонка набычилась, но подошла к трону. Сделав неумелый реверанс, она протянула руку в сторону Эридана, и с пальца сорвался яркий электрический разряд, ужаливший альбиноса в ногу. Халирр ахнула, гвардейцы выхватили клинки, девчонка испуганно отпрыгнула, завидев обнаженную сталь, но Эридан делал успокаивающий жест.

— Ваша дочь ведет себя очень дерзко, — произнес он. — Вы объяснили ей, кто я и что могу сделать с ней и с вами?

Его рука потянулась к свернутому кнуту, закрепленному на поясе, и Халирр рухнула на пол, унижительно причитая. Кьяра многозначительно посмотрела на девчонку, всем своим видом стараясь сказать: “Извинись, или всем будет плохо”.

Илавин оказалась не такой уж и глупой. Она сразу поняла, к чему все идет. Быстро взобравшись по ступеням, чуть не запутавшись в подоле, она обхватила колено Эридана и затараторила:

— Простите меня! Я плохо контролирую силу, поэтому меня держат взаперти. Я вовсе не хотела причинить вред Вашему Величеству.

Белобрысый подпрыгнул на месте, не ожидая такой реакции, и ответил, пытаясь отпихнуть девушку:

— Эээ... Леди Илавин, негоже вам так цепляться за меня, это неприлично. Я понял, что вы сделали это нечаянно. Надеюсь, этого больше не повторится.

Илавин затрясла кудрявой головой и уползла со ступеньки с выражением искреннего раскаяния на лице, но Кьяра не сомневалась, что это всего лишь маска. Все здесь — насквозь лживые. Ее неловкие поползновения в сторону белобрысого навели тифлингессу на невеселую мысль, что вешаться на него будут весь вечер и, возможно, успешно.

У трона согнулась в унижительном поклоне леди Аринар Керам. Ее дом — торговцы информацией, хитрецы и мастера разведки. На лице Эридана промелькнули смешанные чувства. Она помнила его слова: “Будет печально, если мы станем врагами”. Только вот непонятно, в качестве кого они явились: будущего вассала или вероломного бунтовщика? Подогревали подозрения двое бандитской наружности парней, поглядывавших на белобрысого недобрыми глазами.

Тифлингесса украдкой прикоснулась к монетке и мысленно взмолилась Тиморе, надеясь на подсказку от кого ждать удара. Чутье подсказывало: не доверяй никому.

Пока она молилась, засвидетельствовать свое почтение вышли представители дома Нилас — главные металлурги Летнего Двора. Эридан слегка подался в кресле, с любопытством разглядывая главу дома. Леди Кифель обладала кожей и волосами молочной белизны, а глаза напоминали два рубиновых озера. Несомненно, она тоже была альбиносом, как и Эридан, только еще белее. Платье с металлически позвякивающими элементами больше напоминало кожаный доспех, на плечах красовались выпуклые шрамы, которых она совсем не стеснялась. “Очень интересная женщина”, - подумал белобрысый.

Крепкий парень подвел к трону слепую женщину. Кьяра вспомнила, что слепая женщина стоит во главе дома Дхоэль — хранителей мудрости Страны Фей. “Говорят, что этот дом еще и владеет пророческим даром”, - говорил альбинос. — “Правда это или нет — не знаю”. Следом шла прекрасная златовласка.

— Меня зовут Арласшор, Ваше Величество, — мелодично произнесла она.

Эридан ответил равнодушным взмахом руки. Когда семейство Дхоэль удалилось, он шепнул Кьяре:

— Ты была права. Они, кажется, достали из башен и подвалов всех своих дочек.

— И некоторые тебе вполне приглянулись, — пробурчала тифлингесса.

— Некоторые красивые, — не стал увиливать он, — но и змеи бывают потрясающе красивыми.

Эти слова немного успокоили девушку. Что-то ответить она не успела, поскольку перед ступенями встала женщина, присутствие которой очень удивило Эридана.

— Ваше Величество, — сказала она, сделав реверанс, — мой муж сражался с вами в

битве на снежной пустоши. Он был рыцарем Оберона.

— Для меня было честью сражаться с ним, — ответил альбинос. — Это был тяжелый бой, и рыцари были храбрыми.

Кьяра сообразила, что перед ней леди Корлуа Эльраиль, глава избранного дома Оберона. Действительно, что привело эту женщину под крышу врага? За плечом стояла девушка с нежно-розовыми волосами и примечательным украшением на голове.

За Эльраиль поприветствовать будущего короля поспешил дом Малдет. Про этих ребят Кьяра запомнила очень хорошо — воины, и этим все сказано. Удивительно было увидеть во главе такого дома даму в платье, украшенном сверкающими камнями. Ее сопровождали юноша и девушка. Девица как бы невзначай сверкнула своими прелестями, и Эридан непроизвольно проследил взглядом за этим движением. Кьяра закатила глаза.

Последним из благородных домов явился Утзаир. Дом у моря, ворота к Северу. Его глава — уверенный одноглазый мужчина, двигался очень ловко и, казалось, вот-вот кинется в битву. Тифлингесса взяла его на заметку как еще одну возможную угрозу.

— Пришла половина великих домов, — шепнул Эридан, вставая с места, — я ожидал меньшего.

Он спустился прямо в толпу гостей, и тифлингесса двинулась следом, держась за его спиной, безмолвная и незаметная словно тень, осторожно наблюдая за окружением. Эладрины пили, угощались, флиртовали друг с другом, зал наполнился гулом множества голосов. Белобрысый взял в руки кубок и начал прохаживаться, понемногу общаясь с гостями. Первой поговорить с ним устремилась леди Хуоро, распространяя облако приторного аромата:

— Ваше Величество, Тоавель доложил мне, что вы заинтересованы в разрешении вопроса волшебной зимы, и это удивительно, учитывая тот факт, что именно вы послужили причиной ее распространения. Я и мой дом... Хотелось бы узнать ваши мотивы.

Вдохнув запах цветов, Кьяра почувствовала, как поплыло у нее в голове, но усилием воли взяла себя в руки. Теперь она была абсолютно уверена: это цветы Лемифинви. Она заметила, что Эридан растеряно потер глаза руками. Надышался?

— Леди Хуоро, — начал он, — я заинтересован в том, что... в том, что... Чтобы ликвидировать нанесенный ущерб этой земле...

Он явно путался в мыслях.

— Ваши цветы так одуряюще пахнут, — дружелюбно сказала Кьяра. — Такой же аромат носила одна рыжеволосая особа...

Взяв эльфа под локоть, она незаметно впиалась в него когтями. Почувствовав боль, эльф потрянул головой, скидывая с себя остатки дурмана.

— Простите, леди Хуоро, — произнес он уже твердым голосом. — Кажется, ваши цветы заставляют меня задыхаться. Не могли бы вы немного отойти.

— Ах, простите, — вздохнула эльфийка, — Иногда забываю, что живу в цветущих садах, где аромат цветов становится обыденностью.

Она поспешно отступила, и альбинос продолжил:

— Я — грубое пламя, леди. Я прореживаю лес, чтобы земля обновилась и зацвела пуще прежнего. Бойтесь меня, как лесного пожара, и не вставляйте на пути. Спасение от зимы я ищу, поскольку хочу сохранить Страну, а не ваш уклад. Мир будет жить, но изменится, и вам решать, будете ли вы идти против огня или нет.

Женщина кивнула, опустив глаза в пол, и Кьяра успела заметить смесь разочарования и

страха на ее лице.

Пройдя чуть дальше, Эридан шепнул тифлингессе:

— Что это было? Я чуть в обморок не упал от этого запаха.

— Лемифинви, — одними губами ответила она.

Не исключено, что дом Трабрар заодно с древесной феей. Это еще сильнее напрягло чародейку, заставив вспомнить ужасы изгнания, дракона из лоз и шипы-паразиты. “С этими Трабрар нужно держать ухо востро”, - подумала девушка, двигаясь следом за белобрысым.

От толпы отделился лорд Калар. По сравнению с Эриданом он был таким маленьким едва ли доставал ему до плеча. На его лице появилась хищная улыбка:

— Ваше Величество, хотелось бы поднять бокал за долгие годы вашего правления.

В его руке блеснул кубок, а зеленый дракончик вспорхнул, устроившись на груди Эридана. Белобрысый удивленно выгнул бровь, наблюдая за движением зверька, Кьяра пронзила создание магическим взглядом, но не обнаружила никакой вредоносной ворожбы. Подняв бокал, альбинос слегка коснулся вина губами, делая крошечный глоток, в то время как Селани от души приложился к своему кубку. Отпив, зеленоглазый посмотрел то Кьяру, то на Эридана, а затем сказал, слегка понизив голос:

— Очень интересная свита. Я слышал, что вам служат дьяволы, а ваш советник, — он бросил взгляд на тифлингессу, — тоже дьявольских кровей. Слышал, что вы перемещаетесь в пространстве не как элэдрин. Честно говоря, думал — враки. Воспаленная фантазия испуганных плебеев. Но вижу тифлинга и, — он приблизился вплотную к Эридану и сказал чуть слышным шепотом, — чую ваш запах, как бы вы его не скрывали.

Альбинос удивился, однако ничуть не растерялся.

— И что же? — надменно спросил он. — Дом Селани проделал такой путь, чтобы потешить любопытство? Вы удовлетворены? Я не скрываюсь, просто запах серы пугает большинство смертных. Вы, однако, совсем не напуганы.

Калар смерил Эридана оценивающим взглядом:

— Нет, я только задался новыми вопросами. Если бы лично не знал ваших отца и мать, решил бы, что вы унаследовали кровь исчадий.

— Вы знали моих родителей? — удивленно спросил Эридан. — Не помню, чтобы вы когда-либо бывали в Эйлеваре...

— Задолго до вашего рождения у меня были дела с Финдо и Аманисом, — загадочно ответил Селани, сделав еще один большой глоток.

Сказанное сильно заинтересовало Эридана. Говорить о деде было своеобразным табу в его семье. Стоило кому-нибудь произнести его имя, и воцарялось гробовое молчание, за которым ощущался страх. Ему хотелось спросить о нем, загадочном волшебнике из рода Эйлевар, но Калар сделал несколько шагов назад, давая понять, что сказал все, что хотел.

— Я и так занял слишком много времени, Ваше Величество, — произнес он с легким поклоном. — Гости жаждут внимания.

Селани растворился в толпе гостей, а дракончик спорхнул с камзола Эридана, оставив того задаваться множеством вопросов.

Перестав разбирать эльфийскую речь, Кьяра поспешила к волшебнику. Тот был занят поглощением вина, волшебная кружка спасала от опьянения. Вернувшись, тифлингесса застала первый вызов на поединок. Дерзкий парнишка из Малдет. “Эти точно должны были попытаться”, - подумала девушка. Она заметила, как Арум неподалеку тоже насторожился, поглаживая рукоять меча на поясе. “Словно два сторожевых дрейка”, - мысленно

усмехнулась чародейка.

Малдет сделал несколько пробных махов мечом, демонстрируя удадь. Эридан задумчиво понаблюдал за его движениями, ожидая, когда слуги принесут щит. Ловкий противник, но самонадеянный и невнимательный. Закрепив щит, альбинос устремился к увлеченно танцующему врагу, и тот слишком поздно заметил смазанную вспышку солнечного лезвия. Малдет отпрянул, раненный и обожженный, огрызнулся в ответ коротким выпадом, вспоровшим камзол белобрысого.

— Джак! — прорычал Эридан: удар врага был незначительным, но болезненным.

Увидев, что клинок достиг цели, Малдет криво улыбнулся и устремился следом за отступающим, забыв об осторожности. Этого и добивался Эридан. Он подманил к себе дерзкого юнца, оставив небольшую брешь в защите, удобную прореху между щитом и телом, в которую мог бы нырнуть его компактный клинок. Незащищенная шея манила, обещая быструю победу. Сталь устремилась к открытому горлу, но Эридан ловко ушел от удара. Инерция понесла противника вперед. Белобрысый сделал подсечку, выводя врага из равновесия, и окованный сталью щит обрушился на череп. Раздался треск, тело Малдет рухнуло на пол, из пробитой головы потекла струйка крови, превращаясь в красную лужу. Короткий меч выпал из разжатой ладони, и альбинос пинком откинул его в сторону, с презрением процедив:

— Яды — оружие женщин и слабаков.

По толпе пронесся вздох, какая-то слабая духом девица хлопнулась в обморок, кого-то стошнило от вида крови, однако большинству эладринов было по вкусу кровавое побоище. Они возбужденно переговаривались между собой и чуть ли не аплодировали. Казалось, что для них это — всего лишь прекрасное представление. Кровь убитого коснулась начерченной на полу формулы и надписи вспыхнули, впитывая красную влагу.

— Первую кровь жертвуем земле, — сказал Эридан.

Опустив щит, он сделал было шаг из круга, но вперед вышел одноглазый из Утзаир.

— Не спешите, Ваше Величество, — с улыбкой произнес он, и белобрысый молча заслонился щитом.

Кьяра вновь напряглась. Она не успела разглядеть, насколько сильную рану нанес Малдет, к тому же прозвучала фраза про яд...“Надеюсь, артефакты его уберегут”, - взволнованно подумала она, наблюдая за копящимися движениями одноглазого.

Эридан устремился в атаку, выставив щит. Клинок противника вошел в дерево, Утзаир немного замешкался, и этого было достаточно, чтобы белобрысый быстро ужалил его в плечо. Оставив попытку вытащить застрявшее оружие, одноглазый быстро отступил, попутно выхватив второй клинок. Эридан поглядел на торчащий из щита меч и хмыкнул.

Они закружили друг вокруг друга, обмениваясь короткими ударами. Утзаир был очень ловок, словно гибкая змея. Лезвие пару раз вспороло камзол Эридана, умудряясь обойти защиту, однако белобрысому разонравилось плясать. Когда Утзаир приблизился для очередного быстрого укола, Эридан встретил его ультимативным взмахом меча. Шипящее лезвие вспороло плоть эльфа, едва не поделив того пополам. Одноглазый схватился за дымящийся живот, сделал несколько шагов назад и рухнул на пол, захлебнувшись криком.

— И эту кровь даруем земле, — произнес Эридан, опустив щит.

Формула вспыхнула, впитывая кровь поверженного, толпа забурилась множеством голосов и колыханием пестрых нарядов, но никто больше не рискнул войти в круг. Подождав немного, Эридан передал щит слугам и, довольный собой, приблизился к тифлингессе.

— Очередной дом будет управляться вдовой по моей вине, — тихо усмехнулся он.

— Поздравляю, — улыбнулась Кьяра. — Сами знали, на что идут. Ты в порядке?

Она окинула взглядом прорехи на его камзоле. Кое-где ткань пропиталась кровью.

— Немного задело, — сказал он, тоже бросил взгляд на прорехи. — Малдет пропитал лезвие ядом, но, кажется, я в порядке.

— Лучше бы Арум проверил, — настояла тифлингесса, и эльф не стал спорить.

Он терпеливо пережил осмотр драконида, и пока Арум внимательно оглядывал раны, Сехтен, отделившись от толпы, раздраженно бросил:

— Не понимаю, о чем они думали? Они слепые и глухие? Они не знали, что вы убили меня?

Поморщившись от боли, белобрысый криво ухмыльнулся:

— Малдет был самонадеян, а Утзаир решил, что у него есть шанс, когда я ослаблен ранением. Он же не знал, что меня надо гораздо сильнее ослабить, чтобы задуманное получилось.

Фыркнув, шрамолиций отхлебнул из бокала.

— Отравления нет, — констатировал Арум, и у Кьяры немного отлегло от сердца.

Эридан застегнул камзол и хотел было вернуться в толпу, но его остановила леди Кифель.

— Вы хорошо сражались, Ваше Величество, — сказала она. — Слышала, что вы умелый воин, но лучше один раз увидеть.

— Вы и сами воин. Разве нет? — кивнул Эридан на шрамы, которыми были испещрены руки женщины.

Она провела пальцами вдоль своего плеча, едва касаясь молочно-белой кожи.

— Всегда любила острые ощущения, — сказала Кифель, задержавшись пальцем на самой приметной отметине. — Муж заставлял сидеть дома и считать прибыль. Теперь могу, наконец, делать, что хочу.

“Сколько же у нее шрамов на теле?” — невольно задумался Эридан, но, прогнав эту мысль, улыбнулся:

— Рад за вас, леди.

Кифель развернулась, чтобы раствориться в шумной толпе, но сделав шаг, обернулась.

— Как насчет совместной тренировки? — спросила она. — Увидите, какой я воин на деле.

— Я подумаю над этим предложением, леди, — ответил эльф, вежливо кивнув, а про себя подумал: “Быстро же она нашла ко мне подход, нужно быть осторожней”.

Музыканты заиграли экзотичные на слух тифлингессы мелодии, и в толпу веселящихся гостей выбежали танцовщицы. Кьяра застала Зариллона в обнимку с одной из них. Несчастный маг не знал куда деваться, и чародейка спугнула девушку злобным рыком.

— Прости, Зариллон, — сказала она, — ты нам нужен с ясной головой, а женщины в этом плане ещё хуже вина.

Кивнув, волшебник обновил заклинание. Кьяра поспешила к Эридану, бороздящему океан безудержного кутежа. Иногда на него вешались танцовщицы, но эти были не опасны, их главный грех — следы помады и оставленные на камзоле волосы. Эйлевар относился к ним спокойно, словно они были частью интерьера. Однако попытка очередной танцовщицы обнять Эридана за шею закончилась падением розоволосой девушки из дома Эльраиль. Отпихнув надоедливую плясунью, белобрысый помог упавшей встать.

— Прошу прощения, — пробормотала она, отряхивая подол, — эти танцовщицы такие назойливые.

Она поправила прическу и вдруг забеспокоилась:

— Кажется, я потеряла украшение для волос!

Девушка начала шарить руками по полу и вскрикнула от боли: кто-то наступил на пальцы.

— Леди! Спокойно! — скомандовал Эридан, наклоняясь следом за ней. — Сейчас найдем.

Слегка разогнав гостей, чтобы было проще искать, белобрысый наконец поднял крупный ромбовидный камушек.

— Спасибо! — воскликнула девица Эльраиль, хлопнув в ладоши, а после обняла Эридана за шею и юркнула в толпу.

— Что это было? — пробормотал эльф, но его внимание отвлекла Кьяра, вздохнувшая у его плеча:

— У меня уже голова пухнет. А ещё этот зеленоглазый. Первый эльф здесь, который не пугает дьявола с демоном и на удивление много знает.

— Дом Селани очень загадочен, — произнес эльф, побалтывая вино в бокале. — Оттого новость, что мои предки делали что-то совместно с ними, поражает. Я ничего об этом не знал.

— Он может знать, как достать то, что нам нужно, — заметила девушка. — Что если ваши дома вместе варили те зелья?

Мысль была дельной, и Эридан взял ее на заметку.

— А что будешь делать с домом Трабрар? — спросила Кьяра.

— Если они и правда сговорились с Лемифинви, то лучше держать врага поближе, — тихо ответил эльф.

Девушка поежилась:

— Ага, а потом пытаться понять, в кого подсадили колючки.

Воспоминания о шипах были еще слишком свежи и вызывали невольную дрожь, но эльф упрямо ответил:

— Да, это опасно, но я решил так.

“Бесполезно спорить с этим бараном, поберегу силы”, - фыркнула про себя чародейка, к тому же внимание эльфа отвлекла леди Корлуа, нетвердой походкой приблизившаяся к нему. Вино из ее бокала опасно расплескивалось, растекаясь кровавыми пятнами на подоле, но эту уже порядком пьяную женщину ничего не смущало.

— А я ищу вас, Ваше Величество, — сказала она заплетающимся языком. — Хотела выпить в честь вашей блестящей победы. Вы будете очень сильным королем, в этом нет сомнений.

Трудно было сказать, насколько она была честна в своих высказываниях, но Эридан молча сделал маленький глоток из бокала, из уважения. Женщина опрокинула в себя кубок, вино неряшливо потекло по губам и на лиф платья. Некоторые гости были порядком пьяны, но эта скорее заливала глубокое горе.

Кьяре сильно хотелось есть, но сиротское прошлое научило подолгу терпеть голод и жажду. Она посмотрела, как Эридан выпил с Сехтенем, порадовавшись про себя, что эти двое сумели найти общий язык. Иметь такого союзника было бы прекрасно. Еще ее порадовала реакция младших домов. Те с нескрываемым восхищением крутились вокруг

белобрысого, желая отвоевать немного внимания. Эридан вел себя с ноткой обычного самодовольства, но вежливо. Утомившись бесконечно поднимать кубок вместе с вереницей летнего дворянства, он отстранился якобы налить вина, а сам перевел дух рядом с Кьярой.

— Рука скоро отсохнет, и сопьюсь к тому же, — пожаловался он.

Конечно, он преувеличивал, но шумные застолья в кругу чужих людей заметно утомляли его.

— Я боялась, что Сехтен снова бросит вызов, — поделилась переживаниями тифлингесса. — Он очень серьезный боец.

— Сехтен не стал бы пытаться, не так скоро, — ответил Эридан, наполнив кубок. — Он бы понаблюдал, набрался сил. Умирать второй раз он не хочет, и ему нравятся мои взгляды. Он не причинит мне вреда. Пока что, — он обменялся вежливыми гримасами с проходящим мимо представителем младшего дома. — Быть под таким, как я, ему нравится больше, чем под таким, как его дядя. Я сделал ему интересное предложение. Посмотрим, что он скажет.

Чародейка была заинтригована. Иногда он казался грубым солдафоном, простым и бесхитростным как топор, но порой в нем просыпался хитрый зверь, способный на сюрпризы. Ей хотелось бы знать, что такого он предложил Сехтену, но разговор прервала Илавин, на полной скорости врезавшаяся в Эридана. Тот даже не качнулся от удара, а вот девчонка заверещала, когда белобрысый схватил ее за тонкую ручку. Кьяра заметила, что девушка вцепилась в свернутый на поясе кнут.

— Что это ты задумала? — прорычал эльф, стиснув пальцы.

Завизжав от боли, девушка ударила его электрическим разрядом, но пальцы не разжались. Он заломил ей руку за спину, заставив выпустить кнут, и тот мертвой змеей сполз на пол.

— Зачем тебе мой кнут, а? — грозно просил Эридан.

Ничего не ответив, Илавин взвилась под потолок, выскользнув из рук альбиноса. Подняв с пола кнут, он злобно воскликнул:

— У этой девки что-то с головой!

Кьяра успокаивающе погладила его по плечу, попутно пытаясь оценить реакцию гостей:

— Оригинальный способ привлечь внимание...

Эльфы восприняли это как невинную детскую шалость. Спонтанно вспыхнули разговоры о том, как остроухие чудили в возрасте Илавин, да и сам Эридан быстро остыл и было ввязался в один из ностальгичных разговоров, как вдруг замер, коснувшись правой руки.

— Она украла мое кольцо, — шепнул он. — Хитрая мерзавка!

Последнее он воскликнул в полный голос, подрагивающий от гнева. Кьяра вспомнила этот перстень. Сушья безделица. Серебро, эмаль, герб на лазурном фоне.

— Оно так важно? — шепнула чародейка.

— Оно мне дорого, — прорычал он, но сделав глубокий вдох, вроде успокоился. — У нас есть много обычаев, связанных с такими кольцами.

Делать нечего, придется искать девчонку и отнимать фамильный перстень Эйлеваров. Кьяра перепоручила заботу об Эридане Аруму, а сама отправилась на поиски леди Халирр. Уж она-то должна была утихомирить свое неумное дитя, так некстати затаившееся где-то о дворце. Чародейка нашла леди Амавель в кудахчущей стайке таких же знатных дам.

— Леди Халирр, позвольте на пару слов? — вежливо попросила тифлингесса.

Взяв остроухую под локоть, она отвела ее в сторону, чтобы никто не услышал их

разговора.

— Леди, ваша младшая дочь взяла кое-что, принадлежащее лорду Эйлевару, — шепнула Кьяра. — Боюсь, если она не вернет это в ближайшее время, то гнев падёт не только на неё.

Халирр заметно испугалась:

— О благие феи, этого просто не может быть. Что она украла?

— Фамильное кольцо.

Рыжая удивленно посмотрела на девушку, затем залилась смехом, прикрыв рот рукой. Кьяра удивленно выгнула бровь:

— Поясните, пожалуйста?

— Вы не знаете? — воскликнула Халирр. — Это же Право Хитрого. Если кольцо останется у нее до полуночи, она станет его полноправным владельцем.

Кьяра нетерпеливо взмахнула рукой:

— Мне не знакомы обычаи ваших земель. И что дальше?

— Такие кольца дарят только членам семьи, — продолжила Халирр, отпив из бокала. — Новорожденным или супругам. Ах, моя девочка повзрослела! А я-то делала ставку на старших дочерей. Всего лишь надо было выпустить эту мантикору из башни.

— Это такая помолвка? — кивнула чародейка. — Зря веселитесь, кое у кого совсем нет чувства юмора, и брак может закончиться не начавшись.

Халирр пробормотала какие-то сумрачные угрозы и посулила невероятные кары Эридану, ели хоть волос упадет с головы ее дочери, но Кьяра уже не слушала. В груди нарастало раздражение. Ужасно не нравилось оказываться в дураках и обладать недостаточной информацией. Кто вообще придумал начинать помолвку банальным воровством? Эти эладрины что, совсем безумные?

С таким настроением она вернулась к Эридану. Он был вовлечен в формальную беседу с меньшими домами, но увидев девушку, сразу отстранился от своих будущих вассалов и кинул ей красноречивый взгляд.

— Могли бы и рассказать про ваши обычаи, — сказала Кьяра, раздраженно дернув хвостом, а затем добавила с большей желчью в голосе. — А что девочка дерзкая, тебя не побоялась, как раз как ты любишь. Леди Халирр довольна.

Эридан скривился:

— Кьяра, это не смешно, а унизительно.

От вида его несчастного лица девушку немного отпустило. Он не рад возможности вновь жениться, без собственного на то согласия, и это ее слегка позабавило. Где могла бы затаиться эта девчонка? Среди толпы в тронном зале ее не было видно, а дворец чертовски большой и запутанный. Тифлингесса без особой надежды глянула на потолок, но надо же, воровка сидела как раз на одной из потолочных балок! Сообразив, что ее заметили, Илавин рванула по воздуху, да так быстро, что Кьяра ни за что бы за ней не угналась. Однако чародейка и не думала играть в честные догонялки. Несколько жестов, фраза формулы — и воздух вокруг девчонки подернулся прозрачным маревом. Эльфийка увязла в нем, словно в паутине, и тифлингесса в несколько махов нагнала дерзкую беглянку. Схватив девчонку, чародейка принялась шарить по ее одежде в поиске кольца. Завизжав, Илавин ударила болезненным разрядом, а затем и вовсе, словно дикий зверек, впилась зубами в ладонь тифлингессы. Зашипев, Кьяра стряхнула ее с руки. Представляя, какое же, наверное, со стороны это нелепое зрелище, тифлингессе хотелось поскорее закончить с этим цирком. Наконец, она ловко вырвала из пальцев эльфийки фамильный перстень. Та начала

причитать, что не хочет возвращаться в башню, и пустила потоки слез, но Кьяру было не так-то просто разжалобить. От разыгравшейся сцены у нее резко упало настроение, желание выпить стало нестерпимым. Наплевав на запрет, девушка приземлилась к столу, взяла свободный кубок, до краев наполнила его вином и опрокинула в себя. Хотелось утопить стыд и позор, но алкоголь всегда брал ее с большой неохотой. Тяжело вздохнув, Кьяра направилась к Эридану. Злость быстро отпустила ее, и к эльфу она подошла уже слегка повеселевшей.

— Ну и зрелище это, наверное, было, да? — спросила она. — Ненавижу, когда не могу бить в полную силу, а в полную силу я бы её прибила.

— По мне, ничего страшного, если бы прибила, — фыркнул эльф, — у Халирр еще две невесты.

— Она угрожала, что придется жить, все время оглядываясь.

— Ничего страшного, — ответил он, в голосе послышалась теплота. — У меня есть надежный охранник.

Внезапно Кьяру посетила мысль, что с самого начала вечера она не видела лорда Элаха. Сехтен постоянно маячил перед глазами, пил вино и миловался с танцовщицами, а вот его дядя... Не задумал ли он под шумок выкрасть дочь?

— Кстати, насчёт охраны, — обронила она. — Как охраняется Фистиль? Что-то Элаха давно не видно.

— Уровень запечатан, а охраняют спектры, — задумчиво сказал Эридан и нахмурился. — Ты права, не видел его с самого начала.

Он подозвал Элледина и дал ему наказ проверить комнату Фистиль.

Гвардейцы отправились выполнять поручение, а вокруг Эридана собралась стайка из девиц благородных домов. Майяр, ее младшая сестра и дамочка из Дхоэль. Эльф старался вести вежливую беседу, но в глазах тифлингесса разглядела бездну тоски.

Кьяра оставила его наедине с барышнями, чтобы обновить заклинание языков. Она застала Зариллона рассказывающим очень милой танцовщице принцип начертания формулы телепортации. Судя по взгляду эльфийки, она ничерта не понимала, но мило кивала и потчевала мага вином из волшебной кружки, когда он делал небольшие паузы между репликами. Кому-то ночью будет очень весело. Обновив заклинание, тифлингесса вернулась к Эридану и застала любопытную картину. Майяр и ее сестра дулись где-то поодаль, а белобрысый беззастенчиво флиртовал с Арласпор. Она уже хотела обидеться, но её насторожила слишком резкая смена отношения, ведь изначально он на неё даже толком не взглянул. Чародейка воспользовалась магическим анализом и увидела в плетении признаки магии очарования. Мерзавка просто околдовала его. Взмахом руки тифлингесса развеяла наложенные чары, и несостоявшаяся соблазнительница поспешила скрыться в толпе. Эридан удивленно моргнул, не понимая, что произошло, а затем сжал кулаки так, что костяшки обескровлено побелели.

— Я убью ее, — тихо прорычал он.

Эридан смертельно не любил, когда его разум одурманивали, и сейчас он взбесился ни на шутку.

— Сделаем вид, что ничего не было, — шепнула тифлингесса, пытаясь успокоить его.

Эльф обернулся на шепот, и Кьяра с ужасом заметила, что его радужки покраснели. Зловещий знак. Сейчас он не слышал доводов разума и мог совершить непоправимое.

— Эридан, не надо, пожалуйста, — взмолилась она, пытаясь достучаться до эльфа, но

злая сила была глуха к мольбам.

Словно дикий зверь, Эридан кинулся в погоню за Арласшор. Кьяра, тихо матерясь на инфернальном, побежала следом за ним. Крылья мешали ей лавировать в толпе, на какое-то мгновение она потеряла очерченный красным сиянием силуэт из виду, а затем услышала вздох топы. Метнувшись на звук, обнаружила, что Эридан уже догнал девушку и, схватив за шею, поднял над землей, до уровня своих глаз. Еще немного, и ей конец.

Кьяра кинулась на колени, не жалея дорогого платья:

— Ваше Величество, позвольте леди высказаться прежде, чем вершить свою скорою расправу.

Посмотрев на коленопреклонную тифлингессу, эльф отпустил эльфийку, глаза вновь стали голубыми, а разуму вернулась былая трезвость.

— Я знаю, ты колдовала против меня, — зло, но спокойно сказал он, глядя на валяющуюся на полу эльфийку, у которой от страха, кажется, отказали ноги. — Я могу спустить милые шалости неразумных детей, но не порабощение разума. Ты здорово пожалеешь, что совершила подобное, это будет в назидание тем, кто пожелает повторить твой подвиг.

Он вытащил из-за пояса кнут, извивы туго сплетенной кожи потекли из его руки, смолянисто поблескивая в красноватом ореоле.

— Ты хотела поставить меня на колени своей магией? Встань на колени сама. Почувствуй, каково это.

Кьяра покорно отступила в сторону. Справедливое наказание. Главное, что не убийство. Арласшор жалко опустилась на четвереньки, склонив голову. Толпа с интересом наблюдала за происходящим, никто не пытался помешать Эридану, но когда эльф сделал замах кнутом, перед ним выскочил паренек, бывший поводырем слепой леди, и выпалил:

— Бросаю вам вызов!

Он выхватил двуручник, который мгновенно занялся пламенем, и прежде, чем Эридан успел отреагировать, нанес сокрушительный удар. Разрубленный на части кнут, дымясь, упал на пол. Белобрысый отшатнулся, хватаясь за живот. Лицо — белая маска боли, подбородку потекла тонкая струйка крови, и согнутое в муке тело говорило — дело дрянь. Из толпы вынырнула вторая фигура. Блеснуло лезвие, клинок вошел в спину альбиноса.

Вскрикнув, Кьяра призвала на помощь магию. Два потрескивающих разряда нашли своих жертв. Завопив от боли, паренек из Дхоэль выпустил из рук волшебный меч, и в тот же миг Эридан прошил его насквозь сияющим клинком, а затем, обернувшись, наотмашь ударил по второму противнику. Кашляя кровью, парнишка осел на пол, несостоявшийся убийца закричал, баюкая обрубок руки, но второй удар оборвал его вой.

Арум ринулся помочь Эридану, но тот остановил его взмахом руки. С усилием выпрямившись, бросил на толпу яростный взгляд, мол, “выходите, падаль, вас я тоже положу”. Во всяком случае, именно такие слова пронеслись в голове тифлингессы. Сердце все еще сильно билось после случившегося. По толпе прокатился гул шепотков, но никто не спешил рисковать своей жизнью. Кьяра бросила взгляд на лицо того, что ударил в спину. Один из головорезов Керам, то-то они так подозрительно смотрели на белобрысого. Ждали удобного момента, но знатно просчитались. Этому парню достаточно было выждать конца первого поединка, и тогда у него был бы шанс, но вероломный шаг развязал чародейке руки.

Среди толпы мелькнуло недовольное лицо Элаха. Глава дома Терим явно ожидал другого исхода, и девушка произвольно обнажила клыки.

Эридан еще немного подождал, взглядываясь в толпу, затем сплюнул кровь и поковылял в сторону Арума. Каждый шаг причинял ему сильную боль. Встревоженный жрец снял с эльфа камзол и рубашку, а Кьяра внимательно следила по сторонам, готовая отразить нападение.

— Кошмар, — прошипел Арум, оглядев рану эльфа. — Если бы не прижгло, выпустил бы кишки, но и без того паршиво. Тебе оставалось несколько минут. Еще бы там картинно постоял, и все.

— Ты тут лекарь, — простонал Эридан, — так и лечи... а мне оставь театральные позы.

Фыркнув, драконид приступил к заклинательству, а Кьяра задумчиво заметила:

— Все меньше мужчин в великих домах...

— Меня будут называть Вдоводелом, — усмехнулся эльф, поморщился от боли, а драконид шикнул на него, чтобы не дергался.

Толпа, минутою назад в ужасе наблюдавшая произошедшее, вернулась к обильным возлияниям, смеху, танцам и флирту. Слуги унесли тела, а кровь исчезла с пола. О трагическом моменте напоминала только разорванная и покрытая пятнами крови одежда Эридана.

Наконец Эйлевар остановил Арума:

— Достаточно. Побереги до экстренного случая.

“Какой же вредный”, - подумала Кьяра, но ни она, ни Арум не стали спорить. Эльф натянул окровавленную одежду, и тифлингессе тихо шепнула ему:

— Я испугалась за тебя.

— Я и сам в какой-то момент испугался, — признался белобрысый, застегивая пуговицы камзола. — Он взял неожиданностью. Когда ударил в живот, я решил, что это конец, и что смерть моя будет очень глупой.

— Элах расстроился, что покушение не удалось, — поделилась она своими наблюдениями.

— Ты что-то видела?

Девушка пожала плечами. Да, она видела, как Элаха расстроило неудавшееся покушение, но это не доказывало его причастность. Эридану не нужен веский повод, чтобы учинить расправу над человеком. Девушка решила дожидаться куда более явных доказательств.

— Я был близок, — покачал головой альбинос, затем немного приободрился. — Но все хорошо кончилось, церемония продолжается.

“Скорей бы уже закончилась”, — с тоской подумала Кьяра, следуя за ним в толпу.

Вскоре вернулся Элледин. Фистиль была на месте, магические печати никто не тронул, и охрана цела.

Как и сказал Эридан, церемония продолжилась. Гости напивались, играла музыка, кто-то танцевал, а кто-то вовсе домогался до хорошеньких девушек из обслуги. Альбинос много времени проводил с младшими домами, перемежая это с приятным общением с Кифель и Сехтенном, старательно избегая вдрызг пьяных женщин. Наконец он шепнул тифлингессе:

— Скоро присяга. Будь готова.

Девушка обновила заклинание языков и вернулась как раз к началу ритуала. Гости отхлынули от кромки огромного магического круга, письмена загадочно засветились. Эридан встал на один из символов.

— Сегодня мы пожертвовали много крови этой земле, — торжественно произнес он, —

и пусть она ответит нам обильным урожаем. На круге, связующем кровь и землю, я объявляю себя Летним Королем, доказав силу и стойкость.

Вскрыв ладонь кинжалом, он окропил кровью символ, на котором стоял, и тот обдал его вспышкой света.

— Я коронован кругами земли и неба, — продолжил эльф. — Кто встанет в круг и присягнет мне на верность?

Леди Кифель вышла вперед:

— Дом Нилас присягает.

Следом выступила леди Халирр:

— Я подтверждаю присягу перед землёй и небом.

Лорд Калар сделал шаг, и по толпе прокатилась волна удивленного шепота:

— Дом Селани присягает.

Следом в верности поклялись Трабрар, Эльраиль и Малдет. Леди Аринар Керам шагнула в круг и хотела было произнести фразу присяги, но Эридан воскликнул:

— Стой!

Женщина вздрогнула всем телом, замолкнув на полуслове, а белобрысый продолжил, приблизившись к ней:

— Ваш воин вероломно напал на меня во время дуэли. Не верю, что вы непричастны. Это было против закона и чести, и вы знаете, чем придется заплатить.

Его слова зловеще прозвучали в повисшей тишине. Сверкнуло солнечное лезвие, и Эридан занес меч над перепуганной женщиной.

— Господин, пощадите! — взмолилась она, упав на колени.

— Тебе нечем выменять свою жизнь, — зловеще произнес эльф, но Кьяра заметила, что это блеф.

— Я все расскажу! — малодушно воскликнула Аринар.

Эльф ухмыльнулся:

— Я слушаю.

— Дом Терим сделал выгодное предложение, в обмен на ваше убийство, — не вставая с колен начала рассказывать эльфийка, — мы лишь выполняли указания лорда Элаха. Взамен наши дома должны были объединиться. Он сулил нам могущество королевы Мэб и процветание под ее началом.

— Вот как, — протянул Эридан, слегка опустив клинок. — Два великих дома объединились против меня...

— Три, — поправила Аринар, — дом Дхоэль должен был отвлечь ваше внимание. Все пошло не по плану, но в итоге они справились с задачей.

Последние слова удивили белобрысого. Он бросил взгляд на слепую леди, та сжала губы в тонкую полоску. Однако Эридан быстро справился с удивлением.

— Лорд Элах! — воскликнул он, оборачиваясь в сторону главы дома Терим. — Вы... разочаровали меня. Мне надоели эти подковерные игры. Схватить его!

Гвардейцы кинулись к зеленоглазому, скрутили и потащили к Эйлевару. Сехтен схватился за рукоять меча, но почему-то остановился с задумчивым выражением лица. Заметив промедление племянника, Элах зло стиснул зубы.

— Лорд Элах, я предупреждал снова и снова, но вы упрямо не желаете признать новый порядок, — надменно протянул белобрысый, глаза его горели злобой. — Вероятно, вы любите свою дочь гораздо меньше власти, и мне это противно. Вам пора на покой.

Поставьте лорда в круг!

Гвардейцы поволокли зеленоглазого к формуле, а Сехтен все-таки выхватил клинок.

— Мой дядя не лучший из людей, — воскликнул он, направляя меч на Эридана, — но я не желаю его смерти.

— Я не убью его, — спокойно ответил Эйлевар, ничуть не смущаясь упершегося в грудь лезвия. — Я дам ему покой. Очевидно, что власть дарила ему лишь беспокойство, заставляла воспринимать близких как орудие, — он обернулся к главе дома. — Лорд Элах, отныне вы больше не имеете власти. Вы лишаетесь всех званий, титулов и привилегий, как и ваши дети. Отныне ваша семья — простые смертные. Родовой замок отныне вам не принадлежит. Думаю, ваш брат не будет против, особенно после того, как вы кинули племянника под нож. Не беспокойтесь, я позабочусь о вас. Вы проведёте остаток своих дней в заточении, под моей опекой. У вас будет много времени подумать о последствиях своих действий.

— Сехтен! — воскликнул Элах, обращаясь к замершему в нерешительности племяннику. — Ты так это оставишь? Ты всегда хотел власти, а теперь нас лишают последнего!

Но Сехтен и не думал нападать. Наоборот, он опустил меч.

— Дядя, я всегда хотел власти, — сказал он, — но вместо этого получал лишь направление движения. Вы очень долго манипулировали мной. Может быть, дому Терим пора умереть. Он веками поклонялся ныне мертвой Титании. Все кончено, дядя.

Сталь нырнула в ножны, и, приосанившись, Сехтен продолжил:

— Я положу начало новому дому. Мы больше не будем полагаться на могущество архифей и прочих тварей.

— Ты не имеешь такой власти, Сехтен, — зло выплюнул Элах.

— Почему же? — возразил Эридан. — Я здесь власть, имею право отнимать и дарить ее, кому посчитаю нужным. Дом Терим окончил свое существование. Да здравствует дом... — он на мгновение задумался, — Авелик.

Шрамолиций не смог скрыть удивления. Улыбнувшись, Эридан хлопнул его по плечу:

— Тебе решать. Ты знаешь цену.

— Что станет с Фистиль? — спросил Сехтен.

— Она больше не леди благородного происхождения, — ответил белобрысый. — Брак с ней теперь не может иметь политической подоплеки. Удерживать ее уже не имеет смысла. Ты можешь взять ее под опеку, как свою низкородную сестру.

Тот кивнул, согласившись с условиями, и его дядя пораженно уставился на него. Поймав этот полный недоумения взгляд, Сехтен сказал:

— Простите, дядя. Я, наконец, могу стать кем хочу, здесь и сейчас. Я устал ждать.

Эридан махнул рукой, и гвардейцы поволокли бывшего лорда прочь из тронного зала. Наконец самообладание изменило зеленоглазому. Забившись в руках охраны, он истерично завопил:

— Сехтен, ты предал свою семью! Ты связался с тем, кто уничтожил весь свой род, эту землю, и ради чего?!

Скрестив руки на груди, его племянник спокойно ответил:

— Ради власти и славы. Некоторые уроки я усвоил очень хорошо.

Пораженный таким ответом, Элах смолк, а через несколько секунд за ним захлопнулись двери.

— Леди Кавахар, выйдите в круг, — приказал Эридан, и Арласшор вывела вперед

слепую эльфийку. Оглядев женщину, белобрысый едко заметил. — Не ожидал от дома мудрецов такой глупости. Вероятно то, что вы видите будущее — очередная выдумка.

— Я не люблю лорда Элаха, — спокойно ответила женщина, — но я стара, как и он, и его мне понять проще. Вы непонятны мне, Эйлевар, как и были непонятны Титании. Это я посоветовала держать вас в узде, — ее лицо скривилось в гримасе не то злобы, не то страха, а может и презрения. — Вы не эльф, лорд Эйлевар. Что угодно, но не эльф.

— Вы ошибаетесь, — ухмыльнулся белобрысый, подойдя ближе. — Вам просто сложно признать, что я такой же расы, что и вы. Вы опять же использовали детей. Низко, очень низко.

— Что вы сделаете? — лицо леди Кавахар искривилось в горькой усмешке. — Убьете? Лишите привилегий? На что ещё вам хватит фантазии?

— Вашим наказанием станет позор, — спокойно ответил эльф, — за то, что вам не хватило смелости и мудрости, за то, что поддались уговорам старого труса, — он посмотрел на Арласшор. — Сколько раз ты пыталась очаровать меня, милая?

— Один, — испуганно ответила девушка, потупив взгляд.

Эридан сжал ее миленький подбородок, и эльфийка испуганно пискнула.

— Ты врешь, — констатировал альбинос, посмотрев в золотистые глаза. — Ладно.

Он вытащил игральную кость из сферы, висящей на шее, подкинул на ладони, посмотрел результат.

— Вам повезло, всего два удара, — произнес он, затем немного задумался. — Три. Один за ложь.

Слуги принесли новый кнут взамен изрубленного мечом. Эльф отстегал двух женщин по идеальным спинам. Кавахар пережила экзекуцию стоически, а вот нежная Арласшор рыдала и умоляла прекратить после каждого кровавого разреза, оставленного на коже. Леди Аринар, так и не осмелившаяся встать с колен, заслоняла лицо руками и вздрагивала после каждого болезненного вскрика.

Подарив каждой по три удара, Эридан кинул окровавленный кнут на пол:

— Вы сами решаете, что получить — удар или возвышение.

Он повернулся в сторону главы дома Керам, которая продолжала закрывать лицо руками:

— Леди Аринар, вы оказались очень полезны в раскрытии заговора, но вместе с тем вы и сами участвовали в этом заговоре. Кроме того, показали себя трусливым существом, не способным управлять великим домом. Я отстраняю вас. Вы не лишаетесь имени, но ваш дом должен выбрать нового главу. Ко всему прочему, я облагаю вас двойной данью, и если не будете платить ее, уничтожу ваш жалкий муравейник и медленно растопчу каждого, кто носит имя Керам. Вы будете служить мне, или я уничтожу саму память о вашем существовании.

Последние несколько фраз он произнес таким зловещим тоном, что Аринар окончательно превратилась в жалкую бабу.

— Дом Керам будет служить вам, — плаксиво и покорно произнесла она, и оставшийся в живых головорез смерил ее презрительным взглядом.

Ритуал продолжился. Все без исключения меньшие дома, что откликнулись на зов, присягнули Эридану. Со словами последней клятвы, формула осенила белобрысого ярким всполохом света. Эладрины подняли кубки, празднуя коронацию нового владыки Летнего Царства, Эридан стал полноправным королем.

Праздник продолжился. Гости упились, и официальный прием постепенно стал походить на оргию.

— Теперь совсем как дома, — вздохнул Эридан, обойдя группу занимающихся сексом эльфов.

— Я ожидала больше скромности, — пробормотала Кьяра. — Гвардия и то приличнее себя ведёт, хотя и низкородные.

— Чем гуще кровь, тем сильнее гниение, — объяснил эльф. — Мои ребята всё-таки понимают, что такое порядок.

Потеря крови сделало свое дело: у Эридана закружилась голова, в глазах встала черная пелена, в ушах зашумело. Он обессилено оперся о стол, чуть не свернув несколько тарелок. Зеленовласая Намиас Селани заботливо подхватила его под локоть:

— Вам нехорошо, Ваше Величество? Вы очень бледны. Не беспокойтесь, я поддержу вас. Не хотите ли прогуляться?

Кьяра настороженно дернула хвостом, проверяя, не плетет ли эта плутовка какой-нибудь вредоносной магии, но чутье ничего не обнаружило. Кроме того, спустя секунду Эридан сам отстранился от нее, пробормотав:

— Спасибо, но нет.

Он продолжил бродить по залу, отказываясь от участия в оргиях, чем вызывал недоумение у своих вассалов. Кьяра невольно подумала, что не будь ее бдительного присмотра, то, может, и согласился бы. Она бы не удивилась, учитывая окружение, в котором он вырос, и те примеры, которые видел с малолетства.

После нескольких полуобморочных приступов, Эридан все-таки сказал:

— Мне нужно на воздух...

Кьяра повела его к подъемнику, полюбоваться вечным закатом и подышать запахами летней зелени. Шум кутежа здесь был почти неслышен, а ветер приносил со стены отголоски свежего снега, напоминая о замершей на пороге лета белой равнине. Окончательно спустившись, они совершенно неожиданно вновь встретились с Намиас, которая, казалось, давно прогуливалась здесь.

— Вы всё-таки решили пройтись? Обидно, что меня вы проигнорировали, — с улыбкой сказала она, блеснув ярко-зелеными глазами.

— Прощу прощения, — выдавил эльф.

— Как можно на вас обижаться? — ответила зеленая и снова взяла его под локоть, словно старая подруга. — Вы же король. Покажете, как у вас здесь все устроено?

Держась чуть позади, тифлингесса настороженно наблюдала за происходящим, но не вмешивалась. Пока не происходило ничего подозрительного, кроме того, что Эридан был необычно шелковым, но это можно было объяснить усталостью и слабостью после ранений. Он проводил её по всей площадке, показал казармы и подъемный механизм, загон с волками.

— А там что? — спросила она, указав на одинокое строение чуть поодаль.

— Там кошмар, — как ни в чем ни бывало ответил Эридан, и для чародейки это оказалось последней каплей: уж про исчадие он бы точно не стал рассказывать какой-то малознакомой девице!

Снова прощупав эльфа магическим чутьем, девушка обнаружила следы хитро сплетенного волшебства, поработавшего разум. Ощущалось что-то до боли знакомое, из Нижних Миров. Кьяра взмахнула рукой, развеивая заклинание, и Намиас, отпрыгнув от

эльфа, растворилась в воздухе, словно морок. Эридан оглянулся по сторонам.

— Она была в голове, — сказал он Кьяре. — Задавала вопросы. Все, что касалось Маммона и камня, а я просто не мог не отвечать.

— Прости, что сразу не раскусила ее...

Кьяра слегка повесила нос. Из-за ее недогляда важна информация оказалась в чужих руках, с неизвестными для них последствиями. Эльф успокаивающе погладил ее по плечу:

— Ты бы не смогла. Она давала мне команды.

Немного помолчав, он добавил:

— Это сила суккуба, однозначно. Все интересней. Если они хотели вызвать любопытство, то они даже перестарались.

— То-то Калар так безошибочно определил, что серой пахнет не от меня, — кивнув, ответила девушка.

Эльф снова поморщился, схватившись за голову.

— Я уже ни на что не способен, — сказал он. — У меня нет сил радоваться, что жив и коронован.

— Тогда пошли спать, — предложила тифлингесса.

Пройдя через тронный зал, они отпустили Зариллона отдыхать и оставили Элледина за главного, следить, чтобы гости насмерть не передрались. Сделав слугам наказ накрыть столик в спальне снедью, принесенной прямиком из кухни, и кувшинчиком хорошего вина, они отправились в покои.

Проходя через сад, Кьяра немного замешкалась, выуживая из кустов спрятанную волшебную сумку.

Бом! — словно кто-то ударил в невероятных размеров колокол. Волна низкого громкого звука чуть не сбила девушку с ног, а Эридана и вовсе опрокинула на пол. Девушка подбежала к нему, помогла встать и заметила, что из его уха струится кровь. Волшебное кольцо поправит это, но все равно очень неприятное повреждение. Оглядевшись, девушка заметила на полу полупрозрачные символы. Взрывные руны. Их сложно заметить, и они могут быть весьма опасными. Кто-то потратил не менее четырех часов, чтобы установить ловушку, и учитывая, что это — единственный путь в королевские покои, ясно как день, для кого она предназначалась. Развеив вредоносную магию, они направились к лестнице наверх. На шум прибежала охрана, но Эридан отправил их восвояси, следить за гостями.

В спальне эльф вновь согнулся от приступа боли, а затем вдруг рассмеялся к вящему удивлению тифлингессы.

— Меня отравили, — объяснил он сквозь смех, присаживаясь на край кровати. — Меня обольщали, порабощали, предавали, пытались женить, рубили, жгли, очаровывали и обманывали. Без отравления день был бы потерян.

Вздыхнув, тифлингесса достала одно из редких зелий, что хранились в сумке. Эридан выпил снадобье, и боль отпустила его. Девушке оставалось только догадываться, когда его могли отравить. Во время приема эльф ничего не ел, а незадолго до этих событий он и вовсе ничего не пил.

Слуги принесли поднос с хлебом, мясом и сочным виноградом. Первым делом белокрысый сделал хороший глоток прямо из кувшина с вином, не размениваясь на мелочи вроде кубков. Они накинулись на еду, словно два оголодавших зверя. Выпитое залпом вино ударило в голову, и Эридан почувствовал, что захмелел. Заметив это, девушка с удовольствием подразнила его, а затем потянула в купальню. Эридану нужно было смыть с

себя кровь. Теплая вода ласкала кожу и дарила чувство легкости. Хорошенько вымывшись, эльф долго разглядывал новый розовый шрам, пересекающий живот: напоминание о страшной ране, чуть не перечеркнувшей его жизнь. Этот день был настоящей квинтэссенцией традиций Страны Фей: смерть и новое начало, круговорот крови и страсти. Лихорадочный, кипящий жизнью мир, где можно одинаково восхищаться прекрасным горным водопадом и потоком крови из вскрытого горла. Он не любил хаос, но его всегда гипнотизировала жестокая красота.... Оставалось только догадываться, сожрет ли его этот мир, подчинится ли или, как и прежде, останется к нему глух к нему?

После купания Кьяра долго разминала ему спину, пока белобрысый совсем не расслабился и не превратился в мягкого распластавшегося на кровати кота.

— Эксплуатирую тебя нещадно, — пробормотал он, прикрыв глаза. — Как ты только выживаешь?

— Не знаю. Надо подумать о побеге, — ответила девушка, устроившись рядом.

— И даже скучать не будешь?

— Наверное, буду, если вспомню. Могли бы сразу сказать...

Она вспомнила, что, покинув Страну Фей можно потерять воспоминания обо всем проведенном там времени, а ей этого не хотелось. Здесь случилось столько хорошего и плохого, о чем она хотела бы сохранить воспоминания.

Эльф повернул к ней голову:

— Я подумал, что это будет выглядеть, как попытка повлиять на твое решение. А тогда, с Дриманом, думал, что все равно умру, зачем тебе помнить такое? Думал, что тебе захочется вернуться к семье, решил не усложнять.

Кьяра окинула его взглядом и вдруг тяжело вздохнула:

— Какой ты иногда дурак.

Она завернулась в одеяло и вскоре засопела, погружившись в сон, а Эридан еще долго не мог заснуть. “Да, я дурак”, - думал он, — “у меня никак не получается понять, что происходит в твоей голове. Будь у меня дочь, я бы хотел находиться рядом с ней. Смотреть, как она растет, радоваться, утешать. Я тебя не понимаю... Не понимаю”.

Глава 16. Прочь из клетки?

Кьяра проснулась поздно утром. Так хорошо. Сквозь плотную ткань портьер не пробивалось ни одного луча, но тело говорило: “Пора”. Рядом раздавалось мерное дыхание. Волосы Эридана разметались по лицу, глаза плотно закрыты, рот расслаблен. Тифлингесса привыкла, что он вставал задолго до нее и уходил по делам. Иногда дожидался ее пробуждения, но никогда она не заставляла его в транс. Да и транс ли это? Больше похоже на обычный сон, каким спят прочие создания.

Соскользнув с кровати, девушка занялась утренним туалетом. Когда она вернулась в спальню, эльф все ещё спал. Она потрясла его за плечо. Эридан неохотно открыл глаза:

— Что?.. Я долго был в транс?

— Да, — кивнула девушка, присаживаясь на край кровати, — и это было больше похоже на обычный сон.

Эльф потер глаза:

— Иногда у меня бывает глубокий и долгий транс. Ничего страшного. Странная особенность.

Она пожала плечами:

— Может и показалось. Надо понаблюдать. Вдруг ты ещё и человеком станешь.

Кьяра бесцеремонно дернула его за кончик уха.

— Эй! — воскликнул он, отбиваясь от ее руки. — Если я и стану человеком, то, конечно, таким же неотразимым, но к острым ушам я уже привык.

Ловко обойдя его защиту, тифлингесса вновь дернула за ухо, но на этот раз больней:

— Самомнение у вас, Ваше Величество!

— Я не виноват, что мир щедро одарил меня достоинствами, — нахально ответил он, вновь отведя когтистую руку. В глазах при этом плясали озорные искорки, и Кьяра поняла, что он просто дразнит ее. Они забарахтались в шутливой борьбе.

— Что у нас сегодня по плану? — спросила она, когда они вдоволь набесились.

— Много дел. Разгрести бардак, который вчера устроили гости, продолжать развлекать их. Не хочу спускаться, — вздохнул Эридан, подперев лицо кулаком.

— Не хочешь, а надо. Кто там про долг и обязанности говорил? — фыркнула девушка, поднимаясь с постели.

— Я теперь царственная особа, могу и побыть неженкой.

Скорчив презрительную мину, Кьяра дернула хвостом в раздражении. Эридану совсем не шло это амплуа изнеженного и капризного аристократа, особенно после того, что она увидела вчера на коронации. К ее удивлению, хвост оказался в цепком захвате его пальцев. Дерг! — с нескрываемым удовольствием эльф игрался с её хвостом. Разозлившись, Кьяра зашипела и в ярости замахнулась на него когтями, эльф даже не шелохнулся. В его взгляде мелькнуло любопытство: что же сделает? Рука словно тиски, из нее не вывернуться.

— Отпустите мой хвост, — приказала Кьяра, и король удивленно приподнял брови.

— Ты мне приказываешь? Ты не можешь мне приказывать. Можешь попросить, — и вновь дернул.

“Вот еще!” — подумала девушка и злобно зарычала. Эридан вскипел. “Она мне приказывает! Никто не смеет мне приказывать!” — пронеслось в голове, и рука яростно сжала бедный хвост, заставив тифлингессу зашипеть от боли. Еще немного и хрупкие кости

треснут.

— Никому не позволю манипулировать собой! Не смей делать этого!

Хвост в руке отчаянно затрепыхался, словно выброшенная на берег рыба, и эльф заставил себя разжать ладонь. Как только хватка ослабилась, Кьяра выскочила из спальни, чуть не сорвав крылом балдахин. “Зачем она сказала это?”- лихорадочно пронеслось в голове Эридана. — “Думает, что если спим вместе, то можно вертеть мною, как ей хочется?”. От этих мыслей злость вскипела сильнее, и, стараясь сдерживать ее пожар, он кинул ей вслед:

— Делай, что хочешь, сегодня ты свободна.

— Я и так свободна делать, что хочу, — бросила девушка через плечо. Она уже шла по коридору, прочь из этого места. Его тон был оскорбителен, словно она прислуга. “Я тебе не служанка”, - с обидой подумала Кьяра.

— Ты принадлежишь мне, и это мне решать! — донеслось из-за спины, а затем — треск ломающегося дерева, звон стекла и стук каменного крошева по полу.

“Ублюдок Бафомета снова слетел с катушек”, - подумала чародейка, не думая останавливаться. Не хотелось с ним разговаривать. Хотелось просто сбежать.

— Ты ещё смеешь игнорировать меня? — прокричал он, догоняя девушку в два широких шага. — А ну стой, пока я с тобой разговариваю!

Кьяра развернулась, продемонстрировав злобный оскал.

— Так-то лучше! — воскликнул он.

В груди у Кьяры заклокотала злость.

— Надо было оставить колечко той Амавель! — прорычала она. — Вот ей бы и внушал про “принадлежать”, “как ты смеешь”, бил бы в свое удовольствие!

Его глаза яростно вспыхнули, и он желчно спросил:

— Так почему не оставила? Была бы гостем на свадьбе!

— Пожалела, — презрительно процедила тифлингесса, — и была бы гостем, что с того? Напилась бы в свое удовольствие и нашла любовника посимпатичней. Есть несколько мордашек на примете, ничего бы не останавливало.

Его глаза округлились, и он уже не мог сдержать ярости:

— Мордашек, залитых кровью, это ты имеешь в виду? Только посмей, Кьяра, и я сам уже не буду сдерживаться!...

Эридан балансировал на краю черной ямы в своем сердце. Там, на дне, проявилась картина залитого кровью лица девушки, свист кнута, крик боли, безликие тела, зверски изувеченные его руками. Он сделал свистящий вдох сквозь зубы, соприкоснул пальцы и удержался от падения.

— Сама меня провоцируешь, а потом строишь оскорбленную! — прорычал он, сдержав пагубное, черное чувство. — Не понимаю, чего ждать от тебя! Может я был слишком мягок, и ты решила, что сможешь продавить меня? Что у тебя в голове?

Хвост тифлингессы трепетал как у гремучей змеи, и она ответила злым молчанием, не сводя яростного взгляда. “Пусть только попробует ударить, я его...” — подумала она.

Заглянув в серебристые глаза, Эридан почувствовал усталость.

— Ты как стена, глухая и немая, — с холодом произнес он, прежде, чем развернуться и пойти обратно.

В голове был полный бардак. “Еще вчера была готова пустить кровь за меня, а сегодня — приказывает, словно ручной собачонке. Знает, что я без ума от ее тела и когтей, поймала на крючок и теперь хочет вить веревки? Я снова обманулся?”. Содрогнувшись от этой

мысли, он заперся в кабинете. Работа помогла прогнать образ Кьяры в чужих объятиях и чувство внезапной ревности.

Беснуясь, Кьяра кинулась в казармы. Чертовски хотелось выпить. “Если я для него служанка, то лучше уйти” — зло думала она, сбегая по ступеням. — “Я и так засиделась на одном месте”.

Тронный зал был вычищен после вчерашнего. За небольшим столом сидело несколько господ, среди которых она узнала Тоавеля, Кифель, Калара и Намиас. Намиас! Кьяра была уверена, что после вчерашнего эта странная женщина исчезнет без следа, но гляди-ка... “Это проблемы Эридана”, — поправила себя девушка. Все, хватит с нее этой игры в благородную.

Прошмыгнув мимо гостей, она спустилась к загону для волков. Тепло поздоровалась с Лафусом и Меллотом, заступившими на полуденное дежурство. Скаг сладко спал, придавленный своей волчицей. “Как хорошо быть зверем, никаких тебе человеческих проблем”, — подумала она, ласково взъерошив белую шерсть.

Закат как всегда был очень красив. Яркие краски просачивались в щели волчьего загона, такого по-зимнему холодного. Захотелось полетать. Кьяра шагнула через парапет, расправила крылья и отдалась на волю восходящих потоков. Прямо в полете обернулась драконом и, распугивая птиц, закружила над лесом. Вдоволь налетавшись, проведала гвардейцев.

— Я сбежала от господ и буду скрываться, мне хватило вчерашнего дня, — сказала она, и ведь даже не соврала.

Очень хотелось есть, но в сумке был только бурдюк с вином. Смеясь и балагурия с остроухими, она уговорила его полностью, и вино немного ударило в голову, поэтому, когда Задар собрался было вновь учить ее языку, девушка не смогла уловить сути.

— Ты какая-то не такая, — сказал он, окончательно сдавшись. — Толку от тебя сегодня ноль, и пить за учебой — это несерьезно.

— Обычно я так не делаю, — проворчала Кьяра.

— Случилось что-то?

— Нет, — помотала головой Кьяра, — просто накопилось.

Незачем им знать об этой ссоре, это личное.

— Эти, — красноволосый кивнул на вчерашних дежурных, — толком ничего не могут рассказать, но у Сумана засос на шее, а это вызывает вопросы!

— Я ударился, — ответил бирюзовый, сохраняя непроницаемое выражение лица.

— Да-да, так мы и поверили, — фыркнула тифлингесса. — Я весь вечер ходила хвостиком за Его Величеством и страдала от нехватки внимания, — она наигранно вздохнула, состроив скорбное выражение лица. — Наверное, слишком скромно одеваюсь и ни на кого не вешаюсь.

— Эти господа просто слепые, — возразил Лаемар, — но может оно и к лучшему. Среди них нет равных нам!

Он рассмеялся, остальные подхватили, и девушке стало легко и хорошо. Ей будет не хватать этих разноцветных весельчаков.

— Суман, мне интересно, — не унимался Задар, — это тебя служанка или госпожа избил? И, главное, когда?

— Секрет, — загадочно улыбнулся бирюзовый.

Еще немного посидев с ними, она забежала на кухню взять еды и наполнить бурдюки. Проходя по тронному залу в направлении своей комнаты, она столкнулась с лордом Каларом

и мысленно ругнулась. Разговаривать ни с кем из господ ей категорически не хотелось.

— Добрый вечер, лорд Калар, — поздоровалась она на общем.

— Добрый, — ответил Селани, тоже на общем. — Не при Его Величестве сегодня? В разве не советник?

— Сегодня у меня заслуженный выходной, — ответила она, с трудом скрывая раздражение.

— У знатных господ не бывает выходных, — возразил он, — хотя... Вы ведь не из знатных? Высоко поднялись, можно только похвалить.

Девушка напряглась, но сохранила видимое спокойствие.

— Все переменчиво, кто-то поднимается, кто-то падает, — скучающим тоном сказала она. — Вот как лорд Элах... Уже не лорд, что же это я.

— Родители могли бы вами гордиться.

— Пожалуй, но, к сожалению, они давно мертвы, — сказала Кьяра, надеясь, что подобный поворот разговора заставит собеседника ретироваться.

— Какая трагедия, — покачал головой Калар. — Они успели узнать, что вы спасли мир?

Девушка поменялась в лице, но вовремя опомнилась и восстановила контроль над эмоциями:

— Вы на удивление хорошо осведомлены о делах других миров.

— Я много путешествовал. Почти всю жизнь, а я уже близок к трансцендентности. Не все то, чем кажется. Приятного вечера.

Он откланялся, мимолетно улыбнувшись, и Кьяра с удивлением увидела, что его клыки такие же острые и длинные, как и у нее. Не поверив своим глазам, она использовала магическое зрение. Не иллюзия. А еще — легкий след магии прорицания. Кажется, он незаметно прочитал ее мысли. Инкуб? Нет, ощущения не такие. Инкуб бы поработил волю и заставил мысленно рассказать все на свете, а здесь — деликатное зондирование, да такое ловкое, что она ничего не заметила. Кто такой этот Селани? Что такое трансцендентность? Когда-то она уже слышала об этом понятии. Что-то, связанное с эльфами. Настроение вновь резко упало.

Она заперлась в комнате, и после благодарственной молитвы Тиморе за удачу на коронации, вновь погрузилась в думы. “А не послать ли все в Бездну?” — размышляла она. — “О волках хорошо заботятся, да и куда Скаг без своей стаи и подружки. Эльф... достиг некоторых целей. Спасением из плена карг я сполна отплатила за возвращение души, больше я ничего ему не должна. Пусть теперь доделывает свои дела, правит королевством, а я уже достаточно потрудились. Где-то там ждет Мыша. Сильно ее не хватает, да и бросить ее там, одной — предательство. Надо воскресить Эрту, и, может, отправиться с ней на Север, где все просто и понятно”. Наверное, так и следовало поступить. Уйти и постараться все забыть. С этими мыслями она легла спать.

Первым делом после пробуждения Кьяра спустилась в лазарет, чтобы проведать Арума. Он как раз проводил занятие для учеников, но, увидев девушку, объявил перерыв.

— Как ты? — спросила она, когда дверь закрылась за последним из эльфов. — Пришел в себя после коронации?

— Да, но это было ужасно, — горестно покачал головой драконид.

— Гадюшник, притворяющийся высшим обществом, — кивнула Кьяра, — да гулянки в последнем кабаке и то приличнее.

В глазах Арума девушка увидела понимание. Он был согласен с ее словами.

— Они ужасны! — воскликнул он, всплеснув руками. — Высокомерные, лживые, поверхностные, жестокие. Они словно безумны. Ко мне пристала одна дама. Знаешь, что сказала? Что с таким животным никогда не спала. Во-первых, какое я в Бездну животное? Во-вторых, а с каким тогда животным спала? Фррр!

Его передернуло от отвращения, и девушка, не выдержав, засмеялась:

— Прости Арум, но это правда очень смешно! И ты, конечно же, не животное, в отличие от них. Кстати, — она подошла чуть ближе и немного замялась, — а можно у тебя позаимствовать баночку мази Кеогтома? Не найдется? Последний раз Эридана на коронации кто-то все-таки умудрился отравить.

— Найдется, — кивнул жрец. — Надеюсь, этого хватит. Зариллон должен сделать еще, но когда? А что отравили — плохо. Может ведь и повторить, особенно, если неизвестно, кто...

Пока он говорил и копался на полках в поисках лишней баночки, Кьяра подумала, что по нему, такому мудрому и наивному одновременно, она тоже будет скучать. Губы сами собой сложились в грустную улыбку. Когда Арум передал ей мазь, задержал взгляд на ее лице.

— Что-то не так? — тихо спросил он, не сводя глаз с ее грустного лица. — Ты собираешься уйти? Поверить не могу...

Она пожала плечами:

— Не знаю, но обдумываю этот вариант.

— Должно быть, случилось что-то серьезное, раз ты задумалась об этом... — пробормотал Арум, глаза его тоже стали грустными. — Скучаешь по дому? Что?

“Если бы я сама знала”, - подумала чародейка. Правда, почему она хочет уйти? Потому что эльф назвал ее собственностью, накричал и сломал пару стульев? Злость на него же поутихла. Нет, не поэтому. Тоска по Мыше и Эрте? Может быть, но она была и раньше. Почему сейчас? Боязнь слишком привязаться и потом страдать, когда вышвырнут вон? Вновь стоять перед красивыми дверями и чувствовать себя жалкой, униженной, ненужной? Лучше уйти самой, как кошка.

— А что Эридан сказал? — спросил драконид.

— Он не в курсе, и не говори ему.

— К чему такие секреты? — удивился жрец. — Думаю, он не поймет, если ты просто исчезнешь.

— Он поймет, я так думаю, — ответила тифлингесса, но сама сомневалась в этом.

Жрец вздохнул:

— Что ж, это твое решение. Не могу повлиять на него. Не буду уговаривать... А боги? — внезапно спохватился он, но через секунду пробормотал. — Наверное, можно и оглохнуть к их призыву. А за Эриданом я присмотрю.

— В этом я не сомневаюсь, — с теплой улыбкой ответила девушка.

Она направилась к Зариллону. Надо было поделиться разговором с Каларом и спросить, что такое трансцендентность. Некромант, колдующий над алхимическим аппаратом, выслушал девушку, а потом, откинувшись на спинку кресла, начал свой рассказ.

— Эльфы стареют иначе, — сказал он. — Внешне они могут совершенно не отличаться от молодых, но чем старше эльф, тем дольше и глубже становится транс, пока они не начинают проводить в таком состоянии почти все время. Это и называют трансцендентностью. Однажды эльф больше не возвращается, а его душа отделяется от тела

и отдыхает до повторного цикла перерождения. То, что ты рассказала про Калара... Никогда не слышал о таком. Это нетипично для эльфа, но и для исчадия тоже. Судя по сказанному, он знает очень многое. Другое дело, захочет ли он поделиться этим знанием.

Увидев во взгляде эльфа знакомый заинтересованный блеск, Кьяра поспешила предупредить:

— С ним надо быть очень аккуратным. Ещё вопрос, кто у кого получит информацию. Либо он вообще не тот, за кого себя выдает. Не видела у эльфов клыки, как у меня.

Зариллон подпер голову кулаком и сказал заговорческим тоном:

— Бывают эльфы-вампиры, эльфы-оборотни... Почему бы и не быть эльфам-тифлингам? Никогда не слышал о таком, но кто знает. Этот дом боятся, и он имеет огромное теневое влияние не только на Летние Земли, но на всю Страну, однако информации о нем почти нет. Ни имен, ни генеалогического древа... Вероятно, эти двое — первые, вышедшие на свет за бес знает сколько веков.

Девушка задумалась. Ей никогда не приходило в голову, что кровь исчадий могла смешиваться не только с кровью людей, но и других рас. Обдумывая услышанное, она прогулялась до волчьего загона. Сегодня волк был игривым и бодрым, радостно носился вокруг девушки, облизал с ног до головы. Тифлингесса засмеялась и принялась бегать вокруг загона, вместе с пушистым компаньоном, и грустные мысли на некоторое время отступили. Запыхавшись, наконец, она остановилась и потрепала белый загривок. “Скаг не пропадет, о нем позаботятся”, - еще раз подумала она.

Полдня она просто бродила по дворцу, рассматривая комнаты и галереи, искусственные пруды и сады, разбитые прямо посреди жилых этажей. Все-таки очень красивое место, может быть, она будет скучать по его цветам, запахам и звукам. Проскользнув в тронный зал, она увидела Эридана, беседующего с несколькими представителями великих домов. Такой деловой и серьезный. Кьяра немного понаблюдала за ним, не попадаясь на глаза. Они с ним из разных миров, и в прямом, и в переносном смысле, и этим мирам не стоит соприкасаться.

Она заперлась в комнате, еще немного обдумала свой уход. Кьяра решила провести ревизию в зельях и артефактах, что таскала в своей сумке. Многие были взяты из сокровищницы, и она хотела вернуть их на место. Раньше бывшая беспризорница прикарманила бы их, не задумываясь, и выгодно продала. Да тому же Виару. Девушка оставила себе только те предметы и украшения, что были в том подаренном Эриданом сундучке. Она заботливо написала подробную инструкцию к нескольким пузырькам, которые, как она считала, будут полезны Эридану. Без описания этот дурачок точно не разберется. Кьяра поднялась в сокровищницу положить зелья и несколько вещей в сундуки, заодно понаблюдать за работой слуг. Они неплохо справились, за несколько дней упорядочили, посчитали много золота, поэтому пол в сокровищнице больше не напоминал барханы калимшанской пустыни. И здесь прекрасно обходятся без неё. Не такая уж она незаменимая. Кьяра хотела было уйти, но ее заинтересовало их воодушевление по поводу чего-то, что она не видела за их спинами. Расчистив часть пола, эльфы обнаружили небольшой люк. В дверце зияла причудливая замочная скважина. Глаза у тифлингессы радостно загорелись. Давно она не практиковалась.

Слегка отодвинув слуг, она склонилась над скважиной. Мда, под какой-то хитрый ключ, но и не такое вскрывали. Немного повозилась, подбирая нужную отмычку. Наконец, раздался долгожданный щелчок, сердце девушки возликовало. Она потянула на себя латунное колечко, открывая дверцу.

Бабах! — Къяру снесло мощным магическим взрывом. Звуковая волна разметала сундуки, отдавшись в ушах пронзительным звоном. Как же больно!

“ Дура! Мало тебя Аскаир бил! — ругалась на себя тифлингесса. Так увлеклась вскрытием замка, что даже и не подумала проверить тайник на предмет магических ловушек, и теперь распласталась на полу, как выброшенная на берег морская звезда. Она слегка повернула голову в сторону слуг. Они лежали на полу и не шевелились. Живы ли? Къяра попыталась подняться, и все завертелось перед глазами, к горлу подкатила тошнота, и она вновь упала на пол. Нащупав камень послания, с трудом сосредоточившись, отправила сообщение: “Пожалуйста, Эридан, нужна помощь лекаря в сокровищнице”. И только мысль сложилась в магически всплывающие слова, раздался топот множества ног. Сапоги, подбитые металлом. Это точно он... Где-то на самом краю черноты и бессознательности, она увидела, как в сокровищницу ворвались трое — Араджив, Каленгил и белобрысый. Их голоса доносились откуда-то издалека. Часть фраз пропадала, долетали только заглушенные звоном обрывки.

— Гил, беги....! Рив, проверь... Ты...? — белобрысый склонился над девушкой, пытаясь поднять на ноги, от этого голова окончательно закружилась, и все потонуло в гуле и темноте.

Къяра очнулась в постели, укрытая одеялом. Судя по обстановке — в лазарете, в отдельной секции, отгороженной полотняной ширмой. Сразу вспомнились несколько дней, проведенных на карантине, вместе с Эриданом и Каленгилом. Какое было приятное время, несмотря на слепоту. Она слегка повернула голову и встретилась взглядом с альбиносом. Тот сидел рядом с кроватью и обеспокоено смотрел на тифлингессу. Открепив серьгу и сломав застежку, эльф протянул девушке кольцо регенерации.

— У тебя что-то с ухом, — сказал он, и его голос доносился словно из-за толстой стены. — Обычное магическое лечение не поможет, только регенерация. Пока ухо не восстановится, ты не сможешь нормально держать равновесие.

Он говорил это таким тоном, словно уговаривал взять кольцо, но Къяра и не думала сопротивляться, приняла его из протянутой ладони, тихо сказав:

— Спасибо, потом верну.

Она надела его на палец. Следовало несколько часов медитировать, чтобы настроиться, но на это не было сил. Эльф все не уходил. Продолжал смотреть на нее, словно что-то обдумывая.

— Ты надолго пропала, я начал беспокоиться, — наконец сказал он. — А потом ты взрываешь сокровищницу, и я понимаю, что ты просто копила силы для взрыва.

Глупая и неуклюжая попытка пошутить. Къяра вздохнула:

— Это не я взрыв устроила. И никуда я не делась. Была у себя.

“Искал бы, легко нашел меня там”, - обиженно подумала она.

— Даже если не ты, была бы ты осторожней...

Тифлингесса промолчала. Она и сама понимала, что поступила очень опрометчиво.

Немного помолчав, Эридан продолжил:

— Хотел извиниться перед тобой за грубость, но злился. Гордость. Много дел. Откладывал на потом. Сейчас понял, что потом может не наступить, и надо делать все сразу. Так что извини. Я груб, а ты мне не принадлежишь. Ты же не вещь.

Она повернула к нему голову, посмотрела в глаза. Взгляд извиняющийся и грустный. Кажется, он действительно переживал за нее.

— Я тоже не подарок, прости, — ответила Кьяра. — На грубость не обижаюсь. И да, я не вещь, но я не против тебе принадлежать...

Эридан хмыкнул с горечью и прикрыл глаза.

— Я пытался понять, что у тебя в голове, почему так поступаешь, чего хочешь, но это не для моего недалекого ума работа, — продолжил он. — Ты только больше меня запутываешь. Ты хочешь свободы, но не против мне принадлежать? Прости, но я уже ничего не понимаю.

“Если бы я и сама понимала, что мне нужно”, - подумала тифлингесса.

— Да, это сложно, женщины вообще сложные существа, как и кошки, — ответила она.

— Нельзя все этим объяснить, — покачал головой эльф. — Кажется, ты сама не знаешь, а я не предсказатель или чтец мыслей. Не очень у меня выходит.

Кьяра пожала плечами в ответ. Сказать ей было нечего.

Эридан поднялся с кресла:

— Буду заходить, проверять состояние. Скажи, когда поймешь, что тебе нужно...

Он вышел за ширму, и его звонкие шаги постепенно затихли. Кьяра настроилась на кольцо и терпеливо вынесла все процедуры, которые прописал ей драконид. Слуг, что были в сокровищнице, ушибло взрывной волной, но своевременная помощь их спасла. Понаблюдав за состоянием Кьяры, жрец сказал, что двух дней будет вполне достаточно для восстановления. Снова лазарет, запах лекарств и бинтов.

Эти два дня она провела на койке, не вставая. Эридан заходил ненадолго утром и вечером, не замечая, как Кьяра радуется его вниманию. В один из таких визитов она рассказала про Калара.

— Разговор с ним меня напугал. Не люблю, когда копаются в голове. До сих пор не исключаю, что он не тот, за кого себя выдает, — призналась она напоследок.

Послушав, Эридан сказал:

— Он очень могущественный и старый. По моим скромным подсчетам, ему должно быть как минимум лет восемьсот. Он не выглядит как эльф своих лет, который большую часть дня должен проводить в трансе. Если вообще доживет... Это очень долгий срок, Кьяра. Даже для эльфа.

Он ненадолго замолчал, а затем продолжил с большим беспокойством в голосе:

— Ты сама слышала, он говорил, что работал с моим дедом... Дело в том, что у нас не принято было упоминать деда, все разговоры о нем всячески обрывались. Я знаю только, что его звали Аманис, что он был волшебником, много путешествовал и работал. Я даже не знаю, что с ним стало.

— Наверное, это твой дед и варил зелья... — задумчиво предположила чародейка.

Эльф устало нахмурился:

— Я пытался расспросить Калара, но он удивительно ловко уходит от разговора. Каждый раз, когда я пытаюсь заговорить, он переводит тему, но при этом не уезжает. Не знаю, чего он ждет...

— Может, он просто не хочет об этом говорить? — хмыкнула тифлингесса.

— Он мог бы вообще не начинать тот разговор, и у меня не было бы причин задавать вопросы. Нет, старик зачем-то удерживает мой интерес, — справедливо заметил Эридан. — Он зачем-то сказал что-то цепляющее тебе и мне.

— Как же я от этого устала, — вздохнула девушка, откинувшись на подушку. — Хочется, чтобы все было просто и понятно.

— И это говоришь мне ты, — сказал белобрысый, и в голосе его прозвучала

нескрываемая укоризна. — Ладно, я и так задержался. Поправляйся, — сказал он, погладил ее по плечу и вновь оставил наедине со своими мыслями.

На второй день лечения, после короткого утреннего визита Эридана, Кьяра решила записать события, что происходили с ней в Стране Фей. Она не хотела забывать произошедшего, если все-таки уйдет. Здесь она встретила тех, кто принял ее. Как же это приятно, чувствовать чью-то поддержку и знать, что спину прикроют, несмотря на обстоятельства. Грифельная палочка скользила по страницам дневника, кратко рассказывая о моментах радости, о людях, о событиях. Столько всего произошло за это время, но лежать писать было неудобно, да и она не большой умелец доверять бумаге мысли и чувства. Перечитав написанное, Кьяра вернулась назад и сделала несколько приписок. “Эридан стал для меня важным человеком, мы привязались друг к другу”, - вывела она и грустно улыбнулась, представив себя, читающую этот дневник после потери воспоминаний. Она бы ни за что не поверила, что этот высокомерный и жестокий упрямец смог завоевать ее доверие. И это слово — привязанность... Разве это не такой же невидимый поводок, причиняющий боль и не отпускающий? Он подарил ей свободу, так почему бы не рвануть прочь отсюда, жизнь ведь так коротка...

Вечером, когда Эридан зашел проведать, Кьяра уже многое обдумала.

— Я правда не могу сказать, чего хочу, — призналась она, — но точно знаю, что никогда не буду удобной и покладистой. Если даже какое-то время такой побуду, мне станет скучно. Хочу чувствовать себя равной, но при этом мне нравится твоя жесткость и властность, а не мягкость и дурашливость.

Эльф молча выслушал, и его лицо осталось бесстрастным.

— Ты хочешь сложных вещей, — наконец, сказал он. — Не хочешь игривости, но хочешь в итоге игры с соблюдением баланса жёсткости и свободы, иначе заскучаешь. Я же устроен проще, и было бы проще, если бы я к тебе не привязался.

Последние слова он сказал с грустью. Посмотрел в окно, пропускающее розовые лучи вечного заката.

— Не хочу, чтобы ты уходила, — признался он, продолжая смотреть в окно, — но постоянное ожидание ухода, наверное, хуже. Если уж уходишь, то не исподтишка. Хочу знать об этом.

— Хорошо...

Кьяра подтвердила слова кивком, снова замутило, и она устало опустила голову на подушку.

— Поправляйся, — сказал эльф перед тем, как исчезнуть за ширмой.

Девушка лежала на койке и смотрела на свет розового заката, раздумывая, как и когда уйдет, но эти мысли не радовали. Словно она была птичкой в клетке с распахнутой дверцей. Вот она, свобода. Расправь крылья и лети, наслаждайся ветром, но в голове предательские мысли: а так ли хороша эта свобода, если так грустно улетать?

Глава 17. Письма безумного волшебника

Утром третьего дня, когда ухо окончательно восстановилось, Кьяра покинула лазарет. В голове беспокойным гулом роились мысли. Что делать дальше? Уйти? Остаться? Кто я для него? А остальные? Она так и не могла решиться. Независимо от выбора, необходимо было вернуть кольцо владельцу.

Кьяра спустилась в тронный зал. Обычно в такое время Эридан заканчивал легкий завтрак и приступал к работе, но столика не было. Может, еще не вставал? Девушка поднялась в его покои и двинулась в сторону спальни. Дверь в кабинет была распахнута, тифлингесса осторожно заглянула внутрь. Эридан увлеченно что-то записывал, сидя за столом. Заметив чародейку, он отвлекся от письма:

— Подожди, пожалуйста. Еще один абзац.

Кьяра удивилась, но послушно присела на узкую кушетку рядом со столом. Через пару минут эльф отложил перо.

— Ночью я разговаривал с Каларом, — сказал он. — Решил записать, чтобы не упустить детали.

Лицо девушки вытянулось от любопытства.

— Расскажешь? — спросила она, протягивая ему кольцо. — Ещё раз спасибо за артефакт...

Подхватив кольцо, он нетерпеливо отложил его на стол, глаза горели лихорадочным огнем.

— Думаю, тебе будет любопытно узнать, что дом Селани — эладрины с примесью крови исчадий. Некоторые из них заключают пакты с демонами. Сами себя они называют фей'ри.

Девушка приоткрыла рот от удивления. Одно дело подозревать и совсем другое — знать наверняка. Все-таки они тоже своего рода тифлинги, к тому же — по демонической линии. Демоны — извечные враги дьяволов на полях сражений бесконечной Войны Крови. Кьяра, как жительница Девяти Преисподней, ни за что не стала бы иметь с ними дела, жестокие и беспорядочные выходцы Бездны не знали, что такое договор.

— Еще он знает, с помощью какого ритуала тебя создали, — произнес Эридан, сцепив руки в замок, взгляд стал очень серьезным и внимательным, словно он желал прочесть реакцию Кьяры.

— Я пыталась одно время выяснить, кто и как меня создал, — ответила девушка, — но так ничего и не раскопала.

“Интересно ли мне это?” — задумалась она. Вопросы без ответов все еще продолжали время от времени терзать ее, но что она сделает, когда узнает правду? Встретится со своим создателем? И что тогда? Бред какой-то...

— Может он скажет лично тебе, — настаивал эльф. — Он хотя бы знает, что это за ритуал... — он внезапно спохватился, что, возможно, давит на девушку. — Это тебе решать... Мне лично было интересно узнать много такого о своей семье, что раньше мне бы и в голову не пришло раскапывать.

— Например?

Эридан заговорчески придвинулся вплотную к чародейке и понизил голос:

— Мой дед всю жизнь занимался исследованием природы богов. Что делает богов

богами. А Калар помогал ему.

Тифлингесса не стала скрывать своего удивления.

— Да... — кивнул белобрысый, увидев ошарашенное лицо собеседницы, — это очень опасный и сложный вопрос, но мой дед был экстраординарным волшебником. Он первым разгадал природу дома Селани, именно поэтому Калар стал с ним сотрудничать. Он действительно создал большинство тех зелий, но они были лишь его забавой, игрушкой.

— Твой дед был белой вороной, — слегка улыбнулась чародейка. — Видимо, по этой же причине Калар откликнулся на приглашение.

— Возможно, — кивнул эльф. — Калар отлично знал, что я — противоположность отца. Я не дед, не умник, однако у нас есть и общие черты. Мы ставим цели и добиваемся их до конца.

— А он сказал, какая у него цель?

Эридан вновь заговорчески понизил голос:

— Сказал, что хочет закончить работу Аманиса, но ему кое-чего не хватает.

Он отстранился:

— Это долгий рассказ, а у меня и так откладывается совещание. Приходи на ужин, я расскажу все, что узнал.

Если это была приманка, то Кьяра с удовольствием проглотила ее. Только в глазах эльфа не было лукавства. Они действительно были полны обещания. Не удержавшись, девушка подалась вперед и коснулась его губ своими. Нежный поцелуй, полный тепла, знак согласия. Он ответил на поцелуй, и его губы растянулись в улыбке, смягчив ястребиное лицо. Короткое мгновение мягкости, и он ушел, оставив девушку одну. Посмотрев на стол, Кьяра вздохнула. А кольцо-то забыл. Ну как с ним жить? Смахнув его в сумку, она задумалась, чем заняться до вечера.

Искупавшись и переодевшись в неброский повседневный наряд, она зашла в сокровищницу проверить сделанную работу. На пороге она с удивлением ощутила запах табачного дыма с легкой сладостью сухофруктов. Расположившись на подушечках, шелкая бусинами абака и покуривая длинную изящную трубку, на полу сидела Фистиль. На серебристых складках пышного подола лежала книга, лист был почти полностью исписан каллиграфическим почерком без единой помарки. Простое платье и небрежно выбившиеся из прически пряди только красили эльфийку. Подняв фарфоровое личико, она кивнула тифлингессе:

— Здравствуй. Я кое-что посчитала и записала. На всякий случай на общем и на эльфийском.

— Здравствуй, — ответила Кьяра. — Удивлена, что ты здесь.

Фистиль слегка улыбнулась:

— Сначала меня приставили к Зариллону, но он не может сосредоточиться рядом со мной. Не знаю, чего он так? На мне была вполне закрытая одежда. Тогда мне сказали помогать в сокровищнице, а я люблю считать.

Пролистав книгу, тифлингесса пробежалась глазами по столбику цифр. Эльфийка слегка откинулась на подушках и вдруг сказала:

— Теперь я безродная, но, благие феи, как я рада. Я больше никому не нужна, а значит, мной никто не будет торговать.

Кьяра удивилась ее спокойствию. Жизнь эльфийки в одночасье перевернулась после ареста отца, и она больше не была благородной леди, но тифлингесса помнила их недавний

разговор. Фистиль хотела свободы, возможности самой решать за себя. Интересно, как много в Стране Фей таких же закабаленных женщин? Не намекнуть ли Эридану изменить местный уклад?

После обеда чародейка спустилась в казарму в надежде на урок эльфийского. Каленгил, Арадлив и Задар вместе с Сехтенем играли в зи. Синий вечно проигрывал, его деньги перетекали в руки шрамоликого.

Девушка вежливо поклонилась.

— Лорд Сехтен, вы позволите украсть одного игрока? — спросила она. — А то Арадлив окончательно проиграется.

— Я не лорд, — покачал головой эльф. — Пока. Такой же гвардеец, как и все, но раз уж так, то Арадлив действительно проигрался в прах, — и он звякнул кошель, туго набитым золотом. Синий тяжело вздохнул.

— Наверное, я неправильно поняла Его Величество. Лордом стал ваш отец?

— Все просто: чтобы стать лордом, нужно отслужить в гвардии, — ответил шрамоликий, пряча кошель в недрах гвардейского плаща.

“Интересная идея”, — подумала Кьяра, но больше удивила готовность благородного рыцаря служить вместе с крестьянами и мещанами, жить с ними под одной крышей и подчиняться приказам выходца из низов — Элледина. “Не такой уж он и пропащий”.

Убрав столик, эльфы начали расходиться по делам.

— Минуточку! — воскликнул Задар, подняв палец вверх.

Он ушел вглубь помещения, где располагались койки и личные вещи гвардейцев, и вернулся, держа в руках большую книгу с красивой сине-желтой обложкой.

— Она написана простым языком, — сказал он, протягивая ее Кьяре, — а еще тут есть рисунки. Для малышей, хоть сказки и имеют сюжет. Смотри, — он пролистал несколько страниц. — Местами рисунки объясняют слова, которые могут быть непонятны. Читать ты умеешь...

Тифлингесса с интересом открыла книгу на случайной странице. Прекрасно выполненные иллюстрации изображали архифей. Прямо в душу смотрел тонкий нарисованный эладрин с бледно-голубой кожей и длинными белыми волосами, а подпись гласила: “Принц Мороза”.

За учебой время пролетело незаметно. Пришло время ужина и обещанного разговора. Эридан предложил провести его в кабинете, подальше от глаз и ушей прислуги. Значит, тема действительно была щепетильная. Накрыв на письменном столе, они приступили к еде. Хотя ела в основном Кьяра, белобрысый же был слишком увлечен рассказом.

— Я уже говорил, что Аманис разгадал загадку Селани и что он хотел раскрыть тайны богов, — сказал он, сделав глоток чая. — Калар был заинтригован, поэтому начал работать вместе с ним. Он признает, что ему не хватало ни фантазии, ни таланта. В общем, по его словам, мой дед был исключительным гением. Он говорил, что они путешествовали по множеству планов. Собирали информацию, любые знания. Даже путешествовали в Абеяр! Представь себе!

Чародейка сделал непонимающее лицо.

— Это мир, недоступный нашему восприятию, — попытался объяснить эльф. — Параллельная планета. Не знаю, как они смогли туда попасть. В общем, они собирали информацию на тему богов, их происхождения и жизненного цикла. Много общались со священниками. Признали потом, что общаться с ними бесполезно. Жрецам плевать на

происхождение богов. Мой отец застал этот период. Он был тогда еще очень молод и никогда мне об этом не рассказывал. Отец очень боялся Аманиса и того, чем тот занимается.

Тифлингесса кивнула. “Его можно понять, очень опасная тема для исследований”, — подумала она.

— Калар говорил, что предлагал Аманису простые и практичные варианты, — продолжил белобрысый, отщипнув виноградину. — Можно попробовать исполнение желания, сделку с сущностью, например, с демоном на получение необходимых знаний. Зачем так напрягаться? Аманис же хотел дойти до всего сам, — отправив ягоду в рот, быстро продолжил. — В итоге он потратил много лет на создание магической формулы, которая могла бы открыть ему эти секреты богов. Калар помогал ему, как мог, но не до конца понимал эту формулу. К сожалению, эксперимент провалился, и дед впал в длительное уныние. На этом их совместная работа с Каларом прекратилась, но они продолжили общаться по переписке. Калар думал, что Аманис бросил эту идею, но через несколько лет получил от него весточку. Аманис закончил формулу, провел ритуал, и его разум наполнили невероятные знания. К сожалению, ему пришлось для этого немного схитрить. Он заключил сделку с каким-то исчадием на увеличение своего и без того немалого интеллекта, а после обманул этого изверга.

Кьяра отвлеклась от еды и удивленно приподняла брови. Ей не понаслышке было известно, как сложно обмануть изверга, так хорошо они маневрируют в тонкостях заключения договоров. Скорей, сами оберут тебя, оставаясь на бумаге абсолютно невинными. Эльф заинтересовался овощной нарезкой. Кажется, в нем проснулся аппетит. Подцепив несколько кусочков, он вновь заговорил:

— К сожалению, этими знаниями невозможно было поделиться. Невозможно было облечь их в формулу или слова. Аманис писал, что сходит с ума от того, что знает такое, о чем невозможно сказать языком любого смертного существа. Так он писал, во всяком случае. Калар показал мне эти письма.

Тифлингесса внезапно вспомнила, что Эридан недавно говорил об ингредиентах для ритуала освобождения от зимней магии Аурил. Нужно тело бога, материя хаоса и божественная эссенция, только последнее уже есть. Неужели это та сияющая субстанция, которую принес Зариллон вместе с зельем лечения, когда Эридан был совсем плох?

— А божественная эссенция, что нашли среди зелий в Эйлеваре, как-то относится к исследованиям твоего деда?

— Может быть, — задумчиво протянул он. — Верил ли я в ее существование? Конечно же нет! Однако оказалось, что она или что-то похожее существует. Ее создал Аманис. Во всяком случае, Калар так думает, — он смолк, подбирая нужные слова. — Дело в том, что со временем дед повредился рассудком. В какой-то момент он начал отправлять Калару письма на inferнальном. Полная бессмыслица. Я как раз хотел попросить тебя об одолжении. Может, ты сможешь их перевести?

“Калар не знает inferнальный?” — с удивлением подумала Кьяра. По ее опыту волшебники часто изучали inferнальный, чтобы иметь возможность читать оригиналы дьявольских фолиантов, прямиком из Преисподней. Слабо верилось, что такой древний и умудренный опытом эльф не позаботился о знании языка. Понятно, что он демонических кровей, и все же что-то тут не вязалось.

— Да, конечно, я переведу, если это не шифр, — сказала Кьяра, справившись с удивлением.

“В конце концов, как раз из-за крови он мог не учить его из принципа”, - решила она.

— Калар полагает, что Аманис не остановился на достигнутом и продолжил исследования, а в письмах может быть ключ, — добавил белобрысый, протянув ей ровную стопку исписанных листов. — А может и ответ, что с ним стало. Он ведь просто исчез. Калар говорит, что сложил их в порядке получения.

Тифлингесса приняла стопку и пробежалась глазами по первому листу. Почерк как у глабрезу с похмелья, придется попотеть, а чернила бурые. Уж не кровь ли?

— Зариллон в курсе или это только между тобой и Каларом? — обронила девушка, не отрывая взгляда от писем.

— Только между нами... Мало ли, что там может всплыть. Может, такое, о чем знать и не захочется.

Кьяра снова рассеянно кивнула. Она бы предпочла подключить умную голову к разрешению этой загадки, но семейные тайны — есть семейные тайны.

— Мне приступить прямо сейчас? — спросила девушка.

Кьяра готова была поклясться, что эльф на секунду замялся.

— Мне любопытно, но это не срочно. Просто просьба.

“Так я и поверила”, - хмыкнула про себя тифлингесса.

— Тогда я приступлю к переводу, а вы настройтесь, пожалуйста, на кольцо.

Она достала артефакт и вложила прямо ему в ладонь, и не отвела взгляда, пока не удостоверилась, что он его надел. Эльф устроился на кушетке, а Кьяра села за письменный стол и приступила к расшифровке почерка загадочного волшебника. Процесс оказался таким увлекательным, что девушка потеряла счет времени и просидела за письмами дольше, чем планировала. Она очнулась, когда Эридан, все это время сидевший недалеко, прервал молчание:

— Устала? Тебе необязательно так усердствовать. Иди отдыхать.

Вздрогнув от его голоса, девушка ответила:

— Хорошо пошло, вот и увлеклась.

— Что-то уже разобрала?

Тифлингесса развернулась на стуле и протянула эльфу черновики перевода двух первых писем. Эридан принялся с интересом читать.

«Добрый день, мой старый друг. Прости, что давно не писал тебе, но там, где я сейчас обитаю, нет налаженного почтового сообщения. Ха-ха! Ненавижу гитиянки. Они вечно норовят убить меня. Помнишь, какой у них скверный нрав? Отправляю немного сувениров. Помню, ты хотел в коллекцию.»

Однако большую часть времени я провожу на Лимбо, в цитадели Ал-Ча-Кар. Неприятно сложного в том, чтобы придавать порядок хаосу, а эти гитцераи считают это особенностью, достойной восхищения. Знали бы они, что знаю я. Они надоедают своим фатализмом. Когда я сказал, что хочу сделать, пялились, словно я сказал им надругаться над Зертимоном. Да, кстати. Я решил, что если не могу ничего сказать или написать, то, может, смогу показать? Уже работаю над новой формулой, но пока секрет.

Ненадолго вернулся домой забрать ингредиенты и отправить тебе письмо. Ответ отправь в Эйлевар. Только заколдуй его как-нибудь, чтобы мой дурак-сын его не сжег или еще как не уничтожил. Он все никак не изменится... Если все выйдет!... Ох, предвкушаю!»

«Добрый день, вечер! Фоморово ухо, вообще неважно! Я вернулся, цел, и, главное, преуспел! Калар, прости, меня переполняют эмоции, и эти голоса все время перебивают.»

Теперь могу рассказать, над чем работал. Я смог открыть портал сквозь время и пространство. Это безумно сложный процесс, и необходима подпитка из Лимбо. Достичь его стабильности составило большого труда. Знаешь, куда я решил заглянуть? Посмотреть на Ао [1], на рождение богов. Это было так волнительно, но я чуть не умер. Пишу левой рукой, прости за почерк. Принес оттуда сувенир. Помнишь сказку про божественную эссенцию? Она существует. Точнее, существовала. Давно. Я украл немного. Надеюсь, боги не сильно в обиде. За все годы работы со мной так и не заговорил ни один! Досадно. А ведь как здорово было бы поболтать с богом за бокалом вина.

Ой, я отвлекся. Я провел эксперименты. Она работает! Три дня сидел в лаборатории и экспериментировал так и этак. Сын шарахается от меня как от чудовища. Я не писал тебе, что он женился, пока я путешествовал? Если он думал, что меня заденет, что я не был приглашен, то сильно ошибается. Надеюсь, жена умнее его. Хотя от меня шарахаются и слуги. Это раздражает. Приходится бегать за ними по коридорам. Кажется, они совсем все оступели и не понимают, что я говорю. В общем, можно создать такие невероятные, немыслимые комбинации жизненных форм! Я еще поэкспериментирую и после напишу, что еще можно выжать из этой крошки. И да, я получил твое письмо. Но что за тарабарщину ты пишешь? Только не говори, что выжил из ума, старый негодяй!»

Оставив Эридана наедине с письмами, Кьяра удалилась переодеться в халат, а когда вернулась, застала его с ошарашенным выражением лица.

— Не могу поверить, что он действительно мог делать то, о чем писал, — сказал он, покачав головой. — Это не укладывается у меня в голове.

— А я не понимаю другого, — призналась Кьяра, присев на кушетку. — Я тут подумала... есть же заклинания, позволяющие понимать чужую речь, в том числе и письменную. С помощью такой магии я понимаю эльфийский язык, и мне слабо верится, что Калар не настолько искусен, как Зариллон...

Эридан кивнул, обдумывая эти слова.

— Калар не просто так взял письма с собой на коронацию, — поделился он своей мыслью. — Не таскает же он их у сердца каждый день, — он поморщился вдруг от нахлынувшей усталости. — Лучше дайте мне врага и направление до него, а загадки оставьте себе.

Тифлингесса потянула его в спальню, на ходу задув свечи в канделябре:

— Я бы тоже так хотела. Знать, кто враг, и не думать, а просто биться. Когда азарт заставляет забыть обо всём. Даже когда не на жизнь, а на смерть, и надо быстро соображать.... Это я умею, — остановившись у кровати, с нежностью погладила его по плечу. — А ты, поди, эти дни не спал?

— Тут уснешь, конечно, — горько усмехнулся эльф, распуская шнуровку на рубашке. — Зариллон сварил несколько зелий для бодрости, так что развлекался. А сейчас еще и мысли мешают. Но ты ложись, я тоже постараюсь заснуть, — он потянул рубашку, стягивая, через голову.

Они легли отдыхать, и девушка быстро погрузилась в усталый сон. Спустя несколько часов эльф неосторожно потревожил ее, когда вставал с постели.

— Спи, еще рано, — шепнул он, погладив по плечу, и она вновь уснула.

Кьяра проснулась от запаха свежих гренок и чая с ягодами. За аркой спальни доносились тихие шаги слуг, которые накрыли переносной столик для завтрака прямо у постели. Эридана не было. Он, как обычно, уже занимался делами. После завтрака девушка

принялась за книгу, подаренную Задаром. Сказки дались ей проще, чем она боялась. Встречались незнакомые слова, но общий смысл был понятен. Первая сказка называлась “Ледяное сердце” и повествовала о летнем рыцаре, сердце которого похитила злая Королева Воздуха и Тьмы, владычица Неблагого двора. Рыцарь разделил с ней правление в королевстве вечной ночи и зимы. Забавно, что-то подобное шептали слуги об Эридане. Голубокожий тонкий эльф на картинке, наверное, и был тем самым Принцем Мороза, а эта странная женщина с черно-синими крыльями — Мэб.

Немного почитав, она спустилась в надежде позаниматься эльфийским с Задаром и увидела, что все гвардейцы высыпали на площадку перед подъемником, среди них было несколько новых лиц. Вонтара и Хатаэ она уже видела, но эти ребята были ей незнакомы. Русоволосый парень с колчаном и длинным луком за плечом. Знакомый бандитской наружности эльф из Керам. Узкое лицо словно кинжал, стальные волосы отливали голубыми бликами. Мундир гвардейцев не скрывал теперь его худобы. Крепкий черноволосый и красноглазый юноша и еще один парень, который сразу привлек к себе внимание. Какой же красивый. Волосы как смоль, ярко-зеленые нахальные глаза, в которых плясали изумрудные искры ореола. Движения выверенные и гибкие, и мундир только подчеркивал статную фигуру. Кьяра невольно подумала, что он похож на кота в эльфийском облике, а затем ее посетила мысль, что без одежды он, наверное, и того краше.

Перед толпой стоял Эридан. Заметив Кьяру, он подозвал ее к себе и спросил:

— Хочешь поучаствовать? У нас тренировка. Хочу посмотреть, на что способны новые ребята.

Кьяра быстро показала ему язык, так, чтобы только он успел заметить гримасу. Эридан, сохранив невозмутимое выражение лица, обратился к отряду:

— Задача, как и в прошлый раз. Нападайте на меня, ловите меня... Только постарайтесь не убить.

Он отбежал от гвардии, стремясь разорвать дистанцию. “Нет уж”, - подумала Кьяра и бросила ему вдогонку замедляющее заклинание. Воздух вокруг эльфа подернулся маревом, но тот ловко ушел из зоны поражения. Хлоп! — дымок окутал место, где он стоял мгновение назад, и Кьяра услышала громкий хлопок у себя за спиной, а глаза заволокло едко пахнущей гарью. Слишком быстро! Прежде, чем девушка успела обернуться, белобрысый потянул за цепочку фокусировки. Та жалко хрустнула, разбрызгивая мелкие серебряные звенья, кристалл исчез с груди. Тифлингесса попыталась схватить обидчика, но тот уже сбежал, хаотично перемещаясь по всему периметру. Суман призвал паутину, пытаясь поймать Эридана, но опоздал на несколько секунд, а Корлиан, кажется, попал заклинанием, однако альбинос только тряхнул головой и продолжил прыжки. Хатаэ крикнула слова заклинания. Кьяра знала его, это был огненный шар. В следующее мгновение мощный взрыв пламени отбросил тифлингессу на несколько футов, одежда на ней загорелась. Сбивая пламя, девушка негодуя подумала: “Тупая коза, совсем не умеет метко колдовать”. С этим нужно было что-то делать, иначе эльфийка по глупости могла уничтожить собственный отряд несколькими неосторожными залпами. Эридан ловко ушел от волны пламени, переместился... Повисла тишина.

Да, Эридан сорвал с нее камень фокусировки, но Кьяра многое могла и без него. Сделав несколько пассов, она призвала семь сияющих звезд, которые принялись кружить вокруг головы причудливым венцом. Хлопок, и Эридан материализовался прямо за Сехтенем, вторым по росту эльфом, за которым мог частично спрятаться. Суман вскрикнул от

удивления, палочка испарилась из его руки, оказавшись в пальцах альбиноса. В то же мгновение звездочка, отправленная Кьярой, ударила белобрысого по плечу, прожигая аккуратную дыру в одежде. Воспользовавшись замешательством, Сехтен схватил Эридана за руку, но тот без труда вырвался из захвата и вновь переместился. Волна гари застала глаза чародейки, и она машинально отпрянула, боясь быть схваченной. Сквозь дым мелькнули белые руки, угрожающие вцепиться прямо в плечи девушки. Вторая звездочка полетела в эльфа, заставив немного замешкаться. Звук спущенной тетивы: лучник выждал удачного времени, и его стрела больно чиркнула предплечье Эридана. Тот начал лихорадочно скакать между гвардейцами, не давая им опомниться и как следует прицелиться.

Худой из Керам, до этого пассивно наблюдавший за происходящим, сплел пальцы в незнакомом жесте и резко выкрикнул. С пола взвились случайные предметы, оставленные слугами и гвардейцами, они устремились прямо в альбиноса, заставив уворачиваться. Тяжелый ящик, ударивший прямо в голову, опрокинул короля на лопатки. Морщась от боли, Эридан попытался встать, и его накрыло огненным взрывом. Хатаэ восторженно захлопала ладоши, ее заклинание, наконец, достигло цели. Матеря ее на всех известных языках, Кьяра побежала проверить, как там белобрысый. Тот встал, хоть не без труда. По виску текла кровь от удара ящиком и виделись ожоги на руках. Он сбил огонь с одежды.

— Неплохо, — произнес он, победив пламя, — но долго думаете. Будь я с мечом, положил бы уже кого-нибудь.

Кьяра насупилась. “Будь все всерьез, я бы тебя уже раскатала”, - с обидой подумала она. Вернув палочку Суману, Эридан сказал Корлиану:

— Думай, в кого и чем бьешь. Твое заклинание на мне не сработало, потому что оно эффективней работает на слабых духом, — он перевел взгляд на тифлингессу. — Ты тоже это знала.

Кьяра только дернула хвостом от раздражения. Знала, и что? Пусть другие тоже попробуют. Эльф уже переключился на Хатаэ.

— Колотить тебя об камень, зачем бьешь по своим? — зло прикрикнул он. — Иногда лучше пожертвовать ударной мощью ради точности. Если в реальном бою увижу такое, убью на месте.

Девчонка стыдливо потупила глаза. А может просто сделала вид, что ей стыдно.

— Ты, Анеркаш, верно? — обратился он к волшебнику из Керам. — Хорошо врезал мне, одобряю. Сехтен! — отчитал он на шрамоликого. — Это несерьезно. Надо было использовать болевой.

Он прошелся по всей гвардии, хваля и ругая каждого из присутствующих. Кьяра же не могла отделаться от мысли, что Хатаэ нужно срочно натаскивать на меткость, иначе в бою от нее будет больше вреда, чем пользы. Интерес у нее вызвал и этот новый волшебник, Анеркаш.

— Мы не знакомы я — Кьяра, — дружелюбно представилась она. — Чем ты таким ударил? Я не опознала.

— Телекинез, — угрюмо буркнул Керам.

— У тебя, похоже, много боевого опыта.

— Не сказал бы, — ответил волшебник. — Я больше по сбору информации. Наоборот приветствовалось избегание боя.

— Не хочешь присоединиться к тренировкам магов? — предложила девушка.

— Как прикажет господин, — коротко ответил Анеркаш, кивнув в сторону Эридана,

который как раз отчитывал тех гвардейцев, что ловили во время сражения ворон.

Кьяра увидела в его глазах подозрительность. Видимо, искал двойное дно, не понимая, какое место в местной иерархии занимает тифлингесса. Честно говоря, она и сама не понимала. На словах она была советником, а на деле — инструктором гвардейских магов, телохранителем и, по совместительству, любовницей короля. Пожалуй, тут любой смутится. Полубоившись немного красивым зеленоглазым гвардейцем, она отправилась по своим делам.

После обеда девушка вновь приступила к переводу писем. Она успела закончить большой фрагмент, а дальше споткнулась об еще более сбивчивый и непонятный почерк. Было похоже на дневник, только без дат. Мысли начинались и обрывались в никуда. Закончив с переводом, Кьяра отправила Эридану мысленное послание: “Закончила ещё одно письмо. Много интересного”. “Хорошо, сейчас подойду!” — ответил он, и прежде, чем девушка успела переписать перевод на чистовик, возник на пороге ее комнаты, переводя дух. Бежал что-ли?

— Что ты узнала? — спросил он, присаживаясь рядом с ней.

— А говорил, что не срочно, — улыбнулась Кьяра и, устроившись поудобней, зачитала переведенный фрагмент.

«Здравствуй, Калар. Расстраивает, что ты мне не отвечаешь, но, может, ты снова в путешествии. Напиши, как только сможешь. А я не удержался, очень хочется поделиться результатами. Создал несколько интересных жизненных форм. Удивительно, как быстро душа заполняет живой сосуд! Я крепко задумался, немного поменял формулу, и у меня получилось создать тело совсем без души. Возник вопрос: а откуда берутся души? Из чего они созданы? Кто дал им начало и когда? Знаешь, я очень долго думал, что боги — начало всему. Есть боги, которые создают души, куют их в своих кузницах. А руда? Откуда она берется? Не удивительно ли, что боги так зависят от смертных и их веры? Что если души появились задолго до богов? Огромный сырой океан, огромная первобытная душа, которая решила познать себя через богов. Боги решили познать себя через смертных, а смертные познают себя через веру в богов. Интересно, а получится ли у меня выковать душу? Вот была бы потеха! Сейчас готовлюсь к этому эксперименту. У меня есть божественная эссенция и материя хаоса. Я так много знаю и умею. Жаль, ты не видишь, какую лабораторию я сделал в Эйлеваре. Гораздо лучше твоей или той, что в Лимбо. Сын как был дурак, так и остался. Еще он задумал размножиться. Как представлю себе его копии, так страшно становится за будущее дома. Но поздно, невестка уже не скрывает положения. Оба шарахаются от меня. За что мне такое наказание? Напишу, как проведу ритуал»

«Прости, Калар. Я не знал кому еще это написать... Это ужасно, просто ужасно. Все вышло из-под контроля, но видят благие и неблагие феи — я не хотел этого».

Дослушав до конца, эльф задумчиво произнес:

— Интересно, что в итоге случилось? Он преуспел? Если да... То мои представления о мире перевернутся...

— Судя по всему, да, — ответила Кьяра, убрав листы, — но не совсем. А когда ты хочешь их показать Калару? Без твоего согласия не хотела этого делать.

— После того, как ты все переведешь... — Эридан положил голову на замок из плотно сомкнутых ладоней. — Если там есть какая-то опасная информация, я не хотел бы, чтобы ее получил Калар или кто-то похожий. Он хочет закончить работу деда, но зачем? Уж точно не из праздного любопытства. Представь себе: души куются, как доспехи. Звучит жутко.

— Да, ты прав, — ответила девушка, а потом лукаво спросила. — Ещё какие-нибудь планы на вечер, Ваше Величество?

Эридан задумался:

— Съесть или убить кого-нибудь.

— Давайте лучше поедим, — фыркнул Кьяра.

Слуги накрыли легкий ужин в ее комнате, принесли вино и чайник отвара для Эридана. Тотпил его, морщась, как от чего-то неприятного. Кьяра достала из кармашка корсета кристалл фокусировки:

— Теперь нужна новая цепочка ...

— Цепочек целая сокровищница! Бери любую, — фыркнул эльф, подцепив кусочек мяса. — Зато как ловко я ее сорвал!

— Да, это было ловко, — ответила девушка, показав язык. — Я и без фокусировки на многое способна. Как вам моя корона из звезд?

— Прекрасное заклинание, но тебе прежде всего стоит взлетать.

— Обычно я так и делаю, — пожалала плечами она. — А тут не воспринимала всерьёз.

— Враг может оказаться хитрым и повредить крылья, если ты сразу не взлетишь... — заметил эльф. — Я бы так и сделал.

Кьяра зябко поежилась, вспомнив кошмар, где ей отрубили крылья.

— Я ничего такого делать не буду, конечно, — быстро сказал эльф, неверно истолковав ее реакцию. — Не бойся... Но помни, что лучше взлететь.

“Да не боюсь я тебя”, - мысленно фыркнула тифлингесса.

— Ладно, — вздохнул он, отложив чашку, — отдыхай. Ты много сделала сегодня.

— А ты? — удивилась девушка. — Опять не спится?

— Не спится, — подтвердил Эридан и кивнул на чайничек. — Отвар не помогает, транса не было несколько дней. Просто лежу и не могу сосредоточиться ни на одной мысли. Хочу поплавать... Может, и транс придет.

Он двинулся в сторону выхода, а девушка пошла за ним, удивленно вздохнув:

— Ого! И давно это?

— Недавно... — сказал эльф, обернувшись. — Арум говорит, что возможно это от переживаний. Ты тоже хочешь поплавать?

Она лукаво улыбнулась:

— Хочу на тебя полюбоваться и, может, чего-нибудь еще.

Слегка улыбнувшись, эльф сделал галантный поклон, пропуская даму вперед. Тифлингесса вышла из комнаты, нарочито гордо вздернув подбородок. Крылья ощущали колебания теплого воздуха от движений эльфа за спиной.

В купальне Кьяра села у бортика, наблюдая, как альбинос снимает с себя одежду, а затем погружается в воду. Он вынырнул под самым водопадом, оттолкнулся от края и быстро поплыл к противоположному бортику, скользя, словно морской обитатель. Девушка любовалась его плавными и сильными движениями.

— У тебя интересный способ развлекаться, — сказал Эридан, выйдя, наконец, из воды. — Я думал, что ты пошутила, что хочешь полюбоваться на меня.

Он двинулся в сторону полотенца, вода ручьями стекала с тела, красный ореол, многократно отраженный в каплях и потеках воды, создавал ощущение, словно его кожа усыпана драгоценными камнями и узорами из киновари.

— Почему бы и нет, — мурлыкнула Кьяра, наблюдая за этими узорами.

— Я не против.

Эльф наклонился за полотенцем, а когда распрямылся, Кьяра уже стояла вплотную к нему. Прикрыв глаза, погладила по огненным узорам на его груди и плечах. Подушечка пальца нащупала шрам, тянущийся от яремной ямки до середины шеи — след от когтей Дримана. Он положил ладони поверх ее:

— Ты же хотела посмотреть. С такого расстояния не особенно полюбишься.

В глазах и голосе легкая усмешка. Он прекрасно знал, чего она хотела. Приложил ее ладонь к животу, где красовался свежий розовый рубец, нанесенный огненным клинком. Для него не было секретом, что Кьяре нравились его шрамы. Необычное предпочтение. В его кругах, где любят безупречность — тем более.

— Вот из нового.

Кьяра аккуратно провела по шраму когтями, а затем неожиданно надавила сильнее. Эридан поморщился от боли, и тифлингесса замерла в нерешительности. Перестаралась?

Эльф прижал ее к себе, быстро развеяв сомнения. Объятия закончились поцелуем, с белых волос струилась вода, впитываясь в одежду. Тифлингесса чувствовала себя все более и более мокрой, но от поцелуя невозможно было оторваться. Клыки слегка прикусывали тонкие губы, когти скользнули по мокрой спине. Под пальцами рельефно очертились дьявольские письмена. Нежно впившись, когти поставили несколько точек между буквами. Эльф вздрогнул и зашептал в темное ухо:

— Твоя одежда промокла...

— Такними её, — ответила Кьяра, но его руки опередили фразу, стаскивая с девушки корсаж и насквозь промокающую рубашку, а затем и штаны, облепившие стройные ноги. Прикосновения к телу дарили сильные чувства. Шершавое, ребристое, мягкое, гладкое, упругое, твердое — столько разных ощущений на кончиках пальцев. Импульсы прокатывались по коже, заставляя вздыбиться волоски на затылке. Влажное и горячее, а на вкус — чуть соленое, словно свежее утро на морском берегу.

— Я хочу тебя, — зашептала Кьяра, обдав дыханием отметину на белой шее.

Возбуждение, неспешно растекающееся по телу, словно древесная смола, застыла красным янтарем. Кьяра впиалась в шрам на шее, слизывая воду с гладкой словно кость кожи. Когда он вошел в нее, мокрые пряди упали на темные плечи, вода потекла между грудей, по животу и ногам. Когти впились в белые ключицы, не заботясь больше о контроле. Он был в ней, и это сладкое первобытное чувство единения, пульсирующего и ритмичного, заставляло губы складываться в расслабленные улыбки и ловить горячие вздохи. Их тела танцевали под музыку бешено ухающих сердец.

Утомленные пляской, они расслабленно нежились в тепле друг друга. Кьяра, словно опомнившись, поцеловала вмятины от когтей, оставленные на коже эльфа. Он прикрыл глаза, погладил вдоль серебристой косы и признался:

— Сейчас мне очень хорошо, и ты очень хороша. Не хочется отрываться.

Словно поддавшись на магию этой откровенности, Кьяра сказала:

— Мне очень хорошо с тобой.

Неохотно отстранившись друг от друга, они подобрали вещи и двинулись в спальню. Развесив их на просушку, Кьяра нырнула под одеяло, сладко потянувшись. Эльф лег рядом и вдруг слегка поморщился, потирая шею и грудь.

— Что такое? — обеспокоилась тифлингесса.

— Ничего страшного. Видимо потянул что-то в пылу страсти.

“Я слишком увлеклась с когтями”, - подумала Кьяра.

Он вновь поморщился, схватившись за грудь:

— Нет, наверное, нужно прогуляться и подышать воздухом, — он поднялся с кровати. — Я скоро.

Первым побуждением девушки было пойти с ним. Она села на постели, и он остановил ее, положив руку на плечо:

— Не надо. Пойду наверх. Обещаю, я очень быстро.

Тифлингесса осталась в спальне и скрасила ожидание чтением книги, подаренной Задаром. Следующая сказка была о морской фее, которая так любила принца весеннего леса, что подарила ему собственное сердце, только он не ответил на ее любовь, и сердце ее стало маленьким и твердым, словно драгоценный камень. “У этого мира пунтик на всем, что связано с сердцем”, - пришла к выводу Кьяра.

Эльф не обманул и действительно быстро вернулся.

— Ммм, что читаешь? — спросил он, глядя через ее плечо.

Девушка приподняла раскрытую книгу, чтобы он мог полюбоваться прекрасно нарисованной морской феей на фоне акварельного океана.

Эльф присел рядом ней:

— Узнаю эти сказки. Няня читала мне. Добрая была женщина. Правда, я уже не помню, как ее звали...

— В детстве, сколько я себя помню, у меня никогда не было книжек с картинками, — сказала Кьяра, вглядываясь в детали рисунка. — А помню я себя лет с шести. Стою у дверей какого-то большого красивого дома, а со мной Мыша. Не знаю, может я там жила, а может в другом месте. Мне никогда не хотелось узнать, как меня создали, а вот кто? Чтобы задать вопрос: почему так? Почему я оказалась на улице?

Альбинос погладил ее по голове:

— Кто бы это ни был, он совершил большую ошибку.

Облокотившись о его плечо, Кьяра поняла, что хочет рассказать ему гораздо больше, и слова потекли, словно робкий родник:

— Долгое время я думала, что не оправдала ожиданий родителей или создателей... В шесть лет оказаться на улицах в Преисподней — не самая завидная судьба. Пару месяцев я проскиталась, пока меня, практически умирающую от голода, не подобрал один дьявол. Ему нужна была такая мелкая, которая везде сможет пролезть. Он промышлял воровством и меня научил. Способности к магии тогда ещё не проявились. Учитель он был жёсткий и за любой промах наказывал плетью. Впрочем, к боли я быстро привыкла, да и шкурка моя прочнее, чем кажется. Зато были кров и еда.

Она прикрыла глаза, вспоминая те времена. Они казались каким-то нереальным кошмаром. С тех пор она дала себе обещание всегда быть сильной.

— Однажды к нему пришли чего-то требовать, — продолжила Кьяра, — и он решил откупиться мной. Я подслушала разговор и сбежала, прихватив его любимый шакрам. До сих пор из оружия умею пользоваться только им. С тех пор я жила самостоятельно. Очень скоро проявилась магия, а я быстро схватывала, кого бить, а от кого убегать. Подросла, обзавелась связями, стала договариваться с дьяволами на мелкие заказы. Пока однажды мной не заинтересовался лорд Волмер, хозяин тех мест.

— У тебя было очень непростое прошлое, — кивнул Эридан, — но ты оказалась сильней. Ты выживешь в любых условиях, ведь и внутри очень гибкая, не только телом.

Она посмотрела ему в глаза:

— Приучает быть начеку, видеть во всем подвох. Вот ты сходил прогуляться, а я думаю, а твое ли это желание, может, тобой опять кто-то управляет.

— Да, причиняю тебе много хлопот, — согласился он, — без твоего присмотра я бы не зашел так далеко. Думаю, ты уже устала от этого.

— Если честно, да, устала, — призналась девушка. — Непривычно заботиться о ком-то, помимо себя. Однако мне хорошо с тобой, несмотря на проблемы, — немного помолчав, добавила с грустью в голосе. — Такое ощущение, что это или не закончится, или закончится твоей смертью, а я этого не хочу.

Он вновь приобнял ее, одаривая успокаивающим теплом. Девушка прикрыла глаза, в голове потекли мысли, рождаясь в новые слова.

— Ещё я обещала тебе рассказать про дочь. Малика — полуэльф. Она неудачно попыталась обокрасть меня на улицах Невервинтера, а я поймала ее за руку. Ей было примерно столько же, сколько и мне, когда я оказалась на улице. Мне стало жаль ее, не приспособлена она для такой жизни. Пришлось даже немного повздорить с местной гильдией, но все решили деньги. Воспитанием я толком и не занималась. Она приглянулась моей экономке, которая присматривала за домом в мое частое отсутствие. Научила девочку обычным женским вещам: шить, стряпать и прочему. А мне все равно не сиделось на одном месте, да и характер неуживчивый...

— Да, семейная жизнь — это не для тебя, — слегка улыбнулся он. — Вот обо мне хорошо заботишься, только грустно осознавать, что ты тяготишься. Не хочу быть обузой. Да и насчет моей смерти зря переживаешь. Я больше не паладин, но все равно силен, вынослив и быстр. Я не боюсь, и ты не бойся.

Кьяре хотелось верить ему, и она поддалась успокаивающему тону, легла на подушку и быстро уснула. Эридан же некоторое время лежал, обдумывая ее слова о том, как ей непросто заботиться о ком-то помимо себя. Многие стали понятней, и ее мимолетная, иногда грубоватая опека предстала в другом свете. Эридан осознал подлинную ценность этих мгновений.

Наутро Кьяра обнаружила, что эльф, несомненно, спит. Она никогда не видела, чтобы остроухие так расслабленно сопели во сне. Приоткрытый рот, бессознательная поза. Нет, эльфы в транс напоминали медитирующих, глубоко погруженных в мысли людей. Она некоторое время понаблюдала за его сном, пока он сам вдруг не открыл глаза после резкого вздоха. Скорей всего, его заставил проснуться именно этот звук.

— Я был без сознания? Помню только, что закрыл глаза, а потом ничего...

— Ты спал. Как самочувствие?

Он прикрыл веки, пытаясь оценить состояние:

— Все тело такое расслабленное... Я чувствую себя жидкостью.

“Не хочу думать, что с ним”, — решила девушка, наблюдая за тем, как эльф лениво потягивался и одевался, — “но надо рассказать Аруму”. Маленькие крупицы странностей, происходящих вокруг Эридана, каждая из которых по отдельности была незначительной, в итоге превращались в беспокоящий пылевой вихрь. Слишком много непонятного, а Кьяра плохо чувствовала себя в таких ситуациях.

После простого и сытного завтрака, девушка забежала к Аруму, чтобы рассказать о состоянии эльфа. Драконида недавно встал и все еще трапезничал, но внимательно выслушал рассказ тифлингессы.

— Если он не проявляет признаков каких-либо недомоганий, думаю, переживать не стоит, — сделал он вывод. — Сон еще никому вреда не приносил. Тем более, отсутствие транса сильно его выматывало. Может, тело нашло другое решение.

Слова дракониды успокоили, она немного повеселела. Спустилась в казармы, чтобы проведать гвардейцев, и застала потасовку между Каленгилом и крепким темноволосым парнем из новеньких, у которого глаза были красными, как две спелые вишни. Арадлив оттащил зеленого, а Лаемар — темноволосого, и Кьяра узнала, что зовут его Фирик Малдет. Она почти не сомневалась, что стычка произошла по вине новенького. Вероятно, задира нос, кичился высокородством, и этого Гил не снес. После того, как драчунов разняли, Элледин отчитал обоих и пригрозил плетьюми, наряды вне очереди все равно получили оба. Когда гвардия успокоилась и занялась привычными делами, чародейка подошла к золотистому.

— Да, веселенькое пополнение, — пошутила она. — Сколько всего гвардейцев? И скажи, могу ли я взять у вас пару спальников?

— Сейчас нас семнадцать, — устало ответил он. — Спальники и прочее на складе, вон там, — и он махнул рукой, указав направление.

На выходе, Кьяра уловила реплику Хатаэ, как бы невзначай брошенную Элледину. Эльфийский она знала плохо, но даже небольших знаний хватило, чтобы понять — это было что-то грубое и неприятное. Тифлингесса резко остановилась. “Ах ты, курица эльфийская!” — пронеслось в голове. Терпение отказало блондину, и он наорал на нее неперевожимым потоком. Глаза Хатаэ азартно полыхнули, именно такой реакции она ждала и останавливаться на достигнутом не намеревалась. Кьяра помешала выдать ей очередную порцию гадостей в адрес золотистого, сгребла за шиворот и выволокла из казармы. Девчонка вскрикнула от неожиданности, глаза Элледина округлились от удивления, но Кьяра уже не могла этого терпеть. Элледин был добр с ней с самого начала, он признавал чужие заслуги, был терпелив и внимателен к своим людям. Кьяра приперла ее к стенке так, что та поморщилась от боли.

— Если ты не хочешь подчиняться Элледину, и он для тебя недостаточно хорош, то ты ещё не знаешь, что такое хороший командир, — прорычала тифлингесса. — Похоже, все, на что ты годна, это пикировать на ситаре да с азартом швыряться огненными шарами, не рассчитывая силу и траекторию. Я-то думала, из тебя что-то получится...

Хатаэ вздернула подбородок:

— Ты-то мне что сделаешь, веревка из задницы? Что ты вообще знаешь о том, что я могу или нет?

— Я тебя могу в порошок стереть, не сильно напрягаясь, — прошипела чародейка, запуская когти сквозь гвардейский мундир Хатаэ, эльфийка вскрикнула от боли.

Подошел Элледин, и Кьяра заставила себя немного ослабить хватку, хотя желание пустить этой стерве кровь было очень велико. Золотистый уже справился с гневом, в глазах плясали огоньки злости, но они стали уже холодными, словно мерцание светлячков.

— Сказал бы, что женщинам не место в гвардии, — прорычал он, — но Кьяра это опровергает. Она отлично билась с нами бок о бок, на нее я могу положиться. Но ты — катастрофа уровня нашествия с Фейдарка. Ты совершенно не понимаешь, как много в бою зависит от доверия и координации. Ты, вероятно, вообще в своей жизни крови не видела. Если я слаб, то пусть тобой займется Эридан.

Он выделил интонацией последние слова так, что они прозвучали зловеще, и Кьяра

отпустила девушку. Возможно, она и так позволила себе лишнего, вмешиваясь во внутренние дела гвардии. Хатаэ не выглядела напуганной, но последние слова золотистого заставили ее закрыть рот.

— Эридан не любит неповиновение, — многозначительно сказал Элледин, обращаясь уже к тифлингессе.

— О да! — согласилась она. — Это ты разговариваешь, он же предпочитает язык плетей.

— Ну ничего, если останется жива, сегодня вечером сменит наряд и сферу деятельности, мелкая а-джак-ай.

Кьяра повеселела. Она сомневалась, что Эридан убьет девчонку, но Хатаэ об этом не знала. Пусть помучается от беспокойства, мелкая дрянь. На складе она взяла себе пару спальников, взамен порванного. Поднимаясь на свой уровень, она застала Эридана в тронном зале. Сопровождение как раз подошло к концу, группа странных эльфов покинула помещение, и Кьяра подошла к белобрысому, чтобы обсудить проблему Хатаэ. Выслушав предложение Кьяры понизить девочку до услуги, он хмуро свел белые брови:

— Если от нее никакого толка, то пусть будет так... А если она так ужасна, как о ней говорят, то я устрою ей жесткую трепку.

— Не знаю, стоит ли, — возразила девушка, ей не понравилось выражение лица эльфа.

— Пусть не думают, что из-за физиологических различий я предъявляю разные требования и даю поблажки. Пощады не дам.

— Мне же даёшь поблажки и пощадил несколько раз, — вновь возразила девушка.

Он подарил ей вопросительный взгляд:

— Ты хочешь, чтобы я относился к ней, как к тебе?

— Ах ты!

Девушка задыхнулась от возмущения, хвост яростно взметнулся, эльф же не изменился в лице, все еще смотрел на нее вопросительно. Кьяра быстро взяла себя в руки:

— Нет, потому что я тебе потом страшно отомщу.

Он улыбнулся, лицо смягчилось, взгляд немного потеплел.

— Я не буду этого делать. Не потому, что я боюсь твоей мести. Хорошо, постараюсь не раскатать эту птичку. Она должна сохранить привлекательность для моих ребят.

Его тон успокаивал. Кьяра удивилась собственной реакции. Ревность, дикая ревность, а ведь еще пару дней назад она собиралась сбежать от него.

Она направилась в комнату. Пора было возвращаться к переводу писем, и работа предстояла долгая и кропотливая. Записки волшебника стали еще хаотичней, буквы скакали, строчки заходили одна на другую. Она потратила несколько часов, продираясь сквозь месиво из inferнальных букв.

“Слуги пали замертво по всей галерее, и невестку задело. Я не питаю большого тепла к ней, но я не убийца. Если она умрет по моей вине, не смогу простить себе этого....”

«...Кажется, все обошлось. Эссенция обладает поистине необычайными свойствами. Но что произошло? Я словно разорвал на мгновение ткань мироздания и само плетение... И вместо того, чтобы сковать душу, притянул к себе множество чужих душ. Они все еще блуждают. Мне даже страшно. Уже сделал барьер от нежити, но они проходят сквозь него! Оказывается, всякая бестелесная нежить и душа — все же они чем-то отличаются. Не причиняют вред и, кажется, не в курсе, что мертвы. Аж мурашки по коже. Появилась идея. Если уж они уже мертвы, можно ли... препарировать душу? ...»

«...Калар! Кажется, я понял. Нельзя просто выковать душу. Необходимо сырое вещество, но где его достать? Видимо, из-за этого все и пошло наперекосяк. Я не могу больше рисковать. Принял решение использовать для основы чужие души. Для начала те, что тут бродят. Они уже точно не против»

«...Провал, провал, полнейший провал! Как я зол, Калар! Напугал домочадцев, и мне все равно! Эти души — какой-то мусор! Стоит только надавить, и коллапс! Я перепробовал все! Как я зол! Мне нужны сильные души, очень сильные!...»

Кьяра потеряла глаза, оторвавшись от перевода. Ей все меньше и меньше нравилось настроение писем, было в них нечто зловещее. Она быстро перелистнула оставшиеся страницы и приняла решение закончить перевод сегодня. Кьяра потратила еще несколько часов прежде, чем, наконец, написала черновик. Письма и правда оказались зловещими. Эридану немедленно стоило ознакомиться с их содержанием. Девушка собрала кипу листов и двинулась в кабинет эльфа, по пути отправив послание: “Эридан, я закончила. Я в твоём кабинете”. Примерно через час эльф пришел на место встречи. Судя по кровоточащей руке, он навещал кошмарку.

— Что ты узнала? — спросил он, присев на кушетку.

Кьяра дала ему перечитать первые два перевода, затем протянула тот, что сделала сегодня, в том числе и последний фрагмент. Эридан быстро пробежал глазами по строчкам, все ближе подходя к последнему листу, где почерком тифлингессы было выведено:

«...Не могу находиться в трансе... Не могу есть... Я постоянно думаю о том, как бы достать сильные души...»

«...Мне нет прощения. Мне очень стыдно, но наука требует жертв... А мне нужны сильные души»

«...Я в отчаянье, Калар... Не выходит. Души эльфов хрупки. Я подумал: что если взять еще одну? Усилить? Звучит как бред?... Знаешь, как вместо чистого вещества использовать сплав. Интересно, души разных рас сильно отличаются?...»

«...Души отличаются! Провел несколько экспериментов. Не нравится результат... Нужно найти оптимальную комбинацию... Но суета в замке бесит, отвлекает!... Постоянно какие-то гости, лекари, советчики... Невестка похожа на шар для предсказаний. Того гляди на ее пузе всплывет туманное пророчество»

«...Сегодня приходил такой образец с дочуркой! Я засмотрелся. Чувствую, что он то, что нужно. Все осложняет, что он дворянин, и его будет не так просто заставить исчезнуть. Пора использовать парочку игрушек»

«...Это было тяжело. Пожалуйста, не осуждай меня, друг. Голоса в голове постоянно кричат: «Душа! Душа! Душа!». Я уже почти полностью оглох. Ну и сильный же он. Тяжелый. До склепа не дотащить, пришлось растворить в кислоте. А душа у него и правда крепче, очень красивый цвет, сверкает. Редкий случай, когда сущность соответствует имени. У меня есть для него пара. Отличный гит. Решил еще использовать немного материи мертвого бога. Должно придать реакции устойчивости и компенсировать выброс энергии. Почему бы не увеличить дозу эссенции? Так волнуюсь, Калар, у меня влажные руки»

«...Я это сделал! Я этот сделал! Вот она. Она так сияет! Я ее сделал!»

«...Она исчезла. Проклятие фоморов! Упала потолок на головы всех в этом замке! Она была тут... и исчезла. Она должна была слушаться меня! Я ее такой сделал! Божественная эссенция только у меня!... Погоди-ка...»

«...Они не дали вернуть ее. Кричали. Стража напала на меня. Я, кажется, не успею отправить эти письма обычным способом, друг. Еще немного, и они прорвутся. Когда они это сделают, обнаружат тела... Господина Ангиата мне точно не простят. Я ухожу в Лимбо, там постараюсь сделать стабильный портал немного назад в прошлое... надо исправить кое-что»....

Кровь отлила от лица Эридана.

— Ты абсолютно уверена, что верно перевела?

— Да, — кивнула девушка. — Получается, он не создавал, а переплавлял души, — она заметила его выражение лица. — Ты побледнел...

Эльф еще раз пробежался глазами по строкам, потом еще и еще раз, словно надеясь, что слова сложатся иначе.

— Это какой-то бред, — прошептал он.

— Ну что? Пойдем к Калару? — спросила тифлингесса, складывая в стопку те листы, что эльф успел вернуть.

— Нет... Подожди.

Эридан положил лист на стол и нервно соприкоснул пальцы. Указательный, средний, безымянный, но мысли не желали успокаиваться. Кьяру в свою очередь удивила его реакция. Чего это он так разволновался?

— Мне надо разобраться с тем, что здесь написано, — наконец сказал он. — Ты должна понять, насколько абсурдно для меня звучит текст этих писем, — он смолк, подбирая слова. — Я знаю Ангиата. Точнее, помню. У него была незаконнорожденная дочь, которую он любил, а его имя значит "сверкающее пламя". Поэтому для меня это какой-то сюрреалистичный кошмар, Кьяра, — кровь еще сильнее отхлынула от его лица. — Мне надо подышать воздухом.

— Подожди, Ангиат, это же твое прошлое воплощение. Ты рассказывал, — вспомнила чародейка, и до нее начало доходить, почему Эридану резко стало плохо, а эльф уже сорвался с места.

Он поднялся на макушку дерева, на личную площадку для тренировок, облокотился о парапет от навалившейся слабости. Расстегнул пуговицы камзола, расшнуровал рубашку на груди, словно она душила его. Свежий ветер с запахом леса немного отрезвил его. "Я и правда не эльф. Я...какая-то тварь, созданная сумасшедшим", - мелькнуло у него в голове.

Через несколько минут он спустился вниз, уже абсолютно спокойный. Положил руку на аккуратную стопку листов:

— Здесь нет никаких формул, так что можно отдать их Калару.

— Хочешь, чтобы я отнесла? — спросила Кьяра.

— Да, — он убрал руку с листов и сделал девушке жест освободить кресло. — Заодно пусть расскажет тебе, что знает. А мне надо подумать немного, побыть одному.

Кьяра взяла стопку бумаг и двинулась к выходу. На пороге обернулась, наблюдая за тем, как Эридан замер с пером над девственно чистым листом, словно не решаясь вывести первую букву. Напряженные спину и плечи, слегка опущенную голову окружал теплый свет канделябра и красные всполохи ореола. Он казался спокойным, но Кьяра почти не сомневалась, что его одолевают эмоции.

[1] Ао — бог-творец, верховное божество пантеона Забытых Королевств

Глава 18. След божественной эссенции

Девушка спустилась по лестнице, встреченный на галерее слуга сказал, что видел лорда Калара в тронном зале. Так оно и было. Он прохаживался в гордом одиночестве, с бутылкой вина и кубком, наблюдая через огромные окна за причудами света и тени в кронах леса у подножия дворца. Заметив Кьяру, он слегка приподнял кубок, словно собирался произнести тост:

— Добрый вечер, леди. Решил выпить немного вина.

Девушка подошла ближе:

— Добрый вечер, лорд Калар! Его Величество передал письма с просьбой перевести.

— И вы это сделали? — заинтересованно спросил эльф. — Я могу взглянуть?

— Да, непременно, но боюсь, что чтение так вас увлечет, что вы забудете рассказать мне нечто, что неизвестно мне самой.

— А вы весьма недоверчивы...

Селани хитро улыбнулся, бросив последний взгляд в розовое от заката окно.

— Что ж. Расскажу, что знаю, — сказал он, облокотившись на оконную раму. — Я получил последние несколько писем через зверя-посланца. Мне позволили осмотреть лабораторию Аманиса, но очень бегло. Почти все было разрушено каким-то мощным заклинанием, но уцелело немного вещества странного вида и свойств. Я забрал столько, сколько мог. В своей лаборатории я проводил опыты с этим веществом и увидел, что оно может. Определенно, это была божественная эссенция, — его глаза загадочно блеснули. — Я не мог прочесть эти письма ни магическим, ни обычным способом. Дошло до того, что пошел на сделку с одним дьяволом по имени Реус. Надеялся, что прочесть сможет хотя бы он, но нет. Он сказал, что дело в чернилах. Их состав крайне необычен, содержит магию, отчего попытки расшифровать тщетны. За эту информацию он потребовал эссенцию. Он забрал почти всю, — спохватившись, он кивнул на бутылку. — Может, вина?

— Да, не откажусь.

Калар взял еще один бокал. Наблюдая, как он наливает вино, девушка спросила:

— Вы пошли сделку с дьяволом? Не понимаю, почему он не смог прочитать, а я смогла. Это не шифрованное письмо, я просто перевела с одного языка на другой. Думаю, и для вас, способного с легкостью заглянуть в чужие мысли, это не составило бы труда...

Эльф протянул ей наполненный до краев кубок:

— Вы поняли, что я читал ваши мысли? Признаться, не удержался. Узнал, кто вы и какие вопросы волнуют. Не обижайтесь. Дьявол не смог прочитать, потому что у него не было ключа, необходимого для расшифровки. Я долго бился над вопросом, что же это такое... Но я не закончил свой рассказ.

Девушка сделала глоток и взглядом дала понять, что готова слушать дальше.

— Я решил проследить, куда уйдет эссенция, — продолжил эльф. — Реус не выглядел способным для ее использования, но был достаточно ушлым, чтобы ловко продать. Эссенция начала гулять по Нижним Мирам. То там, то здесь всплывали упоминания о ее использовании, но вы должны понять, что это было более трехсот лет назад. Довольно давно. На тот момент я отследил всех, кому она принадлежала. Из них никто не знал, как использовать ее в полной мере. Продлевали жизнь, использовали вместо зелья лечения... Никто из них не был достаточно умён, чтобы скрыть свое приобретение, и началось. Одно

убили, у другого эссенцию украли. Кто-то пал в бою, и его колба сгнула на полях сражения. Может, попала к демонам. В какой-то момент все стало очень запутанно, и вскоре все упоминания о ней исчезли.

Он отвлекся на глоток вина. Кьяра не понимала, к чему он ведет весь этот разговор.

— Но вот однажды, лет так сто назад мне в руки попала интересная информация, что кто-то в мире дьяволов ищет подробности о ритуале гитиянки. Мы с Аманисом путешествовали в Астральный план и много общались с его жителями. Знаете, они умеют выводить гибридов, используя свои неоплодотворенные яйца и семя красного дракона. Полученные гибриды были необычайно мощными воинами, так что неудивительно, что какой-то дьявольский ум решил повторить данный эксперимент. Проблема в том, что используемое гитиянки семя не вполне обычно, а принадлежит на секундочку супругу Тиамат. Так что я весело потирал руки: у экспериментатора точно ничего не должно было выйти. Но я, вероятно, ошибся. Обычным способом это действительно было бы невозможно, но божественная эссенция вполне способна на такое. Она всплыла спустя триста лет, а подтверждение тому: вы расшифровали текст. Значит, у вас есть ключ. Или, точнее, в вас, — он пронзил девушку красноречивым взглядом и пригубил из кубка.

Кьяра все еще ничего не понимала, и ее обескураженный взгляд не укрылся от лорда Калара.

— Это ведь очевидно, — сказал он, поставив бокал на массивный подоконник. — Чернила — смесь крови и эссенции. Мне потребовалось много времени, чтобы понять это. Конечно, нужно знать инфернальный. Не знаю, какие и в каких пропорциях были использованы компоненты для вашего создания, для этого мне нужно провести исследование вашей крови, но уверен, что обнаружу следы эссенции.

Чародейка немного смутилась. В голове не укладывалось, что ее создание все-таки как-то образом связано с этим полумифическим веществом, и к этому приложил руку безумный дед Эридана. Как замысловато порой сплетаются судьбы.

— Странно, что Аманис писал письма, которые вы заведомо не могли расшифровать, — заметила тифлингесса.

— Я подозревал, что он тронулся умом, — ответил Калар, глядя в окно. — А эти письма все только подтвердили. Его боялась собственная семья. Финдо рассказывал, что тот говорил на каком-то непонятном языке, вел себя неадекватно, не следил за собой, а в какой-то момент стал и вовсе походить на монстра. Финдо мог и преувеличить, они с Аманисом не ладили.

Девушка слегка улыбнулась:

— А имени вы так и не назвали...

Селани загадочно улыбнулся в ответ:

— Я тоже удивительно подозрительный.

— Резонно...

Кьяра достала из сумки стопку писем и переводов, протянула эльфю. Тот сказал:

— Благодарю.

Бледные пальцы, окруженные зеленым сиянием, сжались на пачке бумаг, он пристально посмотрел в глаза девушки:

— Его звали Резо. Скорее всего, он не тот, кто создал вас, но с большой вероятностью работает или работал на него. Он инкуб.

Имя показалось Кьяре смутно знакомым, словно эхо из далекого прошлого. Нижние

Миры населены множеством инкубов, может, когда-то она встречалась с ним или слышала о нем через других? Память ответила только легким ощущением дежавю.

— Что ж, приятного чтения, — пожелала она и направилась в покои Эридана.

В голове была поразительная пустота. Она так давно хотела узнать, кто же ее создал и так давно отчаялась получить ответы, что новые шаги в этом направлении вызывали странное чувство страха.

Эридан все еще находился в кабинете. Лист на письменном столе пестрел вязью эльфийских букв. Почерк у него беглый, размашистый, не привыкший экономить пространство. Он оторвался от занятия и повернул голову в сторону чародейки:

— Как прошел разговор?

— Запутал ещё больше, — вздохнув, призналась тифлингесса. — Скажи тебе не знаком инкуб по имени Резо? Как будто что-то о нем слышала, но вспомнить не могу.

— Нет, я такого не знаю. Могу дать задание суккубам узнать, кто это.

— Думаю, это подождёт. Лучше послушай, что он мне рассказал.

Она передала разговор с Каларом, упустив нудные подробности.

— Значит, всё-таки эссенция... Он считает, что тебя создали с ее помощью, — задумчиво произнес Эридан, и это прозвучало, как мысли вслух.

— Да, он так считает, — подтвердила Кьяра. — Думаю, сейчас много других головоломок. Всегда могу заняться этим позже. Ты сам как?

— Никак, — глухо сказал эльф. — Не знаю, что делать, меня выбило из колеи.

Он и правда еще не до конца осознал всей ситуации, и даже прием с записыванием мыслей не сработал. Эльф поднес испещренный строчками лист к огоньку канделябра, и на его лице заплясали отблески пламени, пожирающего бумагу. “Вот бы и в жизни можно было просто сжечь некоторые моменты”, - подумал он.

Кьяра увидела его отсутствующий взгляд и попыталась немного отвлечь.

— Я бы с удовольствием напилась в хорошей компании, хотя ты и не любишь пьяных женщин, — сказала она, подарив ему лукавый взгляд

— Напиться и забыться? Ты это мне предлагаешь? — он уронил лист на металлический поднос. — Может и неплохой вариант. У меня все равно в голове тишина.

— Так, не раскисать, — она слегка потормошила его за плечо. — Вопросов много, но ответов на них нет, может и не стоит забивать голову.

— Я не раскисаю.

— Не похоже, — ехидно ответила тифлингесса. — Устроим гулянку с гвардией, чтобы развеять печали Вашего унылого Величества?

— Сегодня?

Его голос был таким безэмоциональным, что Кьяра покачала головой:

— Не с таким настроением.

“Мысли о работе его отвлекут”, - мелькнуло в голове, и она поинтересовалась деловым тоном:

— Жду указаний. Есть какие-нибудь ответственные задания для меня?

Расчет оказался верен, взгляд эльфа немного оживился и переместился из одной точки на стене сначала к стопке бумаг на краю стола, затем к тифлингессе, и пустое выражение сменилось по-деловому собранным.

— Можешь помочь Зариллону, — сказал он после недолгих раздумий. — Ему нужно разобрать библиотеку.

— И он просил помочь с варкой зелий, — кивнула девушка, поддерживая идею.

С неожиданно нежностью она потерлась головой о его плечо, как тогда, когда он был без рук и не мог к ней прикасаться. Она почувствовала поглаживания по волосам, лишённые чувственного желанья, но все равно теплые.

— Я думал, что проклят Титанией, а моя душа просто нигде не нужна.

Он надеялся, что смерть королевы разрушила проклятье, и после смерти он обретет покой, но все оказалось куда сложнее.

— Вот Маммон удивится, если получит ее... Может ну ее, эту Мэб? Лучше дьяволом, чем призраком.

Кьяра посмотрела на него подозрительным взглядом:

— Как же мало тебе надо, чтобы сдаться.

Эльф усмехнулся:

— Это была шутка. Я убью Мэб, покончу с зимой, ребята смогут жить спокойно, — он помолчал. — А потом не знаю, что будет. Стану садовником или виноделом, возьму под крыло парочку сироток, найму на работу болтливых хафлингов, чтобы напоминали гвардию, — он фыркнул от смеха. — Ох, ну и чушь.

— Ну вот, — разочарованно сказала Кьяра, потянувшись по-кошачьи, — а я уже размечталась, если сиротка это я, конечно.

— Все равно сбежишь. Возьму маленьких сироток. Им придется сначала подрасти!

— А это будет зависеть от вас!

Эридан покачал головой:

— Как удобно. Мол, ничего не знаю. Развлекай меня, странный эльф!

Его взгляд стал серьезней:

— Если все целиком и полностью будет зависеть только от меня, значит, тебе и не нужно. Это ведь просто...

— Зануда, — фыркнула Кьяра.

Эльф мягко отстранил ее от себя и пошел в спальню, на ходу расстегивая пуговицы. Кьяра пошла следом и приостановилась, мягко прикоснувшись к сгибу локтя.

— Ты прав, — вздохнула она. — Это зависит и от меня, но разве я ушла, хотя ты давал такую возможность и даже подталкивал к этому?

— Нет, ты не ушла... — ответил он. — И я рад этому.

Столько раз спроваживал ради ее же блага, а она не уходила, и он почувствовал, что и правда рад этой отсрочке. От этого осознания в груди растеклось мягкое тепло, поэтому, когда Кьяра обняла его, позволил себе немного погреться этим чувством прежде, чем отстранить.

— Это нежности, а нежности ты не любишь, — произнес он.

— Сегодня можно, — ответила тифлингесса, без тени обычного ехидства.

Она не понимала почему, но чувствовала, что ему это и правда нужно сейчас. Не ласка страстной любовницы, а немного почти материнской заботы, как тогда, у костра, после того, как отрубили кисти.

Они легли на кровать, и Кьяра невесомыми теплыми движениями погладила его по голове, словно убаюкивая ребенка. Он прикрыл глаза и одними губами сказал:

— Спасибо...

Глава 19. Прыжки через огонь

Как жарко!

Открыв глаза, Кьяра увидела лицо спящего Эридана, почти соприкоснувшегося с ней лбом. Горячее дыхание опаляло губы, а руки, сложенные вокруг тела девушки, поймали в раскаленную ловушку. К тому же он слегка прижал ее. Удивительно, кровать огромная, как пшеничное поле, а он как-то умудрился улечься нос к носу к ней. Или он специально? Кьяра попыталась аккуратно высвободиться. Глаза эльфа распахнулись.

— Придавил?

Чародейка кивнула, и горячие руки исчезли с тела. Эльф немного отодвинулся, оставив после себя жар простыни.

— Я опять провалился куда-то, — тихо сказал он. — Это немного тревожит.

— Ничего страшного, — ответила Кьяра. — Все прочие так спят. Отдыхай дальше.

— Нет, — сказал эладрин, поднимаясь с постели. — Пожалуй, не хочу возвращаться в это состояние. Немного похоже на смерть...

Пожав плечами, девушка закрыла глаза и вновь погрузилась в сон. Проснулась она в одиночестве. Наверное, эльф действительно больше не ложился.

После облачения и завтрака, Кьяра отправилась в сокровищницу. Стоило найти цепочку на замену порванной, заодно проверить работу слуг и Фистиль. Из всего многообразия украшений на шею, от простого серебра, потемневшего от времени, до платиновых коле, усыпанных крупинками бриллиантов, тифлингесса выбрала парочку скромных и прочных цепочек.

Спустившись в казармы, Кьяра поздоровалась с Корлианом и Лафусом, дежурившими у подъемника. Задар, Лаемар и Ятар о чем-то беседовали в гвардейской трапезной, а Суман пытался повторить трюки с ножом, которые любил выделывать Лафус, но ему не хватало его ловкости. После очередного пореза он ругнулся и бросил это занятие.

— Хорошо, что ты свободен, — сказала Кьяра Задару. — Мне тебя не хватало. Продолжим занятия?

— Приятно слышать такое от женщины, — ответил красный.

Тема была сложной, требовался не один день, чтобы разобрать ее, и гвардеец не торопил девушку, обстоятельно рассказывая и терпеливо объясняя принципы.

Тренировка с Суманом прошла на контрасте с почти медитативным изучением языка. Бирюзовый стремился освоить все и сразу и еле сдерживал нетерпеливый порыв, когда пытался сплести новое незнакомое заклинание, отчего формула рассыпалась. “Нужно поработать над терпеливостью и усидчивостью”, — взяла на заметку Кьяра. Решив пообедать вместе с гвардейцами, за едой она пораспрашивала о новеньких, а бирюзовый был не прочь рассказать в своей эмоциональной манере.

— Анеркаш Керам молчалив, как рыба об лед, и смотрит на всех, как на потенциальных противников. Мне кажется, что он — просто зануда, вроде Корлиана, только еще хуже. Кто-то придумал обозвать его Иглой. А что? Тонкий, острый, хрупкий и никому тут нахер не дался. Единственные его положительные стороны — никого не задирает и быстро соображает. У Сехтена случается порой синдром “заколдованной принцессы”. Ну знаешь же? Когда нужно поцеловать жабу, чтобы она превратилась в прекрасную леди. Только это Сехтен, и целовать требуется в задницу. Но никто что-то не торопится к нему в невесты, —

Суман хохотнул, и Кьяра сама прыснула от смеха, представив эту картину.

— Но какой же при этом хитрый! Скажи Эридану, мы скоро все станем нищие, так хорошо он играет в зи. Справедливости ради, сам смеется, когда зовем его принцессой Звездочкой. Лучника зовут Джадрим. В ближнем бою не страшной девчонки, ведет себя как придурок какой-то, травит такие пошлые байки, что сатиры плачут, краснеют и просятся каргам под юбки. В общем... он всем нравится. А вот эти два рыцаря, — Суман вздохнул. — Уж они точно никому нахер не дались. Ни с кем не разговаривают, никому не нравятся. Фирику пора засунуть в задницу раскаленную кочергу и повертеть. Больно кичится и кровью, и принадлежностью к дому воителей. Мол, “смотрите, я играл с мечом с колыбели, пока вы пасли гусей, жалкое быдло”, - Суман злобно сплюнул. — Вот Гил-то ему рожу и начистил. Конечно, зеленому потом пришлось драить полы и выгребать волчье дерьмо, но и Малдету тоже. И если Гилу, пацану с фермы, это раз плюнуть, то Малдет... можно сказать, лишился девственности. А Дефераер... Жутковатый тип из Селани, весь такой темный и загадочный, как некромант на деревенской свадьбе. Трогать его никто не трогает. Кто знает, что от него ожидать? Это же Селани. Но всех уже укачивает от его “я не такой, как все, вам, летние детишки, не понять”... - бирюзовый снова прыснул от смеха. — По моему опыту все это “я не такой” сводится к какой-нибудь высокородной блажи, вроде грязного секса со статуей трехного коня в платье покойной бабушки.

Гвардейцы засмеялись, а Кьяра подумала: “Так вот как зовут этого красавчика. Дефераер Селани”.

— Хатаэ загадочно пропала, — продолжил эльф. — Элледин только улыбается на все расспросы. Может, он ее с парапета скинул? Надо будет проверить...

— Скучаете? — с улыбкой спросила тифлингесса.

— Кое по чему уж точно скучаем, — подал голос Задар, под смешки остальной гвардии. — Душевые-то у нас общие.

— Ах вон оно что! — возмутилась Кьяра. — Задар, ты неисправим!

— А что сразу я-то? — спросил красный и повертел головой, в ожидании поддержки товарищей, но Суман, Ятар и Лаемар соорзили осуждающие рожи.

Было приятно пообщаться с гвардией, но нужно было идти к Зариллону. На подходе в башне ее догнало сообщение Эридана: “Не планируй ничего на вечер. Будем дружно пить”. Она удивилась. Неужели-таки решил устроить праздник по ее предложению?

В башне мага пахло реагентами, алхимический аппарат булькал, пускал дымок и по капле цедил кроваво-красную субстанцию. Увидев чуть в стороне пустую тарелку, Кьяра удовлетворенно отметила, что ее наказ выполняется.

— Добрый день, Зариллон, — сказала она некроманту. — Меня сослали в помощь тебе.

— Надо же, не ожидал, — удивленно ответил эльф, отвлекаясь от варки зелий. — Ну хорошо. Я бы попросил проверить библиотеку. Там могут быть весьма редкие книги, но мне не хватает времени этим заняться.

— Хорошо, кивнула тифлингесса, — и с зельями помогу, чем смогу. Правда, сначала меня надо научить.

— Со временем научишься, — улыбнулся маг. — Будешь сначала просто на подхвате.

— У меня еще осталось несколько капель эликсира здоровья, — Кьяра достала пустую колбу. — Вдруг получится сварить похожее зелье.

— Отлично! — глаза у мага азартно загорелись. — Этого вполне достаточно!

Тифлингесса зашла в библиотеку магической башни. От количества книг закужилась

голова. Еще одна сокровищница, только бумажная. Решив, что поляжет в неравной борьбе с фолиантами, она решила сначала обратить внимание на книги, заключающими в себе признаки магии. Разноцветные нити плетения привели ее к огромному тому со страницами из камня. Поднять его было нереально. Больше ничего необычного девушке так и не встретилось. Почти отчаявшись, она совершенно случайно наткнулась на красочную книгу с живописными иллюстрациями. Кажется, это был местный Бестиарий. “Это будет полезно”, — подумала Кьяра, присвоив ее.

— Зариллон, взгляни-ка, — подозвала она волшебника.

— А это что? — сам у себя спросил эльф.

Он наколдовал ритуал опознания магических предметов и с жадностью стал изучать каменный фолиант.

— Очень интересно... кажется, это инструкции по созданию големов, и весьма необычных, местных разновидностей.

— У меня уже в глазах рябит, — пожаловалась чародейка. — На сегодня хватит, но завтра я вернусь и начну поиски с новыми силами. Здесь точно есть редкие книги, я это чувствую.

— Вспомнил! — воскликнул эльф. — Я же успел отыскать одну редкую книгу.

Вернувшись в кабинет, он покопался на полках и протянул девушке том в черном переплете с золотым сечением на обложке.

— Магический справочник телесного здоровья.

— Его Величество обрадуется, — сказала девушка, принимая книгу.

Еще бы. Такие книги содержат магию и необычайно редки. Тот, кто прочитает справочник от корки до корки и будет следовать его указаниям, станет крепче телом.

Она вернулась к самостоятельным занятиям эльфийским, окунувшись в покой и тишину кабинета Эридана. Ближе к вечеру приняла ванну и прошла по гардеробу, подбирая наряд. Сегодня хотелось быть яркой и вызывающей, глаз упал на откровенное красное платье. Длинные рукава и закрытая спина создавали обманчивое впечатление, но стоит посмотреть спереди... Вырез декольте доходил практически до живота, и разрез на юбке при желании мог продемонстрировать красивый изгиб бедра. Золотой жемчуг и гранаты походили на чешую красного дракона. Жадные и сварливые существа, но чего у них не отнять — в их жилах тек страстный огонь, а она сегодня хотела быть огненной и алчной.

В тронном зале уже были накрыты столы, заставленные закусками и знакомыми по коронации фонтанчиками, бьющими игристым сидром, пряным вином и чем-то почти черным, словно кровь из перебитой вены. Укрывшись от посторонних глаз, Кьяра понаблюдала, как собирались гвардейцы. Эльфы были в простой одежде, без парадных золотых камзолов. Фистиль пришла в элегантном васильковом наряде. Маленькие синие цветы украшали волосы и лиф платья.

Кьяра вышла из укрытия и поприветствовала тех гвардейцев, с кем сегодня не виделись. Эридан оглядел ее ошеломленным взглядом, который с трудом сфокусировался на лице. Гвардейцы не стесняясь разглядывали откровенное платье, и Кьяра с удовольствием отметила, что зеленоглазый Селани — не исключение. Один Арум целомудренно отвел взгляд.

— Что-то не так? Вам не нравится мое платье? — лукаво шепнула она на ухо Эридану, когда все начали рассаживаться.

— Как раз наоборот, — шепнул он в ответ. — Очень нравится, и не мне одному,

видимо.

Эльфы загалдели, не скрывая восторга от количества алкоголя. “Действительно, напиться и забыться”, - подумала Кьяра. Эридан наполнил причудливо украшенный рог почти черным вином, поднял для тоста.

— Я собрал вас сегодня, своих старых и новых соратников, потому что есть отличный повод. Каждый день жизни — отличный повод провести его с самыми дорогими, близким, любимыми. Вам ли это не знать, столько лет рискуя жизнью? Дело в том, что все значимые люди сейчас собрались за этим столом. Даже вы, новые ребята. Теперь, когда вы стали частью гвардии, вы стали и частью семьи под сенью огненного меча. Я буду присматривать за вами и стараться защитить. Пейте, празднуем жизнь.

Он почти осушил рог. Так непохоже на него, привыкшего цедить по капле в течение всего праздника. Эльфы подняли кубки и выпили, празднуя маленькие радости жизни. Над столом поднялся дружеский галдеж. Наполнив кубок сидром, Кьяра подседа поближе к Эридану, тот задумчиво наблюдал за оживленным общением подчиненных и друзей.

— Вы опять задумчивы, ну уж нет, — сказала девушка, подсев еще ближе. — В прошлый раз вы меня так и не научили танцевать.

— А ты не будешь стесняться? — лукаво спросил он.

— А чего стесняться?

Хмыкнув, эльф отложил рог и попросил:

— Каленгил, не мог бы ты сыграть?

Зеленый достал мандолину, и по залу разнеслась приятная мелодия. Игра его была гораздо лучше прежней, но старая гвардия все равно ритуально зашикала на него, заставляя новичков недоуменно переглядываться между собой.

Эридан галантно подал руку:

— Пойдемте, леди, пока мы не упились в хлам и еще можем двигаться.

Он вывел ее в центр зала и медленно повел в плавных движениях танца. Кьяра чувствовала тепло его руки на своей спине. Движения оказались несложными, она легко уловила ритм и наслаждалась теперь их синхронностью.

— У тебя отлично получается, — сказал Эридан. — Еще немного, и я поверю, что ты уже умела.

— Ну вот, опять мне не верите, — наигранно огорчилась тифлингесса, в глазах блеснуло лукавство.

— А с тобой нужно быть осторожным. То ты богиня, то ты кошка. Никогда не знаешь, с кем столкнешься.

Тифлингесса довольно улыбнулась, польщенная сравнением с богиней. Он и раньше называл ее так. Тогда, перед выкупом души. В тот раз она чувствовала неловкость, а сейчас...

Закончив танец, сели к столу выпить немного вина. До них долетели обрывки ссоры Корлиана и Вонтара. Надо же, Кьяра и не думала, что этот тихий брюнет может так браниться. Совершенно внезапно Фирик Малдет вмешался в их спор, только Кьяра никак не могла понять, успокаивал он их или наоборот подначивал.

— Но-но, никаких драк! — строго пригрозил белобрысый. — Не сегодня.

— А что ты все-таки сделал с Хатаэ? — тихо спросила Кьяра. — Она жива?

Эльф так же тихо ей ответил:

— Она жива. Ты ее ещё увидишь.

“Как интересно!” — подумала чародейка. Она сосредоточилась на происходящем за столом. Фистиль вела непринужденную беседу с Элледином. Тот не позволял себе лишнего, а вот лучник Джадрим не стесняясь травил пошлые шутки, такие глупые и квадратные, что гвардейцы не могли удержаться от смеха, скорее от его манеры общения, чем от скабрёзных хохм. Анеркаш сычом следил за окружающими, словно опасаясь удара вилкой в глаз. Вонтара штормило от ожесточенных споров до откровенного панибратства со своими сослуживцами, Фирик глушил вино как воду, и скоро это выйдет ему боком, а Селани пожирал Кьяру зелеными глазами. Ей было приятно чувствовать себя желанной, тем более таким красивым мужчиной, и она не стала отмахиваться от откровенных фантазий. Почему бы и нет? В другом месте и в другое время она бы позволила себе больше, но сейчас у неё было нечто более ценное, чем ночь с таким красавчиком.

Арадлив, увидев, что его шутовское амплуа уплывает в руки лучнику, начал соревноваться с ним в глупых шуточках.

— Арадлив, ну не надо так, не уподобляйся, мы тебя итак любим, — засмеялась чародейка, и синий показал Джадриму язык.

Девушка отвлеклась от дуэли шутов и вдруг обнаружила, что Дефераер подошел совсем близко. Зеленый взгляд нырнул в глубины декольте, он нахально улыбнулся и произнес в развязной манере:

— Крошка, не вижу смысла тратить времени на флирт, давай сразу перейдем к сексу, а то это платье того и гляди само с тебя свалится.

Складывалось впечатление, что он снимал девку у кабака. Конечно, откровенный наряд мог навести на мысль, что она здесь на правах сексуального развлечения, но Кьяра ожидала чего-то более элегантного. Она оскалилась в улыбке, демонстрируя острые клыки, надеясь остудить пыл парня. Дефераер вдруг рассмеялся и улыбнулся в ответ, блеснув длинными клыками исчадия:

— Крошка, мы с тобой отлично поладим, не будь такой недотрогой.

Эридан, до этого не замечавший нескромного поползновения в сторону Кьяры, вдруг опасно подался вперед.

— Какая она тебе крошка, ущербный? — нахмурился он, протянув руку к рукояти хлыста, свернутого на поясе. — Как ты разговариваешь с советником?

Дефераер опешил, Элледин попытался погасить гнев белобрысого:

— Тише! Вы же сами сказали, что без драк!

— Это будет не драка, — прорычал Эридан, — а наказание за неподобающее поведение.

Кажется, вино уже ударило ему в голову, ослабив пару ремней самоконтроля. Кьяра почувствовала, как накалилась атмосфера. Что это, неужели сцена ревности, да еще и такая бурная?

— Ваше Величество, вы и сюда кнут притащили, — укоризненно сказала она, положив ладонь на сгиб его локтя, а затем обратилась к зеленоглазому. — Ты просто не в моем вкусе, только и всего.

Наглая ложь, но только так можно было погасить возникший конфликт. Эридан, мгновение назад готовый разорвать Селани на окровавленные лоскуты, убрал руку с кнута. Дефераер отступил с почтительным поклоном, но в глазах застыла холодная злоба. Белобрысый проигнорировал это, нахмурился и отпил из рога.

Недоразумение быстро растворилось в атмосфере праздника. Лаемар показывал фокусы с водой, соревнуясь с Суманом. Меллот, уже порядком набравшись, немного заплетающимся

языком объяснял Вонтару:

— Да вы все уже достали. Да, мое имя означает "мак". Моя семья много поколений выращивала цветы, и сиреневые маки — не самое удивительное наше творение.

Послышался звон золотых украшений, и команду гвардии составила пара девушек, одетых как танцовщицы на коронации. В одной из них Кьяра узнала Хатаэ. Все-таки ее действительно понизили до обслуги, но она не выглядела несчастной, наоборот, наслаждалась жадным вниманием к себе. Ситар в ее руках запел мелодичной вибрацией. Что это у нее на шее? Ошейник с цепью? Она села на колени Корлиана, и тот уронил кубок, разлив вино по скатерти. Элледин засмеялся.

Музыка ситара и мандолины переплелись в веселую мелодию. Кьяра спросила:

— Ваше Величество не будет ревновать, если я немного потанцую с другими? Обещаю вести себя прилично.

— Ты же не пленница, — спокойно ответил Эридан.

Тифлингесса посмотрела в его глаза, но не увидела в них ревности. Та вспышка угасла, осталось лишь спокойствие, приправленное хмелем. Девушка подошла к Суману, который наливал очередной кубок:

— Я с прошлого раза должна тебе танец. Его Величество меня научил.

Бирюзовый с радостью согласился, и они закружились под музыку, весело и беззаботно. В отличие от Дефераера Суман вел себя галантно. И у кого еще благородная кровь?

Натанцевавшись, она рухнула на скамью рядом с Элледином. Тот как раз наблюдал за ужимками бывшей стервозной подчиненной.

— Сбылась твоя мечта, — сказал Кьяра, протягивая ему кубок, — предлагаю за это выпить.

Их бокалы звонко стукнулись.

— Да, отлично, — ответил золотистый, — но что это у нее на шее и зачем?

— У Эридана свои методы воспитания, — предположила чародейка, и Элледин удивленно округлил глаза:

— Будет возможность, проверю, работает ли это.

— Вы отлично дополняете друг друга, — вдруг сказала девушка. — Ты всегда был добр и терпелив, и за это спасибо.

Эльф тепло улыбнулся:

— Я стараюсь сглаживать острые углы. Он способен пороть горячку и быть слишком во власти эмоций. Что ж... Я не такая страстная натура. Я ведь осень, а он — лето.

Похоже на правду. Эти двое были так странно похожи и не похожи одновременно. Элледин был словно альтер эго Эридана, воплощением его лучших качеств.

— У меня все не было возможности поблагодарить тебя за спасение Эридана. Гвардия тебе тоже благодарна.

Девушка смутилась и пробормотала, что это не только её заслуга, и они выпили за командную работу.

Кьяра вернулась к альбиносу:

— Не успел соскучиться?

Она обняла его за шею, не стесняясь окружающих.

— Успел, — наигранно пожаловался эльф, — топлю печаль в вине.

Он приподнял полупустой рог, в котором блеснула темно-красная гладь.

— Какой кошмар, нет мне прощения.

Кьяра ловко выхватила рог из его ладони, и прежде, чем он успел отреагировать, припала к нему. Ух, ну и вино. На вкус, словно гранат, терпкое, с вяжущей горчинкой.

— Верни обратно! — возмутился эльф.

Он выхватил пустой бокал из когтистой ладони. Осушила до дна.

— Тебе показалось, что у меня вино слаще? — проворчал Эридан, наполняя новую порцию.

— Нет, хотела тебя подразнить.

Ей и правда нравилось злить его, смотреть, как вспыхивают эмоции вместе с огнеподобным ореолом, как он готов охотиться за ней и, возможно, даже ударить. В этом был странный азарт и больше возбуждающего, чем в обнаженном теле или влажном взгляде... А это вино крепкое, да еще и после сидра...

— Элледин интересовался вашими методами воспитания, — продолжила она, проследив глазами за движениями Хатаэ.

Эридан заметил направление ее взгляда, улыбнулся и кинул:

— Хатаэ, подойди сюда!

Звон металлических звеньев, эльфийка подбежала к нему и, повинувшись небрежному жесту, упала на колени. Он поднял ее на ноги, грубо дернув за цепь. Глаза Хатаэ весело блеснули.

— А теперь иди, развлекай Элледина.

Остроухая кинулась к золотистому и с разбегу прыгнула к нему на колени. Тот чуть не упал со скамейки от неожиданности.

— Со мной бы такой фокус не сработал... — многозначительно сказала Кьяра и села на колени эльфа, окончательно перестав стесняться окружающих.

На губах была терпкая горечь гранатового вина. Эльф обнял ее за изгиб талии и лукаво спросил:

— Ты хочешь быть сломанной и униженной? Она хотела. У каждого свои маленькие странности.

— Меня сломать и унижить не так просто. Слишком весёлое детство, — мурлыкнула девушка.

— Я и не хочу.

Черная яма, а на дне — окровавленное лицо Кьяры среди многих измученных лиц. Нет, он и правда не хотел.

— Знаю, — кивнула она, — но в чем-то мы с ней похожи...

Она игриво посмотрела на него, прикусив губу. Однажды он поставил ее на колени, обманом заставил подчиниться. Тифлингесса почти хотела, чтобы он овладел ей тогда, такой сильный был эффект.

Элледин прикрикнул, согнав Хатаэ с колен. Кьяра понимала, чего хотела эта странная эльфийка, и понимала, что Элледин не мог этого дать. Не тот характер, слишком правильный.

— Тем, что любите провоцировать? — предположил Эридан, его ладонь блуждала по ткани платья.

— Да, — призналась Кьяра.

Его ладонь скользнула в разрез на юбке:

— Тебя заводит моя злость, это я уже понял. А злить ты умеешь.

— Могла бы заставить поревновать, но, боюсь, это может плохо для кого-нибудь

кончиться.

Ухо обожгло его дыхание:

— Я ведь могу и отомстить...

— Да, — покорно кивнула Кьяра, — поэтому держу себя в руках, в отличие от вас, — она слегка шлепнула ладонь, которая поглаживала вырез.

— Ты стесняешься? — шепнул он. — В этом что-то есть.

Рука застыла на месте. Какая удобная позиция для небольшой шалости.

— Ваше Величество, — мурлыкнула Кьяра, — вы обронили, что ж вы такой рассеянный.

Самодовольно ухмыльнувшись, она протянула ему фамильный перстень, который совершенно незаметно сняла с пальца. Эридан удивленно принял его, попутно ощутив, что девушка была в тех перчатках, что он когда-то подарил ей.

— Какая же ты ловкая, — он слегка нахмурился, надевая кольцо. — Могла бы дорого продать его какой-нибудь девице до полуночи. Гарантирую, это бы действительно вывело меня из себя.

— А хорошая идея, надо воспользоваться...

Белобрысый резко вскинулся, Кьяра не успела ничего предпринять. Девушка упала на пол, приземлившись на колени и выставленные вперед ладони, и почувствовала, как на шее, ниже затылка, сомкнулись пальцы. Резкая боль, шейные позвонки сдавлены железной хваткой.

— Бесит слушать подобное от тебя! — прорычал Эридан, склонившись над ней.

Музыка оборвалась, вторая танцовщица взвизгнула, разговоры за столом смолкли.

— Эридан! — голос Элледина звучал встревожено. — Успокойся! Это же Кьяра! Ты делаешь ей больно!

Пальцы не разжались, и тифлингесса, хоть и не видела лица альбиноса, почти не сомневалась, что глаза у него красные, как вино, ударившее в голову. Она услышала злой шепот, прямо в ухо:

— Зачем ты это сделала? Я отпущу, когда скажешь.

— Я хотела пошутить...

— Что?

Пальцы разжались, выпустив из хватки, и девушка поспешила растереть шею.

— Простите, Ваше Величество, это была неудачная шутка, я заигралась.

— Шутка и правда неудачная, — немного грустно сказал Эридан.

Он сидел на полу рядом с девушкой. Затем грозно сказал гвардейцам, пожирающим сцену любопытными глазами:

— Чего пялитесь? Вино, всего лишь вино.

— Лучше оставайся трезвенником, — проворчал Элледин.

Тифлингесса встала, как ни в чем ни бывало отряхнула платье. Словно и не было этой кошмарной сцены.

— Я очень плохо понимаю шутки, ты же знаешь — спокойно сказал эльф и притянул к себе, чтобы снова примостилась на коленях. — Будешь вино?

— Да.

Устроившись на нем, наблюдая, как он наполняет кубок из фонтанчика, Кьяра подумала, что перемахнула сейчас через опасный пылающий костер. Одно неверное движение, и конец. Она бросила взгляд на Элледина. У того на лице читалось нескрываемое “ну и психи”. Элледин не стал бы прыгать через костер, ему не весело гадать, упадет он в

огонь или нет, и кровь его от этого не играет как ситар Хатаэ.

Эльф поднес кубок к ее губам. Снова терпкое, горьковатое вино, медленно стекающее по горлу и расцветающее огненным цветком в груди, аромат его — словно солнечный ветер над океаном медвяных трав. Она смаковала каждый глоток, чувствуя, что и сама уже словно горячий ветер. Кьяра думала, что он обидится, уйдет, топнув ногой, как обычно и бывало. Наверное, они оба в глазах окружающих безумны или одержимы. Пускай.

— Каленгил, сыграй веселое! — распорядился белобрысый, и снова полилась музыка мандолины, отражаясь от стен и потолка.

Кьяра приобняла его за шею, немного поглаживая, на что эльф расслабленно замычал, прикрыв глаза, и поцеловал ее за ухом. Кажется, он уже был пьян, да и девушка чувствовала, как медвяный жар кружил голову.

— Кажется, нам пора, пока мы ещё в состоянии идти, — шепнула она в белое ухо.

— Да, неловко было бы передвигаться ползком... — согласился Эридан. — Хотя я король, мне можно все. Король вынужден удалиться — объявил он, приподнимаясь с места вместе с Кьярой и аккуратно опустив ее на пол, — не поубивайтесь.

Тифлингесса вдруг осознала — и правда, король. Позади церемония, венчание на престол кругами земли и неба, присяга вассалов, но в то же самое время думы про разные миры и пропасти взаимного недопонимания не пришли ей в голову. В конце концов, они оба любили танцевать с огнем, пропитанные кровью и копотью, с лихорадочным блеском в глазах наслаждаться собственной силой, нестись словно пенный вал и сметать-сметать-сметать...

Тихая прохлада сада освежала разгоряченную кожу. Мерно плескалась вода в фонтане, где-то впереди, в кронах пели маленькие птицы. Кьяра игриво обогнала эльфа, дразня и подманивая к себе, а затем разрывая дистанцию. Ей нравилось его выражение лица и взгляд, которым он следил за легкими движениями, голодный, животный. Быстрый выпад рукой, но недостаточно. Девушка ловко отпрыгнула, приземлившись на изящные ноги, улыбнулась с вызовом в глазах. Может это даже и не прыжки через костер, а настоящий танец с быком, только быка на сей раз отвлекает не трепещущее полотно, а несколько полосок пепельной кожи, поблескивающей, словно текучая вода.

— Джи...

Он снова поймал воздух. Терпкое вино сделало тело непослушным, в голове осталось одно желание — настигнуть. Жемчуг и гранаты ярко сверкнули во время очередного прыжка, и он невольно подумал, что Кьяра и правда огневушка, а может и сам огонь, кожа — теплые угли, а волосы — легкий пепел, и все это — мираж, который не удержать. Эридан разозлился. Он может все!

Хлопок, громко прозвучавший в тишине, и Кьяра почувствовала руку на своей талии, крепко удерживающую на месте.

— Попалась.

Он прижал ее спиной к себе, запустив ладонь в декольте платья, а другую — в разрез на юбке, дразнивший весь вечер.

— Как же хотелось этого...

Горячая мягкость кожи обожгла ладонь, Кьяра забилась, как угодивший в силлок зверь. Попытки высвободиться заставили сильнее сжать руки и впиться пальцами, оставляя вмятинки на пепельной коже. Она не закричала от боли, не попросила ослабить хватку, пожалеть нежное тело, и от этого он только пуще разгорячился. Ремни самоконтроля

сильней расслабились, он явственно услышал скрип кожи и звон металлических пряжек. Или это его собственный ремень, скользнувший из шлевок?...

Перестав биться, девушка прижалась к нему, потеревшись о его грудь и живот. Рука в разрезе подола скользнула по бедру, собирая юбку.

Эридан вновь почувствовал себя балансирующим на краю черной ямы, только на дне — не окровавленное лицо, а коленопреклонное тело, обнаженное по пояс. На спине — следы истязаний плетью. Он представил, как она болезненно вскрикивала и содрогалась после каждого рассекающего кожу удара, извивалась, вжималась в пол, как алая кровь блестела на темной коже, скользкой, горячей, пахнущей солью и железом. Он почувствовал сильное желание и ужас от глубины этой ямы, наполненной черным противоречием: подавить, покалечить — уберечь, защитить... Тифлингесса застонала, выгнулась под его рукой и толкнула в бархатную темноту, ослабив последнюю хрупкую привязь.

Все стало черным и красным. Стук крови в ушах заглушал вскрики Кьяры, прижатой к полу, а ее заломленные за спину руки трепетали, сжимая ладони в кулаки, когда он вторгся в нее, не спрашивая позволения. Сопротивление застилало глаза туманом, и даже если ей было больно, он уже ничего не мог с собой сделать. Слишком сладка эта безграничная власть над этим телом.

Откуда-то издали раздавался ее шепот, прерываемый вздохами:

— Мне нравится быть в твоей власти, принадлежать тебе.

Он приостановился.

— Да, ты принадлежишь мне.

Он провел по ее волосам ласкающим движением, а затем собрал в горсть и потянул, с новой силой припечатывая девушку к полу. Она вся задрожала, то ли от боли, то ли от удовольствия, выгибаясь, рыча сквозь дерзкий оскал острых клыков.

В черной бархатной тьме она кричала под его ударами, корчась на окровавленном полу, а затем он грубо овладевал ей, несмотря на отчаянное сопротивление и крики, что она убьет его, даже если для этого придется спуститься в Бездну. Ломал крылья, мешающие насладиться безграничной властью и, вдоволь наигравшись, сокрушал изящную головку, обрывая крики боли и ярости. В этот самый момент его накрыло спазмом удовольствия, острым как нестерпимая боль, и туман в голове слегка рассеялся.

На мгновение Эридан испугался, что открыв глаза, увидит растерзанное тело, и от этого внутри все сжалось. Так и не открыв глаза, он почувствовал прикосновение к лицу и волосам, ласковое поглаживание.

— Какой ты сегодня горячий и ненасытный, — сказала Кьяра.

На ее лице не было крови и ужаса, на теле — ни одной раны, а крылья... крылья целы и невредимы.

— Я потерял контроль, — признался он, сжав ее ладонь, замершую на щеке, а затем отстранился, поправляя одежду. — Виноваты и вино, и платье. Ты ведь специально его надела? Хотела соблазнить весь стол?

— Нет, только тебя, — лукаво ответила она.

— Ты произвела эффект. Как минимум на того из Селани. Он был разочарован. Ты этого ожидала?

— Я бы так не сказала...

— Хорошо, что ты отшила его, — как бы невзначай проронил Эридан, затягивая ремень, — иначе я б расписал его словно кожаный гобелен.

Она вновь прикоснулась к его лицу, заставив посмотреть в глаза.

— Я могу немного пофлиртовать, но прикоснуться позволю только тебе.

Кьяра искала отклик на свои слова в его лице и взгляде. Они оставались спокойны как ледяная гладь, лишь пальцы чуть сжали ладонь девушки. Это был тот ответ, которого она ждала.

Глава 20. Подступающий мрак

Незаметно пролетел месяц. С каждым днем корабли Мэб подходили все ближе, и все ближе, казалось, подступал мрак с Севера. Сначала донесения приходили раз в неделю, затем — раз в день, и к концу срока — несколько раз в сутки. Королева Воздуха и Тьмы смела Утзаир и зашла в русло реки. Теперь ее притормаживала только ледяная пустыня, сковавшая воду. Иронично, проклятое наследие Аурил сыграло Эридану на руку. Однако льды не способны были надолго задержать северную владычицу.

Мысли с каждым днем становились все мрачней, и чтобы отвлечься от них, Кьяра взяла пример с Эридана и тоже окунулась в работу с головой. Ее обязанности все также были нехитрыми: изучать язык, гонять гвардейских магов, иногда проверять работу в сокровищнице и, конечно, помогать Зариллону. Вечерами она читала Бестиарий и понемногу знакомилась с обитателями Страны Фей. Узнала она немного и о фоморах, которых так любили поминать местные эльфы, и они оказались весьма неприятными великанами.

Тифлингесса помогла некроманту навести порядок в библиотеке, расставить книги по категориям. Натыкаясь на тома по медицине, она относила их в лазарет, где Арум денно и ночью учил помощников. Кьяра и Зариллон, в свою очередь, много времени проводили в алхимической лаборатории, готовя зелья лечения, мази и прочие полезные эликсиры. Процесс этот был рутинным, поэтому девушка освоила азы работы с алхимическим аппаратом и несколько рецептов из тех, что приходилось варить особенно часто. За работой они много общались с волшебником. Иногда он рассказывал об Академии, где учился, и откуда его выперли за склонность к авантюрам и страсть совать нос в запретные секции. “Я очень боюсь смерти, поэтому стал некромантом”, - рассказывал эльф. — “Звучит не слишком логично, да? Но когда что-то можно свести к простой формуле, посчитать и объяснить логически, мне становится легче”. Время от времени в башню мага навевывалась Фистиль. Они вели между собой непринужденные беседы, и, хотя они даже не прикасались друг к другу, тона голоса и взгляда было достаточно, чтобы понять, что между ними что-то есть. Тифлингесса была рада за волшебника. Фистиль было не просто красавицей, но и умницей, каких поискать. Выбор же самой эльфийки ей казался интересным, ведь Зариллона трудно было назвать девичьей мечтой: не эталон мужественности, не красавец, но воодушевленность, живой ум и желание экспериментировать вполне способны были привлечь такую же умную и увлеченную наукой особу. Кьяра снова подивилась, как иной раз сплетаются судьбы. Не будь этой войны, смерти Титании, падения дома Терим, разве могли бы Фистиль и Зариллон быть вместе? Только в мечтах.

Порой тифлингесса замечала за волшебником, что он переутомлен и чем-то опечален. Она много раз предлагала ему взять денек на отдых, но он неизменно отказывался. В этом они с Эриданом были похожи. Сдохнут, но сделают. Иногда девушка видела, что волшебник стоит на коленях со склоненной головой, словно беззвучно молится. Вера — личное дело каждого, девушка не задавала вопросов. Она и сама периодически прикасалась к монетке на запястье и шептала молитвы Тиморе, а ночью — обращалась к Кереске и спрашивала-спрашивала-спрашивала... Однажды во сне ее посетило видение. Богиня-дракон сказала: “Все идет, как и должно. Оставь беспокойство и отдайся на волю судьбе. Не стоит пытаться заглушить голос крови или бороться с ее властью. Это все равно, что идти против девятого

вала. Не сопротивляйся, и волна сама вынесет тебя к самым вершинам. Не торопи события, нужный час и так уже близко. Ты слышала признаки, скоро увидишь своими глазами”. Утром чародейка только фыркнула. Никакой полезной информации, только туман над водой и старые как мир метафоры, а вот что за ними стоит? Ее беспокоила неизвестность и еще больше — страх. Что станет с Эриданом?

Вспоминала она и о Темпусе. Часовню возвели за полторы недели. Убранством она сильно напоминала ту, что была в Эйлеваре, только витражи рисовали картины других сражений: поверженные Оберон, Титания и Хисрам и, словно обещание, поверженная Мэб и всех их пожирало пламя. Пламя... Странно и даже немного забавно, что Эридана звали Нежностью, когда он служил Аурил, а теперь — Его Пламя, словно он — паладин Темпуса. Ежедневные молитвы в полдень собирали под крышей часовни всех темпаран, в том числе и Эридана, но Владыка Битв оставался глух и нем по отношению к белобрысому. Эльф делился этим с Кьярой, и хоть и казался спокойным, девушка видела, что он напоминал ребенка, не понимающего, почему отец не обращает на него внимания “Я недостаточно хорош? Я делаю что-то неверно?”, - говорили его глаза, когда он возвращался из часовни, весь пропахший еловым маслом и сомнениями. Тифлингесса иногда наблюдала за их молитвами, стоя в дверях, считая огоньки свеч у массивной жаровни и надеясь на помощь Владыки в грядущих сражениях. Ей нравилось слушать, как голос Арума раскатывался по залу, такой могучий и величественный. Сам он был похож на золотого полубога, а тень его, занимающая целую стену, наводила на мысль о Бахамуте, который словно склонился над своим избранником, благословляя каждое похожее на удар колокола слово.

Порой, устав от рутины, Кьяра отправлялась полетать по окрестностям, обращаясь в дракона. С каждым разом она все лучше чувствовала новый облик и все больше узнавала о его возможностях. Иногда она предпочитала полетам скачки на волках. Пару раз к ней присоединялись гвардейцы, и они резвились, а заодно — оттачивали управление и координацию. Особенно важно это было новеньким ребятам, которые еще ни разу не бились бок о бок со своими зверями. Эридан дал строгий наказ им наладить общение с волками, чтобы те понимали их с полувздоха. Кому-то это давалось легко, кому-то — паршиво, и самыми неудачными в этих случаях были тандемы Фирика и Дефераера. Эти двое даже других ребят не считали ровней себе, что говорить о зверях, пусть и таких умных? Заносчивый Малдет был Кьяре более или менее понятен. Тупой, как сапог, все чувства — словно открытая книга. А вот Селани вызывал смесь интереса и подозрения. Ей хотелось расплосовать его красивое лицо за ту похабную грубость во время гулянки с гвардейцами. Однако он не давал больше для этого повода, не проявлял непочтительности и вел себя спокойно. Порой Кьяре казалось, что в ярко-зеленых глазах вспыхивают огоньки ненависти, и на лице появлялось жуткое выражение. Она списывала все на свою подозрительность, но на всякий случай присматривала за ним.

Не смогла чародейка найти подход и к Анеркашу. После длительных наблюдений, она пришла к выводу, что маг — параноик, каких поискать, и ему следует попросить у Арума успокоительного отвара. Кьяра и сама пила такой. Чем ближе подступали войска Мэб, тем беспокойней ей становилось. Пропали сон и прежде безупречный аппетит, появились страхи и приступы панической атаки. Он прописал ей успокоительные травы, и она послушно пила их. Беспокойство слегка улеглось, но периодически бывали вспышки беспочвенной агрессии. Доставалось в основном Эридану. Они с Кьярой закусывались, порой очень серьезно, до истошных криков, сломанной мебели и вспышек заклинаний. Слуги в панике

разбегались, только заслышав издали, что эти двое начинали ссориться. Однажды она сильно ударила его сполохом огня, а он наотмашь врезал по лицу, да так, что в голове звон, а во рту — вкус крови. Это немного отрезвило их обоих, ведь каждый из них был по-своему очень силен, но осознавал это, только когда кто-то страдал по их неосторожности. Они бурно ругались, потом так же бурно мирились, частенько не доходя до спальни. Письма изменили эльфа, он больше не пытался выпытать у Кьяры сокровенных мыслей, словно смирившись, что это хвостатое создание — непостижимо, как вселенная.

Если закрыть глаза на Фирика, Селани и параноика из Керам, тренировки с гвардией проходили продуктивно. Корлиан и Суман схватывали налету и к концу месяца уже умели колдовать несколько полезных заклинаний. Кьяре нравилось натаскивать этих двоих, таких непохожих друг на друга эльфов. Обстоятельство Корлиана контрастировало с азартностью и эмоциональностью бирюзового. На перерывах они порой что-то рассказывали о себе. Брюнет поведал, что стать солдатом не было его выбором, так распорядилась судьба. Отец умер, мать осталась одна, с двумя несовершеннолетними дочерьми. Они еле сводили концы с концами, а обучение на волшебника стоило недешево. Им нечем было платить за землю, и тогда он решился на этот отчаянный шаг. Кто ж знал, что Корлиан, такой низкий и щуплый от природы, сможет так далеко зайти. Суман признался, что ушел в наемники еще до совершеннолетия. Жизнь на полубесплодной каменистой ферме казалась ему издевательством. Проснулся дар управления водой, но бирюзовому было сложно контролировать силу, и однажды это чуть не привело к гибели соседской девочки. После этого больше он магией не пользовался и умер бы, наверное, с плугом в руках, если бы однажды не сбежал вместе с группой мимо проходивших солдат. Больше Суман домой не возвращался, да и там ему, наверное, не рады. Позже ему было совестно за этот малодушный, эгоистичный поступок. Его новой семьей стала гвардия, и отсюда Суман сбежит только на тот свет.

Сборы и комплектация новой армии шли полным ходом, параллельно с этим Эридан отправил шпионов во все Летние Дома, чтобы вовремя подловить на измене, если таковая намечалась. Особое внимание он уделил дому друидов, однако, несмотря на тонкий шпионаж, поймать их на сотрудничестве с Лемифинви так и не вышло. Леди Хуоро проводила какие-то махинации со средствами дома, а может у них завелся воришка, но больше никаких странностей.

Приезжала леди Кифель, привезла кузнецов своего дома, в помощь Неоиру. Печи Сеннальесса раскалились докрасна, пошла тяжелая работа, а сама альбиноска любила беседовать с Эриданом на разные темы. Однажды она уговорила его на тренировку, и в тот же вечер уехала, хотя намеревалась остаться на несколько дней. У благородных свои причуды.

Ближе к концу месяца Зариллон сделал приятное открытие: потерянную память при отбытии из Страны Фей можно было вернуть с помощью несложного снятия проклятия. Это была всего лишь теория, но все рано давало надежду, что драгоценные воспоминания, а с ними и эмоции, не исчезнут без следа.

* * *

Эридан освежился водой с кислым яблочным соком, чтобы немного взбодриться. День был утомительным и долгим, из предстоящей тренировки хотелось выжать максимум удовольствия. Площадка на крыше была залита розовым светом. Кифель не пришлось долго ждать. Ему понравилась ее пунктуальность. Эльфийка сразу бросила деловой взгляд на

стойку с оружием.

— Ваше Величество, вы тренируетесь боевым?

Солнце хищно блеснуло на заточенных лезвиях.

— Да... — Эридан спохватился. — В казармах есть тренировочные болванки, могу послать за ними.

Кифель медленно прошла вдоль стойки, и ее внимание привлекло копьё с наконечником в форме листа.

— Нет, так даже интересней. Почти как настоящее сражение. Я буду аккуратной, обещаю, — она выхватила копьё и пронзила им невидимого противника. — Ни одного царственного волоса не упадет с вашей головы.

Ее глаза лукавили. Кифель подразнивала его и пристально следила за реакцией. Разозлится? Проигнорирует? Он улыбнулся.

— Леди, это не страшно. Все равно, что порезаться бумагой.

Эридан выбрал полуторный меч. Сегодня никакого солнечного клинка, только привычная тяжесть стали. Альбинос чуть пошевелил кистью, нащупав хрупкое равновесие между яблоком и сверкающим лезвием. Иногда он скучал по этому ощущению. Небольшому напряжению в сухожилиях, томящему и тянущему, словно долгие ласки перед соитием.

Кифель выбрала небольшой круглый щит, сверкающий, словно золотая монета, а Эридан — тяжелый, грубый и надежный, как и он сам. Они обменялись несколькими пробными выпадами. Кифель ловко отразила все три удара, выставив щит. Эльфийка подвязала длинный подол платья, и теперь ее ноги обнажились до середины бедра. Красивые, изящные, покрытые тонкими полосками шрамов. Эридан проследил, как они двигаются. Быстро, пружинисто, сохраняя равновесие тела даже на неровной поверхности.

— Интересный выбор оружия, — сказал белобрысый, заслонившись от выпада. — Много о вас говорит.

— И что же?

Глаза эльфийки лихорадочно заблестели.

— Вы не любите никого к себе подпускать.

Глупая шутка, но она засмеялась.

— А вы, стало быть, рубаха-парень, ведь ваша специальность — тесный контакт?

— И да, и нет... Люблю тесный контакт, и все же... — щит вновь звонко отразил лезвие копьё, — предпочитаю отгородиться. Чем теснее контакт, тем он опасней...

Она сделала несколько шагов назад и вдруг спросила:

— Вам нравятся мои ноги?

— Да, — признался эльф. — Прелестные.

Она вновь улыбнулась и в следующее мгновение метнула копьё, даже не изменив выражения лица. На мгновение Эридану показалось, что оно неминуемо воткнется в колено, но успел увернуться. Лезвие оцарапало кожу и, звякнув, упало на пол.

— Мне тоже нравятся ваши ноги. Длинные и прыткие.

Эридан почувствовал смесь эмоций: возбуждение, азарт и злость. Он недооценил эту белую суку, она могла сильно ранить его.

— Опрометчиво. Вы остались без оружия.

Теперь ничего не стояло между ними. Кифель кинулась к стойке, но поздно. Эридан уже сократил дистанцию, оттеснив ее к противоположной стене. Эльфийка заслонила щитом, отводя атаку за атакой, а затем вскрикнула, когда по ноге потекла струйка крови.

Маленький надрез, месть за царапину копьём. Кифель посмотрела на кровь, глаза у нее закатились, и леди рухнула на пол, выронив щит.

— Леди?...

Что это? Он неосторожно задел артерию? Бросив оружие и щит, он кинулся проверить ее состояние.

— Кифель?

Эридан нащупал пульс на ее руке, и белые ноги, эти красивые изящные ноги, уперлись ему в грудь и безжалостно оттолкнули, лишив равновесия. Ловко вскочив, альбиношка кинулась к копьё.

Коснувшись земли, Эридан разъярился. Дочь карги, обвела его вокруг пальца!

Кифель подняла копьё ногой, обернулась и охнула. Эльф уже перехватил его у наконечника и с силой вырвал из белых рук, оставляя на ладонях глубокие ссадины. Древко ударило эльфийку в живот, заставив рухнуть на пол. Красные глаза распахнулись в ужасе, отражая вспышку солнечного света на острие, опасно летящем к ее лицу.

— Хаххх! — хрипло выкрикнул эльф, лезвие вошло в нескольких дюймах от головы Кифель, полностью исчезнув в дереве пола.

Сердце трепетало, кровь бурлила.

— Убита! — прорычал Эридан, резко перейдя на ты, и Кифель прошептала одними губами:

— Убита... — и потянула его на себя, уцепившись за ворот рубашки.

Если бы они были мечами, их, несомненно, ковал бы один и тот же мастер. Загипнотизированный этой мыслью, Эридан поддался порыву, и вот он уже чувствовал ее губы, мягкие и гладкие, словно наливной плод, нежный цветочный аромат, исходящий от кожи и разметавшихся волос, а ладонь легла на обнаженное бедро. Пальцы почувствовали длинный шрам. Его разум и тело еще не отошли от схватки, и этот поцелуй был словно ее продолжением, нанесением глубокой и влажной раны.

Кифель положила ладонь поверх его и повела вверх, дальше вдоль этого длинного шрама, чтобы окончательно отключить голос разума. Дерзкая эльфийка не скрывала желания. Ее глаза не сомневались, что Эридан упадет в эти красные озера и отымеет ее так, словно это последнее его соитие перед смертью. Она была уверена... но промахнулась на месяц или два. В другое время он бы, не задумываясь, стащил с нее платье и растерзал прямо на полу, но сейчас это тело под ним напрасно расточало флюиды. Эридан подумал о Кьяре и о том, какая она красивая, когда радуется и доверчиво ластится к нему, а ему больше ничего и не нужно.

Прикрыв глаза, он отстранился от лица эльфийки.

— Мы слишком увлеклись...

Глаза Кифель были полны недоумения, когда он убрал руку с бедра, и, поправляя одежду, встал на ноги.

— Леди, спасибо за тренировку. Было очень весело. А сейчас мне хотелось бы отдохнуть, день был долгим и насыщенным.

Кифель встала, оправила платье и убрала разметавшиеся по плечам волосы несколькими движениями, полными неловкости.

— Спокойной ночи... Ваше Величество, — сказала она, через секунду уже улыбнулась, сделала полный достоинства кивок и удалилась к лестнице вниз, сохраняя царственную осанку благородной леди.

Белобрысый проводил ее взглядом, собирая раскиданное оружие. Красивые ножки, и бедра тоже хороши. После подхватил кувшин с яблочной водой и подошел к парапету. Отсюда открывался волшебный вид. Почему не взял ее? Все, как он любит. Красивая и сильная, ценит риск и гораздо пустить кровь, не упадет в припадке, если при ней размозжить несколько черепов. Пара, достойная короля.

Все это проносилось в голове, но чувствовал он совсем другое. Что хочет спуститься, найти Кьяру, затащить в постель и быть таким, каким она пожелает, а после сказать какую-нибудь глупую чушь, словно ему меньше ста, а она его первая в жизни страсть. “Какой ты дурак, Эридан”, - подумал он. “Что может быть глупей, чем влюбиться в кошку?”

Альбинос сделал еще плоток и вздохнул, оглядев лес в пламени заката. Как давно небо не было настолько красивым!

Эридан еще немного полюбовался им, затем спустился, нашел Кьяру и настойчиво потянул в спальню. Он ласкал ее, желая видеть на любимом лице радость, услышать довольное мурлыканье. В груди полыхнуло огромное солнце в зените. Чувство, на которое, как ему казалось, его сердце больше не способно, и слова сами сорвались с губ:

— Милая, с тобой я снова жив.

Вечер. Разведчики доложили, что войска Мэб в паре дней пути от Сеннальесса, но она пришла не ради длительной осады. Несколько военных советников наперебой твердили королю, что ему стоит оставаться во дворце, под охраной и защитными полями. Архифея хочет заполучить трон по Праву Сильного, а для этого нужно прикончить врага своими чертовыми руками.

— Я не собираюсь ждать и надеяться на крепость стен, — сказал Эридан, нахмурившись. — Предпочитаю превентивный удар, обезглавить эту гидру, и ее войска рассыпятся, словно карточный домик.

Кьяра слегка улыбнулась. Она не сомневалась, что он скажет что-то подобное, да и сидеть за стенами было ей не по нраву. Лучше напасть, вложив все силы в первый удар, ошеломить врага, а там — будь что будет.

— Если завтра станет известно местонахождение Мэб, мы с гвардией сами обезглавим ее армию, — добавил альбинос, и его заглушила волна шума, поднятого советниками.

— Слишком много напрасного риска и слишком большая вероятность вашей смерти. И что тогда? — спросил один, со шрамом через правый глаз.

— Ничего, — спокойно ответил Эридан. — Элледин следующий после меня. Затем Арум, Лафус, Меллот, Суман, Лаемар, Корлиан. В общем, война не прекратится с моей смертью. Она прекратится только со смертью Мэб.

Советники притихли, переглянувшись. Видимо, не ожидали от короля такого простого отношения к собственной смерти. Эридан добавил:

— Если мы так и не обнаружим ее местонахождение, то следуем старой тактике: занимаем выжидательную позицию и вступаем в бой непосредственно с ней и ее ближайшим окружением. Остальное сделают основные силы.

Тифлингесса задумалась, что будет, если эльф умрет. Его душа перейдет в собственность к Маммону, но и это еще не конец. Главное убить Мэб, поработить ее дух, и можно было бы поторговаться с Лордом Преисподней. Как Эридан тогда с Королевой Воронов, за ее собственную душу.

После совещания, Кьяра тихонько шепнула ему:

— Не сомневаюсь, что Элледин способен вести войска вместо тебя, но занять твое место на престоле... Он слишком добрый, ему будет трудно замарать руки, уничтожая бунтовщиков и казня предателей.

— И кого же мне оставить? — спросил Эридан.

— В том-то и дело, что некого. Это можешь сделать только ты.

— Я умею только убивать, — возразил он, словно прячась за этот аргумент, но Кьяра не унималась.

— Это ты, безусловно, умеешь хорошо, но, может, настало время поучиться чему-то новому? У тебя впереди долгая жизнь, — сказала она. — Я знаю, что эладрины тебе противны, но посмотри на Фистиль и Кифель. Кем они были и кем стали, когда получили свободу, которую ты им дал? Как много еще эладринов тайно мечтают изменить свою жизнь, но по праву рождения вынуждены следовать старым заветам? Сломать старый мир недостаточно, нужно дать новый направление, а никто, кроме тебя, его не видит.

Она осеклась и вдруг с горечью хмыкнула:

— Забавно, я уговариваю тебя сделать то, что мне самой не нравится. С другой стороны, даже меня ты заставил работать планомерно и методично.

— Ты верно говоришь, но от этого мне становится горько, — эльф устало прикрыл глаза. — Чем больше я ввязываюсь, тем тяжелее мне бросить, и я чувствую, что теряю свободу выбора. Как же я ненавижу это место! И больше всего за то, что оно никак не может оставить меня равнодушным...

Кьяра грустно кивнула:

— Ты признаешь мою правоту, а мне впервые от этого грустно. Только не вздумайте умереть специально. Договорились?

— Отличная идея, и решать ничего не нужно.

Он, конечно, насмеялся, и тифлингесса в шутливой ярости поколотила его, а затем обняла, с неожиданной нежностью положив голову на грудь. До слуха донесся мягкий стук сердца, обрывающийся резким звоном стали.

— Оно снова звенит, — прошептала тифлингесса.

Эльф обнял ее:

— Я уже и сам слышу, как оно звенит.

— Сегодня я не хочу об этом думать, — сказала Кьяра. — Хочу просто побыть с тобой. Даже если скоро все закончится, я жалею только, что Мышу не забрала и Эрту не воскресила.

— Ты не умрёшь, — уверенно ответил эльф, сжав ее руку, — ты для этого слишком сильная.

— А ещё азартная, так что оставь случаю и удаче решать мою судьбу. На коронации ты сказал, если все будет плохо, нам с Арумом лучше уйти, но мы с ним приняли решение, что останемся в любом случае.

Он не смог скрыть удивления:

— Мне вы, конечно, решили об этом не говорить. Какой был бы толк в вашей гибели? — эльф покачал головой. — Постарайся не лезть в откровенное пекло.

— Ну как мне не лезть в пекло, это так напоминает родину, — попыталась пошутить Кьяра, и в голову Эридана закрались крамольные мысли. Зариллон мог бы сварить отличное сонное зелье, и уснувшую девушку можно было бы спрятать, только куда? Самым безопасным местом был бы Фаерун. Он заставил себя прогнать эту соблазнительную мысль.

Без её магии шансы на победу существенно ниже. Эридан привык рисковать и ставить на кон все. Как же сейчас это было тяжело.

— А если ты умрёшь, и я потеряю из-за этого концентрацию? — воскликнул эльф. — А если умрет Арум, и некому будет возродить нас? Мне хотелось бы заставить тебя или вовсе не пустить сражаться, но это против твоей природы, которая так мне нравится. Однако своими словами ты искушаешь меня, Кьяра.

Тифлингесса ненадолго задумалась.

— Хорошо, я постараюсь быть осторожной и рисковать, только если буду уверена, что другого выхода нет.

— Это немного успокаивает.

Кивнув, Кьяра нежно поцеловала его, и они отправились в спальню. Лежали в постели и думали, что же будет с ними, а после пытались уснуть, чтобы начать новый день сильными.

Утром замок был похож на потревоженный улей. Еще до завтрака Кьяра выпила отвар, почувствовав, как к горлу подкатила тревожная дурнота. За трапезой выслушали доклад разведчиков. Мэб до сих пор скрывалась от зорких глаз, а вот войска ее уже почти подступили к стенам Сеннальесса. Поток беженцев, ищущих защиты короля, все никак не иссякал. Эридан позволил им укрыться за стенами. Он подозревал, что Мэб владела могущественной некромантией. Незачем было пополнять ее войска.

После завтрака, прямо на столе расположили карту местности и начали обсуждать стратегию. Эридан сделал несколько пометок цветными чернилами:

— Я предлагаю приманить ее и накрыть небольшим отрядом. Не тут, это очевидно открытое место. Вот здесь. Я мог бы послужить приманкой, у кошмарки бешеная скорость. Будет неплохо установить несколько ловушек с триггером и несколько магических сенсоров для наблюдения. Будет не важно, выйдет она или нет. Главное, увидеть, откуда идет атака.

Началось обсуждение плана. Кто-то был за, кто-то против. Кьяра вставила несколько слов:

— Если собираешься лететь на кошмарке, возьми меня с собой. Если тебе навяжут бой, будет кому прикрыть.

Эльф немного обдумал ее предложение и покачал головой:

— Пока я на кошмаре, я могу избежать боя, уйдя на Эфирный план, но ты, Кьяра, не сможешь атаковать оттуда. Я бы предпочел, чтобы твоя ударная мощь пошла в дело.

— Как скажете, Ваше Величество

Ей было немного досадно, но он был прав. От нее больше пользы, когда она может использовать свою магию.

— На том и решили, — продолжил Эридан. — Нужно проработать алгоритм. Я приманю, а ты, Кьяра, накроешь. Я уйду в Эфир, и меня не заденет. ...

Они продолжили обсуждение, какие еще заклинатели годятся для магического залпа, а кому лучше заняться ловушками. Весь оставшийся день они потратили на проработку этого плана, установку ловушек, создание свитков. Хатаэ помогла Кьяре наполнить жезл поглощения магическими зарядами.

Они с Эриданом вновь решили лечь пораньше. Долго лежали в обнимку и все никак не могли наговориться. Разговор потихоньку зашел о семье.

— У тебя же был брат? — спросила тифлингесса. — Он был старшим? Они все погибли от твоей руки?

Кьяра вспомнила тронный зал Эйлевара, полный замороженных тел.

— Младший, — ответил Эридан. — Я не знаю, как умер отец. Возможно, от старости ведь ему уже было почти семьсот. А мать и брата я убил сам.

Тифлингесса смолкла, и эльф тихо спросил:

— Ты ужаснулась?

— Да, это ужасно, — согласилась тифлингесса, — но могу тебя понять. Ты был почти безумен, предан родными и близкими. Мы видели твою тюрьму, врагу не пожелаешь оказаться в таком месте, гуманнее было убить или изгнать.

Да и может ли она осуждать? Сама ведь убила того полуэльфа, который предал ее доверие и обокрал не столько материально, сколько эмоционально.

— Спасибо брату, — продолжил белобрысый. — Это было его предложение. Со стороны выглядело гуманно, а на деле это была пытка.

— Забавно, — протянула чародейка, — Титания и Дхоэль так боялись твоей инаковости, что взрастили яростное чудовище себе на погибель.

Эридан задумался. Если бы не попытка убить, он бы, возможно, до сих пор был лордом Эйлеvara. Он не стремился к трону и даже помыслить себе не мог, что когда-нибудь наденет корону владычицы лета.

— Нет, я бы не хотел другой жизни, — признался он. — Да и разве это жизнь? Идеальный мир, выстроенный вокруг меня. Тюрьма без цепей и стен. Мне больше по душе тот жестокий мир, где есть настоящие чувства... и ты.

Надо же! Кьяра, циничная до мозга костей и презирающая телячьи нежности, подтаяла от его слов. Она поспешила вставить что-нибудь едкое:

— Я и сама хотела тебя убить, за злобу и жестокость, и если бы Аурил у того дерева не вмешалась, то обменяла бы твою душу на свою и стала свободной.

Эльф приподнялся над кроватью, посмотрел на нее и ошарашено произнес:

— Ах ты ... Обманщица. Беру свои слова назад, ты тоже иногда змея коварная.

— Я коварна с врагами, а ты для меня тогда был чужим, жестоким, несговорчивым, высокомерным эльфийским...

Он смолкла, и эльф возмущенно насупился:

— Договаривай. Кто-кто?

Взгляд из под сведенных бровей возмущенно поблескивал.

— Прекрасно, — пробурчал он. — Убила бы и никогда не узнала меня лучше.

Тифлингесса погладила его по плечу и ласково прильнула, желая погасить огонек возмущения. Эльф немного расслабился от её мягкости:

— Даже если я останусь и сяду править, давай начистоту... Ты же не останешься.

— Я уже начала привыкать к Стране Фей. И я зря что-ли учила эльфийский?

Она сказала это как бы невзначай, превращая в шутку.

— Чтобы на Фаеруне соблазнять эльфов и ругаться изящно? — в ответ пошутил Эридан, а затем серьезно добавил. — Если останешься, я буду рад.

Ну вот, опять он это сказал. Кьяра чувствовала, какая это опасная тема, как легко было поддаться на эти слова и упасть в омут с головой. Она вновь заставила себя перевести тему и стать циничней.

— Они там зачастую ещё более высокомерные, — фыркнула она. — А если вам будет не до меня, найду кого-то из местных, посимпатичнее.

— Ты серьезно надеешься найти кого-то лучше меня? Это как от хорошего вина перейти на дешевые помои, а потом удивляться, что голова болит.

Опять самоуверенность.

— Голова у меня болеть не будет, а по вкусу, может, и буду скучать, — бросила она.

— Кошка, которая гуляет по дворцу, а когда ей скучно, ночует в чужих комнатах — угрюмо проговорил он. — Даже не думай, что я тебе это спущу с рук.

Рука, приобнимающая Кьяру, исчезла.

— Прости. Я не собиралась так делать, — она мягко потерлась об него, словно желая, чтобы он вновь положил руку, погладил, но он этого не сделал. Вместо этого сказал, отвернувшись:

— Это неважно. Мы говорим о призрачном будущем, которое, возможно, не настанет. Я меняюсь. Встаю утром, иду к зеркалу и вижу, как пробегает сияние по венам. Иногда что-то двигается странным образом, стоит мне протянуть руку. Вижу кошмары, в которых меня убивают. Иногда это происходит в Эйлеваре, а порой в странном месте, где все парит в воздухе, даже земля и корабли. Слышу слова на незнакомом языке, но почему-то все понимаю.

“Почему он не рассказал?” — подумала девушка, а вслух сказала:

— Надеюсь, что когда они получают свой меч, ты это переживаешь...

— Нужно быть готовым к худшему. Что не переживу.

Кьяра грустно промолчала в ответ, а затем добавила с обидой:

— Ты ничего не сказал...

— Не хотел беспокоить.

Он вдруг обернулся к ней, словно опомнившись.

— А знаешь, забудь. Все будет хорошо.

Кьяра дернула хвостом от досады.

— Пойду, полетаю, подышу свежим воздухом, — проронила она, вскочив с постели.

Быстро накинула одежду и побежала вниз, к подъемнику. Шаг за край, распахнутые крылья и невесомость полета. Как же он иногда бесит и обижает своей странной заботой. Не хотел беспокоить!

Полетав часок, она успокоилась. Вернувшись в спальню, скользнула под одеяло, свернувшись клубком под боком у своего эльфа, и мысленно взмолилась Кереске. Когда должен пробудиться меч, какова будет цена? Выживет ли Эридан после этого?

Богиня ответила в свойственной ей манере: туманом и загадочными видениями. “Меч пробудится очень скоро”, — сказала она, — “Ты должна сберечь его. Иначе это”.

Тифлингесса вновь оказалась во сне, где ей отрубали крылья, и она падала на стеклянные зубцы, где лежали тела всех, к кому успела прикипеть всей душой. Элледин, Арум, Эридан. Она вновь пережила этот ужас, и голос богини выхватил ее из видения: “Или это”. Кьяра увидела одинокого серебряного дракона, бредущего по ледяной пустыне, пока бесконечная пурга укрывает погибающий мир. “Выживание носителя важно, пока меч куется”.

Тифлингесса проснулась в дурном настроении. Кьяре не нравилось, когда ей угрожали, это была именно угроза, она в этом не сомневалась. От этих мыслей стало плохо, и она вновь напилась отвара. Так можно и подсесть. Эридан раздавал последние распоряжения в тронном зале, а Кьяра забежала в сокровищницу забрать несколько полезных зелий, в лазарет за несколькими рулонами марли и склянками с зельями лечения и эликсирами здоровья. Спустившись к подъемнику, поздоровалась с Элледином и Сехтенем. Другие ребята облачались в казарме. Арадлив и Джадрим наперебой сыпали глупыми остротами,

пытаясь справиться с волнением. Волков уже не было в конюшне, видимо их одоспешили и спустили вниз. Тифлингесса зашла на склад и на всякий случай взяла котелок побольше, а когда вышла, увидела оседланную кошмарку, прикованную цепью возле своей новой конюшни.

Все, что произошло дальше, случилось слишком быстро. Гигантская бабочка ударилась о защитный купол дворца, узоры плетения ярко вспыхнули и погасли, защитное заклинание рассыпалось. Одновременно с этим Кьяра услышала звон стекла со стороны тронного зала, хлопок массивных дверей и шелест множества крыльев. На площадке перед подъемником полыхнуло, из света выступило несколько незваных гостей, озираясь по сторонам.

Они собирались выйти навстречу войне, но война опередила их.

Глава 21. Вторжение

Кьяра юркнула за угол волчьего загона. Она успела увидеть, что вторгшиеся похожи на карг, пучеглазых, с ярко выраженными рыбьими чертами, а среди них стояла прекрасная статная эльфийка. “Мэб?” — мелькнуло в голове у тифлингессы, и внутренности сжались от ужаса. “Нам конец”. Карги похожи на морских. Не очень сильные твари, но обладающие смертоносным взглядом. Посмотрев в их глаза однажды, можно поддаться страху, посмотрев дважды — и сердце остановится от ужаса. Это стоило учесть во время битвы. “У Мэб есть крылья”, — внезапно вспомнила Кьяра. — “У этой дамочки их нет”. Не ускользнуло от внимания тифлингессы и падение хитросплетенной защиты, на которую Зариллон потратил много времени и сил. Потом подумает, кто предатель, а сейчас надо было сражаться и победить.

Выглянув из-за угла, Кьяра кинула шар ревущего пламени в самую гущу морских карг и юркнула обратно. Яркая вспышка мощного взрыва отразилась от стен, треск занявшегося пламенем дерева и крик привлеченных взрывом гвардейцев. “Не умрите там, ”- подумала Кьяра.

Она отступила еще немного. За пределами видимости послышались звуки завязавшегося сражения, и тут из-за угла прямо на тифлингессу вышла та самая прекрасная эльфийка. Огонь заклинания немного опалил ее платье, сама она выглядела невредимой и крайне злой. Приостановившись, она сделала глубокий вдох, и какое-то наитие заставило Кьяру заткнуть уши. Красавица исторгла пронзительный вопль, от которого свело болью даже плотно закрытые уши. За спиной эльфийки показалось несколько рыбьих морд. Тифлингесса слегка отвела взгляд, чтобы не поддаться на пугающую магию морских фей. Быстро отступив на несколько шагов, ударила разветвляющейся молнией по страшилищам и красотке. Эльфийка болезненно охнула, карги завопили от муки. Издалека послышался раскат грома. “Надеюсь, гвардейцы справятся”, — подумала чародейка, продолжая пятиться от этой странной женщины. Та кинулась было в сторону девушки, но метко пущенный снаряд сырой магии притормозил ее, а в следующее мгновение чародейка обернулась драконом. Пасть ощерилась рядами острых зубов, крылья хищно растопырились, в надежде запугать эльфийку, а затем Кьяра взлетела над загонем. Она должна была удостовериться, что с гвардией все в порядке. К ее облегчению, гвардейцы прямо на глазах добивали остатки вражеского отряда. Дефераер прикончил одну из карг точным ударом в горло, затем обернулся, приложил ладонь козырьком. Заметил дракона. “Молодцы, сами справляются”, — подумала Кьяра и камнем кинулась на эльфийку. Чешуйчатое тело сбilo ее с ног, когти впились в хрупкое тело. Яркая вспышка, чародейка почувствовала дикую боль, словно ее кинули в печь, в которой металл превращается в пар. Страшно заслезились глаза, запахло паленой плотью, и тифлингесса вынуждена была отпустить окровавленное тело. Что это было? Какая невыносимая мощь! Одно крыло дракона оплавилось настолько, что безвольно повисло, лишая возможности взлететь.

Эльфийка вскочила на ноги. Раны, нанесенные драконом, сочились кровью и свалили бы любого человека, но не эту дьявольскую красавицу. Сверкнули длинные когти на прекрасной руке, сияющие, словно раскаленный металл, и Кьяра вновь закричала от боли. Эти когти прожигали насквозь, дракон захрипел, и девушка почувствовала, что он распадается, выкидывая ее в облик человека. Грудь горела жутким ожогом, и на мгновение

она испугалась. Эта девка без особого труда разделала дракона! Недолго думая, девушка взлетела. Прав был Эридан, к черту ближний бой, лучше во всех случаях атаковать издали. Боль разозлила ее, и она выстрелила в красотку ледяным снарядом, превращая кровь в алые снежинки.

Из-за поворота выбежал Дефераер, и эльфийка моментально обернулась на позвякивание амуниции. Кьяра хотела крикнуть, чтобы не вмешивался, но поздно, эта дрянь уже сама кинулась на эльфа, полыхая раскаленными когтями. Они прошли между щитками брони, и лицо Селани посерело от боли. Его палаш обрушился на эльфийку, раздался мощный громовой раскат, и окровавленное тело отшвырнуло от него на несколько футов. Красавица упала на землю, прокатилась по ней и осталась лежать неподвижно.

— Шлюха дретча [1]! — зло выругался Селани, сбивая с себя пламя.

Из-за угла выбежали остальные гвардейцы и помогли ему потушить одежду.

— Что это еще за тварь? — спросил Сехтен. — Ладно карги, но она?

“Надо же, даже местные не знают”, - подумала Кьяра. Она сжала камень послания и отправила сообщение: “Эридан, как ты?”. Молчание. Девушка вспомнила звон стекла со стороны тронного зала, и в груди зашевелился червячок беспокойства. Именно там она видела его в последний раз.

По лестнице долго, лучше напрямик. Кьяра взвилась вверх, к окнам тронного зала. Гвардейцы что-то закричали, но она уже не расслышала.

Вот они, огромные окна во всю стену, некоторые разбиты. Кьяра влетела в пробоину, и тронный зал ответил ей тишиной. Чародейка хотела было рвануть к покоям Эридана, но тут увидела на полу множество изувеченных тел огромных бабочек и обломки каких-то сучьев. На полу лежала фигура, словно сплетенная из стеблей, которые безвольно распались на отдельные части, черт лица было не разобрать. На сучьях, бабочках и стеблях виднелись характерные жженые раны — следы солнечного клинка. Наверное, пока они сражались с каргами, Эридан вел собственный бой. Немного крови, но нет эльфийских тел.

Двери на этаж наложников резко распахнулись, чуть было ни заставив тифлингессу выстрелить в растрепанную фигурку. Хатаэ. Лицо покраснелось от бега, волосы выбились из прически, а нескромный наряд танцовщицы украсили прорехи.

— Ты тоже тут? — удивилась она.

— Где Эридан?

— Я не знаю, — ответила эльфийка, — я его сегодня не видела. Думала, он с тобой или с гвардейцами.

“Надо проверить покои”, - подумала Кьяра, и вдруг в голове всплыло мысленное сообщение Эридана: “Извини, я был слишком занят, чтобы ответить. Случилась беда. Я не успел спасти Арума. Найди Хатаэ. Пусть идет в лазарет”.

— Ты нужна в лазарете, — сказала Кьяра, и Хатаэ снова удивилась:

— И в лазарете тоже?!

— Поторопись, — распорядилась тифлингесса и сама полетела на всей возможной скорости.

Лазарет встретил запахом свежей крови. Кьяра сразу увидела трупы бабочек и фей, размером с хафлингов, вооруженных серпами. Меллот и Задар сидели на полу, устало облокотившись о стену. Кажется, они пережили не лучший в своей жизни бой. Эридан замер над распростертым телом драконида, вокруг которого натекла огромная лужа крови. Как много, целое озеро. Чешуя безжалостно изрублена. Эридан повернулся в сторону Кьяры, и

произнес с сожалением:

— Я пришел слишком поздно, — он перевел взгляд на эльфийку, вышедшую из-за спины тифлингессы. — Хатаэ, я слышал, ты владеешь магией оживления...

Та встала на колени над телом Арума, внимательно его осмотрела. К удивлению Кьяры, даже не побелела лицом.

— Все верно, — наконец сказала она, — но это долгий процесс, и мне нужен бриллиант, который стоит не менее пятисот золотых.

— Я могу принести из сокровищницы, — тут же предложила тифлингесса.

— Я пойду с тобой, — подхватил Эридан, — на случай, если там враги.

— Будьте осторожны, — сказала Хатаэ, обернувшись. — На этих бабочках какие-то руны... Мы с Зариллоном их быстро раскидали, но руны опасны.

Кьяра кивнула:

— Хорошо. Подлатай пока ребят, пожалуйста.

По пути в сокровищницу Кьяра рассказала о битве возле подъемника, а Эридан быстро поведал о сражении в тронном зале:

— Вломились через окно. Бабочки, растения. Не поверишь... Лемифинви. Только мы трое против них. Я думал, нам конец, но догадался убить Лемифинви. Он рассыпался на какие-то стебли, за ним и все его лозы, а бабочки — это мелочь.

— А как погиб Арум?

— Думаю, у нас с ним бой начался одновременно, — хмуро предположил эльф. — Он был совсем один против этой толпы. Убил некоторых, сопротивлялся как мог, но, когда я пришел, он был уже мертв, а эти твари заполонили лазарет. Мы убили их.

— Лемифинви явно знал, как застать нас поодиночке, напал сразу на всех... — Кьяра, немного помолчав, добавила. — Надеюсь, Хатаэ сможет воскресить Арума.

— Он знал! — в сердцах воскликнул эльф. — Но как он прошел защиту? И неужели он все-таки объединился с Мэб? Травяной ублюдок. Если она не сможет... клянусь, я всех убью, но кого-то убью очень-очень медленно.

В сокровищнице они нашли необходимый камень и взяли еще несколько мешочков камней подешевле, для более слабых заклинаний. Хатаэ приняла ингредиенты и скомандовала:

— Уйдите. Заклинание произносится целый час. Мне нужна тишина.

Это не было гонором спесивой эльфийки. Лицо заклинательницы было очень сосредоточенным, без намека на обычное нахальство.

— Пойдемте, — сказал Эридан, кивнув гвардейцам, — мы тут не помощники.

Задар и Меллот выглядели намного лучше, магия Хатаэ исцелила множественные раны и ушибы.

Двери лазарета захлопнулись за их спинами. Эридан отошел в сторону, достал камень и начал переговариваться с кем-то. Тифлингесса в общих чертах поняла, что речь шла о войсках. Через несколько минут он отложил камень в поясную сумку.

— Пошли, — сказал он Кьяре. — Возможно, нам придется оставить Арума на попечение Хатаэ и сражаться без него. Наступление Мэб началось. Кстати, — он снял с пояса одну из черных фляг, пахнущих магией Нижних Миров. — На случай моей недееспособности. Встань над мертвым телом и открой пробку. Как только руна загорится красным, закрой ее. Ничего сложного.

Тифлингесса приняла предмет, засунула в сумку и сказала:

— Знать бы, кто крыса Лемифинви.

Эльф молча сжал кулак, сочленения латной перчатки громко хрустнули.

Вчетвером они направились в тронный зал. Нужно было соединиться с гвардией и выехать навстречу Мэб, пока основные войска еще могут вести сражение и не пускать врагов за стены. Ожидалась жаркая битва, но вот чего они не ожидали — высокого и тощего эльфа с голубой кожей, что уже подждал их в тронном зале. Длинные белые волосы, глаза полностью залиты колким голубым светом, а в руках меч с лезвием, покрытым светящейся изморозью. Кьяра вскинула руку быстрее, чем что-либо сообразила, и огненная искра обожгла противника, испаряя слой льда с голубой кожи. В голове промелькнула мысль: “Неужели гвардия мертва?” — и быстро угасла, отвлеченная всполохом бледно-голубого света. В мановение ока эльф оказался прямо перед тифлингессой, и меч просвистел в нескольких дюймах от ее лица, обдав зимним холодом. Захватило дух от такой резвости. Кьяра поспешила разорвать дистанцию, а Меллот и Эридан окружили противника, отвлекая внимание от чародейки. Солнечный клинок скрестился с ледяным, раздалось громкое шипение. Аметистовый воспользовался ситуацией и поразил ледяного в открывшуюся щель доспехов. Брызнула черная кровь, тощий оттолкнул Эридана и огрызнулся сталью на Меллота. Задар тотчас встал между товарищем и противником, давая другу время оклематься от удара.

— Иди сюда! — прорычал Эридан, солнечный клинок прошел ледяной наплечник. Враг яростно закричал, вокруг эльфов завертелась снежная буря, и Кьяра потеряла их из виду. Волна холода докатилась до нее, заставив пальцы занеметь, но когда снег резко опал, мокрым хлопком оседая на пол, девушка заметила, что эльфам досталось сильнее. Посиневшие лица с признаками боли, но они все еще стояли, не давая этому ублюдку напасть на Кьяру. Ее остроухие рыцари.

Раздался шорох, воскликнул Задар, и тифлингесса в последний момент вскинула магический щит, заслоняясь от смазанного зеленого пятна. Плетение защиты вспыхнуло, и девушка почувствовала резкую боль. Что-то вспороло одежду и прошло толстую ороговевшую кожу, пройдя сквозь щит, словно сквозь подтопленное масло. Лемифинви. Она узнала этого розоволосого фея, похожие на шелковый плащ крылья за спиной и маску хищной улыбки, застывшую на лице. В руках архифеи плясал хлыст, усыпанный острыми шипами. А может и не в руках, а был продолжением его тонкого маленького тела. Послышался вскрик Эридана — второй фей, брат-близнец Лемифинви, хлестнул его шипастой лозой. Один из ремней на доспехах лопнул. Кьяра замешкалась, но только на мгновение. “Я знаю, как убить тебя, растительный ублюдок!”. Она потянула ниточку жизненной силы, текущей по телу Лемифинви, превращая его тело в хаотичное сплетение лоз, трепыхающихся и увядающих прямо на глазах. “Так тебе!” — подумала чародейка и взвилась под потолок.

Эльфов истрепало. Задар еле дышал, Меллот с трудом держал меч, по ноге Эридана текла кровь, запятнав ярко-голубые узоры. Девушка ударила ледяного очередным огненным всполохом и охнула. Острый осколок прошел плечо, и от обморока спасало лишь то, что лед охлаждал рану, останавливая кровь и лишая чувствительности. Как же больно! Кьяра почувствовала, что висит на волосок от гибели.

— Аргх! — ледяной мигнул голубым светом и оказался на безопасном расстоянии от эльфов, уставившись голубым взором на чародейку. Эта вспышка прокатилась волной нестерпимо холодного воздуха. Меллот, застонав, осел на пол, Эридана согнуло от боли.

Что-то просвистело в воздухе, и острый осколок льда сбил шлем с головы белобрысого, а хлыст второго Лемифинви обмотался вокруг ноги и окончательно лишил равновесия. Задар попытался перерубить руку с хлыстом, но и сам еле удержался на скользком от снега полу.

Стук сердца, отдающийся гулом в виски. Все решают мгновения. Кьяра чувствовала, что почти мертва. Она могла бы выскользнуть в разбитое окно, и поминай как звали, ледяной козел, но ощущала привычный горячечный азарт, который не позволил сбежать от Тиамат, а еще — этих троих она не бросит. Зарычав, она ударила сильно и зло, высушивая жизненные силы феи, превращая в кучку жухлых растений, а вторым движением прожгла ровную дырку в груди ледяного. Он покачнулся и рухнул на пол, прозрачные доспехи рассыпались быстро тающим крошевом.

Эридан крикнул:

— Кьяра, поймай душу этого уroda! — а сам подбежал к Меллоту, проверяя его состояние.

— Сожгите останки, — бросила тифлингесса и полетела в сторону распластанного трупа.

Задар принялся суетиться над обломками, стаскивая их в кучу и пытаясь поджечь, но пальцы с трудом слушались, да и сами стебли, свежие и сочные, не желали заниматься пламенем.

Кьяра воспользовалась флягой, как учил Эридан, и когда руна запыла, закрыла крышку. Девушка почти не сомневалась теперь, что они одолели того самого Принца Мороза, что из сказки. Только на картинке он был воздушный и невесомый, а в жизни больше походил на Эридана, только кожа голубая да шрамы распределены по телу иначе.

Белобрысый поднял бессознательного Меллота:

— Он не боец на сегодня. Отнесу в лазарет, — он посмотрел на истекающую кровью девушку. — Да и ты еле держишься, Кьяра. Тебе тоже нужно в лазарет.

Поднявшись на ноги, тифлингесса достала один из свитков, запасенных для битвы с Мэб. Не волшебное лечение, но прибавилось сил и выносливости, и до лазарета она уже шла твердым шагом, в отличие от Задара, который ковылял, опираясь о стену.

Хатаэ сосредоточенно жестикулировала над телом Арума. Ученики дракониды, прятаясь в подсобке, дрожали в углу. Эридан жестами показал им, что нужна перевязка, и они безмолвно повиновались.

Короля и гвардейцев разоблачили. Белобрысый кивнул на раны девушки и сказал:

— Лучше тебе остаться.

Она отрицательно помотала головой, вытащила из сумки баночку с мазью и сама, помогая лекарям, замазала несколько ранок.

— Ты все равно не слушаешь, так ведь?

— Да.

Эльф вздохнул, натянул поддоспешник и броню, затем кивнул забинтованному Задару, чтобы шел с ним. Кьяра двинулась следом, радуясь, что не пришлось долго ругаться и выяснять отношения. Она пойдет дальше и точка. Это не обсуждается.

Они вернулись в тронный зал. Костер, сложенный из останков Лемифинви, погас сам собой и теперь курился черным дымком, даже толком не опалив останки.

— Не надо поджигать мой дворец, — нахмурился Эридан.

Тифлингесса фыркнула и дернула хвостом:

— Ты же его убил, а он воскрес и, более того, раздвоился.

— Да вот он, — альбинос указал на моток лиан в форме человеческой фигуры, заметно более вялый, чем остальные. — Откуда ж он воскрес? Это что-то, что выглядит, как он. Еще розовый любит болтать. Эти же немые как рыбы.

Чародейка задумалась. Пожалуй, в его словах было рациональное зерно. Это были какие-то марионетки, а не сам Лемифинви.

Из разбитого окна донесся шум сражения. Гвардия была в беде. Кьяра попыталась превратиться в дракона, но кровь упрямо не слушалась. Видимо, та красавица убила драконий облик. Чертова богиня, нет от нее никакого прока, как и от ее подарочка.

Эридан тоже услышал шум бойни. Подбежал к дверям, толкнул изо всей силы. Дерево скрипнуло, створки не шелохнулись. Кто-то заблокировал с другой стороны. Эридан высунулся из окна, звуки стали ближе, но по-прежнему ничего не было видно, слишком неудобный ракурс. Кьяра прикинула размер оконного проема и скомандовала, превращаясь в гигантского орла.

— Цепляйтесь за меня.

[1] Дретч — слабый, глупый, исключительно злобный демон, привыкший сбиваться в стаи

Глава 22. Зловещая птица

Эльфы уцепились за пернатую шею, и Кьяра вылетела через окно. Внизу, на карнизе действительно кипел бой. Гвардейцы отчаянно сражались с рыцарями в ледяных доспехах, и деревянный пол уже успел пропитаться кровью. Гигантский орел пошел на снижение. Краем глаза она заметила в небе огромную тень, а следом — услышала душераздирающий клекот. Повернула голову на звук — прямо на нее летела черная птица, окутанная фиолетовым сиянием. Тифлингесса мгновенно узнала ее. Что ж, это рано или поздно должно было случиться, но сейчас, в полете, она была слишком уязвима. Чародейка продолжила снижаться, надеясь успеть приземлиться прежде, чем птица нападет... Резкая боль, разметавшиеся перья, и Кьяра почувствовала, как птичий облик испустил дух. Задар охнул, падая вниз, девушка уцепилась за его руку, пытаясь как-то удержать их обоих в небе, но он такой тяжелый. В голове лихорадочные мысли: “Эта птица нас сейчас сожрет... Как же Эридан... Руки заняты, колдовать не могу...”. Птица медлила со вторым ударом. Повернув голову, увидела как она мечется в небе, словно пытаюсь кого-то скинуть. Красная искорка среди черных перьев. Эридан.

Кьяра отчаянно пыталась затормозить падение, и ей это почти удалось. Задар рухнул на землю, но удар был несильным, и он быстро вскочил на ноги, выхватив клинки. Девушка плавно приземлилась в самую гущу сражения. Справа от нее пылал жаром огненный клинок Сехтена, врубаясь в ледяные доспехи, слева — золотая искорка Элледина. Левая рука безвольно повисла, доспехи влажные от крови, но эльф продолжал яростно сражаться. Чародейка огляделась. Нужно было колдовать очень аккуратно, чтобы не задеть своих. Электрические разряды с шумом врезались в толпу ледяных рыцарей, насквозь прошивая доспехи и плоть, но замертво упал только один. Какие же крепкие! Сверху их периодически накрывала огромная тень. Птица продолжала кружить в воздухе, пытаясь скинуть белобрысого.

Гвардейцы, словно волки, почуявшие больных и слабых в стаде врага, накинулись на тех, кого поразила молния. Корлиан подрезал сухожилия здоровяку, на две головы выше брюнета, и тот как подкошенный рухнул к его ногам. Фирик, вошедший в клинч с противником, двумя ударами латной перчатки превратил лицо ледяного в багрово-черное месиво. Дефераер долго кружил вокруг своего оппонента, слишком осторожного, чтобы нарочно подставиться под удар палаша. Их дуэль завершилась хрипами рыцаря, из перебитого горла хлестала кровь. Суман уничтожил еще одного, и так одномоментно они значительно проредили вражеский отряд. Щелкнула спущенная тетива, и Фирик рухнул на труп врага с торчащей из тела стрелой. Слева раздался стон, и Кьяра увидел, как обмяк Элледин, оседая на пол, а над ним навис ледяной рыцарь с перекошенным от ярости лицом. Птица приземлилась на крышу волчьего загона, рухнула на спину и принялась кататься, пытаясь раздавить Эридана.

Несколько рыцарей начали опасно сближаться с Сехтеном. Кьяра отпугнула их мощным взрывом огненного шара, и теперь все трое были заняты борьбой с пламенем. Сехтен как-нибудь выдюжит. Ее беспокоили две вещи: птица, скинувшая-таки со спины альбиноса и нависшая над ним, словно гора мертвой плоти, и рыцарь, вставший над Элледином. Промедление могло стоить жизни им обоим, поэтому тифлингесса швырнула в нежить шарик сырой магии, желая отвлечь от белобрысого. Краем глаза девушка увидела голубую

вспышку, и противник Элледина рухнул. Молодец, Анеркаш!

Распушив перья на полуистлевшем черепе, мертвый феникс нанес мощный удар клювом прямо в покрытый узорами нагрудник. Эльфа опрокинуло на спину, и Кьяра среагировала моментально. Из мертвых глаз брызнули кровь и слизь, огромная туша конвульсивно дернулась и распалась на кучу гниющей плоти. Чародейка метнулась к упавшему эльфу, тот медленно приподнялся, ощупывая отверстие в нагрудной пластине.

— Ты в порядке? — спросила Кьяра.

— Доспех пострадал сильнее меня, — успокоил ее Эридан.

“О ранах потом, сначала надо выиграть битву”, - подумала чародейка, спархивая с крыши. Ее магические силы почти иссякли, жезл поглощения был пустым, и что делать дальше она не знала, но битва была еще не проиграна, гвардейцы все еще отчаянно сражались, и рыцари валялись с ног под их напором. Зависнув над полем брани, Кьяра прибегнула к самой простой и слабой магии. Снаряды пламени срывались с ее пальцев и врезались во врагов, разбрасывая искры и брызги талого льда, не убивая, но выводя противника из равновесия, а там уже хищная стая гвардейцев окружала и ломала сопротивление опаленных врагов. Двуручник Сехтена, этот пылающий факел, который чуть не прикончил Эридана на коронации, оставил груды искалеченных тел, ему вторила золотая вспышка солнечного клинка и оглушительные раскаты грома ударов Дефераера.

Последний противник упал, сраженный рапирой Вонтара, нырнувшей между пластинами брони, и звуки боя затихли. Тяжело дыша, гвардейцы переглянулись между собой, словно не веря, что они остались живы. Тишина показалась Кьяре оглушительной. Сехтен вложил меч в ножны. Дефераер, тяжело дыша, оперся на палаш. Держался он, видимо, на одном самомнении. Задар помог Анеркашу вытащить полы плаща из-под вражеского тела, бедному волшебнику не хватало силенок. Арадлив и Каленгил оттащили стонущего от боли Фирика, из которого все еще торчала стрела. Удалить ее — работа лекарей. Вонтар, присел на труп, очищая рапиру от крови. Эридан отнес в сторону бессознательного Элледина, укрыл плащом с заботливостью наседки. Кьяра увидела Корлиана, израненного, но живого, опирающегося о стену Ятара, Сумана, жадно пьющего из фляги. Лицо Лаемара было похоже на кровавую маску. Он бродил между трупов и словно что-то искал. Наконец остановился и склонил голову с грустью. Приземлившись рядом с ним, увидела тело гвардейца, сцепившееся с рыцарем в последней схватке. Серебристая челка, половина уха. Лафус был ловок и хитер, но смерть оказалась хитрее.

— Мы его воскресим, — тихо сказала тифлингесса, положив ладонь на плечо фиолетового, и тот молча кивнул.

“Если сами не умрем”, - подумала она, но не сказала вслух. Одна эта маленькая победа была настоящим чудом, а что будет дальше? Кьяра заставила себя не думать об этом.

Глава 23. Горечь предательства

Кьяра подошла к Эридану, тот озадаченно разглядывал отверстие в нагруднике, в которое легко могло пройти два-три пальца. Узоры на доспехах искрились, то затухая, то судорожно загораясь. Магическая целостность была нарушена.

— Неоир будет недоволен, — пробормотал белобрысый, — если его не убили, конечно...

— Кого? Меня?!

Солнечный эльф, перепачканный кровью с ног до головы, с подбитым глазом, но живехонький, облокотился на рукоять двуручного молота.

— Только после вас, Величество... А на доспехи нужна заплатка, только что-то мне подсказывает, что времени ее сделать не будет...

Он подошел к белобрысому, сделал несколько хитрых пассов, и узоры погасли.

— Благодарю, — ответил альбинос, — ужасно отвлекало.

Девушка бросила красноречивый взгляд на прореху в нагруднике.

— Да, чувствую рану, — кивнул эльф, — но меня не сильно задело, кости целы, и дышать не больно.

— Нет, — помотала головой тифлингесса. — Вспомни видение. Давай отступим к лазарету? Тебя надо подлечить и остальных тоже.

Она осмотрела раненых, старательно отводя взгляд от тела Лафуса, заботливо вытащенного из-под вражеских трупов. Краем глаза заметила, что к серебряному положили Джадрима. Несчастный лучник тоже не пережил боя.

Эридан объявил об отступлении к лазарету и приказал воинам взять арбалеты и побольше боеприпасов к ним.

— Возможно, придется окопаться, — объяснил эльф, направляясь к кошмарке, которая уже изгрызла цепь и сделала несколько рытвин в полу. Он отстегнул ее, повел под уздцы, а зверюга бешено раздувала ноздри и силилась достать длинным алым языком до окровавленных прорех его доспеха.

— Отстань, ты, а-джак-ай! — хмуро ругался он, пытаясь отмахнуться от надоедливой морды.

Он остановил исчадие рядом с телами погибших гвардейцев:

— Положите Лафуса и Джадрима на нее, — и пока эльфы выполняли приказ, склонился над бессознательным Элледином, прошептал. — Что ж ты так... Еще немного и умер бы.

Альбинос подхватил друга на руки и понес к дверям на лестницу. Следом семенила кошмарка, привлеченная запахом его крови. Гвардейцы организовали носилки для Фирика. Каленгил, Арадлив и Суман раздали арбалеты и тугие связки болтов. На полпути Эридан спохватился:

— Нужно заблокировать механизм спуска, — и Сехтен метнулся выполнять поручение.

Кьяра шла рядом с белобрысым, и до нее долетали обрывки разговора гвардейцев.

— Это какой-то ужас! — сокрушался Арадлив. — Они телепортировались как к себе домой!

— Разве защита не должна была это предотвратить? — спросил Лаемар.

— Должна, — глухо отозвался Эридан.

Гвардейцы потянули на себя створки дверей. Запыхтели, уперлись в пол, но те даже не

поддались, хотя визуально были не заклинены.

— Сехтен, давай с тобой попробуем открыть, — сказал Эридан, передавая Элледина в руки братьев.

Ухватившись за массивные ручки, они со всей силы потянули на себя, медленно, но верно отворяя две громадные, почти достигающие потолка створки. Поднявшись по лестнице, пришлось повторить тот же фокус с дверями в тронный зал. Кьяра хмуро наблюдала за процессом, размышляя, как же много всего было учтено в этом нападении. Мэб знала, где будет находиться каждый ключевой участник в тот или иной момент, и попыталась разъединить их, справедливо полагая, что даже сильного противника можно убить, если застать врасплох и задавить числом. Такая осведомленность, а так же падение сложнейшей защиты, позволившей вражеским войскам без препятствий телепортироваться прямо к порогу, говорили о долгом и обстоятельном сливе информации.

Они пересекли тронный зал и направились к лестнице на гостевой этаж. Эридан шепнул Кьяре:

— Ты видела Зариллона?

— Нет.

— Хатаэ ничего не говорила?

— Она говорила, что они вместе убивали бабочек.

Эридан задумался на секунду, затем подозвал Сехтена:

— Сехтен, иди в башню мага, приведи Зариллона. На этаж наложников и направо до упора, мимо лестницы не пройдешь.

Кивнув, шрамоликий помчался выполнять указания, а белобрысый сказал тифлингессе:

— Башня надежно защищена, но он там один. С нами ему будет безопасней.

В лазарете Кьяра впервые испытала радость за последние пару часов: Арум был жив, хоть и слаб настолько, что лежал на койке, под опекой эльфийки. Лекари обступили раненых, чтобы перевязать, к ним присоединилась Хатаэ. Бойцы словно не замечали ее развратного наряда и смотрели скорей как на ангела, снизошедшего с позитивного плана, чтобы успокоить душу и исцелить боль. Суман и Арадлив застыли у дверей, готовые к любой опасности.

Эридан и сам отдался в руки лекарей, позволил снять нагрудник, расшнуровать поддоспешник и осмотреть раны.

— Странно, — сказал остроухий, коснувшись отметины на груди альбиноса, — вроде небольшая, а кровь не останавливается.

— Меня ранила мертвая птица, — объяснил Эридан. — Может это яд или болезнь?

Хмыкнув, лекарь протянул ему лечебную мазь, понаблюдал, как белобрысый тщательно нанес ее на рану. К удивлению окружающих, исцеляющая магия не подействовала, кровь продолжила струиться, и другие раны тоже не закрывались. Кьяра прекрасно помнила свое видение. “Это наверняка проклятье”, - подумала она, — “и вряд ли здесь кто-то умеет снимать проклятье помимо Арума”.

— Как себя чувствуешь? — спросила она у драконида, подойдя к постели.

Тот слабо улыбнулся:

— Я жив и безумно рад этому, но, пожалуй, побуду неблагодарной свиньей и пожалею, как же больно.

Выглядел он и правда разбитым и вряд ли имел возможность колдовать. Тифлингесса достала из сумки очень ценное зелье живучести. Она берегла его для себя, нас случай, когда

срочно понадобится восстановить силы, а времени на это не будет, но Эридану нужна была помощь, да и самому жрецу тоже. Благодарно кивнув, драколюд осушил склянку. Пока Арум приходил в себя, девушка подошла к эльфийке:

— Спасибо тебе.

— Ничего, — кивнула она, — но повторить этот фокус сегодня я уже не смогу. Берегите Арума, без него все помрем.

Зелье быстро подняло жреца на ноги, и он с обычной деловитостью принялся хлопотать над раной короля. Снятие проклятия прекратило губительный эффект, и магическое лечение, наконец, начало постепенно стягивать рассеченную плоть. Белобрысый облегченно прикрыл глаза. Когда ему стало немного лучше, Къяра села рядом с ним, передав флягу с душой Принца:

— Я рада...

Он слегка улыбнулся:

— Ты молодец, все сделала хорошо. Задара поймала, рыцарей молнией подпалила. А я испугался, что птица может поймать тебя в полете и растерзать. Если бы промахнулся... Иногда я думаю после. Очень сильно после.

— Спасибо, Ваше Величество, — лукаво улыбнулась тифлингесса.

Вернулся Сехтен, один и в расстроенных чувствах.

— Ваше Величество, я не нашел мага, — сказал он. — Зато нашел трупы каких-то бабочек, феи... и моего дяди.

— Так вы же не дослушали меня! — воскликнула Хатаэ, отвлекаясь от перевязки.

Она положила руки на колени и начала рассказывать:

— Я услышала шум. Бегом из комнаты. Смотрю — бабочки. А еще эта карга и лорд... простите... Элах. Зариллон был неподалеку, он вызвал какого-то могучего духа, и мы втроем побороли тех двоих и бабочек. А потом он сказал немедленно найти Его Величество, чтобы с ним ничего не случилось. Вот так все и было.

Эридан покачал головой:

— Они не могли сами выбраться из тюрьмы.

— А где Фистиль? — спросила Къяра.

— Была с Зариллоном, — сказала Хатаэ, — но от нее же толку чуть. Она не умеет сражаться.

— А сейчас ни Зариллона, ни её... — пробормотала тифлингесса, и Эридан сжал кулак, подрагивающий от злости.

— А где Мэб? — устало спросила чародейка. — Решила всю грязную работу поручить армии и отсидеться?

— Возможно, она была уверена, что Принц Мороза легко меня поймает, а без меня армия просто сложит оружие... — ответил король. — Отвлекла основные силы птицей и своими солдатами.

— Насчёт легко она погорячилась, — ухмыльнулась Къяра.

— Не такой уж он и лучший клинок, — ухмыльнулся в ответ белобрысый. — Но она разозлится, когда узнает, что он убит.

“Можно будет сыграть на этом. И где же все-таки Зариллон?”

— Надо все-таки найти мага, — сказала она.

— Могу попробовать послание, — предложила Хатаэ

Эльфийка сконцентрировалась и мысленно позвала некроманта, озвучив призыв:

— Зариллон, где ты? Ты в безопасности? С тобой все хорошо? Мы отразили очередное нападение, но теперь здесь опасно.

Несколько секунд тягостного молчания, и эльфийка открыла глаза.

— Он ответил, — сказала она. — Сказал, что перебрался с Фистиль в сокровищницу, поскольку это самое хорошо защищенное место в замке. Спрашивает, где мы.

Кьяра ошарашено посмотрела на Хатаэ:

— Но мы же были в сокровищнице...

Эридан наклонился к эльфийке и шепнул на ухо:

— Скажи ему, что мы ушли в пещеры. Он знает, какие.

Эльфийка ответила непонимающим взглядом, как, впрочем, и Кьяра, и белобрысый так же тихо объяснил:

— Я рассматривал их как путь отхода... Для него это не секрет, как и пароль... Пусть потратит время.

— Мы в пещерах, — продолжила Хатаэ. — Его Величество говорит, что ты знаешь, где и пароль тоже. Поторопись, мы волнуемся.

— Ты думаешь, это все-таки он? — грустно спросила чародейка.

— Мне больше не на кого грешить... а Фистиль с ним заодно, — прорычал Эридан. — Остается только гадать, как давно он готовил для меня этот нож в спину.

— Но у него была возможность, и не одна, — быстро вставила Кьяра. — Без него мы бы со многим не справились. Ему достаточно было не давать то зелье телепортации...

— Я знаю, — эльф отвернулся. — Он был во многом незаменим. Но почему тогда он обманывает, Кьяра? Это его защита рухнула от одного удара. Его последним видели недалеко от феи и Элаха.

— Но он дрался против них, — настаивала на своем Кьяра. — Ему достаточно было помочь убить Хатаэ. Дай ему хотя бы высказаться.

Альбинос ответил молчанием, и тифлингесса прильнула к нему, положив голову на грудь. Тук. Тук. Дзинь! — Тук. Тук. Дзинь! — отдавалось в его груди, словно в сердце велось ожесточенное сражение. Он шепнул:

— Кьяра, даже если объяснит, как ему верить? Если я дам слабинку, это может привести к нашей гибели.

— Да, — ответила Кьяра, но про себя уже думала, что будет делать, если Эридан решит убить мага, не спрашивая объяснений, без суда, как обычно и поступал. Неужели, придется пойти наперекор и укрыть некроманта? Кем она тогда станет? Хорошим другом Зариллону... предательницей в глазах белобрысого.

— Что дальше? — тихо спросила она, желая отвлечься от этих мыслей.

— Твой жезл безопасности... Он еще при тебе?

— Да.

— Воспользуемся им, — предложил Эридан. — Там мы сможем восстановить силы, но нельзя пропадать надолго.

— Где ты хочешь его активировать? Здесь?

Кьяра окинула взглядом лазарет. Окна разбиты и их трудно будет оборонять, двери хлипкие. Не самое лучшее место для защиты. Оглядевшись, эльф и сам понял ненадежность этого укрытия.

— Можно уйти в сокровищницу, но там нас быстро найдут, — начал он размышлять вслух. — Можно уйти на уровень слуг и забаррикадироваться. Он один из самых

изолированных, и большой к тому же.

— Хорошо, — кивнула тифлингесса, — но время в демиплане и этом мире будут течь одинаково, а нам с Арумом нужно восемь часов на отдых.

— Тогда приступаем немедленно, — ответил альбинос. — В первую очередь — раненые. Кто-то останется здесь и будет следить за обстановкой, — он начал отдавать приказы гвардии. — Готовьте раненых. Идем на уровень слуг.

Солдаты засуетились, и Кьяра спросила:

— Кого оставишь следить?

Эридан осмотрел отряд.

— Точно Сумана и Арадрина, они самые везучие, — сказал он. — Ятар и Лаемар тоже не сильно пострадали. Сехтен, даже раненый, очень силен. Я тоже останусь.

— Нет, — замотала головой девушка, — тогда я тоже останусь, а раненые пусть будут в убежище.

— Ты ранена, — она указал взглядом на перебинтованную грудь девушки. — К тому же скажи, если ты не отдохнешь, как сильно поможешь мне?

— Я могу восстановиться с помощью зелий, — упрямо стояла на своем Кьяра. — А колдовать с жезла, если Хатаэ его наполнит.

— Ты опять перечишь!

— Да.

— Я могу и приказать!

— Я не подчинюсь, — упрямылась девушка. — Накажешь, когда Мэб будет мертва.

Он зло поджал губы и отвернулся от нее, и Кьяра поняла, что выиграла этот раунд. Иначе она просто не могла, даже если и вызовет его злость.

Эридан присоединился к хлопотам над сборами раненых. Через несколько минут все было готово, еще немного времени занял спуск на уровень слуг. Эридан и Сехтен тут же заблокировали двери и принялись за баррикады.

— Нужно закрыть шахты лифтов, — приказал белобрысый гвардейцам.

Пока все суетились, пытаясь быть полезными, Кьяра попросила Хатаэ наполнить жезл поглощения магией, и когда эльфийка иссушила свои магические силы, передала ей жезл безопасности:

— Позаботься о раненных. Если что, ты всегда можешь связаться. У тебя есть послание.

Эльфийка кивнула, и спустя несколько минут исчезла вместе с ранеными.

— Мы тоже по возможности будем отдыхать, — сказал Эридан, устроившись за одной из наспех возведенных стен, — но не стоит на это надеяться. До пещер и обратно часа четыре. Плюс-минус час.

Кьяра улеглась на свернутый плащ и закрыла глаза в попытке заснуть. Она думала о том, как защитить Эридана, не дать убить Зариллона и выжить самой.

Глава 24. На страже покоя

Кьяра мысленно обратилась к Кереске: “Если хочешь, чтобы я сохранила его, помоги. Восстанови силы, укажи, где прячется Мэб. Скажи, кто предатель и почему. Ты обещала открыть тайны”. Тифлингесса мысленно попросила прощения у мышки и Скага, что не может сейчас о них позаботиться. “Надеюсь, у них все будет хорошо”, - подумала она.

Убаюканная переговорами эльфов, девушка медленно погрузилась в тревожный сон, полный обрывочных видений. Мелькающие картины сложились в четкую панораму комнаты. Кьяра сразу узнала магическую лабораторию Зариллона, в которой провела немало времени. Посреди помещения стоял Лемифинви и сосредоточенно жестикулировал над коленопреклонным магом. На волшебнике не было лица, таким он выглядел напуганным. Неподалеку от эльфа лежал разорванный на части труп кролика. Того самого, в котором хранился шип, управляющий разумом. Картинка подернулась рябью, и чародейка услышала голос богини: “Я дам тебе силы”.

Тифлингесса проснулась от легкого толчка. Над ней склонился Эридан, звук скребущих по дереву когтей почти заглушал его шепот:

— Там, за дверью, кто-то есть и пытается пробраться. Прячься за баррикаду

Кьяра переместилась за импровизированную стену из досок, краем глаза успев заметить, как рассредоточились эльфы. Девушка выудила из сумки припрятанное заранее зелье ясновидения, осушила одним глотком и мысленно сосредоточилась на том, что происходит за дверью. Через секунду перед ее мысленным взором предстал коридор, упирающийся в лестницу, и дракон, сплетенный из растений, почти сломавший двери на этаж слуг.

— Там растительный дракон, — шепнула она Эридану.

— Ты таких встречала? — спросил он. — Какое у него дыхание?

— Он метает иглы, — ответила чародейка под громкий треск ломающегося дерева. — Я знаю хорошее заклинание против него. Я с ним расправлюсь.

— Хорошо, если иглы, тут слишком много дерева... — пробормотал эльф. — Надо спровоцировать его использовать дыхание. Возьму на себя. А ты бей, — он привстал из укрытия, чтобы скомандовать. — Не высовываться! Бьет иглами! — а затем перебежал за другую баррикаду, поближе к двери.

В этот момент Кьяра слышала стук падающих деревянных обломков и ящиков, наполненных овощами и прочей снедью, которыми была заставлена дверь. Донесся до боли знакомый звук — отчетливый треск ломающихся сучьев. Девушка осторожно выглянула. Создание оглядывало баррикады, словно решая, к какой из них двинуться. Спасая его от мук выбора, перед плетеной мордой материализовался Эридан, нанес быстрый удар сияющим лезвием и побежал к укрытию, увлекая тварь за собой. Деревянные зубы щелкнули в опасной близости от головы эльфа, а затем дракон сделал глубокий вдох, исторгнув град шипов в спину убегающего. Эльф юркнул на стену, иглы вонзились в дерево, несколько отскочило от гладкой поверхности доспехов.

Приподнявшись над баррикадой, чародейка использовала заклинание, которое неплохо сработало в прошлый раз. Она прекрасно помнила, какие чудовищные проплешины оставило усыхание на том драконе. Вот и сейчас нити жизненной силы охотно потянулись в ее руки, заставляя растительное тело съеживаться прямо на глазах. Кьяра юркнула за стену, ей нужно

было сосредоточиться для следующего удара.

Не давая твари опомниться, эльфы сделали по дракону залп из арбалетов. Некоторые болты вонзались в древесину, но большинство отскакивало от тела, не причиняя ему никакого вреда. Эридан вновь отвлек внимание дракона на себя, прожигая в растительном теле жуткие черные дыры. Яростно защелкав, существо сбило его с ног и пригвоздило к земле, намереваясь располосовать когтями.

Вууу! — Кьяра почувствовала волну знакомого магического ужаса, от которого волосы на теле встали дыбом. Эльфы, охнув, попрятались за баррикады, застигнутые врасплох непреодолимым страхом. В этот раз она смогла справиться с паническим желанием бежать и прятаться. Встав над баррикадой, она повторила заклинание. Дракон издал громкий треск и распался на отдельные лозы и сучья, осыпав ими лежащего на полу эльфа.

Эридан скинул с себя пожухшие стебли, сел на пол и внимательно осмотрел плечо. В сочленении доспехов торчало несколько игл, прошив поддоспешник и кожу. Он вынул их, радуясь, что они гладкие, а не зазубренные, как наконечники стрел, а после безвольно завалился на бок. Кьяра подбежала к нему и с удивлением обнаружила, что эльф спит словно младенец. Наверное, в иглах был усыпляющий яд. Она вновь подумала, что Мэб хочет заполучить белобрысого живым. Может, для ритуального убийства, а может и как живую игрушку. Вздохнув, вlepила ему пощечину, чтобы разбудить. Альбинос тут же вскинулся, растерянно бормоча:

— Нет, учитель, я тренировал блок!... Что?

— Ты задремал, — улыбнулась Кьяра. — Видимо, иглы сонные.

— Надолго?

— Несколько минут.

Он нахмурился:

— В бою это может быть фатально...

Он встал на ноги, отряхнулся и посмотрел на бардак, который устроил дракон:

— Такое не починить...

Эльф ненадолго задумался, оглядев разбросанные ящики.

— Попробуем просто заставить проход, — сказал он. — Может немного задержать противника.

Пока остальные таскали ящики, Кьяра присела в уголке, прислушиваясь к своим ощущениям. Спала она всего ничего, но чувствовала себя бодрой, отдохнувшей и полной магии, словно после долгого отдыха. В голове роились странные мысли. Она готова была поклясться, что знает, как колдовать несколько заклинаний в облике дракона, а серебряная кровь в жилах пела песню о могучем жреце-драконе, что молился Кереске. Драконий предок, из крови которого воссоздали ее тело? Богиня выполнила часть обещаний.

Эльфы присели передохнуть прежде, чем продолжить тягать тяжелые ящики, и тифлингесса отвела Эридана в сторону.

— Знаю, что Зариллон предал, — тихо сказала она, — но он был околдован розовым. Кажется, тот пророс из шипа, который был в кролике. Не знаю, такое возможно.

Альбинос зло стиснул зубы:

— Это ничего не меняет. Предательство есть предательство.

Кьяра ничего не ответила. Она не хотела злить его, но на сердце стало тяжело. Кажется, Эридан просто убьет волшебника, если увидит, не даст сказать ни единого слова в оправдание. Они отсели друг от друга, каждый за своей деревянной стеной, а невидимая

стена встала между ними. От горьких мыслей их отвлекли тяжелые шаги за нагромождением ящиков. Они неумолимо приближались, и чародейка аккуратно выглянула посмотреть, кого принесла нелегкая. Болотный трент. Кьяра читала об этих оживших деревьях. Они боятся холода и крайне ядовиты из-за скопившихся под корой болотных газов.

Сложив руки веером, тифлингесса призвала конус морозного воздуха. Огромное создание, громящее баррикады, мгновенно покрылось коркой льда. Мороз отколол несколько ветвей, и тренту это не понравилось. Он ломонулся в сторону Кьяры, злобно потрясая сучьями. Мощный удар ледяным лучом заставил его распасться на кучу трухлявых деревьяшек, но до уха тифлингессы донеслись шаги еще нескольких существ.

В дверной проем с шумом и треском ворвались еще два трента. Сехтен и Эридан, не сговариваясь, напали каждый на своего монстра. Огненный меч шрамоликого, такой страшный против большинства созданий, не причинял тренту почти никакого вреда, зато из-под поврежденной сталью коры взметнулось облако ядовитых частичек. Сехтен закашлялся, пытаясь разогнать его, и трент воспользовался его замешательством, чтобы нанести удар за ударом. Эридан ловко уходил от атак противника, и его клинок без труда прожигал кору чудовища. В воздухе просвистел ледяной осколок, ударился о ствол и разбился на блестящее крошево. Суман использовал верное заклинание, но, к сожалению, силы удара была недостаточно. Арадлив выскочил прикрыть Сехтена, который явно проигрывал своему противнику. Гвардейцу почти нечего было противопоставить этой громадине, но отвлечь внимание он умел:

— Эй ты! Да, да, ты, иди сюда. Это не ты случайно стоял в деревне сатиров-древотрахов? До боли знакомое трухлявое дупло!

“Кто-то переобщался с Джадримом”, - фыркнула про себя Кьяра, но трент действительно отвлекся на синего и оставил шрамоликого в покое. Тифлингесса быстро глянула на Эридана и оценила шансы. Трент белобрысого уже разваливался на части, а вот второй, хоть и был побит, но грозился уничтожить двух эльфов. Чародейка мгновенно приняла решение. Морозный луч поразил того, что наступал на Арадлива, и трент действительно обзавелся огромным сквозным дуплом, сломавшим его тело пополам. В воздух взметнулось облако ядовитых частиц, и эльфы попытались уйти из зоны поражения. Эридан прикончил с противника, обрубив все веточки и раскроив тело на слабо тлеющие щепки.

Сехтен прислонился спиной к баррикаде:

— Фоморджак, надеюсь, больше никто к нам в гости не заглянет? Я начинаю уставать.

— Не бойся, — Эридан хлопнул его по плечу, — возьми вот зелье.

Он достал из поясной сумки колбу с красной жидкостью и протянул Сехтену. Тот с благодарностью принял ее.

Альбинос подозвал к себе эльфов и девушку.

— Мы выстояли, — с улыбкой сказал он, — и, без сомнения, будем стоять столько, сколько потребуется нашим друзьям, чтобы отдохнуть. Не падайте духом. Мы убили четырех страшных тварей, осталось совсем чуть-чуть подождать, и двинемся в путь, все вместе, — он снова хлопнул Сехтена по плечу. — Мы — стражники чужого покоя, и не заставим друзей сомневаться в нас, ведь так?

Шрамоликий слегка улыбнулся, вертя в руках пустую колбу.

— Ребята, я пошутил про сатиров, — вздохнул Арадлив. — Скоро у меня отрастут лук, стрелы, и поминайте изящные шутки Арадлива...

— Изящные? У тебя? — фыркнул на него Суман. — Их изяществом можно дробить орехи.

Вскоре вернулись отдыхающие. Они появились внезапно, слегка всполошив дежуривших эльфов. Кьяра с удовольствием отметила что все, даже те, кто был очень тяжело ранен, теперь на ногах, полные бодрости и сил.

Тепло обнявшись с Элледином, Эридан сказал:

— Рад, что ты оклемался. Умеешь напугать, и таскать тебя неудобно.

Фыркнув, золотистый ударил его кулаком в плечо, но удар был мягким и беззлобным.

— Нужно уходить, — продолжил Эридан, — мы отразили пару нападений, но теперь им известно, где мы.

Элледин принялся командовать сборами, тифлингесса подошла к Хатаэ:

— Ещё раз спасибо. Ты восстановилась?

— Да, — ответила эльфийка и протянула девушке жезл безопасности.

Та убрала его в сумку, прибавив:

— Береги себя. На вас с Арумом вся надежда, если кто-нибудь еще умрет.

Кошмарка нашла своего хозяина среди толпы эльфов, тщательно обнюхала и разочарованно фыркнула, не обнаружив на нем кровоточащих ран. Белобрысый ласково погладил исчадие по лоснящейся шкуре, словно простое животное. Внимательно оглядев скакуна, эльф сказал:

— Мэб знает весь наш план от и до, а мы все еще не знаем, где она. Я взлечу на кошмаре так высоко и быстро, как смогу, и если у нее больше не осталось летающих слуг, то придется выйти и поймать меня.

Сехтен покачал головой:

— Какой-то дурной план. А если у нее есть драконы? А если она сможет тебя издали поразить?

— Ваше Величество, — сказал Анеркаш, до этого молча наблюдавший за сборами, — я могу ненадолго принять ваш облик. Послужить приманкой или отвлечь внимание, как сами пожелаете, а вы бы в этот момент могли выждать в Эфире. Насколько я знаю, кошмар может перенести на этот план троих.

Эридан удивленно посмотрел на волшебника:

— Ты слишком рискуешь... Это может стоить тебе жизни.

— Я сам предложил, — ответил эльф. — Теперь уже поздно бояться.

Чародейка взглянула на волшебника, и он предстал перед ней в совсем другом свете, отважным и сметливым.

— Хорошо, — согласился король, — я возьму двоих. Кьяра, Сехтен, вы со мной. Элледин, Селани — вы будете за главных. Постарайтесь. Она будет не одна.

Тифлингесса удивилась, что Эридан поставил Дефераера так высоко. Он, конечно, был силен, но между ними точно была неприязнь. Иногда альбинос и сам был ей непонятен.

Когда колонна тронулась в путь, Кьяра проверила на месте ли Принц Мороза. Труп консорта Королевы Воздуха и Тьмы лежал, где его и оставили. Тифлингесса предложила отрубить ему голову, пока Арум и Хатаэ запасаются лечащими зельями и бинтами в лазарете.

— Одобряю, — сказал Эридан, — отрубите Принцу голову, отдайте Анеркашу. Так точно привлечем внимание.

Волшебник позеленел от этих слов и отвернулся, когда гвардейцы приступили к

отделению головы благородной архифеи от тела.

— Хорошо, что никто посторонний не видит, — пробормотал Элледин, — иначе ко всем прочим заслугам приписали бы еще и осквернение мертвых...

Голову, упакованную в мешок, отдали Анеркашу, который нес ее на вытянутой руке, словно ядовитую змею. Отряд двинулся к подъемнику. Пока большая часть спускалась, Эридан задумчиво смотрел на лес перед собой. “На то, чтобы дойти до стены, уйдет целый день”, - подумал он, и если войска Мэб уже прорвались и прочесывают чащу, будет очень непросто.

Внизу гвардейцы увидели следы пребывания волков. Части обглоданной туши, отметины от когтей, клочки белой шерсти. Все указывало, что они ушли по направлению к стене. Туда где им было комфортно, и где, судя по донесениям, вовсю шли военные действия.

Целый день они шли, стараясь выбрать кратчайший путь, и к вечеру увидели зубцы стены и слышали гул сражения. С помощью камня Эридан связался с командованием, приказал принять их в штабе и заодно изложить подробную информацию о ходе битвы. Их приняли в крепости, дали отдохнуть, покормили, с некоторыми поделились теплой зимней одеждой. Эридан долго вел беседу с начальником крепости, немолодым лунным эльфом, о том, как лучше обойти войска Мэб. После некоторых обсуждений король принял решение выйти тем же путем, каким они уже однажды вторглись на эти земли — через подкоп, благо, реморазов было еще в избытке.

После утверждения плана Арум обошел отряд, раздав каждому по три зелья лечения и баночке мази.

— Удачи, — напутствовал начальник крепости, и отдохнувший отряд отправился вдоль стены, где реморазы готовили подкоп.

Бывшая подручная Королевы Воронов видела странную закономерность в том, что войти и выйти они должны одним и тем же путем. Словно возвращение по собственным следам, обратно в зиму, только она уже немного не та Кьяра и сражается уже по другим причинам.

Глава 25. Битва ледяных сердец

К их приходу подкоп был уже готов. Реморазы послушно отступили, продемонстрировав почти идеальную дыру под стеной, через которую им предстояло вернуться обратно. “Если преуспеем”, - поправила себя Кьяра. На душе был странный холод, как перед битвой с Хисрамом.

Когда отряд прошел через этот лаз, Эридан подозвал к себе Сехтена и Кьяру. На почтительном расстоянии от основных сил исчадие перенесло всех троих на Эфирный план. Почти ничего не изменилось, только краски потеряли насыщенность и контуры — четкость. Тут и там мелькали какие-то тени, испуганные незваными гостями. В привычном мире Анеркаш принял облик Эридана. Та же внешность, одежда и доспехи, только белобрысый никогда не сутулился и не переминался с ноги на ногу, снедаемый школярской робостью. Впрочем, кто с такого расстояния разберет? Мэб и вовсе не знакома с Эйлеваром, чтобы по таким ничтожным признакам заподозрить подмену. Это не иллюзия, которую легко распознать магическим взором, а самая настоящая физическая трансформация. Ай да Анеркаш, а он искусен. Элледин и Дефераер двумя молчаливыми стражами сопровождали самозванца, до одури напоминая ангела и демона.

От странных мыслей чародейку отвлек голос Эридана. Он наклонился в седле и протянул ей флягу для ловли душ:

— Это, если я не преуспею.

Вместе с флягой в ладонь Кьяры он вложил фамильный перстень.

— А это, если придется бежать отсюда, — объяснил белобрысый. — В Уотердипе есть таверна “Золотые ножны”. Продемонстрируй кольцо хозяину, скажи: “все или ничего” и что ты от меня. У него хранятся векселя в банках Уотердипа. Достаточно средств, чтобы всю жизнь ни в чем не нуждаться.

“Какая забота”, - раздраженно подумала Кьяра, и ее хвост дернулся. Она и сама была не бедна, и ей уж точно были не нужны немислимые богатства.

— Если встретишь Зариллона, скажи, что я очень сильно разочаровался в нем, — угрюмо добавил эльф, выпрямляясь в седле. — Пусть ждет в гости.

В голосе прозвучала угроза, и Кьяра вновь дернула хвостом. “Какой же он упрямый и жестокий”, - подумала она с досадой.

— Береги себя и не лезь в пекло, — тихо добавил эльф и тронул кошмара.

Они и так уже слегка отстали от основного отряда. Откуда-то издалека ветер доносил гул сражений, мрачная ледяная пустыня простиралась насколько хватало глаз, небо было низким и черным, словно портьеры в их спальне. Из снежной дымки показались крупные фигуры, скрюченные и исковерканные, словно потекшие свечи. Эти существа, медленно ковыляя, приближались, и чем ближе они подходили, тем больше Кьяра вспоминала о них. Фоморы. Некогда самые могущественные и прекрасные создания Страны Фей, за жажду власти низвергнутые в глубины Фейдарка, вынужденные нести на себе страшное проклятие немислимого уродства. Они словно вышли из кошмара: глаза, носы и рты в самых неожиданных местах, странно распределенные по телу конечности. Их сопровождал обезглавленный труп верхом на мертвой лошади, а в руке — ухмыляющаяся эльфийская голова с глазами, горящими, словно свечи в прорезях фонаря. За спинами великанов и всадника клубилась неоднородная масса теней, которая все сгущалась и сгущалась в полном

ледяном безмолвии, пока Кьяра не различила отдельные фигуры. Согбенные, ковыляющие, словно пьяные повесы у кабака. Мертвецы. Глаза ярко сияли в темноте, в них не было ни злобы, ни алчности, только холодный блеск поднявшей их на ноги магии, могущество воли, заставившей их служить вопреки собственной смерти. Холодные струйки пота побежали по спине чародейки. Такая мощь! Их отряд казался таким маленьким перед лицом этой армии.

Войско Эридана остановилось, и самозванец вынул из мешка голову Принца Мороза, высоко подняв над собой.

Бах! — Элледин, Дефераер и еще несколько эльфов отлетели в стороны, оттесненные невидимой силой. Лже-Эридан удивленно огляделся по сторонам. Он оказался заперт внутри полупрозрачного куба, а высоко в небе показалась крылатая фигура.

Вражеское войско мгновенно снялось с места, разрывая снежную пелену. Морозный воздух пронзило зловещим криком, из бесформенных теней выскочил черный единорог — пугающий вестник Мэб, — и гвардейцы невольно вздрогнули. Волна темной плоти покатила к отряду, угрожая смести эльфов, и две фигуры Лемифинви, вооруженные шипастыми кнутами, скользили в этой клокочущей пене, смертоносные в своем изяществе. Кьяра выступила из Эфира и взметнула руки в жесте, который однажды подглядела у Эрты. Громящая волна пламени прокатилась по первым рядам вражеского войска, сметая замороженную гниль, изгоняя магию смерти из оскверненных трупов. Безголовый всадник и единорог занялись пламенем, а вот оба Лемифинви прошли сквозь огонь, не опалив и волоса.

Стена огня упала, оставив взметнувшийся пепел и клубы пара от талого льда, и два отряда с грохотом сошлись. На мгновение все смешалось в облаках водяного тумана: эльфы, полыхающие мертвецы, фоморы — и Кьяра замешкалась, не зная, кого бить в этом бурлящем котле остервенело сражающихся тел. Ее глаза выхватывали отдельные разрозненные фрагменты, вспыхивающие и мгновенно исчезающие, не оставляя времени на раздумья. Вот Лемифинви, благоразумно прятаясь за тушей фомора, схлестнулся с Меллотом. Удар шипастым кнутом оказался болезненным, но секунду спустя соотношение сил сместилось в сторону эльфа — Задар пришел на помощь товарищу, и вместе они зажали фею в клещи. Неподалеку Лаемар бился с двойником феи, но ему повезло меньше. Отвлеченный юрким противником, он не заметил палицы фомора. Его смело одним мощным ударом, и фиолетовый скрылся из виду, поглощенный густой массой мертвецов. Кьяра даже не успела сообразить, куда он упал, чтобы хоть как-то помочь. Яркая вспышка — Элледин выпил зелье, и его ореол начал сиять, словно он и правда небожитель. Нападавший на него Лемифинви слегка отступил, как и мертвецы, отпрянувшие от гвардейца, как от огня. Что было дальше Кьяра не увидела. Кошмар пылающей кометой метнулся мимо нее прямо к зависшей в небе фигуре. Крылатая владычица мертвых взметнула руки в жестах магии, и бледно-голубая волна, сопровождаемая громом, прокатилась по небу, заставив кошмара встать на дыбы и болезненно закричать. Вокруг феи заплясали ослепительные огни, воплотившиеся в несколько ее точных копий. Молнии сорвались с бледных пальцев, расчерчивая небо белыми полосами. Они с грохотом и треском били в землю, взрывая осколки льда и спрессованного снега. Кошмар лавировал между вспышками, все ближе подбираясь к Королеве Воздуха и Тьмы.

Кьяра оттолкнулась от земли, зависла в воздухе, стараясь держать всю картину боя в поле зрения, чтобы вмешаться там, где это нужнее всего. Внизу кто-то взревел. Тифлингесса увидела отступающего Сумана. Великаны вопили, увязнув в паутине, которую призвал

гвардеец. Молодец, Суман! Это их ненадолго задержит. Селани бился с всадником. Кнут безголового свистел пуще всякой стали, а мертвый конь теснил Дефераера, не давая нанести ни одного удара. Секунда, и эльф полностью исчез, заслоненный волной обгоревшей плоти.

Небо озарили две вспышки — солнечного света и пламени. Сехтен и Эридан смогли добраться до Мэб. Кьяра сделала еще несколько махов, чтобы лучше рассмотреть битву в небесах. Миражи архифеи принимали удары двух воителей, сияющие мечи рубили их, превращая в туман. Волны бледно-голубого огня прокатывались по небу, отталкивая эльфов и заставляя их броню скрипеть и проминаться. Мэб никуда от них не бежала, и стоило эльфам только приблизиться, как новая волна отталкивала их прочь, словно говоря: "Бесполезно". Черная броня поверх длинного платья, на голове венец, похожий на тернии, длинные белые локоны, наполненные светом глазницы и два черно-синих крыла за спиной. Почти как на картинке, только там она казалась хрупкой и женственной. В реальности она не уступала в росте Эридану, и от нее веяло колоссальной мощью. Казалось, она может смять этих двоих одним ударом огромного крыла. Руки архифеи вновь сплелись в заклинании, и в этот самый момент Эридан рванул вперед. Разряд молнии успел опалить его, превратив плащ в разлетающиеся лохмотья, но королева покачнулась от сильного удара, угодившего прямо в блестящий черный нагрудник. Она махнула огромными крыльями, удерживая равновесие, качнула головой, и корона соскользнула с волос, утонув в кипящем бое под их ногами. Сехтен крикнул, замахиваясь огненным двуручником на раненую фею, а Кьяра бросила взгляд на землю, куда упала корона. Фоморы все никак не могли выпутаться из паутины.

Тифлингесса вытащила один из заготовленных свитков. Буквы вспыхнули, когда девушка произнесла магические слова, и над сцепленными паутиной фоморами сформировалась пылающая огнем туча. Волна испепеляющего жара обожгла великанов, а в довершение Кьяра призвала разветвленную молнию, поразившую и фоморов, и Лемифинви, отвлеченных борьбой с гвардией. Одна из фей распалась на кучу жухлых стеблей, великан застонал от боли и упал, чуть не придавив сражающихся под ним. Паутина вспыхнув, быстро прогорела, сильно опалив уродливую фею. Мертвецы вокруг великанов бойко занялись пламенем, дрогнули и перестали теснить гвардию. Им на смену выкатилась другая волна, во главе с объатым пламенем единорогом, но на подходе их остановил метко брошенный огненный шар Хатаэ. Создание с хрипом разорвало на обугленные части, поле боя обдало градом из горелой мертвечины, и эльфийка злобно засмеялась. Неподалеку от нее Арум шептал слова заклинаний, исцеляя то одного, то другого солдата, катастрофически не успевая за ходом боя.

— Хатаэ, не отвлекайся! — рявкнул он на эльфийку.

Спохватившись, она подарила немного целительной силы израненному Элледину, и тот, собрав волю в кулак, разрубил пополам нападающего на него Лемифинви. Сияние его ауры обуглило растительное тело феи и развеяло несколько мертвецов. Золотистый, словно голем из раскаленного металла, прорубился дальше в ряды противника.

Небо озарила мощная электрическая вспышка. На долю секунды стало светло как днем, затем оглушительно громыхнуло, и на землю упал дымящийся труп кошмарки, а следом — Сехтен, чудом успевший сгруппироваться при падении. Королева Воздуха и Тьмы мертвой хваткой вцепилась в руку Эридана, не давая упасть. Молнии пробежали по крылатому телу, стали обожженного нагрудника, распростертым крыльям, концентрируясь в ослепительном сиянии глаз и приоткрытого рта. Их жгучие стрелы жалили Эридана, заставляя корчиться от

боли. С хлопком он переместился из захвата... и рухнул вниз, промахнувшись мимо цели. Зло зарывчав, он выместил разочарование на обожженном фоморе, подрубил его уродливые ноги и превратил голову в расплавленное месиво из плоти и костей.

Кьяра вспомнила, что в сказке у Мэб вместо сердца был волшебный кусочек льда. Про Эридана придумали аналогичную сказку, пророча его, видимо, в следующие Принцы Мороза или даже в Короли Воздуха и Тьмы. Ледяное сердце против ледяного сердца, как поэтично... Не поэтому ли победить можно, только будучи воплощением пламени? Девушка отбросила отвлекающие ассоциации. Мэб все так же висела в небе, недосягаемая и величественная, и с этим нужно было что-то делать. Серебряный дракон стрелой взмыл в небо. Каким бы величественным ты ни был, всегда рискуешь рухнуть на землю. Острые зубы вцепились в плечо королевы, лапы обхватили стройное тело, несмотря на удары молний, прожигающие чешую. Кошмарная боль пронзила глаз, отдавшись в голову, но Кьяра не отпустила свою добычу, камнем рухнула вниз, Распахнув крылья почти у самой земли, чтобы смягчить падение. Эридан, распрямившийся над трупом фомора, с удивлением обернулся. Королева был низвергнута на землю, вся в его распоряжении, в лапах истекающего кровью одноглазого дракона.

Огненный меч Сехтена подрубил ноги мертвому коню, тот безмолвно завалился набок, подмяная под себя всадника. Второй удар двуручником раздробил ребра нежити и заставил зловещую силу покинуть замороженные останки. Горстка костей, обтянутых плотью, затихла, и шрамоликий устремился к Лемифинви. Вместе с Каленгилом они добились двух последних, Ятар не без труда обезглавил последнего фомора под метания объятых пламенем мертвецов.

По земле прошла волна дрожи, опрокинувшая нескольких эльфов. Недалеко от окончательно упокоившегося всадника, разбрасывая огромные куски спрессованного снега, выросло дерево, усыпанное крупными розовыми цветами. Ветви, похожие на длинные плети ивы, трепетали, словно это дерево дышало, по лозам, из которого был сплетен толстый ствол, пробегали пульсирующие волны.

Мэб забила в драконьих объятиях и, понимая, что не сможет выбраться, снова прибегла к магии. Тифлингесса почувствовала, как волна сырой мощи прошла ее насквозь, срывая чешую с плоти, словно сухие листья, ломая кости, разрывая мышцы и опасно сжимая внутренние органы. Кьяра закричала, когда этот чудовищный порыв обнажил грудную клетку дракона, сломал наросты на черепе. Глазница пылала огнем, захрустела гортань и прочные шейные позвонки. Невидимая сила грозила оторвать голову, но она продолжала держать свою пленницу. Похожая волна ударила по альбиносу. Часть он отразил щитом, и это помогло ему устоять на ногах. Предвкушение скорой расправы над врагом заставило его двигаться против этой чудовищной волны, грозившей сорвать его доспехи и превратить тело в комок обнаженной боли. Укрывшись щитом, он делал шаг за шагом, несмотря на яростные вспышки молний, рассыпающие горячие искры. Солнечный меч описал дугу, срезав одну из бледных рук и оборвав сложную вязь заклинания, а второй удар аккуратно, чтобы не задеть Кьяру, перерубил могучие крылья владычицы. Она закричала, и эти крики больше походили на плач раненного оленя. Солнечный клинок медленно вошел в ее тело, расплавляя черную сталь нагрудной пластины, а затем устремился к сведенному криками горлу, по пути рассекая доспех, ребра и внутренние органы врага. Кажется, она умерла раньше, чем белобрысый закончил этот мучительно долгий прием. Кьяра выпустила дымящиеся останки некогда гордой королевы. Белобрысый занялся поимкой души,

чародейка переключилась на последнего серьезного противника — гигантское дерево.

То как раз всплеснуло плетеобразными ветвями, раздавая тумачи обступившим его эльфам. Лаемар с криком отлетел в сторону, другая плеть обхватила Селани и зачихнула в какую-то щель в стволе. Эльф исчез в ней полностью. В голове Кьяры роились открытые Кереской знания. Тифлингесса сплела когтистые лапы в сложном жесте, произнесла магические слова на драконьем, и жизненная сила потекла из дерева, словно сладкий сок по весне. Цветы съежились, ствол распался на отдельные дергающиеся от боли лозы, и все стихло. Из кучи жухлых растений выбрался Дефераер, весь липкий от древесного сока, помятый и усыпанный занозами. Арум и Хатаэ оттащили крепко ударившегося о землю Лаемара. Эридан рухнул на колени, снял шлем и громко взмолился Темпусу. Кьяра различала слова благодарности. Солнечная аура Элледина угасла, он схватился за грудь и упал со стоном. Эридан сорвался с места.

— Арум! — закричал он, поднимая друга с земли.

Поднялась суэта, жрец подбежал к командиру гвардии и быстро зашептал слова возрождения. Золотистый сделал вздох, и у всех отлегло от сердца.

— Кто еще за кем присматривает, — пробормотал белобрысый.

Эльфы разбрелись по полю добивать врагов, а затем снова стянулись вокруг Эридана. Тот подошел к тифлингессе.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. — Она попала по тебе каким-то заклинанием.

— Я цела, пострадала только моя драконья сущность.

— Это была хорошая идея, схватить ее, — эльф улыбнулся. — Что бы я без тебя делал?

Девушка молча пожала плечами в ответ.

— Злишься на меня? — спросил он.

— Нет.

— Тогда почему такая смурная? Мы победили. Время радости.

— Неважно, — пробормотала она. — Вряд ли ты захочешь об этом говорить.

— Ты о Зариллоне? — догадался Эридан.

Кьяра кивнула. Вопрос с магом все еще был не решен.

— Ты предлагаешь мне простить предательство? В честь нашей с ним дружбы? А была ли дружба? Я уже не уверен.

Голос альбиноса задрожал от злости, и Кьяра поняла, что слушать он не намерен.

— Я ничего тебе не предлагаю. Вообще неизвестно жив ли он, — чародейка дернула хвостом и пошла прочь.

— Мне все равно, жив ли он. Уже не моя забота, — раздалось у нее за спиной и заставило ускорить шаг.

Эридан распорядился сжечь все останки, и эльфы стали стаскивать тела. Сожгли и Мэб, только белобрысый предварительно отрубил фее голову.

Лихорадочно веселые эльфы суетились, словно муравьи, а Кьяре было тоскливо. Она отсела от общего веселья и приложилась к бурдюку с запасенным вином. Ее одиночество разбавил Меллот.

— Это что? Вино? — спросил он.

— Если Его Величество потом не будет ругаться, — сказала тифлингесса, протягивая ему бурдюк.

— Его Величество жутко занят, — ответил эльф. — Думаю, ему не до пьянства двоих.

Прежде, чем он успел поднести вино к губам, Хатаэ выхватила бурдюк.

— Тройх, — сказала эльфийка, сделала большой глоток и обтерла губы ладонью. — Бедный Анеркаш, ему там еще долго сидеть.

— Ничего, — проворчал Меллот, возвращая себе отнятое. — Мог бы уже и лежать мордой в снег, — он сделал глоток. — Везучий тощий ублюдок.

— Он молодец, — осадил эльфа чародейка, — это было смело. Моя идея с головой тоже сработала.

Она сделала еще один глоток и отдала бурдюк эльфам на растерзание. Ей захотелось взглянуть на магическую тюрьму Мэб. Анеркаш, вернув себе естественный облик, сидел, облокотившись о прозрачную стену куба. Девушка потрогала ее снаружи. Подушечки пальцев слегка покалывало. Сырая магия, которой придали плотность и форму.

— Ты в порядке? — спросила она волшебника. — Знаешь, что это?

— В порядке, — ответил эльф, его голос звучал глухо из-за стены. — Эта тюрьма держится час, так что не уходите без меня.

— Не волнуйся, не уйдем, — улыбнулась Кьяра. — Если хочешь, могу составить тебе компанию.

Тот отрицательно помотал головой. “Сыч, любящий одиночество”, — подумала чародейка. Она вернулась к Меллоту и Хатаэ, которые уже успели поругаться из-за какой-то мелочи, отняла у них бурдюк и продолжила пить, не обращая внимания на происходящее вокруг.

В небо взметнулся дым от огромного костра. Арум заканчивал перевязку раненых, когда на горизонте показалась стайка белых зверей. Волки прибежали на звук и запах паленой плоти.

Вино ударило в голову, сделало тело ватным. В лицо тифлингессы уперся мокрый розовый нос, шумно обнюхивая ее. Девушка с любовью погладила большую белую голову.

— Прости, что сразу не пошла проверить, как вы там, — шепнула она в мохнатое ухо. — Рада, что вы в порядке.

Эридан отошел переговорить по камню. Через несколько минут вернулся, просиявший:

— Все хорошо. Наступление отброшено. Они потеряли всех своих командиров, их силы рассеялись. Мы можем возвращаться, но сегодня уже не дойдем. Заночуем в лесу.

Эльфы начали собираться в дорогу. К этому времени тюрьма Анеркаша, наконец, лопнула.

Гвардейцы оседлали волков. Кьяра взгромоздилась на Скага, чувствуя, как же тяжела ее голова:

— Милый, потихоньку, кажется, я не очень трезва...

Волки сорвались с места, и Скаг, не понимающий, что значит “трезва”, рванул в обычном темпе. Тифлингесса чудом удержалась на его спине, ее замутило, но рвотный позыв удалось сдержать. На волках путешествовать было быстрее и комфортней, чем пешком. Они просочились сквозь тоннель под стеной и углубились в лес. Немного погодя отряд остановился на небольшой поляне и разбил временный лагерь. Кьяра достала котелки и запасной спальник, чтобы отдать эльфам, сама завернулась в свой и уснула мутным пьяным сном, не дожидаясь ужина.

Утром ее пробудил шум в лагере. Эльфы собирали вещи, гасили костры, Эридан лично следил за тем, чтобы все собирались как можно быстрее. Голова отзывалась болью, во рту стоял мерзостный привкус, и тошнота отбивала всяческий аппетит, так что Кьяра отказалась

от завтрака и принялась сворачивать спальник. Ей хотелось поговорить с кем-нибудь, но эльфы были раздражающе счастливы, а Эридан... С ним говорить не хотелось вовсе.

Погрузившись на волков, отряд двинулся в путь. Впереди маячила спина Эридана. Он ехал, придерживая еще не оклемавшегося Элледина в седле. Как же бесила его спина, надменная и упрямая.

— Почему ты такая мрачная? — спросил Арум, подъехав ближе. — Мы победили врага, все хорошо.

— Не все, — покачала головой Кьяра. — Будь аккуратен, не дай боги тебе попасть под заклинание! Тебя будут считать предателем и даже разобратся не захотят!

Она сказала это нарочито громко. Ей хотелось, чтобы спина услышала и почувствовала злость, клокотавшую в груди Кьяры.

— Что ж, суд был бы здесь уместнее, — тихо ответил драконид, быстро догадавшись, о чем она. — Взвесить все за и против.

— Он даже слышать ничего не хочет! — воскликнула девушка. — “Виновен, предатель, мне без разницы, жив или нет!” — она с желчью передразнила тон Эридана.

— Из-за него мы все могли умереть, — спокойно ответил драконид. — а кто-то и правда умер. Это серьезное преступление, и было бы проще, если бы он не ушел.

— Да, согласна, — кивнула она, — но от этого на душе ещё паршивее. Есть все-таки разница, предательство осознанное и под чьими-то чарами. В первом случае я бы и слова не сказала, а если он был под чарами, а теперь они спали со смертью розового, то, наверное, боится Эридан. Я бы на его месте точно боялась.

— Мы не знаем точно, сколько там было Зариллона, а сколько чар, — пожал плечами жрец. — Пока ничего нельзя сказать однозначно. Я бы хотел, чтобы он вернулся, хотя не скрою, очень зол на него, но пока Эридан в ярости, ему лучше держаться подальше.

Увидев, как пригорюнился Арум, Кьяра вздохнула:

— Ну вот, и тебе настроение испортила...

— Такое бывает, — ответил он. — Пройдет большая битва. Ты остался жив, но чувствуешь только усталость и пустоту. Вот и сейчас так. Победа, ликовать бы, но привкус горечи.

— Как будто похоронили боевого товарища, — согласилась тифлингесса. — И пусть Зариллон никогда в бою с нами не был, но без него было бы тяжело. Всегда прикрывал тылы.

— Но может с ним все хорошо, и он проживет остаток своей долгой эльфийском жизни далеко отсюда, — предположил Арум. — Все же я злюсь на него. Я из-за него умер! Хотелось бы посмотреть ему в глаза и понять, есть ли там сожаление.

Кьяра кивнула в ответ. Спина Эридана не отреагировала на их разговор, только его волк чуть ускорился, обгоняя других эльфов, и вскоре он полностью исчез из поля зрения Кьяры.

Вскоре они вышли к дворцу, поднялись в люльке. Всюду царила разруха, перепуганные слуги только начали уборку и ремонт замка. Снедаемая горькими мыслями, она пошла спать в свою комнату, попутно приказав слугам принести еды. После нехитрого ужина заперла дверь и легла не раздеваясь, пачкая чистые простыни. Все души у Эридана, пусть себе идет на поклон к Маммону, отчитываться о проделанной работе. Ее же душила горечь и предательская мысль, что сердце у него и правда ледяное.

Глава 26. Серебряные глаза предателя

Кьяру разбудили звуки пилы, молотков и гомон эльфийской речи. Дворец жил согласно беспощадным эльфийским циклам, многочисленные рабочие стремились устранить последствия недавних разрушений. Свежий ветер отодвинул портьеру, и комнату осветили косые розовые лучи, падая почти к изголовью кровати. Девушка окончательно проснулась. Тело все еще было вялым, перебинтованные раны отдавались тупой болью. Она вспомнила сражение с Мэб и ее подручными, белое лицо Лафуса с широко распахнутыми глазами, в которых уже не было той задорной искры. “Нужно его воскресить”, - подумала тифлингесса.

Она пошла в сторону сокровищницы, взять камни для лечения и, если повезет, воскрешения. Девушка двигалась ловко и незаметно, не желая попасться на глаза Эридану. Зариллон сказал, что спрятался здесь с Фистиль. Может, они все-таки с ним разминутся? Ей отчаянно хотелось в это верить, но никаких следов затаившегося волшебника и его возлюбленной не было... Приоткрытый сундучок с крупными драгоценными камнями, этот граненый изумруд Кьяра подняла со дна и оставила поверх нити дорогого розового жемчуга, а здесь белобрысый неосторожно просыпал бриллианты, они блестели на полу пятью маленькими звездочками. Наклонившись, тифлингесса подобрала их, складывая в холщевый мешочек. “Для возрождения уже поздно”, - вдруг подумала она, загребая горсть из сундука, — “теперь надежда только на Хатаэ”. Затянув завязки, чародейка поискала камни, которые стоили бы полтысячи золотых, и нашла парочку крупных рубинов.

Девушка спустилась к лазарету, но Арума там не было. Ученики лекаря готовили припарки и делали перевязки раненым. На одной из коек лежал Элледин, весь перемотанный бинтами, словно лорд-мумия, а возле него стояли Суман и Ятар.

— Возьмите камни для ритуалов, — тихо сказала чародейка, передав мешочки в руки лекарям, и подошла к эльфам. — Доброе утро...

— Доброе утро, — откликнулись гвардейцы, а Элледин слабо произнес, слегка приподнявшись на койке:

— Все хорошо кончилось? Я ничего не пропустил?

Девушка тепло улыбнулась. Наверное, золотистый только пришел в себя.

— Да, мы победили Мэб и ее тварей, — сказала она, не вдаваясь в детали, ребята потом сами расскажут. — Скорей поправляйся.

Она оставила эльфов и пошла на этаж наложников. Хотелось поговорить с Хатаэ по поводу предстоящих воскрешений, но девушка не знала, где ее комната. В задумчивости Кьяра прошла по коридору и замерла у лестницы к башне мага. Помедлив секунду, поднялась наверх, толкнула резные двери. Незаперто. Чародейка слишком часто бывала здесь и изменения сразу бросились в глаза. С полка пропало несколько книг, оставив дорожки на пыли, ящики с реагентами были неаккуратно задвинуты, что-то просыпано на пол, а сам алхимический аппарат, занимавший большую часть стола, исчез, на его месте сиротливо стояла волшебная кружка трезвости. Кьяра устало села на стул мага, провела ладонью по столешнице и черной дощечке с царапинами от мела. Стало очень тоскливо. Может Эридан и прав. Куда бы ни сбегал Зариллон, он забрал с собой кое-какие вещи, и это немного не вязалось с тем видением, что даровала ей Кереска. Все окончательно перепуталось в голове чародейки. Она вытащила из сумки дневник снов и принялась записывать произошедшее за последние дни, пока не устали глаза и пальцы. Тифлингесса

направилась к подъемнику, чтобы привести в порядок мысли и чувства. Может, полет в драконьем облике поможет ей немного забыться?

Задар и Каленгил прохаживались вдоль парапета, поблескивая доспехами. Арадлив и Анеркаш о чем-то в полголоса разговаривали у механизма подъемника. Девушка поздоровалась с ними, синевласый окликнул ее взволнованным голосом:

— Кьяра, ты слышала про Зариллона?

— Только то, что он исчез, — печально ответила она. — А что, что-то ещё?

— Говорят, нашли тела, но я сам не видел...

Кьяра оторопела, а спустя мгновение уже воскликнула:

— Где?!

— Что где? — пробормотал эльф.

— Где наши тела? И кого?

— Не знаю где, — пожал плечами Арадлив. — Слышал от Сумана с Ятаром, а те от лекарей, что в мертвецкой появились тела Зариллона и Фистиль.

Кивнув, девушка уточнила:

— А где мертвецкая?

Эльф покачал головой:

— Не знаю точно. Где-то в лазарете, спроси там. Если что узнаешь, то скажи.

Кивнув еще раз, Кьяра ринулась обратно в лазарет. “Все-таки мертв!” — с досадой думала она. — “Как он умер? Неужели, Эридан...”. Она заставила себя прогнать эту мысль.

Арума все еще не было, и тифлингесса спросила остроухого юношу, занятого сматыванием бинтов, где находится мертвецкая.

— В самый конец, налево и вниз, — вдруг он спохватился. — Но вам зачем? Арум уже осматривает тела.

Ничего не ответив, девушка быстрым шагом пересекла лазарет и побежала по ступеням, винтом уходящим вниз, где ее встретили тяжелый запах благовоний и прохлада похожего на склеп помещения. Драколюд задумчиво вертел в руках жезл и смотрел на тела, уложенные на жесткие койки. Тифлингесса медленно приблизилась к нему, и Арум сказал:

— Здравствуй, Кьяра. Слухи, видимо, быстро распространяются.

— Да, — еле слышно ответила девушка, рассматривая трупы. — Кто их принес?

Не было сомнений, что это Зариллон и Фистиль.

— Эридан их принес, — сказал жрец, не сводя глаз с некроманта. — Ночью, ближе к утру. Сказал, что решил проверить пещеры. Я сначала подумал, что это он их убил, разозлился на него, сильно накричал...

Кьяра осунулась. “Все-таки не смогла тебя защитить”, — подумала она, глядя на сероватое лицо мага. Драколюд облокотился о койку:

— Теперь вижу, что раны нанесены чем-то, мало напоминающим оружие. Да и, судя по цвету, они мертвы гораздо дольше, — пройдя к изголовью, он слегка повернул голову эльфа, пошевелил пальцем волосы. — За ухом нет отметины от шипа.

— А от чего они умерли? — спросила чародейка.

Арум склонился над лицом эльфа, приподнял пальцами веко:

— Я мало разбираюсь в этом, но, кажется, что-то смертельно поразило его мозг. Наверное, психическая энергия. Видишь, как покраснели белки глаз?

Кьяра заставила себя склониться над лицом мертвого соратника. Глаза и правда выглядели странно. Алые, на нижних веках следы застарелой крови.

— Выглядит так, — продолжил жрец, — словно кровь текла из глаз, как тогда у Эридана. А она, — он подошел к соседней койке, где лежала эльфийка, слегка отодвинул ткань на прорехе в одежде, что зияла в области груди. — Ее чем-то проткнули насквозь. На сталь непохоже, да и клинок Эридана оставил бы характерный ожог.

Отстранившись от тела, Арум устало вздохнул и задумчиво пробормотал:

— Не знаю, что и думать... Хочу воскресить его и допросить. Как считаешь, мне его привязать или не надо?

— Ты будешь воскрешать? — воскликнула девушка, не скрывая радостной взволнованности. — Не надо привязывать. Если что, я смогу замедлить его заклинанием.

Драколюд кивнул на жезл, зажатый в ладони:

— Могу, с помощью него. Так я воскресил каргу. Правда, это потратит всю его магическую энергию, и колдовать придется час... Ты уверена, что готова целый час сидеть в этом холоде?

— Нормально, — ответила Кьяра. — Драконья кровь согреет.

Хмыкнув, Арум приступил к заклинанию. Спустя некоторое время девушка заметила, что кожа эльфа приобрела живой оттенок. В какой-то момент грудь некроманта вздрогнула, делая хриплые вдохи, маг зашелся криком, полным боли и страха, и вскинулся, выставив вперед руки. Кьяра моментально вскочила, готовая поразить его заклинанием. Тихо позвала:

— Зариллон?

Эльф повернул голову в ее сторону, и тифлингесса поняла, что он ее не видит. Окровавленные глаза смотрели в никуда. Руки бессильно опустились.

— Кьяра? — позвал Зариллон. — Я плохо вижу. Где я?

— Ты в замке, — ответила девушка. — Расскажи, что случилось?

Он съезжился от этого вопроса. Повисло тягостное молчание. Наконец некромант сказал:

— Ты, наверное, и так все знаешь.

— Нет, не знаю, — покачала головой чародейка, — и хочу услышать твою версию, как и Арум.

Она старалась говорить мягким успокаивающим голосом, чтобы не пугать волшебника. Ей самой отчаянно хотелось узнать правду. Опустив голову, эльф заговорил, делая паузы между фразами:

— Я совершил ошибку, был неосторожен. Может, слишком самонадеян. Хотел провести пару небольших экспериментов, но Лемифинви только этого и ждал. Ты знала, что на самом деле он — огромное растение? Даже целый коллектив растений, а его гуманоидные тела — всего лишь марионетки, управляемые им полностью или частично. Таковую он может вырастить из любой, даже мельчайшей части.

— Я догадывалась об этом, — кивнула Кьяра. — Что случилось дальше?

— Он наложил на меня Обет [1], и я стал его слугой, — продолжил Зариллон. — Я оказался недостаточно мудрым, чтобы сопротивляться. Иногда я мог действовать сам, но если ему не нравилось, он бил психической энергией, — он вдруг поморщился, то ли от боли, то ли от эмоций. — И я много чего сделал, много плохого. Боялся смерти.

— В какой момент это произошло? — спросила тифлингесса. — И что ты сделал? Расскажи.

Ее тон все еще был мягким и сочувственным, но в голосе все больше сквозила печаль.

— Почти сразу после того, как мы въехали в этот дворец, — сказал Зариллон. — Я

решил провести эксперимент... И ты знаешь, чем это закончилось. Я... — он запнулся, еще больше съежившись. — Я впустил фей. После мне стало совестно, но... Я не мог пойти против него. Сказал, как снять защиту с замка. Передавал информацию. Освободил Элаха и фею.

С каждым словом Кьяра мрачнела все больше и больше. Ей не хотелось верить в то, что она слышала.

— Когда Хатаэ меня обнаружила, — продолжил маг, — у меня не поднялась рука убить ее, и я убил тех, кого освободил, но после испугался. Понял, что Лемифинви меня прикончит, да и Эридан, наверное, тоже... — он жалко всхлипнул. — Мы быстро собрали, что смогли, и побежали. Хотели переждать в пещерах, но меня настигла кара, а что стало с Фистиль, я не знаю.

— Фистиль мертва, — глухо сказала Кьяра, и лицо эльфа исказилось, он уронил его на ладони.

— Я не понимаю, — пробормотала девушка. — Розовый контролировал тебя не постоянно. Если бы не зелье телепортации, мы бы не спасли Эридана. Кто тебя убил? Почему ты сказал, что в сокровищнице?

— Мне стало совестно, — простонал эльф в ладони. — Я дал это зелье в надежде что-то исправить, но ему это не понравилось, и он наказал меня. Он и убил, тем же способом, каким наказывал. Мы были уже почти в пещерах, когда Хатаэ связалась со мной. Я не знал, раскусили меня или нет, вот и соврал, но, когда она сказала про пещеры, понял, что меня все-таки раскусили. Вы никак не могли обогнать нас...

Арум вдруг подался вперед и зарычал, рывком отнимая ладони от лица волшебника:

— А ну посмотри на меня!

Эльф испуганно встrepенулcя, уставившись на злой оскал дракониды. Судя по глазам, к нему вернулось зрение.

— Меня убили в тот день, когда ты сбежал, — прорычал жрец. — И еще двоих. Они лежат справа от тебя.

Драконид кивнул в сторону двух коек, укрытых белым полотном. Зариллон вздрогнул и замер, словно загнанный в угол кролик, так и не смея посмотреть в указанную сторону.

— Я знаю это заклинание! — зло закричал драконид. — Его можно было снять, я даже знаю как... и ничего бы этого не было. Почему ты даже не намекнул?!

Зариллон пролепетал, еле шевеля губами:

— Я очень боюсь смерти и боли...

— Говорила я тебе уничтожить шип, — грустно сказала тифлингесса. — А теперь Лемифинви многое знает о нас. Мы доверяли тебе, и ты нам очень помогал, но... — она осеклась, взглянув на жреца. — Все так запутанно.

— Лично мне все очевидно, Кьяра, — сказал Арум, прожигая волшебника яростным взглядом. — Он так боялся за свою жизнь, что сдал нас. Мы бы могли сейчас кормить ворон. Ты, я, Эридан, Элледин, все гвардейцы. Из-за того, что кто-то дал слабину!

Тяжелый набат его голоса отражался от мрачных стен, и эльф слабо вздрагивал, словно драконид давал ему пощечину в конце каждой полной бессилия фразы. Арум оскалился, словно зверь, и устало опустил голову. Кьяра понимала его. Наивный золотой мальчик, свято верящий в честь, благородство, идеалы, и вдруг такое предательство. У нее самой в груди вдруг разверзлась сосущая пустота. Тифлингесса положила руку на плечо жреца и успокаивающе погладила.

— По крайней мере, мы выслушали, — тихо сказала она. — А я так надеялась...

Она и правда наделась, что Зариллон был всего лишь марионеткой, что он не хотел причинить им зла, но вскрывшаяся правда была гораздо горше. Больше всего, что она так долго не доверяла ему, подозревала и все-таки просмотрела очевидное.

— А я лучше б и не знал... — ответил Арум. — Теперь что с ним делать? Да, что с тобой делать-то?! — крикнул он, обращаясь к Зариллону.

Тот снова дернулся, как от удара, и уронил лицо на ладони.

— Ладно, — фыркнул жрец, — ты пока мой пациент, а потом вернется Эридан и решит, что с тобой делать.

Зариллон резко вскинул голову, страх промелькнул в серебряных глазах.

— Молись своим богам, чтобы ему не пришлось в голову навсегда убить тебя, — прошипел драконид, — но если сбежишь, сам из-под земли достану.

— Арум, а если перевести его в темницу? — предложила Кьяра. — Я не хочу оставлять его наедине с кем-либо. Не уверена, что розовый все-таки мёртв.

Драколюд согласно кивнул, не отрывая взгляда от мага:

— В темнице много светлых и просторных камер, — он положил руку на плечо эльфа и слегка подтолкнул. — Пошли, Зариллон. Не думал, что доживу до такого момента...

Он помог пошатывающемуся волшебнику встать и повел прочь из мертвецкой. Проходя мимо тела Фистиль, некромант остановился, и дракониду пришлось настойчиво толкнуть его вперед. Волшебник еле разбирал дорогу, так что Аруму приходилось поддерживать его под локоть. Сзади шла Кьяра, следя, чтобы Зариллон не сбежал, но тот был покорный, словно ягненок. Они привели его в темницу. Когда заперли дверь, эльф вдруг подал голос.

— Воскресите Фистиль, — шепнул он.

— Ну уж нет, сначала Лафус с Джадримом, — выпалила тифлингесса, и эти слова окончательно уничтожили волшебника. Он так и осел в углу камеры, будто вот-вот лишится чувств, Кьяре стало горько и паршиво.

На обратном пути они с драконидом разошлись, Арум пошел помогать Хатаэ с воскрешениями, а чародейка побрела, не разбирая дороги. В голове роились мысли, обрывающиеся в молчаливую бездну. Зариллон — предатель и заслуживает наказания, но его помощь не раз выручала из безвыходных ситуаций, и за это он заслуживает снисхождения. Еще он стал другом. Сколько раз они беседовали с ним за варкой зелий, и некромант делился с ней историями из своей жизни? Или рассказывал о чем-нибудь удивительном, что сумел понять или открыть, и глаза его широко распахивались и воодушевленно блестели. Тяжело было признать, что эти восхищенные миром глаза — глаза труса и предателя.

[1] Обет — заклинание, обязывающее, выполнять заданную команду и карающее за непослушание

Глава 27. Минаурос

Девушка очнулась от своих мыслей на карнизе, у самого парапета. Оглядела лес, красочные облака и подумала, что все-таки стоит полетать. Шагнула через край, распахнула крылья и налету превратилась в дракона, ящер нырнул в прохладный ветер и понесся над лесом, словно серебряная стрела. Полет пьянил, но сквозь дурман беззаботности просачивались грустные мысли. А ведь она могла пойти против Эридана, увести Зариллона на Фаерун, даже планировала так сделать, когда появится подобная возможность. Белобрысый не простил бы ей этого, и хрупкое доверие, которое установилось между ними, было бы безвозвратно утеряно.

От полета ее отвлекло мысленное сообщение Эридана: "Здравствуй. У меня возникли проблемы. Вероятно, я задержусь в Минауросе дольше, чем рассчитывал. Пока не найду способ покинуть это место, ты за главную. Не расслабляйтесь". Кьяра моментально взбодрилась. О Минауросе она знала не очень много. Третий из девяти слоев ее родного мира, населенный дьяволами разной степени кровожадности, не самое подходящее место для эльфийского аристократа, да еще и без охраны! "Тебе нужна помощь?" — растерянно спросила она, судорожно вспоминая, чем этот слой известен. "Кажется, Маммон просто издевается надо мной", - ответил эльф. — "Хочет вынудить заключить сделку уже на других условиях. Скажи, как выбраться на Авернус?". Девушка мысленно представила устройство Девяти Преисподней. Авернус был первым слоем, вратами в мир дьяволов, откуда вело множество порталов на другие планы существования. Опасная арена бесконечной Войны Крови. Добраться до него можно было только по кровавой реке Стикс, что соединяла не только все слои Преисподней между собой, но и сам Баатор с Бездной. "Через реку Стикс", - ответила чародейка. — "По ней до Авернуса, но это опасно". "Слава Темпусу, что у меня ещё остались души", - ответил Эридан. — "Что ж, пошел искать транспорт", и эльф замолчал. Тифлингесса развернулась и помчалась обратно, на душе снова заскребли кошки. Кьяра слишком хорошо помнила свою родину, белобрысому грозила серьезная опасность, особенно, когда местные раскусят, что он — одинокий чужеземец. Каким бы он ни был сильным, против целого мира ему не выстоять.

Долетев до замка, Кьяра вспомнила еще одну неприятную вещь. Воды Стикса стирали память всякому, кто касался ее, если это не твари, самой природой созданные для жизни в ее кровавых глубинах, а мерренолоты, служащие паромщиками, могут быть очень коварными. "Не плыви по реке", - отправила девушка. — "Иди по берегу, одно касание воды, и все забудешь. Я заберу тебя". Она кинулась в сокровищницу, к сундуку, куда сложила бесполезные магические предметы, и достала оттуда амулет в виде кольца. Кьяра умела открывать порталы в другие миры, но для этого ей необходим был материальный компонент, настроенный на конкретный план. В сумке у нее много лет пылился раздвоенный пруттик — ключ к возвращению на родину. Флегетос ей нравился куда меньше Фаеруна, поэтому она не спешила обратно. Проблема была в том, что ключ настроен на конкретный слой Преисподней. В крайнем случае, она могла бы вернуться на Флегетос и попросить у лорда Волмера содействия за разрешение ситуации с Тиамат. Дьявол так и не отблагодарил свою помощницу. Кто знает, сколько это заняло бы времени, ведь чем дольше белобрысый находился там, тем большему риску подвергался. Девушка пожалела, что не настроилась на него раньше, чтобы понять принцип действия. Потратив на ритуал примерно полтора часа,

Кьяра узнала две вещи: амулет не требовал материального компонента, но нужно хоть раз побывать в месте назначения, чтобы перемещение сработало успешно. В бессильной злобе Кьяра ударила кулаком по стене. Жажда путешествовать пробудилась в ней на Фаеруне, а до этого никуда дальше вулканического слоя она не перемещалась и о Минауресе знала только по рассказам. Что же делать?

Тифлингесса поспешила в лазарет, чтобы обсудить ситуацию с Арумом и Элледином.

— Эридан приказал ждать, — подытожила она свой рассказ, — но я не думаю, что это хорошая идея...

Арум задумчиво нахмурился:

— Он как всегда уверен, что сам справится. Какие шансы, что он сам дойдет до первого слоя?

— Я даже не уверена, что сама бы дошла, — призналась девушка, — а ведь я — уроженка. Поэтому и хочу отправиться за ним, правда, переместиться могу только на слой ниже. Надеюсь, смогу его нагнать.

— Ты пойдешь туда одна? — удивился драконид. — Может, стоит взять кого-то с собой?

— Взять-то могу, но это очень опасно, — ответила тифлингесса и вдруг задумалась.

Ей вспомнились разговоры с Зариллоном, которыми они любили скрашивать процесс монотонной варки зелий. Волшебник рассказывал об академии и своем фиаско, связанном с неуемным желанием читать запретные книги. Однако девушка припомнила и другое. Однажды эльф вскользь упомянул, что после экскурсии в Преисподнюю ему пришлось пережить утомительную церемонию жреца, чтобы вернуть разуму прежнюю целостность. Что, если он бывал в Минауресе?

— Мне нужно поговорить с Зариллоном, — рассеянно сказала она. — Вам в любом случае со мной нельзя. Кто-то должен проследить за порядком в наше с Эриданом отсутствие, к тому же, ребята все еще ждут воскрешения.

Элледин заупрямился, но драконид мигом уложил эльфа в койку одним движением руки:

— Для тебя сейчас с кровати встать — великий подвиг.

Кьяра спустилась в темницу. Зариллон бодрствовал и все также сидел в углу камеры, даже не сменив позы. Эльф много плакал, судя по опухшим векам, но сейчас в его печальных глазах не было слез. Девушка приблизилась к решетке, взялась на прутья и спросила:

— Скажи, тебе известен Минаурес? Ты бывал там?

Волшебник молчал, и девушка хотела было переспросить, как он очень тихо ответил:

— Да, я знаю это место. Это вотчина Маммона. Был там однажды, но визит мой был короток, ведь я спускался ниже.

— Сможешь провести туда? — с надеждой в голосе спросила чародейка. — С помощью амулета планов? Маммон не хочет отпускать Эридана.

Она смолкла, наблюдая за выражением лица эльфа. Оно оставалось опустошенным и безучастным.

— Я готова довериться тебе и рискнуть, — тихо добавила тифлингесса. — Скажи, что я не напрасно тебе верила все это время.

Зариллон изменился в лице и посмотрел на Кьяру взглядом, в котором боролось несколько эмоций.

— В прошлый раз я был там со своим учителем и другими учениками, с охраной, а ты

предлагаешь пойти вдвоем? — ошарашенно спросил он.

— Ты боишься, — кивнула девушка. — Пусть так, но это твой последний шанс.

Эльф смотрел на нее широко распахнутыми глазами и молчал. Кьяра сделала шаг от решетки.

— Ты не хочешь, — тихо сказала она. — Хорошо. Я все равно пойду, пускай и одна.

— Да, я боюсь, — кинул некромант, — но я могу попытаться.

— Бояться не позорно, я тоже боюсь, — призналась тифлингесса, доставая из потайного кармашка набор отмычек.

Замочная скважина щелкнула, решетчатая дверь со скрипом распахнулась, выпуская эльфа. Еще немного времени потребовалось, чтобы снять кандалы. Маг выглядел уставшим и болезненным.

— Пошли в лазарет, — сказала Кьяра, — тебя нужно немного подлатать.

Пока они понимались по лестнице, Зариллон делился своими соображениями:

— Он может привлечь к себе слишком много внимания. Хорошо, если бы он остался в городе, недалеко от приметной постройки.

Тифлингесса помотала головой:

— Поздно, он скорее всего уже двинулся прочь из города, в сторону Авернуса, — она передала ему амулет. — Настройся на него.

Эльф повесил его на шею, осмотрел висящее на цепочке колечко и пробормотал:

— Меня больше беспокоит, что переместившись, мы можем забыть, зачем это сделали.

“Бездна!” — ругнулась про себя Кьяра. — “Будь проклята Страна Фей и ее дурацкие выкрутасы. Еще и время между планами течет иначе”.

— Это я возьму на себя, — мрачно буркнула она.

Зариллон примостился на койке в лазарете и сосредоточился на ритуале настройки. Арум, тихо бормоча под нос исцеляющие заклинания, водил руками над его головой, а девушка достала дневник и приступили к записям. Она кратко изложила, куда они идут с магом, зачем и кого спасают. Подумав немного, вымарала на руке мелом, смешанным с жиром и воском, напоминание заглянуть в дневник. Пока Зариллон настраивался на амулет, Кьяра связалась с альбиносом: “Эридан, мы выдвигаемся за тобой. Ты где? Далеко ушел от города?”. “Иду вдоль реки”, - отозвался эльф. — “К воде не подхожу, избегаю контактов с местными и монстрами. Ушел не очень далеко”. “Стой на месте”, - распорядилась чародейка. — “Есть приметный ориентир рядом?”. “Это поганые болота и река, и самый приметный ориентир здесь — я”. Девушка готова была поклясться, что почти услышала его ехидный тон. Немного подумав, Кьяра внесла в дневник еще несколько заметок — куда двигаться и кое-что насчет Зариллона. Эридан мог бы атаковать его, как, впрочем, и любой местный житель, следовало позаботиться о его безопасности.

— Я готова, — сказала она, закончив записи.

Эльф встал с койки, подошел к тифлингессе и сложил руки на амулете, взывая к его магии. Перед глазами мелькнула яркая вспышка, и они оказались посреди густого леса, освещенного розовым закатом.

— Ой, — смущенно улыбнулся Зариллон. — Промашка вышла.

— Ничего, — ответила Кьяра. — Попробуй еще раз.

Она коснулась монетки, призывая на помощь везение. Очередная вспышка застлала глаза, и вот в нос ударила сильная вонь болотной затхлости и знакомый по алхимической лаборатории запах кислоты. Они переместились на какую-то улицу, подсвеченную тусклыми

зеленоватыми сумерками. Вокруг простирался город, похожий на жертву метеоритного дождя. Кособокие, полуразвалившиеся дома были наклеены друг на друга, словно муравьиные кучи. Дороги не было видно из-за плотно стелющегося тумана, а над головой клубились низкие серо-зеленые тучи. Вокруг стоял гомон inferнальной речи. Не прошло и секунды, как Кьяру кто-то толкнул шипастым плечом, рыкнув:

— С дороги, алкилитная грязь! — а в голову чуть не врезался низко летящий бес.

Кьяра зажмурилась, потерла глаза тыльной стороной ладони, а когда открыла их, замерла в недоумении. Что она здесь делает? Она шагнула в огромный портал, который занимал почти все небо... и оказалась здесь. Где дракониды, Скаг, эльфы и ее подопечный? Оглянувшись по сторонам, Кьяра пришла к выводу, что находится в Преисподней. Так он здесь собирался воевать?

Ее глаза встретились со взглядом эльфа, который, испуганно пискнув, попытался спрятаться за нее от мимо проходящего осилута. Это еще что такое? Лицо незнакомое, но цепляется за нее, словно родное дитя. Раздраженно дернув крылом, она зарычала на него на inferнальном, чтобы отстал, на что он ответил сдавленным шепотом:

— Кьяра, ты помнишь, зачем мы здесь?

Как вышло, что эльф знает ее, а она его нет? Тифлингесса снова потерла глаза и увидела на руке белое пятно — размазанную надпись, в которой с трудом читалось: “Загляни в дневник”. “Какой еще дневник”, - хмуро подумала она. — “Отродясь не вела”. Поймав на себя несколько голодных взглядов, эльф снова спрятался за девушкой. Бездна, если за двадцать лет ничего не изменилось, то эльфийские потроха — все еще дорогостоящий деликатес, и значит этот доходяга — лакомый кусочек, из-за него их обоих могли убить. Девушка юркнула в щель между домами, присела за кучей каменного крошева и пошарила в сумке. Эльф побежал следом, словно цыпленок за наседкой, и схоронился за грудой мусора неподалеку.

К удивлению девушки, в сумке действительно нашлась какая-то перемотанная кожаным жгутом книжица, из которого торчала грифельная палочка. Открыв ее на последней странице, тифлингесса изучила записи. Скупое изложенный план: выйти из города, идти по берегу Стикса вдоль болот, найти Эридана, чтобы забрать из этого мира. “Ничего не понимаю”, - думала девушка. “Он же сюда так стремился, зачем забирать?”. Пролистала назад. Нужно было не дать Эридану убить какого-то эльфийского волшебника Зариллона. Ах вот оно что. Она бросила еще один взгляд на трусливо попискивающего эльфа. Значит они и правда знакомы, почему только она ничего не помнит?

Наткнувшись на запись, что теперь она может обернуться молодым серебряным драконом, Кьяра окончательно потеряла нить повествования. Определенно, почерк был ее, но что за дикая чушь тут написана? Нахмурившись, чародейка пролистала еще дальше. Битва с Мэб, Страна Фей, перечень событий, которые с ней никогда не происходили. Последним ударом послужила запись о том, что белобрысый ублюдок стал для нее важным человеком. Кьяра резко захлопнула дневник. Надо бросать пить, ведь предупреждали, что обильные возлияния могут повредить ее память. Видать, накидалась дварфийского самогона и решила сочинить пару сказок на тему эротических фантазий. Хотя может и не все сказки. Она ведь и правда в Преисподней, как и было записано на последней странице, рядом эльф, как и было упомянуто в дневнике. Сказано там было и о камне послания, с помощью которого можно было связаться с подопечным.

— Сразу скажу, не помню, кто ты такой, — сказала Кьяра, глядя на волшебника.

Тот кивнул в ответ:

— Я уже понял. Это поправимо, но сначала нужно выполнить наше задание.

Лунный эльф привлекал ненужное внимание, его следовало как можно скорей замаскировать.

— Ты владеешь превращением? — шепнула она ему.

— Нет, — вздохнул волшебник.

— Хорошо, я сама тебя превращу, не сопротивляйся, — шепнула чародейка.

Миг, и на месте тощего мага появилась крошечная мышь. Девушка подняла мышонка с земли и усадила в капюшон, где он тут же закопался в ее волосы, боязливо шевеля усиками. Можно было двигаться дальше. Стараясь не привлекать внимания, тифлингесса взмыла над крышами домой. Зеленоватое небо стало чуть ближе. Хотя какое там небо: высокий свод гигантской пещеры, окутанный зловонными испарениями. Неподалеку струйкой крови петлял Стикс. Под кривоногими мостами проплывали суда, следующие в разные концы Преисподней. Только вот куда двинулся белобрысый? “Ваше Высочество, вы пошли вниз по течению или вверх?” — спросила она. Девушка не надеялась получить ответ, но он пришел и расцвел вязью мысленных фраз прямо в голове: “Вверх, в сторону Диса, и я Величество, если уж на то пошло... Берегись дождя, он кислотный”. Кьяра удивилась. Значит, про камень тоже правда.

Девушка полетела вверх по течению, стараясь не думать, что за чертовщина творится вокруг нее. Если эльфа нужно найти и забрать, то придется выполнять, иначе Королева Воронов исполнит свою угрозу. Неброско одетая Кьяра не привлекала особого внимания, в Минауресе ценили только души и золото. Тифлингесса заметила возвышающийся над городом дворец, такой же кособокий и уродливый, больше похожий на бесформенный термитник, как и вся местная архитектура. Пролетая мимо шумной пристани, где бойко торговали закусками из мелких полуживых тварей, Кьяра с опаской посмотрела на сгустившиеся тучи. С неба начало накрапывать, капли казались обычной водой, но соприкоснувшись с капюшоном, шипели, прожигая дыры в материи. Сильно обожгло ладони.

— Проклятье варгульи! — выругалась она, прячась на чердаке полуразрушенного здания.

Укрылась она как раз вовремя, поскольку через некоторое время поток усилился. Что-то зашевелилось у нее в капюшоне, на плечо вылез мышонок, а еще через секунду девушку придавило эльфом. Блеск.

— Слезь с меня! — рявкнула Кьяра, отпихивая его в сторону.

Тот послушно отполз, пробормотав:

— Прости...

Задумчиво посмотрев на потоки кислоты, он вздохнул:

— Интересно, как Эридан это переживает?

Кьяра равнодушно пожала плечами:

— Он крепкий.

“Может, паладин, наконец, сдохнет”, - мечтательно подумала чародейка. “Над погодой я не властна, Королева Воронов должна это понимать”.

— Можешь заколдовать защиту от этого дождя? — спросила тифлингесса.

— Нет, — покачал головой маг, — я не силен в ограждении.

“Бесполезный, как дерьмо лемура”, - зло подумала она, а затем все-таки

поинтересовалась у белобрысого: “Ваше Высочество нашло укрытие от дождя?”. “Меня спасло, что я пошел к Маммону, не снимая доспеха, со щитом”, - пронеслось в голове. — “Затекает немного, но это мелочи. Пережди, они частые”. Кьяра скривилась. Какая забота. Волка дал, вином одарил, а теперь и от кислотного дождя предостерегает, словно ему есть какое-то дело.

— Когда прекратится дождь, выберемся за город и быстро нагоним, — буркнула она волшебнику.

“Как раз и проверю, могу я превращаться в дракона, или это часть пьяной байки”.

Дождь лил еще полчаса, потом медленно сошел на нет. Кьяра вновь превратила волшебника в мышь, посадила в капюшон и полетела к краю города. Через некоторое время домики стали все реже и реже мелькать под ногами, а потом и вовсе уступили бесконечно топи, покрытой клочьями густого тумана.

Приземлившись на кочку, Кьяра оборвала концентрацию на превращении, и волшебник шлепнулся в грязь. Вдох-выдох, надо сосредоточиться. Девушка представила, как ее тело трансформируется, и почувствовала покалывание магии по коже. Кровь охотно отозвалась, и вот чародейка уже удивленно разглядывала серебряную чешую у себя на лапах. Все-таки не бредни. Удивляться не было времени, тифлингесса подхватила волшебника и устремилась вдоль топи, стараясь лететь низко, чтобы не промахнуться мимо лорда. Примерно через час полета эльф вскрикнул, указав куда-то пальцем. Кьяра увидела сидящую на кочке фигуру, с головы до пят закованную в черную броню. Наверное, белобрысый. А может и нет, броня была какая-то другая. На шлеме оленьи рога, лицо полностью закрыто маской с узкими прорезями для глаз. Из-под шлема виднелись длинные пряди. Нет, все-таки лорд. Он поднялся с кочки и махнул рукой. Приземлившись, Кьяра вернула привычный облик.

— Ты не сказала, что взяла Зариллона! — зло прогудел голос из-под шлема.

Доспехи схватили тощего эльфа за грудки и встряхнули, как тряпичную куклу. Тот ослабел от страха.

— С тобой у меня будет долгий разговор. Хотя может и короткий. Молись своим богам!

— Давайте сначала выберемся отсюда, Ваше Высочество, — буркнула Кьяра. — А потом будете устраивать разборки.

— Верни нас обратно, — устало сказал белобрысый.

— Вопрос в том, куда вы хотите, — ответила чародейка, доставая из сумки раздвоенный железный пруттик. — Даггерфорд, Невервинтер, Уотердип.

— В Сеннальесс, — удивленно ответили доспехи, — мы ведь ещё не избавились от зимы. Нам ещё рано планировать побег.

— Я не знаю этого места, — ответила она, бросив презрительный взгляд на обмякшего мага.

В записях говорилось про какое-то место в Стране Фей и ключ к нему. Кьяра тогда не придавала этому значения, но после всего увиденного и тем более после превращения в дракона удивляться уже не было сил. Она вновь полезла в сумку.

— Ты забыла, — тихо сказал Эридан, вдруг разжав ладонь, держащую Зариллона.

— Это не страшно, — сказал маг, поправляя мантию. — Арум вернёт ей память.

— Я не спрашивал тебя! — рявкнул белобрысый. — Мне от тебя ничего не нужно кроме честного ответа, почему ты нас предал!

— Он нас сюда перенес, — вставила Кьяра, все еще продолжая копаться в сумке. — Я этого места не знаю и не смогла бы так быстро сюда добраться. Кто скажет, этот ключ

связан с местом, куда нам надо?

Она показала мужчинам ключ, выполненный из кристалла.

— Да, это он, — кивнул маг.

— Вот как? — грозно спросил белобрысый. — Захотел откупиться? Помощью мне?

— Вы идете? — раздраженно выпалила чародейка.

Доспехи молча приблизились к ней, таща под локоть опечаленного мага. Девушка пробормотала слова заклинания, сконцентрировалась на предмете, и открыла портал. Шагнув в него, она внезапно оказалась в каком-то умопомрачительно красочном месте. От удивления даже приоткрыла рот и начала озираться по сторонам. Жестом подозвав четырех эльфов в мундирах, Эридан распорядился:

— Его в темницу. Проверьте, чтобы было всё необходимое, и отберите артефакты.

Спихнув мага стражникам, он обернулся к девушке и скомандовал:

— Иди за мной.

Тифлингесса покорно последовала за ним, озираясь по сторонам. Эридан привел ее в лазарет и обратился к дракониду с ослепительно-золотой чешуей:

— Здравствуй. Пожалуйста, сними с нее проклятье.

Альбинос устроился на койке, ослабляя крепления доспехов, а драколюд подошел ближе. Он был похож на одного из двух братьев, что поклонялись Темпусу, но чешуя! Жрец зашептал слова заклинания. В голове у девушки снова все затуманилось, а спустя мгновение потихоньку проявились воспоминания о времени, проведенном в Стране Фей. Все встало на свои места, а от потери памяти остался привкус горечи. На некоторое время она словно вернулась в прошлое и стала прежней Кьярой.

Эльф снял доспехи, стянул подлатник, кое-где прожженный кислотой. Лекари смазали ожоги лечебной мазью, особенно те, что на лице, и кожа затянулась, не оставив следов. Осталось несколько глубоких отметин на груди, не желающих поддаваться лечению, на них наложили повязку. Длинные белые волосы эльфа безжалостно оплавилась, Эридан провел по ним ладонью, в руке осталась пара пережженных прядей, и он грустно покачал головой.

— Спасибо, что вытащила, Кьяра, — тихо сказал король тифлингессе. — Арум, у тебя нет воды? Очень хочу пить.

Драконид принес ему кувшин, девушка заметила:

— Эридан, Зариллон не пытался откупиться. Я попросила его о помощи, вот и все. Он очень боялся, но все-таки пошёл.

Эльф припал к кувшину, сделал несколько жадных глотков и облегченно вздохнул.

— Честь ему и хвала, — наконец сказал белобрысый. — Возможно, он спас мне жизнь, теперь я ему должен. Я не убью его, если ты об этом, но хочу узнать у него все подробности его гнусного поступка, и после...

Он не договорил, но Кьяра немного успокоилась. После он вынесет приговор, но он не будет таким жестоким, какой она ожидала от него изначально.

Эридан отложил доспехи и поддоспешник в сторону.

— Я очень устал. Решу это после того, как отдохну.

Эльф приобнял ее со спины, и она почувствовала тепло его тела.

— Еще раз спасибо, что не бросила меня там, — тихо сказал он.

Глава 28. То, что не передать словами

Эридан отстранился, и Кьяра услышала за спиной удаляющиеся шаги.

— Подожди! — воскликнула она, вскакивая с койки. — Хочу побыть с тобой...

Он удивленно обернулся:

— Я думал, ты не хочешь меня видеть.

Лицо эльфа смягчилось улыбкой.

— Пошли. Хочу принять ванну, поесть и, наконец, поспать. От меня пахнет грязью, болотом... Но, о чудо, больше не пахнет серой.

Улыбнувшись в ответ, девушка догнала альбиноса, и они вместе двинулись в сторону королевского уровня.

— Ваше Величество, вы прям как принцесса, заточенная драконом в башне, — насмешливо фыркнула тифлингесса. — Мне уже дважды приходилось спасать тебя, хотя дракон это я. Какая-то неправильная сказка получается.

— С принцессой меня роднят только благородное происхождение и прекрасная внешность, — с нарочитой напыщенностью ответил эладрин. — Я не виноват, что все хотят меня убить... Но с драконом под боком мне значительно спокойнее.

Чародейка прыснула от вида его высокомерной гримасы, и Эридан сам не удержался. Смех, словно теплая вода смыл страх и напряжение, горечь и переживания, подарил чувство покоя и душевной легкости. Как же ей не хватало этого перед сражением, отчего победа казалась пустой и пресной. Поддавшись порыву, девушка взяла его за руку и провела пальцами по ладони, словно проверяя, что он настоящий, а не иллюзия. Раньше здесь у него был красный дар Маммона... она задумчиво провела подушечкой по фаланге.

— Камень удалили, — сказал Эридан, словно прочитав ее мысли, — и теперь, как воспоминание о Лорде Жадности, осталось только послание, вырезанное на спине. Немного жаль, силы были соблазнительны. Он хотел бы поторговаться за мою душу, и я был почти не против. Все равно после смерти меня ждет только вечность скитаний и медленное сумасшествие. Зато я открыл в себе еще кое-что...

Его ладонь мягко выскользнула из руки девушки, а он сам вдруг приподнялся над полом, словно его потянуло к потолку невидимым тросом. Поднявшись на десять футов, он так же плавно опустился обратно. Чародейка посмотрела на него магическим взором. Вокруг ощущались колебания невидимых сил, но это была не магия плетения или сырая первобытная мощь, пробуждающаяся в чародее, не переливающаяся цветами Астрала магия божественного аспекта. Это вообще не выглядело как волшебство.

— Забавно, да? — сказал он, заглянув в удивленные глаза чародейки, словно безмолвно спрашивая: “Скажи, что это, дарклинг меня подери, значит?”. Девушка не смогла бы ответить на этот вопрос, поэтому просто кивнула и поспешила перевести тему:

— Выйти почти целым после сделки с лордом Преисподней — это дорогого стоит. Что он обещал в обмен на твою душу?

— Силы, много большие тех, что дал изначально, — ответил эльф. — Армии дьяволов, немислимые богатства, возможность управлять умами окружающих... — он слегка улыбнулся. — А мне просто хотелось спать.

Помедлив на перекрестке коридоров, он двинулся в спальню. Встав напротив зеркала в полный рост, провел рукой по волосам, пострадавшим от кислотного дождя.

— Кьяра, дай кинжал, будь добра.

Лезвие тускло блеснуло в лучах солнца, просочившихся сквозь портьеры. Слегка помедлив, Эридан обрезал первую прядь. За ней последовала вторая и третья. Он повернулся к девушке:

— Помоги срезать на затылке.

Посмотрев на это, девушка покачала головой:

— Бесполезно. Придется коротко подстричь, чтобы выглядело прилично.

Эльф протянул кинжал, молча соглашаясь с ее выводом.

Кьяра срезала длинные пряди на затылке, висках, обрамляющие узкое лицо. Короткие волосы слегка ерошились, напоминая о мехе Скага. Острые уши больше не тонули в потоке волос и прямо-таки искушали дернуть за них. Лицо преобразилось.

— Выгляжу непривычно, — пробормотал он, глядя в зеркало, когда Кьяра закончила стрижку. — Словно и не я вовсе.

Тифлингесса заглянула через его плечо:

— А мне нравится, только выглядишь теперь моложе и легкомысленней. Они отрастут, ты даже не успеешь опомниться.

Она взъерошила его волосы, с удовольствием ощущая, как они щекочут ладонь и скользят между пальцев. Эльфийская прическа придавала ему строгости, делая акцент на открытый лоб и эмоциональные брови, всегда будто немного хмурые. Сейчас брови спрятались за челкой, и его взгляд больше не казался таким тяжелым и цепким, ястребиным.

Они направились в бассейн. Эльф с привычной тщательностью оттирал запах гнилого болота, Кьяра окунулась под воду, смывая с себя пыль и тревоги прошедших дней. Блестящая от воды спина Эридана, испещренная вязью букв, была соблазнительной мишенью, и девушка не удержалась, шутливо напала на него, хищно впившись когтями в лопатку.

— Эй!

Эльф нырнул под воду, и тифлингесса почувствовала хватку на кончике своего хвоста. Возмущенно зашипев, попыталась схватить наглеца, но его уже и след простыл. Он вынырнул на другом конце бассейна, прямо под струей водопада, во взгляде читалось самодовольство. “Мы еще посмотрим, кто кого!”- подумала чародейка. В следующее мгновение вода в водопаде приобрела ярко-фиолетовый цвет и вдруг с треском застыла в одну большую сосульку, накрывшую Эридана. От холода и неожиданности белобрысый вытаращил глаза, и настала пора тифлингессе самодовольно рассмеяться:

— Предпочитаете другой цвет, Ваше Величество?

Фыркнув, эладрин потряс головой, разбрызгивая цветные осколки. Что-то очень сильно дернуло Кьяру за хвост. Эльф нагло улыбнулся.

— Что за?...

Между ними не меньше пятнадцати футов. Какой-то фокус? Кьяра рванула из воды и зависла в воздухе недалеко от поверхности. Теперь она воочию видела, как что-то незримое дергает ее за хвост. Какая-то мистика. Эладрин засмеялся, увидев ее недоумение.

— Я же говорил: что-то само перемещается в моем присутствии, но если сконцентрировать внимание, то перемещается вполне осознанно, куда и как мне надо...

Перестав терзать хвост тифлингессы, он поплыл к ступеням. Когда, обсушившись, они вернулись в спальню, слуги уже накрыли маленький столик, сервировав его фруктами, ломтиками сочного мяса, источающего соблазнительный аромат, и поставили хрустальный графин, наполненный рубиновой влагой. Кьяра взяла бокал, провела пальцем по его краю.

— Прости, что не подчинилась тебе тогда, с Мэб, — вдруг сказала она. — Я бы не смогла поступить иначе.

Он кивнул в ответ:

— Порой злит, что сам не могу справиться и оказываюсь в безвыходных ситуациях. Одновременно с этим мне приятна твоя забота. Греет душу. Но! — Эридан нахмурился в гримасе наигранного возмущения. — Здорово подрываешь мою репутацию. Я так старательно навожу жуть, создаю образ властелина тьмы, спящего с демонами, и тут бац! — и все видят, какой я обычный смертный, да еще и женщина меня не слушает!

— Ой! — наигранно вздохнула девушка, прикрыв рот ладонью. — Как неловко получается!

— Сама же создаешь мне репутацию, сама же разрушаешь. Какое ты непостоянное существо! — фыркнул белобрысый, и они рассмеялись. Кьяре стало еще легче от осознания, что альбинос не злится на нее.

— Ты хотел произвести Сехтена в лорды, после смерти Мэб, — напомнила она. — Да и остальные ребята хорошо себя показали.

— Они проделали долгий путь, и я щедро отблагодарю их, — улыбнулся в ответ король, наливая вино в бокал — Устрою церемонию, как полагается. Ммм! — он хлебнул из бокала. — Кажется, я его распробовал. Очень-очень неплохо...

Сделав глоток, Кьяра улыбнулась с еще большей теплотой:

— Раньше тебя злила моя хаотичность... и вино ты не пил. Неужели я так плохо на тебя влияю?

— Я привык, — ответил белобрысый, закусив большой глоток приличным ломтем мяса, прожевав, продолжил. — К тому же ты доказала, что можешь ставить цели и планомерно к ним двигаться, так что ты не безнадежна. А вино... — он поворачивал в бокале красную жидкость, отразившую искры его ореола. — Раньше я боялся его, боялся потерять контроль. Сейчас нет. Иногда нужно уметь отпустить поводья, но хлестать вино как ты — куда уж мне!

— Не безнадежна?! — возмутилась чародейка. — Да вы наглец!

Плюх! — один ловкий удар хвостом, и содержимое бокала эльфа оказалось у него на лице. Красные капли стекали по острому носу, челке и подбородку, собираясь в углублениях яремной ямки и ключиц. Что-то попало в нос, Эридан чихнул и удивленно уставился на Кьяру. До чего потешное лицо! Не выдержав, девушка рассмеялась, а в следующую секунду сама отфыркивалась, когда белобрысый от души окатил ее прямо из хрустального графина. Это заставило ее еще пуще рассмеяться.

— Ты изменился. Раньше я бы за такие шалости серьезно поплатилась. Вспомни Даггерфорд...

Не дожидаясь ответа, Кьяра подалась вперед и коснулась губами его ключиц. Язык скользнул в углубления, слизывая сладкое вино с гладкой кожи. От Эридана пахло теплым деревом, плодовой терпкостью, сосновым маслом, и ни следа от аромата исчадия, к которому она так привыкла за все проведенные с ним ночи. Это было необычно, как и короткие волосы, и странные силы, что пробудились в нем.

Язык тифлингессы скользнул к его груди, по выпуклости шрамов и твердых мышц. Губы двинулись к шее, вдоль трепещущей вены, до линии гладкого подбородка и тонких губ, ответивших на чувственное прикосновение. К привкусу кожи и вина примешался вкус влажного поцелуя, опаляющего глубоким дыханием. Пальцы эльфа провели по чешуйкам на спине девушки, а ее легли на белую грудь, водя по старым шрамам, словно по струнам.

— Мне нравится твое тело, есть в нем что-то уникальное, — шепнула Кьяра, оторвавшись от поцелуя.

Эридан улыбнулся, положив ладонь поверх ее пальцев.

— За все эти годы оно превратилось в карту моих сражений.

Ладонь повела пальцы к углублению ключицы и косою засечке, перечеркнувшей ее. Подушечки ощутили этот глубокий росчерк поверх выступающей кости.

— Здесь меня чуть не прикончили топором, — шептал эльф. — Лезвие прошло сквозь доспех и застряло в нем. Здесь, — альбинос переместил ее ладонь вниз по груди и вправо. Подушечки почувствовали выпуклость, похожую на клинышек, — здесь вошел кинжал на дуэли... из-за женщины. Противник был уверен, что убьет меня, а я схватил его за руку с кинжалом, не давая вынуть из раны, и проткнул, когда тот замешкался.

Кьяра запустила когти в этот клиновидный шрам и потянулась к шее эльфа. Кожа все еще сладкая от вина, а под ней — змеи напряженных мышц, гуляющих под губами, биение пульса, жар текущей по венам крови.

Эридан вздохнул на острые когти, подался к ней, и чародейка сама замерла от ощущений: горячее дыхание на ключицах, прикосновения губ и влага раскаленного языка, скользящего по углублениям, ямкам и выпуклостям, словно акварельная кисть художника, рисующего очертания ее тела, поддавшись страстному вдохновению. Кьяра опустилась на простыни, увлекая альбиноса за собой. Наклонившись над ней, он слегка помедлил, горячие губы вновь заскользили по лоснящейся коже, поблескивающей от узоров влажной дорожки, оставленной языком. От ключиц — к мягким холмикам груди, к бугоркам бархатистой, словно лепесток, кожи, вздрагивающим от дыхания, по жемчужинам твердой и гладкой чешуи, соприкасающейся с шелковистой мягкостью плоского живота. Эридан поцеловал его, ощущая, как он податливо прогибается под прикосновениями, вздымается и опускается от глубокого дыхания. Эльф провел по нему языком и чуть прикусил зубами, заставив дрожать. Пальцы скользнули ниже, по лонному холмику, такому мягкому наощупь. Кьяра задышала еще чаще. Горячая акварельная кисть соединила живот с лобком и завершила откровенный набросок, остановившись в одной наполненной жаром точке. Казалось, что все старательно выведенные языком чувственные ощущения стеклись в один полыхающий шар, взорвавшийся между ног томительной жаждой совокупления.

Тело Кьяры затрепетало, и она отстранилась от его губ, сев одним порывистым движением. Эридан приподнялся на руках с недоумением во взгляде. Облизнувшись, тифлингесса придвинулась к нему и запустила пальцы в белые волосы, вновь ощутив, как пряди ласкают кожу ладони. Рука сжалась в кулак, безжалостно сгребая волосы горстью. Глаза короля еще сильнее удивились, и гребень когтей, медленно перемещающийся вдоль позвоночника, заставил мышцы спины судорожно сокращаться, а тонкие губы — разомкнуться возгласом удовольствия. Эльф инстинктивно подался к ней, несмотря на ладонь в волосах, причиняющую боль. Руки жадно схватили серые бедра, придвигая к себе. Лицо выражало желание поскорей слиться с ней и затанцевать под неслышную музыку...

Кьяра двинулась навстречу, губы сошлись в поцелуе, и клык проткнул белую кожу. Красная капля потекла по подбородку и, набрякнув, скатилась к гортани, задрожавшей от неожиданной боли. Когти вспороли кожу на спине, покрывая ее рубинами выступающей крови. Прижавшись к нему грудью, тифлингесса попыталась подмять любовника под себя. Помедлив мгновение, Эридан поддался на ее порыв и упал на простыни, пачкая их собственной кровью. Ладони нехотя отпустили бедра, и девушка нависла над ним, словно

зверь над своей добычей. Эльф пробудил в ней слишком много подавленных желаний, контролировать их было уже невозможно. Тифлингесса села на его пенис, а затем гибко заколыхалась на нем, желая насытить похоть. Его ладони легли на серые бедра, сокращающиеся от движений, поползли вверх по животу, до груди, вздрагивающей при каждом колебании. Эльф стал жертвой, загипнотизированной смертельным танцем кобры, ритмичным, словно удары шаманского бубна, вводящим в такой же упоительный транс.

— Твое тело такое красивое, — прошептал он между хриплыми вдохами и приподнялся над кроватью, чтобы положить ладони на соблазнительно колыхающуюся грудь.

Тифлингесса схватила его запястья и, повалив обратно на кровать, сжала у него над головой. Легла сверху, плотно прижав короля к постели, на пару секунд замедлилась, а потом зазмеилась вдоль его торса. Замешательство промелькнуло на секунду и растворилось покорности, доверии и удовольствию, румянцем проступившим на губах и щеках. Серебристые пряди щекотали его шею, все ускоряющиеся движение заставили голову расслабленно откинуться, обнажая уязвимое горло, уже окрашенное кровью. В этот миг достаточно было одного удара, чтобы убить его. От этой мысли, острой и горячей, Кьяра ускорила еще сильнее. Она могла бы убить его, если б хотела, но желала только бесконечного скольжения вдоль этого тела, стремительного, словно разбег перед полетом над бескрайней огненной пропастью. Чародейку выгнуло дугой от беззвучного взрыва внизу живота, крылья ее распахнулись, словно она и правда взлетела. Девушка упала, но не в раскаленную пропасть, а на теплую грудь эльфа, вздымающуюся от частого дыхания. Кьяра внезапно из хищной стала ручной кошкой, пригревшейся и не желающей уходить с коленей хозяина. Она чувствовала, как расслабились мышцы его тела после томительного напряжения, ритмичную пульсацию пениса, спустившего семя. Его освобожденные руки перехватили девушку поперек талии, прижимая к себе.

— Скажи, что ты почувствовал, когда понял, что я ничего не помню? — спросила тифлингесса.

Немного помолчав, он ответил:

— Испуг, что ты никогда ничего не вспомнишь. Поймешь, что нет повода, и просто сбежишь. Стало очень тоскливо. Я рад, что этого не случилось.

— На такой случай у меня дневник, — ответила она, приподняв голову.

— Пережитое не передать словами, это можно только чувствовать, — тихо сказал эльф, нежно погладив ее по спине.

Кьяра положила голову ему на грудь, прикрыла глаза и позволила нежным прикосновениям убаюкать тело и душу. Эридан был прав, скупые слова не способны были передать бездну эмоций, перевернувших ее жизнь за последние месяцы.

Глава 29. Каждому по заслугам

Кьяру разбудил тихий шорох простыней: эльф приподнялся с постели, очнувшись от транса. Убедившись, что никакой опасности нет, она вновь закрыла глаза, погрузившись в океан смутных видений. Чернота подернулась многоцветным туманом, из которого послышался голос Керески: “Скоро наступит час серебряного звона. Будь готова”.

Тифлингесса резко проснулась, слова богини все еще звучали в голове, им вторили шаги подбитых сталью сапог. Кьяра сладко зевнула, потянувшись всем телом, и эльф заглянул в спальню, привлеченный ее активностью. Причесанный, одетый в парадный красный камзол, пахнущий еловым маслом. На голове красовалась корона, поблескивая рубиновой росой на золотых листьях. Все еще необычно было видеть его с короткими волосами.

— Я думал, ты решила проспать целый сезон, — с улыбкой сказал он.

Девушка вновь потянулась и перевернулась на бок.

— По какому поводу официальный вид? — спросила она.

— Сегодня я буду благодарить своих верных гвардейцев, — ответил эльф, присев на край кровати.

Чародейка вспомнила, что вчера он говорил о какой-то церемонии. Почему бы и нет? Война окончена, враги сметены и растоптаны, можно было воспользоваться плодами заслуженной победы. Смущали только слова богини.

— Мне был сон от Керески, — сказала она, вставая с кровати, — скоро меч будет готов.

Девушка умылась в керамической чаше у зеркала и перекинула на грудь длинные серебряные волосы, чтобы расчесать. Эльф был хорошо виден в отражении, и его лицо осталось бесстрастным на слова о мече.

— Рано или поздно это должно было случиться, — сказал Эридан, — об этом не стоит переживать... А вот что меня действительно огорчает, так это Зариллон... Я говорил с ним до твоего пробуждения. Наверное, я исчерпал запас злости и чувствую сейчас только горечь, пустоту, разочарование. Он сделал много хорошего, не раз спасал меня, но простить его я не могу. Не могу держать его рядом с собой.

Тифлингесса обернулась, гребень машинально скользил по волосам:

— Было бы проще, если бы он просто предал... Виню себя, что не заметила. Понимаю, что ты не можешь его простить, но рада, что ты его хотя бы выслушала. Боялась, что прибудешь на месте. Если бы ты спросил моего совета, наверное, изгнание из Страны Фей было бы подходящим наказанием для него.

Эльф кивнул:

— Так тому и быть. Ему изменят память о последних месяцах и изгонят.

— А что будет с Фистиль?

Эридан немного задумался:

— Забыл о ней... Что ж, оживим ее. Сехтен не отказывается от опеки над ней. Изгнать их вместе с Зариллоном нельзя. Изгнать ее отдельно — все равно, что обречь. Знает она тоже много. Пусть будет теперь головной болью Сехтена.

Он хлопнул себя по колену, лучезарно улыбнувшись:

— С ума сойти, осталось совсем немного! Окончить эту зиму, лишит Аурил ее мстительного триумфа, и моя миссия завершена!

— Я бы не была так уверена, — осадил его тифлингесса, заплетая привычную косу. —

Не представляю, где и как будем искать ингредиенты. Без знающего мага будет тяжело.

— У нас уже есть божественная эссенция, а Селани обещали кусочек окаменевшего божественного тела в обмен на перевод писем. Уже не так плохо. Осталось только раздобыть материю хаоса. Тут я опять надеюсь на Селани, и лорд Калар так удачно просит аудиенции... Но сначала церемония!

— Кстати! — лукаво улыбнувшись, девушка подошла к нему вплотную и положила ладони на плечи. — А какая будет моя награда, за неоценимые услуги Вашему Величеству? Титул у меня есть, земли мне не нужны...

Он с трудом оторвал взгляд от ее темно-серой груди и посмотрел в глаза:

— Зависит от того, чего ты хочешь, огневушка.

Она наклонилась к его уху и шепнула:

— Пусть будет желание, а ты пообещаешь его исполнить...

— Какое желание?

Кьяра отстранилась:

— Хитрое, отложенное. Ты пообещаешь исполнить, а потом, когда-нибудь я его тебе скажу.

Эльф задумчиво нахмурился, чародейка лукаво улынулась.

— Что, испугался?

— Нет, — ответил Эридан после секундного промедления. — Желание так желание. Только не мелочись, как тогда с Ческой.

Возмущенно фыркнув, девушка хлестнула его хвостом, и, поддавшись порыву, они затеяли шутливую борьбу. Кьяра подумала, что здорово бы было стянуть с него этот изысканный наряд и повторить вчерашнее, но он шепнул на ухо:

— Нас уже ожидают.

Облачившись в простое, но элегантное платье, Кьяра спустилась вместе с эльфом в тронный зал. Разноцветная толпа гвардейцев, одетых в парадные камзолы, уже ожидала их, общаясь и недоумевая. Тифлингесса была очень рада увидеть среди них лица Лафуса и Джадрима, пусть и несколько бледные. На душе сразу стало тепло.

Эридан сделал несколько шагов на постаменте и замер у последней ступеньки к трону. Оглядев всех присутствующих, притихших и внимательных, улынулся и начал:

— Друзья! Собрал вас сегодня ради нескольких событий. Во-первых, мы, наконец, сделали это. Уничтожили могучих архифей, по чьим правилам жили так долго. Сим объявляю: больше не существует Благого и Неблагого Дворов. Я упраздняю это глупое разделение. Отныне феи, эльфы: все едины. Кто же полон злобы и желает дальше вспоминать старые распри, тому стоит хорошенько подумать: так ли ему надо иметь врага в моем лице? Все это благодаря вам. Моей победы не было бы без вас, вашей храбрости, вашей жертвы. Слов не хватит, чтобы передать мою благодарность.

Он вытащил аккуратно свернутый свиток, притаившийся в складках камзола.

— Во-вторых, я выполняю свои обещания. Сехтен, подойди ко мне.

Шрамолиций отделился от толпы и сделал несколько шагов вверх по ступеням, чтобы встать рядом с королем.

— Отныне ты не Сехтен Терим, а Сехтен Авелик, первый глава своего дома, и все имущество Элаха переходит тебе, — произнес альбинос, протягивая свиток гвардейцу. — Ты был храбр и своей силой заработал то, чего заслуживал. Соответствующие бумаги были готовы уже давно, ты знаешь... Слава Сехтену, новому лорду!

Гвардия бурно отреагировала на возвышение одного из братьев, на несколько мгновений все потонуло в радостных возгласах и подбадривающих хлопках, и Сехтен спустился с постамента с искрящимися от счастья глазами.

— Но это не все! — воскликнул Эридан, перекрикивая звуки спонтанного веселья. Это заставило гвардейцев затихнуть и с любопытством уставиться на своего господина.

Он сделал повелительный жест, и слуга занес в тронный зал изысканный поднос, на котором аккуратной пирамидкой лежали свитки. Альбинос взял верхний, развернул, бросил быстрый взгляд.

— Элледин, подойди ко мне!

Блондин вбежал по ступеням, лицо у него было непонимающим. Увидев его смущение, Эридан улыбнулся.

— Элледин, мы с тобой знакомы всю жизнь, — сказал король. — Сколько помню тебя, столько ты был не просто товарищем, а опорой и в чем-то примером. Твои спокойствие и благородство всегда умели сгладить острые углы моего характера. Твой же характер подстать волосам, — он протянул свиток в руки золотистому. — Отныне ты не просто Элледин. Ты — лорд Элледин, господин Утзаира. Теперь ты сам благородный господин.

Элледин чуть не выронил свиток из рук. Взгляд у него был таким ошарашенным, что Эридан не удержался:

— Не смотрите на меня так, лорд Элледин! Не вечно же вам тянуть ляжку солдатской жизни? Большой уже мальчик, пора и остепениться.

Король похлопал новоиспеченного лорда по плечу и взял следующий свиток. Кьяра улыбнулась. Он обещал отблагодарить своих разноцветных разгильдяев и сдержал свое слово. Каждого из своих гвардейцев Эридан щедро одарил титулом и землями, даже тех, что служили ему всего месяц. В этом была и радость и какая-то теплая грусть. Тифлингесса и сама не заметила, как привязалась к ним, таким разнохарактерным, но неизменно жизнерадостным. Неожиданный подарок они приняли тоже по-разному. Кто-то был радостен и воодушевлен, а кто-то притих и задумался. Эридан заметил эти испуганные взгляды и сказал, когда раздал все грамоты:

— Не бойтесь. Это еще один жизненный этап. Ничего для вас особо не изменилось: вы все также под моим началом, и я все также вами повелеваю. Только теперь у каждого из вас есть дом, где вы можете жить всей своей семьей, средства на свои прихоти, возможности для развития талантов. Ответственности теперь на вас будет тоже больше. Арадлив, тебя это касается в первую очередь!

Синий пожал плечами, улыбнувшись смущенно и грустно одновременно:

— Да какой из меня лорд? Что с меня взять? Всю жизнь жил как солдат и фермер.

— Зато урожаи на твоей земле будут хорошие, — возразил Эридан, — армия отлично организована, а прочее спихнешь на жену. Только выбирай себе женщину поумней. Тебе нужно ой как много скомпенсировать.

Арадлив только растеряно улыбался в ответ. Каленгил развязно приобнял друга за шею и мурлыкнул довольным голосом:

— Зато какой плюс! Благородные девицы теперь все наши. Не то, чтобы раньше они были сильно против, но теперь мы вообще ничем не рискуем!

Гвардейцы развеселились, воодушевленные этой мыслью, а Эридан стоял над ними с чувством выполненного долга. Наконец он сделал то, чего так давно желал. Уничтожил старый мир, наградил тех, что был рядом. Дальше — новая жизнь, свобода, варианты.

Осталось только победить зиму, оставить преемника и решить вопрос с богами.

В тронном зале расставили столы, чтобы отметить это событие. Ряды лавок, кувшины с вином, подносы с закусками Страны Лета: сочные овощи, мясистый папоротник, бутоны и луковицы съедобных цветов, дичь, сдобренная пряной пылью, рыба в корке радужной соли и другие необычные для Кьяры яства, к некоторым из которых она успела уже пристраститься. Она наполнила кубок, закусила тонким ломтиком мяса в тающей на языке карамельной корочке и оглядела стол. Бывшие гвардейцы пили и веселились, но в их веселье сквозила теплая грусть. Они так долго служили вместе, что им было трудно представить новую жизнь друг без друга. Наверное, все они были растерянные, сбиты с толку, но Кьяра понимала, чего хотел Эридан. Он хотел для каждого из них счастья, а счастье в его понимании — следование своей, а не чужой мечте. Тифлингесса вздохнула. “Какой он иногда глупый”, - грустно думала она, оглядывая гвардейцев, — “они его любят, жизнь готовы за него отдать. У каждого свое счастье”. Чтобы отвлечься от этой мысли, девушка прохаживалась вдоль стола, поздравляя каждого новоиспеченного лорда.

— Ты меня поздравляешь, а я до сих пор осознать не могу, что вообще произошло... — посетовал Лафус, задумчиво разглядывая румяную булочку в ладони. — Еще недавно воровал хлеб, потом гвардия, теперь вдруг лорд, а у меня даже фамилии нет.

— Ооо, скажу тебе по секрету — я тоже, — она лукаво подмигнула. — А фамилию придумаешь.

Лафус рассмеялся:

— Мне фантазии не хватает придумать такую же глупую фамилию, как Эйлевар или Амавель... — он заговорчески подмигнул ей в ответ. — А насчет тебя я даже не сомневался. Руки у тебя ловкие, а взгляд цепкий и хитрый.

Кьяра перешла к Элледину. Тот все еще выглядел обескураженным.

— Мне дали Утзаир, — растеряно и как будто напугано сказал он, — а я даже море в жизни не видел ни разу...

— Ничего... — сказал Ятар, подливая ему вина. — Ты как раз хотел научиться плавать.

Кьяра выпила с ними, а затем подошла к Меллоту. Тот уже был чертовски пьян. И когда только успел? Как и всегда, алкоголь ничуть не портил его красивую мордашку.

— Посажу столько маков лавандового цвета, что все навсегда заткнется и перестанут спрашивать... — сказал он тифлингессе, и та не удержалась от смеха:

— Ну хоть один определился, чем хочет заниматься!

Каленгил, сидящий напротив, взял пару аккордов на мандолине и сказал:

— Я тоже. Напишу весточку Саевил. Мол, моя прелесть, собирай вещички, зеленый листочек, наконец, обзавелся достаточно прочным стебельком, чтобы выдержать твои высокородные капризы...

Элледин прыснул:

— Листочек? Она зовет тебя листочком? Очаровательно.

Зеленый улыбнулся и стал похож на фреску, изображающую молодую ипостась Сильвануса [1].

— А что такого? — спросил он, с ноткой легкого самодовольства в мелодичном голосе. — Я молодой, зеленый и нежный. Только теперь еще и богатый.

— Это мило, — улыбнулась Кьяра, — а еще она тебя научила играть, и за это ей большое спасибо.

Рассмеявшись, Каленгил пробежал пальцами по струнам, сплетая приятную мелодию.

— Ууу! — гвардия в едином порыве выразила свое возмущение его игрой, но у всех в глазах был отблеск теплой грусти.

Тифлингесса подсела к Задару:

— Спасибо за обучение эльфийскому. Ты был спокоен и терпелив, — она лукаво улыбнулась. — Теперь, небось, от поклонниц отбоя не будет.

Он прыснул от смеха:

— Ну да... Это всего лишь титул. Вряд ли я буду счастлив с женщиной, которой от меня нужен только титул...

— А ты неплохой парень, — честно сказала девушка. — Все портит неумение общаться с женщинами и беготня за всеми юбками подряд. Тебе это не идет. Добрый, внимательный, терпеливый, отважный — вот какой ты, а образ похотливого сатира оставь Меллоту.

Задар тепло улыбнулся, и они выпили за это. Чародейка прошлась вдоль стола, пошучивая над остроухими и вернулась к Эридану. Тот задумчиво смотрел на гвардейцев, вертя в руках расписной рог, наполненный вином. Кьяра положила ладонь ему на предплечье.

— Не верится, — тихо признался альбинос. — Мы проделали такой путь. Ты рада или грустишь? У меня все вместе.

— У меня тоже все вместе, — ответила тифлингесса.

Вечер быстро подошел к концу. Новоиспеченным лордам нужно было рано вставать, завтра им предстоял путь к своим далеким вотчинам. Дольше всех засиделся Элледин, они с альбиносом долго вспоминали прошлое, детские годы и романтику первых походов на Неблагодой Двор. Наконец и он ушел, остались только Эридан с Кьярой да слуги, убирающие со стола.

— Очень жаль, что не все могут разделить со мной эту маленькую победу, — грустно посетовал эльф, разглядывая вино в роге, затем неожиданно для Кьяры спросил. — Хочешь проститься с Зариллоном? Завтра утром он уже будет выдворен из Страны Фей. Это будет последний разговор.

— Хочу, — кивнула тифлингесса, — но я хотела бы поговорить с ним наедине.

— Хорошо, — ответил Эридан. — Я подожду тебя здесь.

Кьяра спустилась в темницу. Она застала Зариллона в коленопреклонное позу, он беззвучно молился своим богам. Опустившись на пол возле решетки, девушка тихо позвала:

— Зариллон, ты как?

Он посмотрел на нее, в глазах было отрешенное спокойствие.

— Уже смирился.

— Я хотела ещё раз сказать спасибо за всё, что ты сделал.

— Меня казнят? — спросил эльф все таким же отрешенным голосом.

— Нет, — помотала головой тифлингесса. — Эридан смилостивился. Тебя отправят назад, на Фаерун.

Отрешенное лицо стало очень удивленным.

— Неожиданно. Обычно он поступает более радикально.

— Он тоже помнит, что ты делал добро и несколько раз спасал ему жизнь, — Кьяра придвинулась к решетке. — Не будем о нем.

— Мне вас не в чем винить, — признался эльф, затем голос его задрожал. — Мне жаль, что так вышло. Придется жить с этим. Я привык к вам... Жаль Фистиль, она не виновата, просто поддерживала меня. Что теперь с ней будет?

— За Фистиль не переживай, — успокоила его девушка. — О ней позаботится брат. Я тоже привыкла к тебе и буду скучать.

Кьяра заметила, что ее слова про Фистиль заставили его глаза немного улыбнуться.

— Всегда мечтал попасть в Страну Фей, — сказал Зариллон внезапно. — Восхищался культурой эладринов и фейской магией. Жаль...

Маг вновь осунулся.

Чародейка взялась за решетку:

— Постарайся в следующий раз, когда найдешь тех, кто тебе небезразличен, больше им доверять.

Он грустно улыбнулся:

— Я оказался слишком слаб для этого места и для вас. Надеюсь, вы будете счастливы, и с вами все будет хорошо.

— Удачи тебе на Фаеруне. Может, мы там встретимся когда-нибудь.

Кьяра встала с пола и хотела было уйти, как вдруг коснулась запястья.

— Вот, возьми на удачу.

Она сняла монетку с изображением Тиморы и протянула сквозь решетку.

— Эта монетка досталась мне после тяжёлого дня. Меня чуть не казнили перед решающей битвой. Пора поделиться и передать дальше. Бывай.

Эльф благодарно принял подарок, и, выходя из темницы, девушка заметила, что он надел ее на шею.

Тифлингесса вернулась к Эридану, а через несколько минут слуги объявили, что лорд Калар Селани просит аудиенции у короля. Белобрысый позволил старому эльфу присоединиться к ним за столом. Поклонившись, зеленоглазый поприветствовал их и сел на лавку, Альбинос налил ему полный кубок.

— Благодарю, — сказал Калар, отпивая из чаши, — пью за вашу победу. Мне уже передали некоторые подробности. Это было драматично.

— Ничего драматичного, всего лишь убийство, — спокойно ответил альбинос. — Но вы же не это обсуждать пришли?

Зеленоглазый сделал еще один глоток:

— Да, не это. Я тщательно изучил перевод писем Аманиса. Честно говоря, я был несколько в шоке. Ожидал всякого, но не этого. Не знал, что ваш дедушка промышлял убийствами. Видимо, ваш отец предпочел скрыть этот факт. Нигде это не упоминается, и тела я не видел. Видимо, они покоятся в вашем семейном склепе или где-то на бескрайних яблонево-садах.

— Вы знали его лучше меня, вам виднее, — невозмутимо ответил Эридан.

— Меня заинтересовал его эксперимент, — продолжил Калар, — но данных катастрофически не хватает. Поэтому я совершил путешествие в Лимбо, в указанную в письмах цитадель, чтобы найти лабораторию вашего дедушки и понять, какая судьба его постигла, но ничего не нашел. Ни лаборатории, ни хоть каких-то следов, что она когда-либо была. Хотя некоторые гитцераи утверждают, что когда-то эльф, похожий на Аманиса, действительно там жил и занимался магическими изысканиями.

— Ближе к делу, — холодно сказал белобрысый.

Селани лукаво блеснул глазами.

— Подозреваю, что лаборатория там, где она и должна быть, — сказал он, — просто спрятана хитрым образом, который мне неизвестен. Поэтому я бы хотел предложить вам

отправить туда небольшую экспедицию. Там есть круг телепортации и мне не составит труда начертить здесь связующий круг. Возможно, вам была бы интересна судьба вашего предка, а мне — его труды.

— Лорд Калар, — в голосе Эридана появились стальные нотки, — если вы думаете, что я решу помочь вам получить знания, как создавать души...

— Не души, — возразил зеленоглазый. — Это любопытно, но я не страдаю одержимостью Аманиса. Меня интересуют его порталы сквозь время и пространство.

Король задумался. Ему не нравилась мысль, что подобные знания могут попасть в руки семейства вроде Селани, однако он все еще нуждался в помощи могущественного волшебника.

— Вы знаете, как можно перенести материю хаоса с плана Лимбо на этот план, сохранив ее свойства? — спросил альбинос.

— Допустим, — хитро улыбнулся Калар.

— Мне нужно обдумать ваше предложение, — задумчиво ответил Эридан.

Они еще какое-то время поговорили о пустяках, пока Селани, наконец, не откланялся:

— Прошу прощения, Ваше Величество, но я уже немолод и предпочитаю долгим посиделкам здоровый транс. Спасибо за вино. Я буду с нетерпением ждать вашего решения.

— Что скажешь? — спросил белобрысый, когда за стариком закрылись двери.

— Идея интересная, нам нужна материя. У него есть знания и средства.

Эльф вздохнул:

— Давай откровенно — мой дед был сумасшедшим, а его работы — опасными. У меня есть серьезные опасения насчет мотивов лорда Калара, но ты права, нам нужна эта чертова материя.

Помолчав, добавил:

— Я пойду, хочу сам все увидеть.

— Если ты пойдешь, то я тоже, — встрепелась Кьяра. — Кому бы ещё я доверила тебя охранять? — она посмотрела на него долгим внимательным взглядом. — Ты загорелся этой идеей, я же вижу, и, сдается мне, что материя больше предлог. Меня смущает несколько пунктов. Сам Калар не смог найти лабораторию, но уверен, что наша экспедиция будет успешной. Опять ключ в чьей-то крови? Второе, как удачно складывается, что и Кереска с Лимбо, и наш путь туда лежит. Третье, я ничего не знаю про этот мир и его обитателей. И, конечно же, кого ты оставишь вместо себя? Мы не знаем насколько затянется экспедиция.

— Я привык самостоятельно решать проблемы, тут есть риск потерять все ответы. Я пойду, это не обсуждается, — отрезал Эридан не терпящим возражения тоном. — Если Калар и знает что-то, и это такая приманка, то приманка, перед которой действительно невозможно устоять. Я надеялся оставить тебя вместо себя, но ах! — какая неожиданность, — эльф насмешливо всплеснул руками. — Теперь я и сам не знаю. Арума? Элледина? — он задумался на несколько секунд и сказал уже твердо. — Элледина. Поговорю с ним, чтобы не уезжал. Станет наместником в мое отсутствие. И еще... Лимбо — домашний план не только Керески, но и Темпуса.

Девушка удивилась. Неужели Кереска и Темпус преследуют одну цель? Все это еще больше запутало ее, вызвало много вопросов.

— Наместник — полбеда, — устало сказала девушка. — У тебя больше нет ни придворного мага, ни гвардии. Что будешь делать?

— Прибегну к небольшой помощи вассалов, иначе на кой они мне? — улыбнулся

альбинос. — Мы не обязаны идти в эту экспедицию завтра или послезавтра. Мы отправимся после того, как я наберу новую гвардию и новый штат. Я как раз ввожу закон, по которому отслужившему в гвардии полагается титул вне зависимости от его происхождения. Думаешь, не будет желающих пойти в гвардию Короля-Исчадия? Ты недооцениваешь силу юных амбиций. Я возьму безродных, но рьяных и смелых, за такими ребятами будущее, они сделают эту землю лучше... — он осекся и задумчиво продолжил, — или окончательно утопят в крови. Я все же верю в лучшее.

Выпив еще вина, они обсудили подробности предстоящей экспедиции.

— Тебе не кажется это странным? — спросил Эридан, цедя из рога. — Какой-то там меч куется во мне, но меня при этом игнорируют. Даже тебе Кереска хоть что-то говорит. Проповеди Арума не помогают, я никак не могу побороть свои сомнения.

— Боги не любят давать четкие ответы, — грустно ответила Кьяра, а про себя подумала: “Нужно поговорить с Арумом. Мне это совсем не нравится”.

— Еще... — сказала тифлингесса, немного замямвшись. — Давай все-таки спросим Ческу про Резо и на кого он работал сорок лет назад.

[1] Сильванус — бог природы, изображается в виде дуба с человеческим лицом или старца, в редких случаях — как прекрасный юноша

Глава 30. Тайна пустой башни

Эридан и Кьяра сообщили Калару о своем намерении лично присоединиться к экспедиции. Селани сделал вид, что удивлен таким решением, но чародейку не так просто провести, этот эльфо-демон вызывал большие подозрения. Зеленоглазый предупредил, что в экспедиции будет еще один представитель его дома.

Последующая неделя прошла в подготовке. Селани приступил к начертанию круга телепортации. Он поведал, что гитцераи — жители этого плана — не жалуют золото и драгоценные камни, и если придется задержаться в Лимбо на неопределенный срок, то стоит запастись высококачественными припасами, причем, не только для того, чтобы обеспечить собственное существование, но и для торговли с местными. Очень уж сложно вырастить пищу в океане кипящего хаоса.

Вассалы помогли Эридану набрать новую гвардию из молодых амбициозных подданных разных домов, среди которых затесалось и несколько бастардов. Кьяра с огорчением узнала, что ни у одного новобранца не было достаточного таланта в магии, чтобы пестовать их. “Буду скучать по Корлиану, Суману и нашим тренировкам”, - подумала она.

Элледин согласился немного задержаться в Сеннальессе и примерить роль наместника. Эридан умолчал, что и преемника, посчитав, что это сразу же заставит золотого запаниковать. Его глаза и так были полны тревоги, когда белобрысый проводил короткий инструктаж по поводу своих незаконченных проектов и вывалил на стол гору свитков, требующих ознакомления.

— Не переживай, ты будешь не один, — успокоил его король.

На помощь Элледину белобрысый вызвал леди Кифель и Халирр. Две сильные женщины должны были поддержать и, если надо, защитить более мягкого друга.

Кьяра всюду сопровождала альбиноса, лишь когда он закрывался в кабинете, погрузившись с головой в работу, чародейка навевалась в библиотеку, в надежде найти полезные сведения о Лимбо и гитцераях. Она хотела поговорить с Арумом по поводу молчания Темпуса, но драконид опередил ее.

— Это должно оставаться секретом, — хмуро сказал жрец. — Ни в коем случае не говори Эридану. Темпус сообщил мне следующее: ни ты, ни Эридан не должны разговаривать с безумным волшебником. Особенно Эридан. Это может закончиться катастрофой. Возможно, придется защитить его от самого себя... что бы это ни значило.

Кьяра удивилась. У нее были подозрения, что дед короля может быть еще жив, но она считала их беспочвенными. Все-таки, слишком много лет даже по меркам эльфов.

— Поверь, это будет сложно сделать, — покачала головой тифлингесса. — Он захочет с ним поговорить, и сильно разозлится, если помешать этому. Почему это будет катастрофично? Эридан сетовал, что на все его молитвы Темпус отвечает молчанием... А я даже не знаю, выживет ли он после извлечения меча, если выполню волю Темпуса и Керески.

— Моя вера в Темпуса беззаветна, — твердо ответил драконид. — Если он не хочет говорить с Эриданом, значит, такова его воля. Если он говорит, что произойдет катастрофа, значит, она произойдет. Ты имеешь на него большее влияние, поэтому я и пришел к тебе.

— Этот волшебник — дедушка Эридана, — призналась тифлингесса, — вот почему будет сложно заставить его не слушать. Думаю, можно убедить его взять тебя с собой, а

вдвоем мы что-нибудь придумаем.

— Теперь понятно, почему он может быть опасен, — вздохнул Арум. — Его слова могут сильно сбить с толку. Эридан переживает сейчас кризис веры. Темпус молчит, и ему кажется, что бог покинул его, но это не так. Бог пытается уберечь его, хоть и не знаю, от чего.

— Что мне в тебе нравится, так это твоя вера, — улыбнулась тифлингесса.

— Моей веры хватит на троих, — с улыбкой ответил жрец.

После этого разговора Кьяра глубоко задумалась о том, что ждет их в Лимбо. Это заставило ее вновь спрашивать у Керески, что роднит ее с Темпусом, и выживет ли Эридан после извлечения меча. В ту же ночь богиня явилась во сне, и девушка поразились той охоте, с которой высшее существо откликнулось на возвания простой смертной.

— У нас с Темпусом один путь — ответила богиня, — защитить меч. Угроза нависла над носителем: ты должна уберечь его от самого себя, не позволить нанести себе вред. Он изменится до неузнаваемости, но да, будь уверена, он будет жив.

Проснувшись, Кьяра чувствовала некоторую уверенность. Эридан будет жить, но следовало оберегать его, об этом говорил и Арум. Стоило уговорить эльфа взять дракониду с собой, и она завела аккуратный разговор о том, что ее память может пострадать после перемещения между планами, и тогда присутствие жреца точно не помешает.

— Не уверен, что он захочет покинуть лазарет, — засомневался эладрин.

— Если скажем, что без него никак, то он точно пойдет, — хитро улыбнулась чародейка.

— Верно, — кивнул Эридан. — Он очень ответственный. Тогда решено, возьмем и его с собой.

Тифлингесса вздохнула с облегчением, одной проблемой меньше. Уж вместе с Арумом они точно как-нибудь совладают с его упрямством и уберегут от опасности.

— Кстати, я получил вести от Чески, — продолжил эльф.

— И что она говорит? — взволнованно спросила Кьяра.

— Она нашла сведения о Резо. Оказывается, он достаточно интересная личность. Шире известен под прозвищем Красный Жрец из-за облика, который принимает, когда заключает договоры. Несмотря на то, что он инкуб, имеет высокий статус, поскольку работает на Мефистофеля и его волшебников. Бесследно пропал как раз тогда, когда ты была создана. Последний, на кого он работал, говорят, был магической душой на службе Мефистофеля, что странно, ведь такие души не покидают Кании [1], а ты, очевидно, не оттуда родом.

— Кажется, снова тупик, — грустно сказала девушка. — Странно и то, что мне это имя кажется знакомым, но упорно не могу вспомнить откуда.

— Возможно и тупик, — тихо ответил Эридан, склонив голову к ее печальному лицу. — Возможно, кто-то намерено стер все следы. Может ты сама подверглась стиранию памяти.

Кьяра задумалась. Такая мысль не приходила ей раньше в голову. Что если до тех красивых дверей, у которых она осознала себя сорок лет назад, у нее была другая жизнь? Непонятно было только, зачем кому-то стирать ей память.

— А ещё мне был сон от Керески. Она пообещала, что после меча ты выживешь, но изменишься до неузнаваемости, — грустно поведала девушка.

У нее было пару дней, чтобы подумать о сказанных богиней словах, и чем дальше, тем меньше они ей нравились. То, что внушало уверенность, начало вдруг приносить беспокойство. В какую сторону изменится Эридан? Некоторые метаморфозы могут быть

хуже смерти...

— Слова Керески вызывают мало доверия, ведь они туманны, их можно трактовать по-разному, — тихо сказал альбинос.

— Обещай сильно не меняться, а то вдруг новый ты мне не понравится, — шутливо попросила чародейка, и он прильнул лицом к ее лбу и мягко обнял, словно успокаивая этим прикосновением.

Чародейка поделилась с Арумом информацией о готовящейся экспедиции. Драконида обрадовался, что Эридан готов взять его с собой. Он был все еще уверен, что эльфу грозит какая-то беда. Немного посомневавшись, девушка рассказала жрецу тайну белобрысого, о его душе. Ей казалось, что так им с Арумом будет легче защитить его. Золотые глаза драконида выразили удивление, ему было сложно поверить тому, о чем говорила девушка, но он не сомневался в ее искренности.

Накануне отправления на Лимбо, Кьяру охватило лихорадочное волнение. Эридан засел в кабинете, заканчивая последние распоряжения. “На всякий случай”, — говорил он, и это лишь усиливало лихорадочное состояние. Чтобы отвлечься, девушка окунулась в бассейн. Теплая вода обволакивала и баюкала, прогоняя прочь холодные нервные мысли, вызывая чувственные желания. А может виной тому была неизвестность. Что, если это последняя ночь? Обсудившись заклинанием, Кьяра наведальась в гардероб.

Эридан устало потер глаза. Он провел за письменным столом весь день, но на смену уже записанным мыслям приходили новые идеи, заметки и проекты. Почему так много идей именно в последний день? Он услышал шорох в дверях кабинета и машинально обернулся. Кьяра, улыбаясь, смотрела на него, на ней был наряд эльфийской танцовщицы, разве что грудь была задрапирована двумя слоями полупрозрачной серебристой ткани. На изгибе обнаженной талии плясали отблески канделябра, длинная юбка, низко сидящая на бедрах, попускала сквозь невесомую ткань очертания тонких и сильных ног. Чтобы соблюсти хоть какие-то условности, ягодички и лобок прикрывала изящная драпировка из более плотной материи. Эльф обомлел от зрелища, все мысли о делах моментально покинули голову. Засмеявшись над его выражением лица, Кьяра выскользнула из комнаты. Эридан кинулся следом. Это была давно известная им обоим игра, которая заканчивалась поимкой беглянки и горячими ласками. Он почти настиг ее в коридоре, но девушка ловко взвилась под потолок, и эльфа обдало ветерком от ее крыльев. Еще бы чуть-чуть!

Тифлингесса замерла в воздухе, пойманная в невидимые силки. В довершении всех странностей ее тело медленно поплыло к белобрысому. Самодовольно улыбаясь, тот схватил, и только после этого она почувствовала, что странная невидимая хватка ослабла. Девушка недоумевающе посмотрела на Эридана. Новые силы?

— Что? — ухмыльнулся он, глядя в ее удивленные глаза. — Я могу поднять себя. Конечно же, могу поднять и удержать тебя. Теперь никуда не сбежишь, — бархатисто прошептал он в ее заостренное ухо.

Тифлингесса дернулась, пытаясь выскользнуть из рук, но его мышцы были словно из твердого нагретого на солнце дерева.

— До чего же ты строптивая особа, — шепнул эльф. — Ты ведь так просто не отдашься?

Ладонь скользнула под два слоя полупрозрачной ткани и сомкнулась на полусфере шелковистой груди, вздымающейся от частого дыхания. Тифлингесса впиалась эльфу в руку, острые клыки вспороли кожу, оставив неглубокую кровотокающую царапину. Альбинос

схватил ее за волосы и оттянул голову назад, заставив выгнуть изящную шею.

— Я ведь могу просто заткнуть тебе рот и никаких укусов.

Он поволок ее в спальню, а девушка шипела и скалилась, словно дикий зверек, но ее тело трепетало от этой игры. Как далеко она сможет зайти, провоцируя его?

Эридан сел на кровать, усадив жертву на свое колено. Кьяра тут же засопротивлялась, хотя ее попытки вырваться из захвата больше напоминали ласки всем телом. Ткань наряда была такой тонкой, словно его и не было вовсе, и при каждом рывке она ощущала шелковую гладкость его рубашки поверх туго сплетенных мышц. Его руки обманывали, казались аристократическими, а на деле блестели мозолями на костяшках, подушечках и держали ее крепко, словно когти хищной птицы. Чародейка зарычала, и пальцы сомкнулись на ее подбородке, провели по губам, приоткрывая рот, коснулись ровных белых зубов и острого клыка. Губы тифлингессы сложились в поцелуе, и она облизнула палец, касающийся зубов. Наигравшись с ее ртом, ладонь устремилась под юбку, прямо между разведенных ног, скользнула вниз по лобку, дразня податливое тело, горячее и влажное от накатившего желания. Тифлингесса задышала еще чаще, ее возбуждение передавалось сквозь кожу, и от этого по телу Эридана прошла волна мурашек. Вздохнув, эльф ослабил хватку, чтобы коснуться губами и языком изящной шеи. Он пробовал ее на вкус, слушал разгоряченное дыхание, и все это погружало его в пульсирующий океан, сводящий напряжением все ниже пояса.

Резкий рывок вывел эльфа из эротического транса. Кьяра, попыталась выскользнуть, но тщетно. Пальцы моментально сжались, болезненно впиваясь в бедро, резкий выдох в затылок и послышался злой шепот:

— Ослабляла мою бдительность иллюзией покорности?

— Почему бы и нет. Жаль не сработало, — ехидно ответила девушка.

Зарычав, Эридан заставил Кьяру рывком подняться с его колена и больно заломил руки за спину:

— Тебе все ещё весело?

“Кажется, я заигралась”, - подумала тифлингесса.

— Я задал тебе вопрос.

Тон суровый, не требующий возражений. Она не видела его лица, но хорошо представила себе его злое выражение, сведенные брови, полыхающие глаза.

— Нет.

— Ты боишься?

— Нет.

Она услышала мягкий смешок за спиной, и болезненная хватка ослабла. Обернувшись, Кьяра увидела, как беззлобно искрятся его глаза, а ведь голос был таким натуральным, словно вот-вот переломает ей кости голыми руками. Тифлингесса прижалась к нему, желая продолжения ласк, прерванных рывком на свободу. Приобняв ее за талию, король прошептал:

— Милая, ты вылила на меня ушат воды. Разве я похож на арбалет? Дёрнул там, взвел здесь, и готово? Какая же ты всё-таки вредная.

— Иногда кажется, что похож, — ответила Кьяра.

Она нежно убрала волосы с его лба, Эридан перехватил ее ладонь.

— Даже для тебя я инструмент.

Сказано без тени упрёка, и глаза продолжали смотреть с теплотой, но девушке

почудилась в них какая-то глубокая грусть, и ей захотелось проклясть свой язык.

— Нет. Прости Эридан...

Она прикасалась к его губам, подбородку и щекам, осыпая лицо извиняющимися поцелуями. Сев на кровать, эльф поманил ее за собой:

— Я не обижен. Даже если б и был, сегодня я тебя не отпущу...

Кьяра села к нему на колени, и в сердце шевельнулось что-то щемящее, мягкое, заставляющее смеяться, плакать и дышать полной грудью. Наверное, это просто волнение, оно свело с ума и разум, и тело, заставляя кровь вибрировать в венах, растекаясь теплыми волнами приятного покалывания. Эридан охотно откликнулся на ее губы, поймал горячий вздох и провел языком по острым клыкам, осторожно, чтобы не порезаться. Девушка нетерпеливо потянула его за рубашку, и она зашуршала по коже, собираясь кремовыми складками у подбородка. Они разомкнули губы только, чтобы эльф мог стянуть ее через голову. Лицо чародейки прижалось к белой груди, а ладони альбиноса собрали полупрозрачную юбку. Пальцы пробежались по бедру, словно по струнам, и полностью пропали под серебряной драпировкой. Девушка прикусила губу, ей хотелось откусить эту блуждающую ладонь, нащупавшую слабую струнку и играющую на ней, извлекая мелодию приглушенных стонов. Эридан расправился с завязками ее костюма, обнажив темно-серую кожу и согрел ее дыханием. Тело задрожало, когти скользнули вдоль жилистого торса, пока не коснулись пояса. Ремень скрипнул, поддаваясь под ловкими пальцами. Кьяра привстала с его колен, стягивая с него штаны и сапоги, провела по его телу взглядом, вчитываясь в узор знакомых шрамов. Однажды тифлингесса подумала, что неплохо бы было поиграть с ним, возбудить и оставить ни с чем, а теперь сама изнываяще прижалась к нему.

— И всё-таки на мне есть рычаги, — шепнул альбинос.

— На мне тоже... — ответила чародейка.

Лобок и живот ощущали жар его пениса, а в голове вопило: “Чего ты медлишь?”. Она прикусила губу и томно потерлась о него, понимая, что эльф видел перед собой эту перевозбужденную, на все готовую Кьяру, а она ничего нем могла с этим поделать.

Эридан схватил ее за бедро, приподняв над собой, а глаза жадно впились в темно-серое лицо

— Да, сделай это, прошу, — зашептала тифлингесса в острое ухо.

Одно едва заметное движение, и Кьяра громко вздохнула. Когти впились в плечи, расчерчивая их красным. Стон сквозь сжатые зубы. Долгожданное ощущение наполненности. Руки, покоящиеся на ее ягодицах, опускали и приподнимали ее тело, внезапно обмякшее это этого чувства. Секунду спустя Кьяра уже перехватила инициативу, нетерпеливо извиваясь на его коленях. Ее занимало только это движение, она уже не замечала ни влажного взгляда эльфа, ни его ладоней, скользящих по телу. Разум испарился, все что осталось — нестерпимое желание и стремление удовлетворить его как можно быстрее. На какой-то миг тело абсолютно обезумело. Это безумие шептало низким голосом, горячило кожу дыханием, влажно целовало в шею и не отпускало, посадив на крючок собственной плоти. Кьяра застонала от простого животного удовольствия. Яркая вспышка сладких судорог, и тело обмякло, опустошенное этим ураганом ощущений. Прижав тифлингессу к себе, эльф аккуратно перекатился на кровать, вклинившись между расслабленных бедер, и продолжил гонку за удовольствием, все ускоряя свой бег. Девушка заметила свет, жемчужный, с легким голубоватым оттенком. Он исходил из его груди, пульсирующими волнами прокатывался по телу, расцветивая его сеточкой белых вен, переходил на волосы, заставляя переливаться

снежными искрами. Засветились даже ресницы на зажмуренных от удовольствия глазах.

— Ты светишься... — шепнула тифлингесса. — Это красиво.

Эридан открыл глаза, и они вспыхнули двумя искрящимися провалами.

— Что? — недоуменно спросил он, затем лицо его исказилось, ощущая подступающую волну наслаждения.

Эльф сделал еще несколько толчков, вздрогнул и замер в ней, пытаясь восстановить судорожное дыхание. Свечение стало еще сильнее, превратившись в концентрированный пучок в груди. Расслабленное лицо вдруг перекосило от боли, он схватился за грудь и заметил сияющие нити под кожей ладоней. Резко вскочив, неловко попятился назад и рухнул с края кровати.

— Ты в порядке?

Кьяра обеспокоенно глядела на эльфа, приподнявшегося с пола.

— Я не знаю, — ответил тот. — Так жжёт!

Кьяра перепугалась. Последняя фраза была больше похожа на вопль боли. Соскочив с кровати, она обняла Эридана и успокаивающе погладила по спине, пока он судорожно корчился на полу, покрывшись капельками пота. Наконец свечение плавно погасло, и эльф расслабленно выдохнул.

— У тебя и глаза светились, словно ты какой-нибудь небожитель, — удивленно сказала Кьяра.

— Иногда бывало сияние в груди, но такого — никогда, — признался Эридан.

— Вот что значат серебряные ножны для меча! — в сердцах воскликнула тифлингесса. — Какая грубая и пошлая метафора. А вам бы найти другую любовницу, а то боюсь доконать вас.

Он растер грудь и внимательно посмотрел в ее глаза. В них были смятение и страх.

— Ты думаешь, это из-за секса с тобой? — спросил белобрысый. — Но мы с тобой уже не раз занимались любовью, и такого не было, — он ласково погладил ее по плечу. — Эй, все хорошо. Видимо, этот самый меч уже почти готов, а я просто удивился, вот и отреагировал так бурно. Другую любовницу я не хочу, придется тебе работать на износ.

В его ласковой улыбке и тепле прикосновений Кьяра доверчиво нежилась, отринув недавний страх.

Утром следующего дня экспедиция была готова к отправке. Эридан, облаченный в доспехи, которые за это время успели починить, отдавал последние распоряжения Элледину. Кьяра озадачилась инспекцией провизии, собранной и упакованной в дорогу. Этих запасов хватило бы на всю гвардию, и еще кошмарке бы достался кусок мяса, будь она жива. Большую часть Калар собирался отдать в качестве пошлины местным за право осмотреться на их территории. Сам Селани явился со своим черноволосым и зеленоглазым родичем. Арум пришел на место сбора во всеоружии, облаченный в доспех, и с целой сумкой разных эликсиров. Он обменялся с чародейкой многозначительными взглядами, и Кьяре стало немного совестно, что приходится что-то скрывать от Эридана. Альбинос надел шлем, приладил гладкую маску и теперь был похож на железного голема.

— Прибудем сразу в цитадель, — объяснил Калар. — За ее пределы выходить нельзя — океан хаоса разорвет на части. Я уже бывал в Ал-Ча-Каре и гитцераи меня знают, к тому же они говорят только на гите, поэтому говорить буду я. Местные не любят агрессию, постарайтесь... держать себя в руках, — он бросил красноречивый взгляд на покрытого

сталью Эридана, и тот скрестил руки на груди в жесте недовольства.

Удостоверившись, что все в сборе, Селани зашептал формулу перемещения между планами. Арум и Эридан подхватили выюки с припасами, символы на полу вспыхнули серебряным светом, обволакивая фигуры собравшихся. Покалывание на коже, дуновение ветра, и они оказались под небом всех оттенков оранжевого и алого, клубящегося, словно во время кровавого шторма. Между обезумевшими тучами вспыхивали желтые разряды. Под ногами — темно серый камень небольшой площадки, окруженной высокой стеной, упирающейся в узкий коридор. Впереди маячил свет и тени прохожих, словно это был темный проулок, ведущий к оживленной площади. Кьяра не успела оглядеться тщательней перед её глазами замер наконечник копья, отражающий яркость небесных вспышек. Копье держало высокое и худое существо, одетое в легкие доспехи. Желто-зеленое лицо, обрамленное на висках и на лбу темными пятнами, и глубоко запавшие черные глаза напоминали о змеях, острые уши — об эльфах, а почти полное отсутствие носа делало лица еще более чужеродными. Так вот какие они, гитцераи. Копейщики выглядели спокойными, хотя кто их разберет, с такими лицами.

Вперед выступил Калар, демонстрируя ладони в миролюбивом жесте, и заговорил на непонятном языке. Один из копейщиков ответил, у них завязался диалог, однако оружия они не опустили. В какой-то момент подал голос Эридан, произнеся несколько непонятных девушке фраз. Селани с удивлением обернулись на короля, гитцераи всполошились, готовые при необходимости оттеснить эльфа к стене, а один из них, возможно, начальник, кинул несколько слов Эридану. Тот снял шлем, продемонстрировав белобрысую голову. Копья опустились наконечниками вниз.

Гитцерай, которого Кьяра опознала как главного, сделал жест рукой и вышел в каменный коридор между стен, а стражники настойчиво оттеснили прибывших в том же направлении. Не тычки в спину, но все равно не очень приятно. Явно чувствовалось недоверие местных к пришельцам, однако Калар выглядел расслабленным. Поравнявшись с королем, он заговорил по-эльфийски, но девушка прекрасно уловила суть:

— Ваше Величество, я не знал, что вы говорите на гите. Но диалект! Здесь такой диалект не приветствуется. Всё-таки дайте мне вести диалог, чтобы вас снова не приняли за гитиянки.

Тифлингесса времени зря не теряла и вовремя подготовки к экспедиции провела много времени в библиотеке, выискивая информацию о Лимбо и его обитателях. Ученые Страны Фей явно не были любителями плана чистого хаоса, упоминания о нем были скудными и обрывочными. Согласно найденным данным, гитцераи обладали интересными способностями. Они не прибегали ни к стихийной врожденной магии чародеев, ни к божественной, ни к магии плетения, известной волшебникам, а к первобытным способностям разума, называемым невидимым искусством, которое позволяло придавать хаосу простые и понятные очертания. Их братский народ — гитиянки, в отличие от гитцераи, выбрал путь войн и насилия. Интересно, почему Эридана приняли за гитиянки? Только лишь из-за языка?

Она отвлеклась от своих мыслей, поглощенная созерцанием окружающих пейзажей. Их процессия вышла из коридора прямо на широкую оживленную улицу, наполненную прохожими. Они расступились, пропуская вооруженный отряд, сопровождающий чужестранцев. Дорога карабкалась вверх, периодически делая повороты, словно они взбирались на макушку многоступенчатой пирамиды. Кьяра прежде не видела подобные

сооружения на Фаеруне. Это была не крепость, а многоярусный город, окруженный высокой стеной. Повсюду серый камень, без намека на траву и деревья, воздух теплый и спертый, без единого дуновения ветра. Черные запавшие глаза с любопытством рассматривали пришельцев, особенно заостряя внимание на тифлингессе и дракониде, детишки, не стесняясь, показывали в них пальцем. Кьяре стало неудобно, и она натянула капюшон плаща, чтобы скрыть лицо.

Несмотря на любопытство, никто не проявлял враждебности. Вокруг происходили удивительные вещи. Гитцераи левитировали, сидя в молитвенных позах, слушали проповеди старцев на площадях, повторяли одинаковые плавные движения, словно танцевали без музыки. Группа детей весело играли в мяч, перекидывая его между собой с помощью невидимого искусства, а группа желтолицых постарше переносили огромные тканевые тюки, не используя физической силы. Эридан смотрел на это со смесью интереса, любопытства и грусти. Он заметил, как напряглась и закуталась в плащ тифлингесса:

— Что-то не так?

— Все в порядке, — тихо ответила Кьяра, — просто отвыкла, что на меня все глазают.

Процессия нырнула в боковую улицу и остановилась у небогатого одноэтажного дома.

— Если поиски лаборатории затянутся, это место станет нашим убежищем, — объяснил Калар, скинув с плеча контейнер для свитков. — По улице лучше не ходить, особенно вам, леди Кьяра, и вам, господин Арум. Местные неагрессивны, но они не слишком любят драконов, а детишки могут сделать пакость.

— Лорд Калар, скажите, а почему они не любят драконов? — спросила девушка.

— По легенде Гит, властительница гитиянки, спустилась к Тиамат в поисках помощи и союза. Что стало с ней, никто не знает, но Тиамат отправила к гитиянки своего консорта и пообещала множество красных драконов на их службу... В общем, никто не знает, сколько правды и вымысла в этой истории, но гитиянки часто отправляются в рейды верхом на драконах.

Тифлингесса поежилась при упоминании Тиамат.

— Понятно, — кивнула она. — Ну что ж, Арум, не будем лишний раз провоцировать местных.

Кивнув, драконид занялся распаковкой вещей.

— Нам придется побыть здесь, пока Арука, местный управитель, не выделит нам сопровождающего, — продолжил Калар. — Без сопровождающих по городу ходить нельзя. Гитцераи замкнуты и предпочитают держать при себе многие секреты, — он повернулся к Эридану. — Ещё раз прошу вас, Ваше Величество, не говорить на гите с местными.

Король скорчил недовольное лицо:

— Сколько нам ждать?

— Сколько Арука сочтет нужным, — улыбнулся зеленоглазый. — Меня он уже знает, а вот вас нет, и ваш гитиянский диалект, Ваше Величество, играет не в вашу пользу.

— Я сам решу, что мне можно, а что нельзя, — рявкнул Эридан с неожиданной злостью. — Ещё бы мне диктовали условия какие-то безносые уродцы.

Кьяра заметила, что вспышка раздражения была вызвана растерянностью и расстройством.

— Не знала, что тебе знаком этот язык, — шепнула она, подойдя к нему вплотную

— Я говорил, что мне снятся сны на другом языке. Теперь я знаю, что это за язык, — шепнул он в ответ. — Это странно, ведь я его не учил, но, видимо, через сны получил

знание... — он замолчал, а потом продолжил. — Видела, что они делают? Не могу поверить, что я отчасти как они.

Тифлингесса кивнула. Эридан был в замешательстве, ему потребовалось время, чтобы свыкнуться с тем, что он не вполне эльф, а теперь он еще и увидел физическое воплощение другой половины своей души.

— Ты сильно изменился и продолжаешь меняться, — задумчиво сказала Кьяра.

— Тебе это не нравится?

Эльф повернулся к ней, пронзив внимательным взглядом.

Тифлингесса неопределенно пожала плечами. Она не хотела расстраивать его, но и врать не желала. Девушка давно уже поняла, что ключ к его сердцу — обнаженная до костей честность. Однако честность порой хуже раскаленного железа в глазницах. Изменившись до неузнаваемости, он может превратиться в совершенно другую личность, и тогда их пути разойдутся.

— Тебе не стоит переживать, — улыбнулся белобрысый. — Я останусь все таким же великолепным, всем на зависть.

Опять его плоские шуточки с налетом самодовольства, но в этом было что-то знакомое и успокаивающее, так что Кьяра даже не фыркнула в ответ.

Томительно потянулись часы ожидания. Они успели обустроиться, распаковать вещи и пару раз перекусить прежде, чем гитцераи посетили их снова. Вооруженная охрана сопровождала господина, облаченного в длинное одеяние. После короткого разговора с ним, Калар сказал:

— Это проводник. Он просит сдать оружие, Ваше Величество.

— Я понял, — напряженно ответил эльф. — Передай им, что я сдам свой меч только вместе с рукой.

Селани устало вздохнул:

— Это всего лишь предосторожность с их стороны, не усугубляйте положение, — он подошел к королю. — Что сейчас для вас важнее? Ради чего вы здесь?

Глаза белобрысого вспыхнули красным, грозя обрушить яростный поток на зеленоглазого. Кьяра подошла к нему и успокаивающе сказала:

— Эридан, пожалуйста. Не думаю, что они будут враждебны, и это мы здесь гости.

Рука в латной перчатке, готовая сомкнуться на рукояти, медленно опустилась.

— Хорошо...

Он передал меч в руки охраны, сопроводив короткой фразой на гите. Это заставило охранника отшатнуться, но каких-либо ответных действий никто не предпринял. “Какой же он вредный”, — мысленно вздохнула тифлингесса. Арум сдал молот без лишних вопросов. Он вообще был странно тих и задумчив.

Отряд гитцераев вывел их из дома и повел по лабиринту узких улочек. Через час, казалось бы, хаотичных блужданий проводник замер у башни. Вокруг нее был небольшой пустырь, словно, несмотря на ограниченность пространства, жители крепости не желали селиться рядом с этим сооружением.

— По их словам, лаборатория находится здесь, — пояснил Селани. — Аманис сам ее построил, без участия анархов. Я обшарил каждый уровень — там пусто.

Башня как башня. Невысокая, всего три этажа, но довольно широкая. Снаружи — тронутый временем серый камень, холодные провалы бойниц, черепица ввалилась на прохудившейся крыше. Вряд ли здесь кто-то жил, башня выглядела запущенной.

Эльфы двинулись к входу. Двери со скрипом распахнулись, демонстрируя сумрачное помещение первого уровня. Гитцераи так и замерли на почтительном расстоянии от сооружения.

— Они не будут сопровождать нас? — спросил Эридан, обернувшись.

— Они считают это место нехорошим, — ответил Калар, шагнув внутрь.

Король и тифлингесса огляделись. Уровень был абсолютно пуст, вверх тянулась винтовая лестница.

— Я обследовал все три этажа, — сказал Селани, кивнул на ступени. — Абсолютно ничего. Словно все куда-то вынесли отсюда.

“Или в когда-то”, - подумала Кьяра, вспомнив, что Аманис манипулировал со временем. Эридан без лишних слов начал подниматься по лестнице, ступени скрипели и пылили от каждого бряцающего шага.

— Наверху есть остатки магии, — продолжал рассказывать Калар, последовав за альбиносом, — правда я не смог определить их происхождение. Ни школу, ни давность. Это может быть магический фон, оставленный лабораторией или могучим артефактом...

Арум и Кьяра последовали за ними, процессию замыкал другой Селани. На втором этаже их ждала пустая площадка. Эльф постоял немного и двинулся на третий. Тифлингесса ощутила магический фон, о котором говорил зеленоглазый. Слабые отголоски магии, источник которой было невозможно распознать.

— Джи!

Эльф ругнулся, не дойдя до третьей площадки. Ему было уже прекрасно видно, что она тоже абсолютно пуста. Высокий потолок оканчивался крышей башни, сквозь прореху в которой было хорошо видно клубящееся небо. Это место и правда было давным-давно покинуто. Несмотря на разочарование, Эридан продолжил подниматься по лестнице, чтобы осмотреть последнюю площадку, а Кьяра взмыла под высокий потолок, чтобы обследовать крышу.

Пустое пространство вдруг наполнилось парящими в воздухе сферами разных цветов и размеров. Тифлингесса не успела притормозить и врезалась, сбивая их с причудливых орбит. Несколько шаров с грохотом упали на пол.

— Кьяра!

Крик Эриадан откуда-то снизу, а следом спокойный незнакомый голос, говорящий на устаревшем наречии inferнального:

— Девочка, прекрати громить модель Абейр-Торила.

Чародейка осторожно снизилась, чтобы встать рядом с эльфом, который уже замер наизготовку, выставив щит. Помещение преобразилось, осветилось волшебными огнями, выхватывая из темноты стены, оплетенные стеклянными трубами, полки, заставленные книгами и артефактами. Резкий запах реагентов смешивался с вонью болота, а мистический магический фон вызывал дикую головную боль.

— Как ты? — обеспокоенно спросил Эридан.

Он не сводил расширенных от ужала глаз с гротескно деформированной фигуры, сидящей за алхимическим аппаратом. Эладрин-альбинос, на голову ниже Эридана, но имеющий с ним явное фамильное сходство, казался самым обычным, разве что ореол вокруг его тела был пепельного цвета, отчего он сам казался блеклым и болезненным, словно нежить. Когда он повернулся к девушке своей левой стороной, Кьяра и сама содрогнулась. Левый глаз — огромный немигающий с горизонтальным зрачком принадлежал кому угодно,

только не эльфу. На правой руке отливали сталью огромные кинжальные когти, вместо левой руки — хаотично шевелящаяся масса черно-алых щупалец, растущих из непропорционально большого предплечья, перекосившего хрупкую фигуру. Чудовищный хозяин башни улыбнулся, и чародейка невольно сделала шаг назад.

— Я нормально, — ответила тифлингесса. — Эридан, помнишь, ты обещал мне желание? Прошу, не разговаривай с ним, пусть его тайны останутся тайнами.

— Эридан? — живо отреагировал монстр. — Так это ты. Я ждал... — он медленно двинулся в их сторону. — Я уже и забыл, зачем заперся здесь...

Черные щупальца потянулись в сторону эльфа и тифлингессы. Эридан попятился назад, закрывая собой девушку, и сказал, едва размыкая губы:

— Кьяра, я все равно ни слова не понимаю.

Аманис остановился, поняв, что гости от него убегают.

— Что-то не так? — прогудел голос словно из глубокого колодца. — Девочка, переведи, кажется, он не понимает. Я ждал его, ждал. Тебя не ждал, но и ты тут. Значит это вероятность семьдесят девять.

Его лицо исказила безумная улыбка, от которой чародейке стало дурно. Фигура эльфа прямо-таки вопила о противоестественности, напоминая уродливых искореженных выходцев из Бездны. Тифлингесса потянула белобрысого за собой:

— Эридан, пожалуйста, пойдём... — она обернулась. — Лорд Калар, вы хотели пообщаться с ним...

За спиной Кьяры была пустая лестница, кое-где заставленная обычным бытовым хламом. Арум и оба из Селани бесследно исчезли. Не сводя глаз с ужасающей фигуры, король попятился вниз по лестнице.

— Нет, вы не уйдёте, не уйдёте! — прошипел волшебник.

Щупальца метнулись вперед, обхватили альбиноса и потянули к себе, несмотря на то, что тот упирался из всех возможных сил. Зарычав, Кьяра рванула на себя жизненные силы Аманиса, но тщетно. Его тело — не поддающийся магии камень.

— Девочка, я знал, ты будешь владеть искусством, знал, — прошелестел он, словно играя разорвав нить заклинания.

Тифлингесса попробовала во второй раз, но на сей раз заклинание ударилось о непробиваемый щит. Мелькнуло размытое черное пятно, и несколько щупалец обмотались вокруг Кьяры и потянули в сторону волшебника.

— Девочка, я здесь бессмертен, бессмертен, — шелестел потусторонний голос. — Вы не сбежите. Там нет ничего, только башня. Мы вне времени, вне пространства.

Глаза короля полыхнули белым, модели с потолка полетели прямо в Аманиса, но разбились о невидимый барьер. Тот устало вздохнул:

— Вы не хотите слушать, а ведь боги врут вам, врут. Как жаль, что ты меня не понимаешь, не понимаешь, — посетовал волшебник, — путешествия в пространстве и времени не шадят никого, никого. Я хотел забрать тебя, но потом решил посмотреть, что будет... Я посмотрел и решил оставить как есть, как есть.

Немигающий глаз уставился на Кьяру:

— Ты не хочешь слушать, не хочешь говорить. Тогда смотрите, смотрите...

Скользкое холодное щупальце коснулось лица тифлингессы. Она попыталась отвернуться, но не смогла, и почти сразу рухнула в холодную тьму. Перед глазами замелькали образы: покрытая льдом пещера, под толстым слоем снега лежит древний

серебряный дракон, его лапа покоится на мече рукоятью из лунного камня. Дракон спит, с каждым новым вздохом из ноздрей вырываются снежинки. Груда сокровищ спрессовалась в одну сверкающую глыбу. Вечное ложе.

— Это то, чего они хотят, — прошелестел голос. — Они хотят, чтобы ты охраняла его вечно, вечно, чтобы его никогда не нашли. Это то, что я вижу. Иногда это...

Кьяра увидела того же дракона в том же логове, только теперь он охранял кристалл размером с человека, по трещинам пробегало бело-голубое сияние, и тифлингессе снова стало дурно, только теперь о страшной мысли — неужели это все правда? Неужели это та самая трансформация, которая ждет Эридана? В самый настоящий, ничуть не метафорический меч или каменную глыбу?

— Кьяра, что это? Что он говорит? — закричал Эридан.

Наверное, он видел те же видения, что и она.

— Он говорит, что боги врут и это то, что нас ждёт на самом деле, — гробовым голосом ответила чародейка. — То, чего они хотят.

— Девочка, наконец, говорит, говорит... — воодушевился Аманис. — Я создал его, не зная, что создаю. Боги не хотят, чтобы это существовало, но ничего не могут поделать. Я создал нематериальную форму магического оружия невероятной мощи, и они хотят похоронить его, похоронить, а ты чтобы сторожила, вечно. Ни один смертный не должен его получить, иначе можно убить бога, — немигающий глаз уставился на белобрысого. — Я вижу уже почти, уже почти. Скажи ему, что лучше ему вскрыть себя, пока не поздно. Вскроет: будет шанс, что меч попадет к смертным.

Чем дальше Кьяра слушала безумного мага, тем больше уверялась, что он просто лжет. Это просто не могло быть правдой. Она уже нарушила запрет Арума, слушая, что говорит это чудовище, но стоит ли передавать его слова Эридану? Она решила, что случай решит.

— Эридан, орел или решка? — спросила она у ошарашенного эльфа.

— Орел, — сдавленно ответил он.

“Буду молчать”, — решила она и злобно зарычала на мага, желая, чтобы он заткнулся и отпустил уже их, но тот словно не заметил ее агрессии.

— Не пытайтесь остановить зиму с помощью ритуала, — шелестел он. — Это обман, обман.

Прямо в голове у Кьяры раздался зловеющий шепот:

— Формально она не соврала. Ты же не уточняла, в какой форме он будет жив.

Внутренности девушки похолодели от ужаса, когда она вспомнила слова Керески. Неужели богиня и правда подло обманула ее? Она яростно зарычала на Аманиса:

— Прочь из моей головы. Что бы ни хотели боги, ты не лучше, заигравшись в творца!

— И что? И что? — взвыл вдруг жуткий голос. — Я не лишил его жизни, не лишил. Я дал начало новым возможностям. Жаль нет детей, было бы любопытно, любопытно, — нахмурившись, он оскалился. — Упрямая девочка, упрямая. Противоестественные опыты дали тебе жизнь, а ты говоришь — боги...

Тифлингесса бешено забилась в пугах. Ей хотелось разорвать этого жуткого эльфа на кровавые лоскуты, но чертовы щупальца держали все так же крепко, мысли вдруг лихорадочно забегали.

— Почему ритуал ошибка? Как убрать зиму?! — закричала она.

Конвульсии безумного смеха содрогнули тело Аманиса:

— Раз, два, три. Реальность семьдесят три. Разве не странно, разве не странно? Какие

ингредиенты? Эссенция, материя хаоса, тело бога? Я прав?

Тифлингесса кивнула.

— Материалы, которые я использовал, когда ковал, — прошелестел голос.

“И правда”, - подумала девушка. Почему раньше она не задалась этим вопросом?

— Как остановить зиму? — еще раз спросила она.

— Меч остановит зиму, но боги получают меч. Зима не остановится. Пусть вскрыет. Если умрет, его душа не перестанет меняться, но сбежит. Скажи ему. Есть варианты. Я вижу меч. Иногда кристалл. Иногда другое, но редко, редко...

— Что ещё? Что другое? — с надеждой спросила чародейка.

— Иногда я вижу, что ты правишь и сражаешься с зимой. Скажи, что если он умрет раньше, то и тебе некого будет охранять, и тогда он согласится, согласится...

Это стало последней каплей. В груди Кьяры заклокотала огненная ярость, и она закричала, не скрывая злости:

— Почему меня выкинули на улицу как котенка, как ненужную вещь?!

— Тебя не выкинули, не выкинули, — покачал головой безумец. — Вас было восемьдесят два. Спаслись лишь двое.

Таких как она была почти сотня. Почти сотня братьев и сестер.

— Кьяра, о чем вы говорите? — взволнованно спросил Эридан.

— Тебя создал не я, не я... — снова покачал головой Аманис. — Мефистофель так злился, когда я нашел способ не умирать и не платить долг, и все мои знания тут, тут... И я заключил с ним новый договор. Я дал ему формулу, но в обмен потребовал все творения себе.

— Он рассказывает про мое создание, — тихо ответила Кьяра, впившись взглядом в немигающий глаз.

— Мефистофель хитёр, хитёр, — продолжил волшебник, — но и я хитёр. Давно приструнил его инкуба, и тот спас что смог, что смог.

— Меня и кого ещё? — спросила тифлингесса.

— Зверушку, но он не понял, что спас двоих. Глупый, глупый. Был бы жив, если б понял.

— Эридан, он так много наговорил, — устало сказала девушка, повернувшись к белобрысому. — Я не верю ему, я не верю богам. Никому не верю.

Картина мира разлеталась перед ее глазами на множество разноцветных осколков. То, чему она следовала, что считала за благо, оказалось жестоким мелочным обманом, и что самое отвратительное, она сама стала инструментом этого обмана, послушным и податливым в своем неведении, и “награда” за это казалась ей жестокой насмешкой бессмертных существ.

— Я... Я тоже не знаю, чему верить, — растерянно ответил альбинос.

Он готовился к смерти, но к такому концу он был совсем не готов.

— Есть одно, что не ждуг ни он, ни боги, но я не решусь... — сказала Кьяра.

— Ты о чем? Я ничего не понимаю... Кроме того, что я неизбежно стану... — Эридан осекся, стиснув зубы.

Склизкие пути щупалец отпустили их.

— Идите. Идите, — прошелестел Аманис. — Скажите Калару, что ему не понять мои записи. Пусть продаст душу Мефистофелю за интеллект, — и он вновь залился безумным смехом.

Кьяра и Эридан переглянулись, словно не веря, что он отпустил их.

— Идите! — голос волшебника превратился в ужасный звериный рев, а щупальца в ярости превратили один из алхимических аппаратов в крошево стекла и металла. — Или я разорву вас, разорву!

— Эридан, пошли отсюда, — сказала чародейка, потянув белобрысого за руку. Тот кивнул и попятился следом за ней к лестнице.

Беснующаяся гора искореженной плоти вдруг успокоилась. Волшебник повернул к ним умиротворенное лицо, сейчас почти похожее на человеческое.

— Скажите Дару, чтобы заходил иногда, — сказал он елеинным голосом, а в следующее мгновение тифлингесса и эладрин оказались в пустой комнате.

Эридан огляделся, часто дыша от пережитого.

— Что-то случилось, Ваше Величество? — обеспокоено спросил Калар.

— Мы исчезали на несколько минут. Разве нет? — спросил у него король, но зеленоглазый ответил ему непонимающим взглядом.

— Арум?!

Жрец пожал плечами:

— Я ничего не увидел. А что было?

Альбинос переглянулся с Кьярой. Ту все еще была мелкая дрожь, но она постепенно приходила в себя.

— Простите, Калар, кажется, тут пусто, — выдавил из себя Эридан. — Здесь ничего нет, только магический фон.

Он положил руку на плечо тифлингессы и успокаивающе погладил, хотя сам нуждался в этом. Волшебник непонимающе посмотрел на Эридана, затем опустил глаза, словно что-то обдумывая.

— Лорд Калар, сколько времени потребуется, чтобы собрать материю хаоса для ритуала? — спросил альбинос, все так же поглаживая свою подругу.

Маг задумчиво пожал плечами:

— Несколько часов, может больше.

Альбинос кивнул и бросил распоряжение:

— Тогда приступайте, — и перевел взгляд на уже успокоившуюся девушку. — Пошли, тут нам больше делать нечего.

— Господин Арум, — сказал Селани жрецу, — задержитесь, мне потребуется ваша сила...

Оба Селани и Арум остались обследовать башню и собирать материю хаоса, а Кьяра и Эридан, обнявшись, спустились по лестнице на первый уровень. Они были уничтожены информацией, что получили, и оба не знали, что делать дальше.

[1] Кания — восьмой слой Преисподней, покрытая ледниками холодная пустыня

Глава 31. Серебряный звон

Кьяра спускалась, почти не глядя на ступени, опираясь на руку Эридана. Она узнала, кто ее создал, но это не принесло ей ни радости, ни удовлетворения. Лорду Преисподней не предъявишь счет за годы страданий, да и она должна была быть давно мертва. Аманис безумен, он мог верить в свои слова и скормить ей порцию кошмарных сказок... но сердце подсказывало, что насчет Эридана он не солгал, внутри от этого все похолодело. Его ждет не-жизнь в руках богов, она им в этом помогла и, судя по видениям безумца, еще поможет. “Так вот почему Кереска пробудила мою кровь”, - отрешенно думала тифлингесса, — “им нужен был почти вечный страж. Такую судьбу они мне уготовили”. Ей стало страшно. Девушка не была согласна на участь, что уготовили им боги, Кьяра слишком ценила свободу, подаренную ей, чтобы снова оказаться в рабстве. Хаотично бегающие мысли замедлились, выстраиваясь в рациональную схему. Ей хотелось сделать что-то, чего не ожидали ни боги, ни Аманис, пойти наперекор судьбе и, возможно, хоть в чем-то спасти эльфа.

Они спустились на самый нижний уровень башни, король сказал несколько слов проводнику, тот покосился на эльфа утопленными в глазницах бусинками и повел по лабиринту переулков, прямо к временному жилищу. Они шли в полном молчании, каждый в своих мыслях. Сопроводив до лагеря, гитцерай вернул Эридану рукоять. Кьяра отрешенно наблюдала, как оружие нырнуло в привычную петельку на поясе альбиноса. Белобрысый протянул ей сверток с едой, отвлекая от раздумий. Она приняла его и машинально начала есть, не чувствуя вкуса. Эльф тоже попытался поесть, но сдался, отложив сверток в сторону.

— Кажется, я не смог выполнить твоё желание, — грустно сказал он

— Да, но, наверное, это не важно, — откликнулась девушка.

— Я все равно почти ничего не понял, — Эридан попытался улыбнуться, улыбка получилась вымученной и быстро угасла. — Кроме того, что все лгут.

Кьяра посмотрела на его профиль, очерченный красным сиянием. Ей тяжело было решиться на задуманное.

— Эридан, я устала от игр богов и в богов, — призналась тифлингесса. — Знаешь, как хочется сбежать... Аманис сказал, что ритуал не поможет избавиться от зимы. Похожие ингредиенты он использовал, когда ковал твою душу. Скажи, кто подал такую идею? Арум или Зариллон?

— Зариллон, а тот узнал у пленной феи.

“Неужели и Аурил тоже была вплетена в эту игру?” — подумала Кьяра. Стало немного понятней, почему богиня так относилась к эльфу и внушала ему, что он — не более, чем орудие в руках бога.

— Плохо, если я не успею ничего сделать с этой зимой, — грустно сказал эльф. — Знаешь, я тоже хочу сбежать. Я тоже устал от этого.

— Верю, — ответила чародейка, встав на ноги. — И знаю, что хочешь спокойной жизни, но ни тебе, ни мне её не видать.

Она еще раз взглянула на него, печально сидящего спиной к стене.

— Прости, Эридан.

— Что? За что? — едва успел спросить он.

Кьяра рванула на себя ниточку его жизненной энергии. Побелев от боли, эльф вскочил на ноги. Голубые глаза, распахнутые в непонимании, пытались найти ответ на лице

чародейки. Тифлингесса отпрыгнула, потянув за собой нить его жизненной силы, а вторым едва заметным движением заставила его увязнуть в воздухе. “Вот сейчас он разозлится”, — подумала она, — “выхватит меч и нападет, защищая жизнь, и тогда, в горячке боя будет проще убить его... или самой умереть”. Таким был единственный выход. Убить его, не послушав богов, и тогда, возможно, его душа сбежит из их рабства. Или эта попытка закончится ее смертью, и тогда она просто не увидит печального финала и не будет его вечной охранницей.

Вокруг эльфа клубилось марево замедляющего заклинания, но он не двигался с места, непонимающе смотрел на нее, и это было хуже всего.

— Почему ты не защищаешься?! — закричала на него Кьяра, но он продолжал молча пронзать ее взглядом, не делая никаких попыток выхватить оружие.

Чародейка зло чертыхнулась, ее план не сработал, убить его она не могла, она не могла спасти его, осталось только одно.

Девушка сорвала амулет планов, кинула под ноги и потянулась к волшебной сумке.

— Что ты пытаешься сделать? — спросил Эридан, когда она вытащила из нее раздвоенный металлический прут.

Кьяра не ответила, оживленно зашептала, подкрепляя заклинание жестами. Она просто уйдет отсюда, переместится на Фаерун. Может, это даст ему время, остановит его трансформацию, но, в любом случае, она не увидит конец.

— Ты хочешь уйти? — догадался альбинос. — Пожалуйста, не уходи сейчас.

В его голосе звучала искренняя просьба, но тифлингесса старалась не смотреть на него, чтобы не дрогнуть и в этот раз. Прут вырвало из ее ладони, и девушке осталось только удивленно наблюдать, как он очутился в руке эльфа. Она зарычала от бессилия.

— Я ничего не понимаю... — пробормотал Эридан. — Сначала ты хочешь убить меня, теперь сбежать...

Тифлингесса метнулась к лежащему на полу амулету, но и тот легко вспорхнул с пола, прямо в руку альбиноса.

— Скажи, что происходит? Зачем ты это делаешь? — спросил он, прижав к себе артефакты.

Кьяра зарычала, размахивая хвостом. Она не знала, что делать дальше.

— Я не имею права знать? — спросил Эридан, и чародейка воскликнула:

— Хочу сделать то, что ни твой дед, ни боги не ожидают!

— Сбежать? — тихо уточнил он.

Ее ноги стали ватными, и девушка осела на пол:

— Я думала, что ты убьешь меня, если атакую всерьез... Хотела убить тебя, но не смогла.

— Но я не понимаю... Зачем? Я бы не стал убивать тебя...

— А прежний ты убил бы, не раздумывая, — зло прорычала Кьяра. — Ты ослаб, размяк!

Тот эльф на перекрестке снес бы ей голову и остановился только, потому что убийство того, кто не сопротивляется, лишено веселья. Если бы только он напал в ответ! Тогда бы она смогла убить. Может сейчас он разъярится и выхватит свой чертов меч?

— Какая теперь разница? — спросил альбинос.

В его спокойном голосе звучала горечь. Почему он не разозлился? Кьяра устало села у противоположной стены.

Проследив за ней взглядом, Эридан покачал головой:

— Если это все, что ты можешь мне сказать...

Бессилие навалилось неподъемным грузом. Она не может его защитить или спасти, не может убить. Все что осталось — сидеть и ждать конца. По щекам потекли слезы, оставляя блестящие дорожки.

— Ну чего ты? — эльф сел напротив нее. — Мы все еще живы.

Кьяра подняла на него заплаканные глаза. У него был потерянный взгляд, но в нем дрожали теплые искорки. Как вышло, что он не злится ни на попытку убить, ни сбежать? Как он может так спокойно воспринимать то, что с ним происходит? Словно подпитавшись его спокойствием, тифлингесса подумала: “К черту, расскажу все, что знаю”. Она поведала Эридану о том, что услышала в башне.

— Это оружие способно убить бога, но боги не допустят его попадания в руки людей, и мне придется охранять его вечно, — она вытащила бурдюк и прервалась на глоток вина, горячая сладость прокатилась по горлу. — Твой дед посетовал, что у тебя нет детей... Видимо, было интересно, что дальше. Он говорил, что если ты вскрыешь себе грудь или умрешь, то душа сбежит, и люди смогут получить шанс обрести этот меч.

— Звучит, как бред, — хмыкнул эльф, — Но все последние годы — это бред... — он протянул руку, чтобы тифлингесса передала ему бурдюк.

Глядя, как он делает глоток, она устало облокотилась о стену:

— Я думала, если ты убьешь меня, то меч не будет выкован или, по крайней мере, я не увижу, чем это закончилось.

Эридан оторвался от бурдюка, обтер губы.

— Все это словно странный сон, — признался он. — Как те кошмары, что меня мучили. Где вы смотрите, как из меня вырезают меч, — он посмотрел ей в глаза. — Меч уже выкован, Кьяра, уже поздно. Твоя смерть ничего не решит.

Девушка кивнула, забрала бурдюк и сделала большой глоток, от которого грудь полыхнула огнем. Как сейчас хотелось напиться до беспамятства.

— Мне плевать на богов и смертных, — сказал эльф. — Не плевать только на тех, кто дорог. Неужели все зря?

В его глазах был искренний вопрос: “Неужели я зря прошел такой долгий путь?”

— Эти несколько месяцев были словно целая жизнь по сравнению с тусклостью последних лет.

— Да, — кивнул Эридан. — Спасибо тебе. Я снова чувствовал себя живым.

Он снова взял бурдюк, сделал глоток, а когда опустил мех, по его венам пробежал всполох белого сияния. Эльф проследил за ним взглядом. Неужели все произойдет сейчас? Дзынь-Дзынь! Дзынь-Дзынь! — раздавалось из-под черной пластины нагрудника. Больше никакого мягкого стука, только хищный перезвон.

— Я хочу, чтобы ты жил дальше и, наконец-то, стал свободным, — сказала она, сглотнув подкативший к горлу комок.

— Наверное, я слишком хорош для этого мира.

Эридан улыбнулся, словно успокаивая ее. Сияние волной прокатилось по венам, наполнило светом глаза и волосы, заставив поморщиться от боли, и Кьяра не могла отвести взгляда от этого красивого и жестокого зрелища.

— Знаешь, меня так пугали те кошмары, — признался сияющий альбинос, — но сейчас я понял, что бояться стоило тебя. Ты здорово потрепала меня с двух ударов... Почему не убила?

— Не смогла. Был бы ты тем вредным паладином, как в день нашей встречи...

Но он не был тем паладином, а она не была уже той тифлингессой. Они проделали такой долгий путь и неуловимо изменились под влиянием произошедших событий и друг друга.

Эридан долго и внимательно посмотрел ей в глаза. В его взгляде не было страха, но теперь в нем не было и растерянности, только странная холодная решимость, превратившаяся в два сияющих провала.

— Знаешь, мне пришла в голову одна мысль, — сказал он.

— Да?

— Кинжал, который я подарил тебе... Он все еще у тебя?

Кьяра еще больше погрузилась.

— Это то, чего хотел твой дед, — тусклым голосом сказала она, но все-таки сняла с пояса кинжал.

Тот хищно блеснул в белом сиянии, льющемся от лица и ладоней эльфа. Зачарованная сталь, кровавик в рукояти... Красивая и почти бесполезная для чародейки вещица. Эридан осмотрел лезвие, и блик пробежал по идеально заточенной кромке.

— Он хотел, чтобы я убил себя... — ответил альбинос, расслабляя пряжки доспехов. — Может так и получится, но я хочу другого...

“Что он задумал?” — мелькнуло в голове тифлингессы, и в следующее мгновение она уже помогала ему снимать доспехи. Мелодичный звон становился все громче и громче. Латы с бряцаньем упали на пол, а следом полетел войлочный подлатник, камзол и рубашка. Белые вены исчертили уже все тело, эльф застонал от приступа боли, которую уже не мог сдерживать. Он сел у стены, упершись в нее спиной, и нацелился кинжалом в самый яркий всполох в груди, откуда тянулись сияющие нити. Круглая точка размером с небольшое яблоко, почти у самого сердца. Эридан несколько раз примерился и сделал вдох.

В этот самый момент звон окончательно оглушил Кьяру. В голове прозвучал приказ Керески: “Помешай ему”, - и девушка с ужасом осознала, что не в силах сопротивляться ему. Ринувшись вперед, она схватилась за рукоять, желая вырвать кинжал из рук эльфа, тот вздрогнул от неожиданности, лезвие отклонилось от цели. Чародейка уперлась в белобрысого ногами, прилагая все силы, но король был чудовищно силен. Лезвие аккуратно вошло в плоть, погружившись на четверть длины. Эридан поморщился от боли, по гладкой коже заструилась кровь. Несмотря на сопротивление чародейки, он медленно повел разрез вдоль грудины. Громкий то ли щелчок, то ли хруст, эльф закричал от боли, содрогаясь всем телом, а из раны хлынула кровь.

“Помешай ему!” — завопил голос Керески, и Кьяра беспомощно наблюдала, как ее руки пытаются выбить кинжал из цепкого захвата эладрина. Что-то продолжало хрустеть, эльф снова вскрикнул от боли. Повернув в ее сторону белые провалы глаз, он попросил:

— Доверься мне!

“Да, я хочу!” — отчаянно подумала тифлингесса, сопротивляясь оглушительному звону в ушах. Мощная божественная магия пронеслась сквозь нее, сминая последнее сопротивление, меняя её тело помимо воли. Дракон кинулся на Эридана, пытаясь когтистыми лапами выбить оружие, зубастая пасть сомкнулась на руке, оставляя рваные раны. Кинжал отлетел в сторону. В груди Эридана пульсировал кровью длинный провал, из которого било ослепительное сияние. Пальцы правой руки нырнули в него, и он снова закричал.

— Какая ты... вредная, — простонал он, не сводя глаз с дракона.

Звон в ушах превратился в болезненный набат, в котором Кьяра полностью утонула, остался только серебряный дракон. Тот кинулся на альбиноса, придавил своей тушей и выдохнул морозное облако в лицо короля, надеясь парализовать. Эльф закашлялся, тело перестало слушаться его так хорошо, как раньше, но он упрямо пытался нащупать в ране свое спасение, шевеля замороженными пальцами. За одно спасибо — от парализующего дыхания занемела и адская боль. Лишь бы успеть...

Откуда-то издалека, из-за сплошной стены звона Кьяра наблюдала, как Эридан корчится от боли под массивным чешуйчатым телом. Дракон обхватил пастью правую руку, потянул, вырывая из залитой кровью раны. Глаза эльфа расширились, что-то ярко вспыхнуло, мелькнув перед глазами дракона, взметнулись кровавые брызги.

БОМ! — оглушительный набат в голове Кьяры издал самый громкий и мучительный раскат, и она очнулась в луже натекающей крови, в своем истинном облике. Эльф лежал на полу, истерзанная драконом рука сжимала сверкающий меч с прозрачным лезвием и бело-голубой рукоятью. Альбинос разжал окровавленные пальцы, но клинок не упал, а растворился порывом серебристого ветра. Эридан счастливо рассмеялся и обмяк, распластавшись на окровавленном полу.

Скользя на мокрых каменных плитах, Кьяра подползла к эльфу. Страшная глубокая рана ощерилась обломками ребер, кровь продолжала бить из раны, но толчки уже были слабыми, затухающими. Кожа эльфа перестала сиять белым, остался лишь бледно-красный ореол, похожий на затухающий уголек. Кьяра достала из сумки моток марли, зажала рану, пытаясь остановить кровотечение. Пока бинты быстро набухали, она влила в рот эльфа лечашее зелье. От раны пошел дымок, запахло жженой кровью, но трещина не закрылась. Проклиная все на свете, девушка вытащила баночку волшебной мази и втерла в белую кожу.

— Эридан, пожалуйста, не умирай, — шептала она над ним, пока наносила один мазок за другим.

Трещина стянулась в слабо кровоточащий рубец. Ребра все еще были раздроблены, и кто знает, может и легкие были задеты во время отчаянной попытки Эридана вырезать что-то из себя. Тифлингесса приложила ухо к его груди. Звук дыхания и мягкий тихий стук сердца, без какого-либо звона стали. Он все еще был очень слаб, но жив, и от этого осознания внутри все переворачивалось. Нужно было найти Арума, все остальные зелья у него...

Словно прочитав ее мысли, в дверном проеме показался драконид, за ним вошли двое Селани. Они замерли, когда увидели распластанного на полу короля и кошмарную рану на его груди.

— Арум, у него ещё могут быть кровотечения. Потом все расскажу, — сказала Кьяра на драконьем, и жрец, отойдя от первой оторопи, кинулся накладывать лечашие заклинания.

Пока драконид штопал альбиноса, чародейка подобрала все артефакты и заботливо вытерла от крови кинжал. Какой же он оказался полезный!

После нескольких минут сосредоточенного колдовства Эридан открыл глаза, провел рукой по груди, заботливо залеченной Арумом и Кьярой, огляделся:

— Я жив? Вы меня видите?

— Да, — улыбнулась девушка, опустившись на колени рядом с ним.

— Что за дела? — заворчал Арум. — Нас не было меньше часа, а ты тут в луже крови, и ещё звон в голове.

Тифлингесса посмотрела на жреца. Тот так и не понял, что произошло, не осознал

божественного призыва. Какой же он иногда дурачок, но это хорошо. Вдвоем бы они скрутили белобрысого, подавили любое сопротивление...

— Насчёт звона не знаю, — ответил Эридан, — но и без этого было много неприятного... Но я почему-то не умер, — его лицо стало задумчивым — видимо, я оказался прав... Видимо, так и нужно было сделать...

Кьяра погладила его по голове, и тот расслабленно закрыл глаза, отдавшись теплой ласке. Сердце трепетало в груди от облегчения и щемящего счастья. Непонятно как, но они приняли этот бой и победили, вырвав победу из окровавленных рук судьбы. Отвоевали свой шанс на свободу и жизнь.

Пробыв на Лимбо чуть больше суток, они вернулись в Сеннальесс. Кьяра периодически прикладывала ухо к груди Эридана, словно опасаясь вновь услышать этот поганый звон, но стук сердца оставался все таким же мягким.

— А говорила, что знаешь, что у меня есть сердце, — улыбнулся он.

Экспедиция явно разочаровала Калара. Он ожидал получить ответы, преследуя какие-то свои неведомые цели, но Эридан сказал Кьяре молчать о том, что произошло в башне. Невозможно было рассказать о том, что произошло, не поставив под удар их обоих. Эридан не любил нарушать данное слово, но он не доверял Селани, их демоническому наследию и мотивам.

— Как мои крылья? Все так же сверкают? — спросила тифлингесса, повернувшись спиной к эльфу.

— Нет, не сверкают, — ответил он. — Кажется, ты разочаровала богиню. Ужас, правда? — и эльф тепло улыбнулся.

— Прекрасно знаешь, как я этому рада, — фыркнула Кьяра.

Она и правда была рада. Кереска забрала свой подарочек, как и власть над тифлингессой. Никакая сила не стоит того ужаса, что она пережила, когда рвала зубами Эридана.

После того, как немного отдохнули с дороги, тифлингесса пошла к Аруму, чтобы откровенно поговорить обо всем, что произошло. В комнате сильно пахло благовониями, и сам драконид выглядел голодным и уставшим. Его шкура была все такой же золотой. “Темпус не лишил его своей милости”, — подумала она.

— Здравствуй, Арум. Пришла тебе все рассказать...

Тифлингесса обстоятельно поведала ему обо всем, что произошло в башне и после нее. Когда она закончила свой рассказ, Арум ответил голосом, полным печали:

— Темпус сказал мне, что я не справился. Мне придется искупить свою вину. Я просил не говорить со стариком. Так и знал, что его слова посеют смуту.

Он с горечью покачал драконьей головой.

— Мы не могли не слушать, — объяснила чародейка. — Меня больше всего задело, когда он сказал, что ритуал против зимы не сработает. Что ингредиенты будут использованы те же, что и дляковки меча-души, но о ритуале рассказала карга, и меня стали терзать сомнения, что Аурил и Темпус заодно.

— Аурил и Темпус слишком разные, — бескомпромиссно отрезал драконид, — и я не поверю, что он позволил бы Аурил усилиться и медленно поглотить все вокруг, — он нахмурился, — Кьяра, я уверен, что вы просто попались на уловку. Мне следовало больше внимания уделять вашей вере.

— Этого мы, наверное, никогда не узнаем, — тихо ответила девушка. — Арум, что ты будешь делать дальше?

Несмотря на все, что произошло, она не злилась на жреца. Может быть он прав, и своими действиями они допустили невероятную катастрофу, а может мальчик заблуждался, растворяясь в собственной вере и принимая желаемое за действительное. В любом случае, драконид не был виноват, он сам был шахматной фигурой, управляемой невидимой рукой.

— Мне придется искупить вину перед Темпусом, — ответил драконид полным решительности голосом. — Я допустил катастрофу, так он сказал. Теперь я отправлюсь искать новые битвы.

Кьяра кивнула:

— Я знала, что тебе придется уйти. Спасибо за всё и прости, что подвела тебя.

— Берегите друг друга, — ответил Арум. — Раз уж катастрофа уже произошла, то остаётся только беречь друг друга.

Это были последние слова, которые сказал жрец Темпуса. К следующему утру он исчез из дворца, словно никогда и не приходил, и напоминанием о нем остались посох и жезл, оставленные на кровати, да легкий запах благовоний.

Глава 32. Его дама

Разрушенный дворец быстро восстановили, даже задетую пламенем часовню Темпуса, но Эридан перестал молиться. Иногда там пахло благовониями, кто-то зажигал свечи на алтаре, но не он. Предательство Владыки Битв стало глубоким ударом для эльфа, и он решил не расточать больше веры на богов, могучих тварей и существей, сулящих неопределенные блага.

Элледин с облегчением передал бразды правления Эридану, и альбинос ощутил укол разочарования. Он надеялся оставить трон золотистому и с чистой совестью уйти вместе с Кьярой, но это испытание оказалось непосильным для командира гвардии, несмотря на то, что между ним и Кифель явно проскочила искра. С такой женщиной, как Нилас, он мог бы закрепиться, но не пожелал такой жизни. После того, как Элледин отбыл в Утзаир, Кьяра сказала белобрысому:

— Придется тебе править.

Альбинос согласно кивнул:

— Пока не найду замену. Я надеюсь, что это ненадолго, до тех пор, пока кое-что не сделаю.

— Что?

— Остановлю эту зиму.

— У тебя есть план? — спросила она, заглянув ему в глаза. — Я готова помочь, чем смогу.

Ее горячее воодушевление заставило эльфа улыбнуться.

— Плана пока нет, — ответил он. — Придется поломать голову, но раз ключ ко всему — меч, то рано или поздно мы что-нибудь придумаем.

— Ты что-то достал из груди, я это видела, — аккуратно поинтересовалась чародейка. — Куда это делось?

— Это был меч, — глаза Эридана восхищенно блеснули. — Я вытащил собственную душу. Думал, что, когда отпущу его, он испарится, как если бы я умер... Но он все еще во мне.

Эльф потер грудь, даже сквозь ткань почувствовав глубокую трещину шрама. Из-за вмешательства Кьяры разрез получился рваный, но вскрытые реберные хрящи уже срослись.

— Я ещё не вполне понял, что произошло, почему я не умер, не стал мечом. Моя душа однозначно при мне. Может... Я не знаю... Может потому что я сам это сделал? Что если такая у него...настройка?

Идея была странной, но тифлингесса не стала отметать такую вероятность. В последнее время и так произошло слишком много того, что можно было бы назвать невероятным.

— Как минимум богам он бесполезен и, похоже, они оставили тебя в покое, и это просто замечательно, — заметила она.

— Я бы не стал так быстро сбрасывать их со счетов, — задумчиво ответил эльф. — У них есть все время мира и многочисленные верные их заветам последователи...

— Мне будет не хватать Арума, — с грустью сказала Кьяра.

— Мне тоже, — согласился альбинос. — Надеюсь, его вера принесет ему больше добра, чем мне, — он внимательно посмотрел на тифлингессу. — Что ж, это приключение закончилось. Что ты собираешься делать теперь?

— Не знаю, — она подошла к нему вплотную. — Есть предложения?

— Останься, — попросил эльф. — Без советника мне не обойтись. Кто будет меня защищать?

— Советник тебе точно нужен, — кивнула девушка, — но нормальный, из местных. И я больше не могучий дракон.

— Ты права, — согласился он. — Раз уж ты больше не дракон, а все эти придворные дела доконали тебя, может просто останешься со мной? Ненадолго. Лет на пятьдесят для начала.

— Уже лучше, — улыбнулась она, погладив его по лицу. — Но мне нужно вернуться на Фаерун, забрать Мышу. Можешь дать кого-нибудь в сопровождающие, чтобы настояли на снятии проклятия, если вдруг я забуду?

— Хорошо, — кивнул Эридан, — а я буду ждать твоего возвращения.

Кьяра приступила к подготовке к путешествию. Артефакты, зелья, комплекты для оказания помощи раненым. Пока готовилась, на всякий случай попыталась превратиться в дракона. Серебряная кровь вновь крепко уснула, и чародейка почувствовала облегчение с небольшой толикой грусти.

Эридан выделил в помощь Кьяре парочку смышленных молодых эльфов из гвардии: розоволосого Раертера и темноволосого Даеспара. У второго на смуглом лице отчетливо вырисовывалась белое круглое пятно вокруг глаза, и на пристальный взгляд тифлингессы он ответил, что подобная пятнистость — характерная особенность тех, кто с побережья. Эльфы не умели разговаривать на общем, но союзники одарили двумя зачарованными шлемами, с помощью которых они могли бы говорить на других языках. Не забыла чародейка и про Лиама, бывшего денщика Эридана. Толстяк пережил войну и работал поваром в крепости у врат. После победы он, как и многие другие, получил щедрое вознаграждение, и теперь готов был вернуться на материальный план, чтобы осуществить мечту — открыть свою таверну.

Подготовка заняла несколько дней. Вечером последнего дня Эридан позвнал Кьяру к себе:

— Хочу кое-что показать, только не пугайся.

Расшнуровав рубашку на груди, он впился пальцами в шрам, поморщился от боли и медленно вытянул что-то сияющее, словно вместо сердца у него — демиплан. Он взмахнул этим клинком, лезвие издало мелодичный перезвон, словно кромка хрустального бокала. Он посмотрел на Кьяру, в радужках пылало белое сияние.

— Он — это я, — сказал эльф, — и когда я держу его, вижу все иначе, — он повернулся вокруг своей оси, разглядывая помещение. — Я вижу нити повсюду, от существ и предметов. Я знаю, что это. Эти нити ведут к божествам, через них жрецы получают заклинания, а боги — энергию чистой веры, — он пристально посмотрел на Кьяру. — Я вижу такую от тебя к Тиморе. У меня была такая же, только к Темпусу, и я обрезал ее. Больше Владыка Бите ничего от меня не получит.

Кьяра зачарованно наблюдала за пляской сияющего меча в его руке. У нее не было причин не верить ему, хотя слова и звучали бредово, и на всякий случай попросила не трогать нить, связывающую ее с Тиморой, богиня много раз благосклонно улыбалась ей, спасая из передряг.

Утром, перед самым отъездом чародейка спросила, что привезти из материального плана. Сама она уже составила большой список разнообразных приборов, реагентов и артефактов, которые могли б понадобиться в дальнейшем.

— Толковых специалистов в разных областях, — сказал эльф после долгого раздумья. — Кто не побоится прийти сюда. Я буду рад новой крови.

— Это должны быть эльфы? — уточнила тифлингесса.

— Не обязательно. Я буду рад любой расе. Я немного изменил свое отношение.

Кьяра еще раз удивилась переменам, произошедшим с ним. Неужели перестал быть таким махровым расистом? Это не могло не радовать.

Когда все трое спутников были готовы к отбытию, Эридан обнял Кьяру и шепнул на ухо:

— Держи меня в курсе с помощью камня послания. Мало ли, сколько времени займет то, что ты планируешь... Мало ли, сколько пройдет времени здесь.

— Конечно, — кивнула она. — Не скучайте, Ваше Величество, постараюсь сильно не задерживаться.

— Береги себя, — шепнул эльф, поцеловал на прощание, и четверо путников переместились в другой мир.

На сей раз перемещение между планами поберегло разум тифлингессы, и ее память осталась нетронутой. Ничего не забыл и Лиам. Их окружали летние сумерки, и Кьяра обернувшись птицей, осмотрела окрестности. Этот тракт вел в Уотердип, тянущиеся вокруг поля и огоньки хуторов говорили о том, что до города осталось совсем немного, но на ночь придется остановиться в дороге. Удача снова была на стороне чародейки. Для того что она задумала ей нужен был именно такой крупный город.

Разбив лагерь в стороне от дороги, поужинав простой, но вкусной стряпней Лиама, они провели первую ночь под открытым небом. За месяцы жизни в Стране Фей Кьяра немного отвыкла от запахов и звуков материального плана и не сразу заснула, глядя на черное небо, усыпанное яркими огоньками. Звездное небо! В Сеннальессе был вечный закат, в Эйлеваре — непроглядная тьма, она и забыла, как прекрасны звезды.

Они продолжили путешествие с первыми лучами солнца, Кьяра превратила Даеспара в крылатого ящера. Эльфам все было ново, они ни разу не видели ночи, звезд, луны, рассвета, тифлингесса хорошо помнила свое знакомство с этим миром. Почти полетев к Уотердипу, они проделали остаток пути пешком. Кьяра под видом чужестранки аккуратно выспрашивала у прохожих последние новости, надеясь вычислить, сколько прошло времени, пока она была в Стране Фей. К удивлению не прошло ни дня с того момента, как она перешагнула через границу между мирами. Чудеса да и только. Месяцы, проведенные в Стране Фей, превратились в часы, и теперь Кьяра словно шагнула в прошлое.

Примерно в часе от города они сделали небольшой привал, и Кьяра мысленно позвала Мышку, надеясь, что ее сестрица еще жива. Слабый далекий сигнал вселил в ее душу радость, маленький зверек героически преодолевал расстояние между Даггерфордом и Невервинтером и только рад был изменить маршрут на точку поближе. Порадовавшись своему успеху, тифлингесса предложила Лиаму остаться в Уотердипе, осесть и открыть здесь таверну.

— Будет что рассказать потомкам, — ответил бывший денщик. — Жаль никто не поверит, что я служил королю фей. Да, решено, так и назову свою таверну: “Приют короля фей”.

Тифлингесса улыбнулась его простоте и нехитрой радости. Пальцы коснулись камня с руной, и потекли мысленные слова, обращенные в другой мир: “Я рядом с Уотердипом, и, кажется, время тут остановилось. Тут тот же год и месяц”. Почти тотчас пришел ответ,

заставив еще раз порадоваться: “Я уже начал серьезно переживать, что ты ничего не говоришь и не отвечаешь. Жду твой ответ больше недели. Рад, что все хорошо”. “У нас прошло полтора дня. Постараюсь решить вопросы побыстрее” — ответила Кьяра. Вот онс что, какие странные шутки играет время в Стране Фей. “Хорошо. Буду знать, чтобы зря не дёргаться. Удачи, огневушка” — ответил он, и на этом их нехитрый диалог завершился.

Они вошли в город глубоким вечером, заночевали в гостинице, а утром чародейка поспешила по делам. Для начала она зашла помолиться и оставить пожертвования в небольшой храм Тиморы, который двадцать с лишним лет назад был построен именно на ее деньги. Она оставила щедрые пожертвования.

После полумрака храма она направилась к башне архимага. Для того чтобы воскресить Эрту нужен был или жрец или волшебник, владеющий искусством самого высокого уровня. Она когда-то слышала об одном архимаге, живущем на окраине, но никогда не обращалась к нему, из предубеждения считая всех эльфов одинаково недалекоими, спесивыми и ограниченными тварями. Теперь ее взгляды на мир немного изменились.

Башня Риджарада Нефрита мало походила на место обитания лесного эльфа. Если не считать мха на внешних стенах, в ней не было ничего зеленого, как и присущей многим заклинателям эксцентричной вычурности и украшательства. С лестницы пахло реагентами и воском, молодой ученик проводил ее в кабинет для приемов с неудобной деревянной мебелью и крошечным столом. Маг явно не любил принимать гостей. Когда он вышел, скинув в руки ученику рабочую хламиду, Кьяре на секунду показалось, что он — статуя из дерева, таким однотонно смуглым он показался, а в темно-коричневых глазах светло-зеленые прожилки, за что его, наверное, и прозвали Нефритом. Эльф окинул ее спокойным взглядом, сел в деревянное кресло и сразу начал:

— Вы можете называть меня Нефритом. У многих возникают проблемы с произношением моего имени. А теперь слушаю вас...

“Какой деловой”, - подумала чародейка, радуясь, что не пришлось долго расшаркиваться перед ним.

— Мне требуется исполнение желаний, чтобы воскресить друга. Естественно, не бесплатно, назовите цену. А после, у меня будет к вам разговор о другом деле.

— Деньги мне не важны, — отмахнулся эльф. — Артефакты или знания — вот достойная плата за такое заклинание.

— Тогда могу предложить вам службу в качестве придворного мага у короля фей, — сразу решила раскрыть свои карты Кьяра. — Доступ к библиотеке, в том числе к древним текстам на старозельфийском и сильване, интересные задачи, для решения которых придется поломать голову и уж точно обрести знания.

Нефрит окинул ее недоверчивым взглядом:

— В стране фей правят архифеи. Титания, Оберон, Королева Воздуха и Тьмы. Это такая шутка, леди? Вы хотите пригласить меня ко двору... Оберона?

— Нет, — качнула головой девушка. — Время между Страной Фей и Фаеруном течет по-разному. Здесь может пройти пару дней, а в том мире несколько месяцев. Сейчас там правит один эладрин, а архифеи... Это ещё одна загадка, которую я предлагаю вам разгадать. Простите, больше рассказать ничего не могу...

Она вынула из сумки книгу и протянула волшебнику:

— В доказательство покажу вам это. Бестиарий Страны Фей.

Эльф с интересом принял фолиант, осмотрел магическим зрением.

— Подождите здесь, — сказал он и вышел на несколько минут в смежное помещение.

Вернувшись пропахший дымом, он подтвердил слова девушки:

— Да, это материя плана фей. Очевидно, что вы бывали там или знаете того, кто бывал.

Простите мою подозрительность, ваши слова звучат невероятно, но мне любопытно. Пожалуй, я согласен оказать вам услугу. Здесь все равно ужасно скучно.

Чародейка не ожидала, что он так быстро согласится. Нефрит был легок на подъем, желал новых открытий, и сама по себе отправка в Страну Фей интриговала его. Магу требовалось время на сборы, а Кьяре — на покупки, поэтому они условились об отправлении послезавтра.

Остаток дня тифлингесса занималась собственными делами, ходила по ювелирным и магическим лавкам. Молодые гвардейцы всюду следовали за ней, зорко наблюдая за окружением, однако по их лицам было видно, что в таком огромном городе они впервые, и такие немыслимые толпы народа наводили на них легкую панику. Кьяра же наоборот наслаждалась этим шумом и толкотней на рынках, словно дорвавшийся до вина пропойца, однако пойло оставляло послевкусие легкой грусти. Да, она так долго рвалась в этот мир, скучала по его простым радостям, и вот, наконец, долгожданный момент настал, но в мыслях у нее совсем другое — как бы поскорей вернуться к своему эльфу.

Вечером в гостинице, за кружкой вина, она потихоньку расспрашивала эльфов об их прошлом до гвардии. Даеспар поведал о нехитрой жизни на побережье, как ходил под парусом вместе с отцом, а Раертер оказался из семьи лесничих, поэтому в лесу ориентируется как дома. Эладрины в свою очередь завалили тифлингессу вопросами о природе, обычаях, народе, смене сезонов. Их любопытство и открытость вызывали у девушки умиление и симпатию.

На следующий день Кьяра воспользовалась дорогостоящей магической почтой, чтобы отправить два письма в Невервинтер для Малики и Сайласа, приложив к ним серебряные драгоценности из сокровищницы и приличную сумму золотом, на свадьбу дочери. Она могла бы сделать небольшой крюк и проведать их самостоятельно, потратив еще несколько дней на дорогу, но решила заглянуть к ним в другой раз. Ей не хотелось задерживать на Фаеруне. За каждый потраченный день в Стране Фей проходила неделя. Вспомнив об этом, она связалась с Эриданом, просто чтобы узнать, как его дела и сообщить, что вернется через две-три недели по его времени. Остаток дня она потратила на охоту за интересными артефактами, ингредиентами и приборами, необходимыми для алхимии.

На следующее утро на город упал густой приморский туман и такая дикая влажность, что одеяла и простыни покрылись холодной росой. Кьяре было тошно, словно она выпила бочку дрянного вина, и вдобавок ко всему хотелось набить кому-нибудь лицо. Под раздачу попал несчастный Раертер, слишком лучезарный для такого поганого утра.

Кое-как позавтракав, ближе к обеду тифлингесса отправила за очередными покупками. Сегодняшний улов был не очень богатым, но чародейка не смогла пройти мимо кольца с головой барана, сразу подумала о белобрысом и купила в подарок.

Ближе к вечеру они выдвинулись в дорогу, по пути подобрав волшебника. Эладрины с интересом смотрели, как сундук Нефрита топает сам, передвигая маленькими деревянными ножками. После небольшого знакомства всех со всеми, Кьяра объяснила, что, выйдя за город, они полетят на кетцалькоатле, чтобы подобрать по пути мышку, а после совершат переход в Страну Фей.

— Могу превратить кого-нибудь, — прокомментировал план Риджард, — но сам не

превращаюсь, у меня дикая аллергия на магию трансформации.

Превратив одного из эльфов в летающего ящера, они отправились в путь и примерно через три часа полета подобрали бедную Мышку. Та не успела толком ни испугаться, ни соскучиться по Кьяре, зато тифлингесса тискала и щекотала зверька, которого так долго не видела. “Эридан, мы возвращаемся. Как у вас?” — спросила она, воспользовавшись камнем послания, когда они опустились на землю. На этот раз эльф не ответил. Может быть спал? Появилась предательская мысль, что Эридан завел себе эльфийскую любовницу и занят сейчас постельными утехами. Эта мысль была болезненной, тифлингесса поспешила прогнать ее. Сосредоточившись на заклинании, она перенесла всех их обратно в Сеннальесс.

Портал привел их на площадку с подъемником, почти сразу же их обступили дозорные, но быстро сделали шаг назад, распознав Кьяру и пару своих сослуживцев. Тихо, ни звука из кузни Неоира, а значит время отдыха, аналогичное фаерунской ночи. Навстречу им вышла богато одетая дама с фиолетовыми волосами.

— Добрый вечер, господа, — сказала она, сделав изящный реверанс. — Меня зовут Джарсаль и я дворецкая. Господин, — она повернулась к магу, — позвольте мне позаботиться о вашем комфорте, — она повернулась к чародейке. — Леди Кьяра, вы чего-нибудь желаете? Подготовить вашу комнату?

Подивившись приткности и осведомленности эльфийки, Кьяра вежливо отказалась, а затем обратилась к Нефриту:

— Мы прибыли поздно. Сегодня располагайтесь в комнате, отдохните. Все дела завтра.

Риджарад, не скрывающий своего обомлевшего вида, только растерянно кивнул в ответ. Кьяра посмотрела, как дворецкая уводит его в покои, и направилась на королевский уровень. Ее все еще гложил смутные беспокойства. Дойдя до спальни, притормозила в проеме и улыбнулась. Эридан спал, не снимая одежды и уткнувшись в подушку лицом, одеяло слегка колыхалось от его спокойного дыхания.

— Эридан, я вернулась! — радостно сказала девушка, и эльф мгновенно встрепенулся, подняв взлохмаченную голову. Недоумение на лице сменилось радостью.

— Кьяра! — воскликнул он, поднимаясь с кровати. — Если бы знал, то встретил бы.

Вскочив с кровати, альбинос заключил тифлингессу в объятия, и та расслабленно уткнулась лицом в его грудь. Любые тревоги сняло как рукой.

— Я пыталась сообщить, но ты видимо спал, — пробормотала она, прикрыв глаза от удовольствия. — Соскучился?

— Тебя не было почти месяц, — он вздохнул ей в макушку. — Конечно, я соскучился... Весь свой пыл посвятил работе. А ты? Удачная была поездка?

Они присели на кровать, и чародейка быстро пересказала, чем занималась несколько дней на Фаеруне.

— Кстати, привезла тебе подарок! — Кьяра протянула ему перстень с бараньей головой.

— Какая ты вредная! — ответил эльф, но глаза его светились от удовольствия, и кольцо, быстро оказалось на пальце.

Мышка высунулась из ее капюшона и внимательно посмотрела на Эридана, шевеля усиками.

— Эээ... Здравствуй, — сказал белобрысый зверьку и перевел взгляд на девушку. — Вижу, мышку ты нашла, и она вполне здорова. Устала? Ели?

— Устала, — кивнула Кьяра, — соскучилась по твоему бассейну, ну и немного по тебе.

А поесть я всегда готова.

— Вот как, — наигранно возмутился король. — Бассейн тебе дороже меня? Сейчас скажу, чтобы принесли что-нибудь поесть, а ты можешь воссоединиться с возлюбленным.

Он вышел из комнаты, и девушка, смеясь, кинула ему вслед:

— Конечно, я с тобой только из-за него!

Теплая вода быстро смыла грязь и запахи последних нескольких дней. Мышка с удивлением наблюдала, как хозяйка плещется в бассейне, словно на ее глазах свершалось самое большое святотатство мышино мира. Быстро обсохнув с помощью магии, Кьяра завернулась в полотенце и поспешила в спальню. Там уже ждал импровизированный ужин. Немного мяса, фрукты и кувшин вина.

— Не знал, чего ты хочешь и что ест мышка... — объяснил Эридан, разливая вино по кубкам, — но от вина ты точно не откажешься.

— Нет, не хочу вина, — помотала головой тифлингесса, прижавшись к альбиносу, — хочу к тебе поближе.

— Ты не хочешь вина? — удивленно спросил он, погладив по плечу. — Ты здорова?

Вместо ответа она улыбнулась и припала к его губам, проведя когтями по рубашке.

— Бассейн будет ревновать, — шепнул эльф, мгновенно забыв про усталость.

Одежда упала на пол, эльф и тифлингесса занялись любовью, и накрытый для ужина стол остался на растерзание Мыши, счастливо взгромоздившейся на самый большой кусок мяса.

Рано утром Эридан распорядился о завтраке вместе с архимагом. В тронном зале накрыли маленький столик с нехитрыми утренними кушаньями. Лесной эльф удивился, когда к нему спустился альбинос в расшнурованной рубашке с закатанными по локоть рукавами. На руках и груди — многочисленные шрамы от ранений, никаких украшений, не считая парочки колец и простого медальона в виде сферы. Ни короны, ни каких-либо других регалий. Следом спустилась Кьяра, одетая в неброское платье.

— Доброе утро, господин маг, — сказал этот альбинос, протянув ему ладонь.

Замешкавшись, маг пожал мозолистую руку.

— Я — Эридан Аманес Эйлевар, и я Летний Король, — продолжил белобрысый присаживаясь в кресло. — Понимаю ваше удивление. В Стране Фей произошла смена власти, и на троне сейчас я. Моя дама сказала, что у вас много вопросов, и я, конечно, отвечу, но хочу сразу сказать — да, я обычный эльф и нет, я не аватар чистого зла...

Наблюдая за разговором остроухих, Кьяра невольно улыбнулась, услышав свой новый титул. “Его дама”. Меньше, чем жена, но больше чем наложница, *любимая женщина*. Она могла бы остаться на Фаеруне, куда так стремилась, но предпочла вернуться к *своему* эльфу. Это ли не доказательство искренних чувств? Новая веха в жизни походила на резкий поворот на петляющей дороге. Путь был долгим и тернистым, впереди — неопределенность, но страха не было, потому что она была не одна.

Немного помедлив, Кьяра присоединилась к завтраку эльфов. Рука Эридана накрыла её ладонь, ласково сжав ее пальцы, и в этом жесте было больше нежности, чем в любых словах. “Будь что будет”, — подумала тифлингесса, отдавшись на волю удаче и шагнув за поворот, полный неизвестности.

Больше книг на сайте - Knigoed.net